**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2018

Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность

Международная научная конференция

Часть вторая

Санкт-Петербург
2019

УДК 328; 94(4)
ББК 67.400.6
Т 13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета международной научной конференции

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора РГПУ им. А.И. Герцена,
члена научно-методического совета
Центра истории парламентаризма
А.Б. Николаева

Рецензенты: Н.Н. Смирнов, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Истории революций и общественного движения России СПб ИИ РАН; А.С. Пученков, доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ.

Т 13

Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г. : Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. — СПб.: Астерион, 2019. — Ч. 2. — 308 с.

ISBN 978-5-00045-796-2
ISBN 978-5-00045-798-6 (Часть 2)

ББК 67.400.6

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
Государств — участников СНГ, 2019

ISBN 978-5-00045-796-2
ISBN 978-5-00045-798-6 (Часть 2)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИБЕРАЛЫ О ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ДИСКУССИЯ

А.А. Иванов 7
А.А. ИВАНОВ — ПЕРВЫЙ ВОПРОС 8
Д.В. Аронов 8
Ф.А. Гайда 10
И.В. Омельянчук 12
Ф.А. Селезнев 13
К.А. Соловьев 14
С.В. Холяев 16
А.А. ИВАНОВ — ВТОРОЙ ВОПРОС 17
Д.В. Аронов 18
Ф.А. Гайда 20
И.В. Омельянчук 21
Ф.А. Селезнев 23
К.А. Соловьев 24
С.В. Холяев 26
А.А. ИВАНОВ — ТРЕТИЙ ВОПРОС 27
Д.В. Аронов 28
Ф.А. Гайда 30
И.В. Омельянчук 32
Ф.А. Селезнев 34
К.А. Соловьев 35
С.В. Холяев 36
ВОПРОСЫ ИЗ ЗАЛА 37
Вопрос: Р.Я. Юрковский 37
Ф.А. Гайда 38
Вопрос: Н.В. Ростиславлева 38
К.А. Соловьев 38

Вопрос: Д.И. Стогов 39
Ф.А. Селезнев 39
А.А. Иванов 40

А.И. ГУЧКОВ — «ВЕЛИКИЙ МАГИСТР РЕВОЛЮЦИИ»?

СЕНИН А.С. А.И. Гучков и Февральская революция 41
СЕДОВА Я.А. Роль А.И. Гучкова в подготовке Февральской революции 48
КОЗОДОЙ В.И. Александр Гучков в Феврале 1917 года 53
КУЛИКОВ С.В. Александр Гучков и судьба российского парламентаризма 60
ХОЛЯЕВ С.В. Чужой среди своих 67

ДИСКУССИЯ

А.Б. Николаев 72
А.С. Сенин 73
Я.А. Седова 76
В.И. Козодой 78
С.В. ХОЛЯЕВ 85
С.В. Куликов 88
ВОПРОСЫ ИЗ ЗАЛА 90
Вопрос: Д.Е. Труш 90
С.В. Куликов 91
Вопрос: Ф.А. Селезнев 91
В.И. Козодой 91
Вопрос: А.А. Стерликова 92
С.В. Холяев 92
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ 93
А.С. Сенин 93
Я.А. Седова 93
В.И. Козодой 93
С.В. Холяев 94
С.В. Куликов 95
А.Б. Николаев 95

БИОГРАФИКА

СМИРНОВА Е.А. Профессора высшей школы Санкт-Петербурга (Петрограда) в Государственной думе Российской империи 96

МАРОВ М.Н. Депутат III Государственной думы А.М. Колюбакин: к 150-летию со дня рождения 104

СОКОЛОВ А.С. Депутат III Государственной думы М.Н. Бардыгин на службе России (до 1917 г. и после) 111

ЛАВРИНОВИЧ Д.С. Депутаты от Витебской губернии в III Государственной думе: социальные и политические характеристики 115

СТОГОВ Д.И. «Мозг» фракции правых: член Государственной думы Г.Г. Замысловский 124

БОКАРЕВА Л.С. Участие В.П. Шеина в работе комиссии по делам Православной церкви IV Государственной думы 130

РАТЬКОВСКИЙ И.С. Послеоктябрьский заговор 1917 года В.М. Пуришкевича 137

БЕСЕДИНА Е.А., БУРКОВА Т.В. Парламентарии Российской империи — герои коммеморации конца XX — начала XXI в. 143

ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: ОТ ВЫБОРОВ ДО РОСПУСКА

КАЛАШНИКОВ В.В. Учредительное собрание как историографическая проблема 151

АКУЛЬШИН П.В. Выборы в Учредительное собрание и политическая борьба в губерниях Центральной России в 1917–1920 гг. (на материалах Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний) 161

ЧЕМАКИН А.А. «Желаю государя Михаила Александровича…»: внепартийный блок русских избирателей Киевской губернии и выборы во Всероссийское Учредительное собрание 171

СЕЛЕЗНЕВ Ф.А. Разгон Учредительного собрания: внешнеполитический аспект 178

КАРПЕНКО К.В. Легальность и легитимность Учредительного собрания 1918 г. 189

ХОЛЯЕВ С.В. Могло ли Учредительное собрание вывести Россию из кризиса? 197

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В СТРАНАХ СНГ

МАЛХОЗОВА Ф.В. Верховный Совет РСФСР и местные Советы народных депутатов в период «августовского путча» 1991 г. 202

СКОКОВА Т.В. Освещение «Независимой газетой» деятельности российского парламента во время Конституционного кризиса 1992–1993 гг. 214

ТАРАСОВА Е.А. Осень 1993 года в политической истории современной России: причины и участники противостояния 221

УЗЛОВА И.В. Проблема общественного согласия в деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого созыва 230

СТЕРЛИКОВА А.А., ГАЛАЙ К.П. Влияние политической рекламы на молодежь на примере выборов в Государственную Думу в 2016 г. 237

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

ЖОЛУДОВ М.В. Парламентский кризис 1830 года в Великобритании 245

БУГАШЕВ С.И. Чарльз Стюарт Парнелл — «некоронованный король» Ирландии, создатель Ирландской парламентской партии 252

НАУМЕНКОВА Е.О. Переоценка влияния закона о коррупции 1883 г. в Великобритании 260

ПОРТНЯГИН Д.И. Проблема независимости Индии в политике лейбористского правительства К. Эттли в 1945–1947 гг. (по материалам Британского национального архива и дебатов в Палате общин британского парламента) 268

БОЧКАРЕВ С.В. Влияние политико-правовых идей Э. Лабулэ на формирование французского парламентаризма последней трети XIX в. (на примере проекта Конституции 1872 г.) 275

ВЛАСОВ Н.А. Парламентский контроль над зарубежными миссиями бундесвера 280

ПЕТЕЛИН Б.В., СТЕПАНОВ Г.В. Ангела Меркель: факторы политического долголетия 286

КАТКОВА Е.П. Преимущества и недостатки парламентской системы современной Боснии и Герцеговины 294

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 300

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР 305

ЛИБЕРАЛЫ О ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ДИСКУССИЯ

Модератор — Андрей Александрович Иванов

А.А. ИВАНОВ

Здравствуйте, уважаемые коллеги!

Сейчас у нас по регламенту начинается дискуссия, посвященная достаточно интересной и животрепещущей теме «Либералы о переустройстве Российской империи: теория и практика». И в ходе этой дискуссии мы попытаемся затронуть несколько достаточно объемных вопросов, которые как волновали депутатов Государственной думы Российской империи, так и продолжают волновать и наших современников, не утрачивая своей актуальности и современности.

И сегодня обсудить эти вопросы за нашим круглым столом собрались известные исследователи, которые кто в большей, кто в меньшей степени занимались проблемами российского либерализма.

Это Дмитрий Владимирович Аронов, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории правовых учений Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

Это Федор Александрович Гайда, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России XIX — начала XX века Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Это Игорь Владимирович Омельянчук, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, археологии и краеведения Владимирского государственного университета.

Это Федор Александрович Селезнев, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Это Кирилл Андреевич Соловьев, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

И это Сергей Владимирович Холяев, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Ярославского государственного технического университета.

А.А. ИВАНОВ — ПЕРВЫЙ ВОПРОС

И первый вопрос, который бы мне как модератору хотелось бы задать уважаемым экспертам, знатокам этого вопроса, звучит так: можно ли говорить об особом русском либерализме?

Дело в том, что когда выходила в свет в известном издательстве «Российская политическая энциклопедия» — многотомное издание книг, так получилось, что книга, посвященная консерватизму, получила название «Русский консерватизм», а издание, посвященное либерализму, — «Российский либерализм». Наверное, в этом даже была какая-то промыслительность, потому что консерватизм, какими бы истоками он ни питался, практически всегда обретает некие национальные, почвеннические черты, либерализм же обычно претендует на некую всеобщность, универсальность. Поэтому в данном случае название «российский» как бы говорило о его территориальной принадлежности, а не столько, может быть, традиционно духовной.

И вот, задавая этот вопрос, можно ли говорить об особом русском либерализме, мне бы хотелось также, чтобы уважаемые коллеги обратили внимание и на такие подвопросы: либерализм в России — это явление самобытное или подражательное; каковы характерные черты именно российского либерализма, отличающие его от либерализма европейского; соответственно, какая, на ваш взгляд, формулировка академическая была бы точнее — либерализм все-таки русский или российский?

Пожалуйста, кто хотел бы первым взять слово?

Д.В. АРОНОВ

Ну, выбор докладчиков, выступающих по алфавиту, наверное, не самая продуктивная вещь, но, переходя к тематике круглого стола, мы во многом возвращаемся к тем идеям, которые высказал мой учитель Валентин Валентинович Шелохаев еще в середине 90-х годов прошлого века относительно существования модели, прежде всего либеральной модели, переустройства России вообще как таковой. И тут я благодарен «Таврическим чтениям» вообще и их организаторам, прежде всего в научной части, что мы можем поднимать здесь разные вопросы. Но вот уже вторые чтения подряд я в принципе призываю всех нас, участников, в той или иной мере, насколько кто, конечно, склонен, обратиться к такому моменту, как методология. Я не призываю к тому, чтобы выработать какую-то единственно верную, этот этап мы уже проходили, спасибо, хватит, не бывает единственного верного метода изучения чего-то. Но наука — это все-таки, когда мы говорим на одном языке, не напоминаю Булгакова: «Мы говорим с тобой об одном и том же, хотя называем эти вещи разными именами. Мы говорим с тобой на разных языках, как всегда, но вещи, о которых мы говорим, от этого не меняются».

На мой взгляд, первый вопрос, — если уж говорить о российском и русском, — здесь во многом это, в общем-то, игра слов, о которых

мы договорились. Ну, под русским принято понимать то, что имеет отношение к титульной нации, то, что имеет отношение сугубо к ней, и, на мой взгляд, не более того. И поэтому, говоря о консерватизме, я думаю, тут все-таки больше попытка названием обозначить уход действительно в некое почвенничество, ибо консерватизм имеет к этому склонность. Что же касается либерализма, то моя точка зрения состоит в том, что либерализм, конечно, был российским.

В июне этого года в Высшей школе экономики под председательством Ясина прошел известный круглый стол Российского либерального фонда, где обсуждались, по сути, вопросы, вынесенные сегодня в нашу дискуссию. И, в общем-то, вопрос перешел на уровень, скажем так, частно-исследовательского формата, в рамках которого мы уже говорили о том, что такое есть либеральный «символ веры», который мы используем в качестве некоего такого шаблона, образца, критерия (можно назвать это по-разному, смысл, на мой взгляд, особо не изменится); и уже вот к этому выработанному (ну, примерно все-таки, очевидно, надо говорить о последней трети XIX века) теоретическому посылу мы можем прикладывать то, что мы все изучаем, применительно к России рубежа XIX — начала XX века, и в зависимости от степени совпадения, выявленной нами, или, напротив, выявленных различий мы уже как исследователи можем прийти к какому-то определенному выводу, чтобы занять конкретную позицию.

Ну, и вот (я уж, извините, на правах рекламы пятнадцать секунд — вот уже десятый раз в этом году прошли у нас в Орле) в рамках «Муромцевских чтений» мы, в частности, смотрели этот вопрос — развитие российского либерализма. И в этом году один из юбилеев российской, не русской, российской все-таки культуры — это 200-летие Тургенева. Вот Тургенев — это русский или российский писатель? Я не думаю, что здесь будут какие-то сильные противоречия. Тургенев, конечно же, писатель русский по духу, но нельзя говорить о том, что Тургенев чужд российской культуре, в том числе, уж если на то пошло, французской культуре, он даже не гурман, а гурмэ, с известной разницей наполнения этих терминов. Поэтому здесь я думаю, что вот в плане этого юбилея методологически можно подходить к тому, что, конечно, либерализм у нас российский.

Насколько он носит подражательный характер? Ну, вы знаете, все, что возникло позже, извините, что возвращаю к старику Вильгельму Фридриху Гегелю, несет в себе черты прошлого. И с этой точки зрения опять же, на мой взгляд, вполне рабочий и реальный методологически прием: мы берем то, что было до, и сравниваем его с российским — то, что было у нас, и в зависимости от выявленной разницы — тут трудно установить процент: например, 68 процентов заимствования, это оригинально или нет? А 71? Опять мы сведем этот спор к детскому спору в песочнице: «Один — это куча? Нет, не куча. Два — это куча?» И так далее. На мой взгляд, если говорить опять же о своей точке зрения, потому что в методологию уходить у нас нет времени, ведущий очень четко определил регламент, за что мы ему все благодарны, по крайней мере, мы с Федором Александровичем, я могу сказать следующее.

Вот опять же на дискуссии в Высшей школе экономики, когда имел честь выступать, я добавил еще один элемент в доктрину либерализма как такового, за что был нещадно критикуем, в том числе и моим любимым учителем. Мы все знаем, что либерализм держится на нескольких базовых постулатах: это права человека — «либерте, эгалите, фратерните», и это частная собственность. Это вот базовые постулаты либерализма, без них либерала нет. Вот почему я всегда очень осторожно отношусь, в том числе, и к докладам, которые прозвучат на нынешних «Таврических чтениях», когда октябристов записывают в либералы. В том числе и Валентин Валентинович Шелохаев держится этой точки зрения. Я не понимаю, как либералом может быть представитель партии, отрицающей равные права разных народов. Ну, конкретно черта оседлости, так уж, попроще чтобы было.

Я вот счел возможным добавить еще одну сущностную черту либерализма, за которую, еще раз повторяю, был нещадно критикуем, в том числе и своим любимым учителем: это отрицание, причем отрицание априорное, насильственных методов социального конструирования. Я подчеркиваю, не насилия как такового вообще, «всякая революция только тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться», надеюсь, автора цитаты не надо называть, и всякий либерализм чего-то стоит только в одном случае — если он умеет защищаться. Но вот именно теоретическое проектирование, именно вот методы социального конструирования ненасильственные, на мой взгляд, это как раз особенная черта того либерализма, который сформировался в России именно в начале XX века.

Соответственно, вот личное мое мнение: либерализм российский; он, несомненно, оригинальный с точки зрения а) теории, б) наличия у него самостоятельной модели реформирования общества, и он имеет еще и сугубо русские корни. Я не случайно упомянул Тургенева, как вот Алексей Алексеевич Кара-Мурза, большой любитель его творчества, политического, прежде всего, творчества Ивана Сергеевича, относит его, в том числе салоны, где он участвовал, вот именно к тем самостоятельным, уж извините, почвенническим корням российского либерализма.

Спасибо.

А.А. Иванов: Спасибо большое, Дмитрий Владимирович. Достаточно исчерпывающе, емко и коротко изложили свою мысль.

Мне хотелось бы, продолжая разговор по тому же вопросу, дать слово Федору Александровичу Гайде, который критиковал российских либералов в своих работах за некоторые взгляды и позиции и, возможно, предложит несколько иной взгляд на те вопросы, которые были вынесены в рамках нашей дискуссии.

Ф.А. ГАЙДА

Все делается, конечно, от большой любви. Но, как бы то ни было, конечно, русский либерализм самобытен, и он не может не быть самобытен, потому что, во-первых, он прошел проверку временем: как бы то ни было,

как бы он ни менялся, но ему уже примерно лет двести минимум, а подражательность двести лет, наверное, все-таки не существует, а если и существует, то становится самобытной подражательностью. Как, например, японцы — культура, которая постоянно занимается подражанием, при этом является абсолютно самобытной, и эта подражательность является частью их великой культуры.

Характерные черты русского либерализма, на мой взгляд, все-таки заключаются в том, что он, несмотря на то, что сказал Дмитрий Владимирович, принципиально разделен как бы на два течения, то есть умеренные либералы очень не похожи на либералов радикальных. Для умеренных либералов что главным является? В конечном счете, они будут говорить о совершенствовании личности и создании необходимых условий для этого совершенствования, будут видеть необходимые реформы для того, чтобы как раз вот это совершенствование обеспечить. В этом смысле я не хочу сказать, что октябристы хорошо вписываются в то, что я говорю, я скорее говорю о русском либерализме XIX века. Вот этот русский либерализм XIX века, он будет более умеренным, чем классический европейский либерализм. А с другой стороны, русский радикальный либерализм, он будет более левым, чем классический западный либерализм. И русские либералы кадетского толка, они не всегда приветствовали то, что их называли либералами, они иногда протестовали против этого, все-таки просто по самому названию видно, что этим людям больше нравилась такая ценность, как демократия. Хотя понятно: мы знаем понятие «либеральная демократия», само собой разумеется, но тем не менее все-таки вот демократия, причем с серьезным социальным оттенком, это как раз их идеология.

Я не вижу, честно говоря, большой проблемы в том, чтобы называть русский либерализм русским. Собственно говоря, с петровских времен русский и российский — это синонимы, русские и россияне — это синонимы. Соответственно, в начале XX века здесь никто не ставил никакой проблемы использования этих терминов, а разделение произошло в эмигрантский период, собственно говоря. Насколько мне известно, там первый, кто сказал, что Россия не для русских, а для россиян, это был Кутепов в 1929 году в эмиграции. Ну, и, соответственно, это разделение потом перекочевало в нашу современность, в Российскую Федерацию. Наверное, чисто терминологически было бы правильнее говорить «российский либерализм», но по старинке можно говорить «русский» еще и потому, что когда мы говорим «русский либерализм», мы имеем в виду, что это как раз тот русский, который на всю Россию распространяется, то есть мы включаем сюда, естественно, все народы, в России проживавшие и тогда, и сейчас, а тогда больше было, как известно.

Я бы все-таки октябристов записывал в либералы, и в этом смысле я за Валентина Валентиновича. Да, у них была специфика определенная во взглядах на национальный вопрос, но, с другой стороны, если взять английских либералов начала XX века и их отношение к ирландцам посмотреть, или их отношение к неграм, или к кому-нибудь еще, там, конечно, вот этот расизм будет выражен гораздо больше, чем в российской специфике.

Не вижу смысла не говорить о правительственном либерализме, не буду сейчас распространяться, но, по-моему, он тоже присутствовал. Русские либералы находили компромиссы с властями, когда им нужно было это, а когда не нужно было — не находили. В 1917 году радикальные либералы легко стали, скажем…

(Реплика — не слышно.) Да, хорошо, тогда я закончу.

А.А. Иванов: Спасибо, Федор Александрович. Позицию вашу мы услышали. Она интересно дополнила предшествовавшего оратора.

Итак, у нас получается, что слово переходит к Игорю Владимировичу Омельянчуку, историку, который занимался противниками российских либералов — черносотенцами, и, возможно, исходя из этого, он представит какой-то новой взгляд на вопрос, который мы сегодня обсуждаем.

И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК

Ну, скорее хорошо забытое старое, что больше соответствует духу консерватизма. Но прошу не отождествлять меня с предметом моего исследования.

Итак, что касается либерализма. Я хотел бы вернуться к выступлению Дмитрия Владимировича. Он своей парадигмой выбрал лозунг французской революции — «либерте, эгалите, фратерните». Но я думаю, что это не совсем правильно, во всяком случае «равенство» и «братство» для либералов понятия далеко не обязательные. Я бы триаду либеральную сформулировал несколько иначе: «жизнь, свобода и частная собственность». И вот здесь вот мы выходим на последний пункт — на собственность, точнее на частную собственность. Либерализм возник как протест собственников, имеющих доминирование в экономической сфере, против тех, кто собственности имеет меньше, но доминирует в политической сфере, то есть против феодалов. Либерализм — это идеология собственников, в конце концов.

Посмотрим на Россию. Ну, я возьму свой любимый период — начало XX века. У нас 80 процентов крестьян, большинство из них общинники, не имеющие земли в собственности. Не говорю уже про пролетариев и других. То есть у нас собственников 10 процентов. И как может быть укоренена идеология либерализма в государстве, где собственность не просто отсутствует, она крестьянами не признается? Вы помните, что требования крестьян были далеко не землю в собственность, а землю в вечное пользование. Они были противниками собственности.

И, наконец, о самобытности и подражательности русского либерализма. Согласитесь, что либерализм западный возник гораздо раньше. И, соответственно, русские либералы, в общем-то, пытались, как выразился один из консерваторов, пересадить западные померанцевые деревья в наши оренбургские степи. Они были несколько оторваны, на мой взгляд, от реальной ситуации, они брали идеи, которые они почерпнули из разных источников близкой им по духу западноевропейской культуры, а пытались укоренить их в стране, где к этому не было готово большинство населения. Я здесь обращусь к словам мадам

де Сталь. Если не ошибаюсь, именно она после Французской революции сказала, что республика во Франции была введена лет на пятьдесят раньше, чем к ней были готовы умы. И вот у русских либералов это вот движение впереди лошади (или впереди паровоза) явственно замечается. Они навязывали русскому обществу идеи, которые даже не ими выстраданы, а ими только переварены. Я не буду отрицать, что русский либерализм имеет свою специфику, но именно специфику переваривания или, если хотите, отражения, чужих западных идей.

И последнее: «русский» и «российский» — я тоже против этого противопоставления. Оно в XX веке появилось, когда стало стыдно говорить слово «русский», в период Бориса Николаевича Ельцина, и тогда появились «российский», «россияне». Мне кажется, что это в значительной степени синонимы. Если говорить об отечественном либерализме, то, безусловно, в нем были представители разных культур. Ну, взять того же Кистяковского, который потом в 1918 году демонстрировал свою «украинскость». Поэтому я полагаю, что эта проблема — противопоставление «русского» «российскому» — в то время несколько надумана.

Благодарю.

А.А. Иванов: Спасибо, Игорь Владимирович. Но здесь речь, наверное, шла не о противопоставлении, а о том, какая формулировка сегодня может быть признана более точной. Спасибо.

И я передаю слово Федору Александровичу Селезневу, историку, который давно занимается исследованием одной из самых известных либеральных российских партий — конституционно-демократической, высказывая о ней и ее деятельности весьма оригинальные мысли и ставя вопрос, является ли она действительно партией либеральной.

Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ

Спасибо, Андрей Александрович, спасибо, коллеги.

Дмитрий Владимирович уже задал тон нашей действительно содержательной дискуссии, он выделил ключевые черты либерализма: это приверженность правам человека и свободе личности, с одной стороны, а с другой стороны, приверженность принципу неприкосновенности частной собственности. И Игорь Владимирович продолжил также эту мысль. На мой взгляд, это важнейший показатель того, относим мы данную идеологию к либеральной или нет. Ведь либерализм — это, прежде всего, защита свободы личности от принудительного воздействия со стороны государства, со стороны общества, и краеугольный камень этой независимости — принцип «мой дом — моя крепость», принцип личной собственности. И мне кажется, что без этого принципа либерализма быть просто не может, в его классическом понимании.

Если же мы обратимся к российским либералам, то здесь вызывает большие сомнения, являлись ли они приверженцами данного принципа. И если Дмитрий Владимирович отрицает или ставит под сомнение принадлеж-

ность октябристов к либерализму, то я бы, в свою очередь, усомнился в том, являлись ли либералами кадеты, именно исходя из принципа отношения к частной собственности, к экономической свободе в экономическом блоке их программы. В самом деле, кадеты выступают за принудительное отчуждение земли, а это же самое яркое нарушение принципа частной собственности; кадеты выступают за введение прогрессивного налога, и, конечно, этот принцип, наверное, далеко не либеральный; в рабочем вопросе также политика кадетов с большим сомнением может быть названа либеральной, поскольку они выступали за активное вмешательство государства в отношения между работниками и предпринимателями, то есть никакой экономической свободы, а жесткое вмешательство государства в эти отношения, и здесь также, конечно, сомнительно, что это классические либералы.

Ну, а если говорить вообще, насколько слово «либерализм» было в почете в России конца XIX — начала XX века, то здесь уже прозвучала мысль, Федор Александрович об этом сказал, что сами кадеты не всегда соглашались с тем, что их называли либералами. Я бы даже сказал, что они не считали себя либералами, и ни в программе кадетской партии, ни в работах основных лидеров кадетской партии мы не увидим вот этого положения о том, что либерализм является основой их идеологии, что либерализм — это идеал их, нет. Ну, и в принципе это вполне естественно. Ведь что такое либерализм в русском общественном мнении этого времени? Есть самодержавие — абсолютный враг, есть революционеры и есть либералы. Либералы — это просто умеренные противники самодержавия, не такие принципиальные, либералы все время виляют и так далее. Вот, на мой взгляд, в этом самобытность нашего либерализма.

Спасибо.

А.А. Иванов: Спасибо, Федор Александрович.

Кирилл Андреевич, перехожу к вам, вы специалист по либералам самых разных мастей — и правительственных, и правых, и левых. Но, не углубляясь пока глубоко во второй вопрос нашей сегодняшней повестки, давайте продолжим разговор о первом — об особом русском, российском либерализме и его характерных чертах.

К.А. СОЛОВЬЕВ

Спасибо большое.

Уважаемые коллеги, дамы и господа!

Я предлагаю провести своего рода мысленный эксперимент. Вот если бы мы сейчас привели либерала начала XX века и спросили, русский он или российский, он, конечно, немного бы удивился. Это во-первых. Во-вторых, он, скорее всего, определил бы себя как русский. Понятие русский либерализм только и бытовало в начале XX века.

Есть статья Петра Струве, в которой он обосновывает использование понятия «русский» как раз в том смысле, как мы сейчас понимаем определение «российский». Для него этой дилеммы не было. Интереснее

другое: а как бы «приглашенный» нами общественный деятель ответил на вопрос, либерал ли он. В данном случае ответ трудно предсказать.

Наш зарубежный коллега Тимберлейк в своей работе о либерализме в России привел следующее интересное наблюдение. По его сведениям, Павел Николаевич Милюков, выступая перед англоязычной аудиторией, неизменно именовал себя либералом, а когда он выступал в России, он предпочитал этого не делать. Мне кажется, в данном случае Тимберлейк не совсем прав. На самом деле на первом съезде кадетской партии Милюков произносит речь с критикой манчестерского либерализма, очевидно, подразумевая, что партия выступает за нечто особое, за какой-то другой либерализм, не манчестерского типа. То есть в интерпретации Милюкова русский либерализм самобытен. Он ситуативен, он отвечает на вызовы времени. Я надеюсь, что по этому поводу я выскажусь чуть-чуть попозже, отвечая на второй вопрос. А пока вот на что хотел бы обратить внимание.

Уже сегодня много раз говорилось о «священном» праве частной собственности как о важном критерии, позволяющем маркировать либерализм: вот либерал — за частную собственность, а если не либерал, то против. Но либерализм изменчив, он меняется. Он меняется отнюдь не только в России.

Но давайте начнем с российского случая. Павел Иванович Новгородцев будет писать о том, что у человека начала XX в. есть право не просто на жизнь, а на достойную жизнь. В его интерпретации собственность — это не только право, но и вытекающие из нее обязанности. Это одновременно и специфика российского либерализма, и влияние тех процессов, которые имели место в тогдашней Западной Европе. Когда Новгородцев пишет о собственности, он не вполне оригинален. Он в данном случае воспроизводит точку зрения Дж.С. Милля, давно получившую распространение в Западной Европе — и не только получившую распространение, но и ставшую частью политической практики, если мы говорим о правительственной политике Ллойда Джорджа, Клемансо, Джолитти. Это тенденции, которые сказывались и в России.

Возникает тогда вопрос: а может быть, в русском либерализме больше заимствованного, чем своего, он скорее воспроизводит некий западноевропейский текст, чуждый собственному контексту? На мой взгляд, нельзя на этот вопрос ответить однозначно. Как бы кидая мячик в сторону тех, кто изучает русский консерватизм, предлагаю задуматься: а в русском консерватизме нет ничего привнесенного, он только лишь автохтонного происхождения? Ведь на самом деле точно так же и славянофильские идеи можно воспринимать как производное консервативной романтики XIX столетия.

И либерализм был русский, и консерватизм был русский. Это разные грани одного общественного процесса, неотъемлемые его части.

Спасибо.

А.А. Иванов: Спасибо, Кирилл Андреевич. Принимая пас, который Вы сделали, отмечу: согласен, и консерватизм — идеология, вышедшая

из недр Европы, и либерализм, пришедший оттуда же, но так уж получилось, что консерватизм европейский в каждой европейской стране обрастал национальными чертами, а либерализм стремился быть универсальной идеологией. Наверное, в этом чувствовалось некоторое отличие.

К.А. Соловьев: Я отвечу так. Мне кажется, что все-таки либерализм коренится в просвещении. Этим многое обуславливается. А консерваторы — романтики. И у них, поэтому разные корни, разные во многом и плоды.

А.А. Иванов: Хорошо. Спасибо.

Ну, и предлагаю высказаться по той же проблеме Сергею Владимировичу Холяеву. Пожалуйста.

С.В. ХОЛЯЕВ

Прежде всего, нужно сказать, что у нас было два либерализма. Мы, конечно, разбираем либерализм начала XX века, и это понятно, но, тем не менее, это важно в контексте общего развития либерализма. Вопрос формулировался так: самобытное или подражательное явление — либерализм в России?

Современный либерализм, возникший во время перестройки в 80-е годы XX века, — если не исключительно, то преимущественно подражательное явление, и возник он на почве интереса к Западу. А если мы будем брать тот либерализм, о котором ведем речь, то он, несомненно, самобытный, наш отечественный. Я про российский и русский пока оставлю для дальнейшего изложения. Но он самобытный, отечественный либерализм, и возник он не на пустом месте, он развивался в рамке, в русле традиций, которые являются традицией исключительно российской, потому что аналогичное явление максимум мы можем наблюдать во Франции XVIII века эпохи Просвещения. И все, больше нигде в мире этого явления нет, хотя некоторые считают, что оно универсально. Я специально так запутываю: я говорю об интеллигенции.

То есть либерализм в России XX века возник не на пустом месте, он возник от продолжения интеллигентской традиции и развивался в русле этой традиции со второй четверти XIX века, эпохи Николая I. Он развивался, рос, становился все более радикальным, именно на этой почве он произрос и вырос. Если бы спросили у Милюкова, то он, Милюков, может быть, не сказал бы, что он либерал, но он точно сказал бы, что он интеллигент. Больше того, я называю доктриной Милюкова концепцию о роли российской интеллигенции, потому что Милюков сформулировал ее в одной из своих статей в журнале «Освобождение», и суть ее заключалась в том, что Милюков считал, что интеллигенция должна прийти к власти как единая социальная группа. Он писал в 1904 году накануне развертывания всех этих событий, которые мы с вами подробно изучаем, накануне 1905 года, он писал в этой статье: «Правительство может переманить кого-нибудь из наших на свою сторону, но он тут же станет нам неинтересным, а значит, он будет бесполезным для правительства. Поэтому мы прийти к власти можем как единая социальная группа, и эту социальную группу интелли-

генции мы противопоставляем власти». Такой была доктрина Милюкова, которую он активно развивал. Это был период его наивысшего влияния — 1904–1905 годы, Милюков — председатель Союза союзов, а дальше там уже было известное событие, его я оставлю на второй вопрос.

Я заканчиваю. Я еще хочу сказать, во-первых, о российском и русском. Конечно, этот вопрос наиболее характерен для консерваторов. Кадеты — это чисто российский либерализм. А что касается октябристов, они пользовались термином «русский». Но что в их концепции было «русский»? Русскими они предлагали считать всех подданных Российской империи. То есть фактически это была идея единой и неделимой России, которая впоследствии станет основной для Белого движения. И еще. Выступая в Ярославле 12 мая 1905 года с лекцией на квартире инженера Моржова, Милюков объяснял, почему российский либерализм такой радикальный. Он объяснял это тем, что в Европе сначала возникло политическое движение, то есть либеральное, затем возникло социальное, то есть социалистическое, а в России они возникли одновременно, и поэтому, соответственно, российский либерализм начала XX века был таким радикальным. Сам Милюков писал, что кадеты — это самая левая партия из всех либеральных партий в Европе.

А.А. Иванов: Спасибо большое. Правильно я понял, Сергей Владимирович, что когда вы касались этого вопроса — «русский» и «российский», получилось так, что славянофильствующие октябристы — это как бы русский либерализм, а более прозападнические кадеты — это как бы больше российский?

С.В. Холяев: Октябристов в известной мере можно уравнять тоже с российским, потому что их русский — универсальный. Они противостояли черносотенцам, для них главные противники были черносотенцы, поэтому их «русский» — это почти тире, равно «российский». Хотя, конечно, они пользовались термином «русский».

А.А. ИВАНОВ — ВТОРОЙ ВОПРОС

Хорошо. Спасибо большое.

И мы переходим ко второму вопросу, который логично вытекает из того, о чем мы сейчас говорили. Высказано было много интересных мнений, рождающих вполне закономерный вопрос: каковы границы российского или русского либерализма в начале XX века? Потому что, как мы только что услышали в выступлениях, то ли кадеты являются либералами, то ли не являются, то ли октябристы являются либералами, то ли не являются, прогрессистов вроде пока никто не выносил за рамки либерализма.

И вот тут параллельно рождается следующий вопрос: а правомочно ли говорить в России о правительственном либерализме? Был ли российский либерализм только оппозиционным, или российская власть в предреволюционной России также имела либеральные черты?

И еще момент, на который тоже, возможно, выступающие захотят обратить внимание: были ли либералы России начала XX века способны к компромиссу с правительственной властью, тем более, если она была тоже хоть в чем-то, но либеральной?

По традиции, так уж мы начали, я даю слово Дмитрию Владимировичу Аронову.

Д.В. АРОНОВ

Спасибо.

Уважаемые коллеги, ну, тут получается step by step, один идет за другим, вот Федор Александрович там уже и кадетам отказал в либерализме. Я буквально одну минуту.

Почему я начал с методологического сюжета? Вот базовые черты. Я согласен с Игорем Владимировичем, что лозунг французской революции, — что называется, чтобы обозначить истоки, — конечно, там речь идет о правах человека и частной собственности. Но тут для юристов вопрос вполне открыт, ибо право частной собственности не является абсолютным, есть еще понятие «общественные интересы». И одно дело это «грабь награбленное» или «экспроприация экспроприаторов», вот этот вариант изъятия частной собственности, а другое — ну, давайте возьмем пресловутый кадетский закон о земле, о земельном переделе в России. Да, там есть нормы, которые предполагают изъятие, но там есть компенсационный механизм при изъятии этой самой собственности. Знало ли российское законодательство дореволюционной эпохи изъятие частных земельных владений, массовые случаи? Знало ли зарубежное законодательство изъятие частной земельной собственности в общественных интересах? Кадеты — ну, если уж брать вообще, не любимого мною Муромцева с социологическим позитивизмом, а юридического позитивиста Габриэля Феликсовича Шершеневича (привет Казанскому университету, который хранит его в прямом и переносном смысле)? Знало. Все это кадетские либеральные, если угодно, юристы сделали.

Поэтому на Таврических чтениях этот аргумент звучит не раз, что вот это вот отношение, — ну, вот Федор Александрович разделил кадетов на две части, чем окончательно всех запутал: в этом случае надо брать, наверное, два критерия или все-таки их объединить в одно единое либеральное течение. Вот почему я говорю, что выступаю хотя бы за общий подход к его классификации. Давайте договоримся на берегу. Как в прошлом году вот мы говорили, существует ли советский парламентаризм или нет. Сегодня в пленарном заседании действующий политик той эпохи сразу сказал, что он был декларативным. Ну, вот простой пример таких подходов.

Поэтому, переходя к собственно содержательной части, очень кратко, поскольку часть своего времени я уже «съел», вот тут мы опять подходим к содержанию термина. Если мы понимаем под либерализмом некую политическую позицию, совокупность взглядов, тип общественной рефлексии, то тогда мы, на мой взгляд, с необходимостью должны опирать-

ся на а) институт прав человека, б) частную собственность как основу экономической самостоятельности этого хомо политикус, говоря словами Игоря Константиновича Кирьянова, и я вот добавлю, в) ненасильственные методы социального конструирования. Но когда мы говорим о том, что кто-то из великих князей после пятой рюмки чая сказал: «А вот либералы — это не совсем плохо», — ну, конечно, с точки зрения их позиций это, может быть, и будет какой-то либерализм. Если мы почитаем совещание Государственного совета 1842 года, где выступает будущий Царь-Освободитель Александр II, и если мы посмотрим по тем словам позицию Цесаревича, так там вообще готовый консерватор, который готовит перья, чтобы из них сделали крылья Победоносцеву, который простер совиные крыла. Ничего либерального в речах Цесаревича нет. Но потом он считался одним из наиболее либеральных российских монархов.

Поэтому, на мой взгляд, мы здесь сталкиваемся, вот опять очень хорошо началась дискуссия «русский — российский», а здесь мы сталкиваемся с еще большей дихотомией терминов, поскольку это «либеральный — либеральный». Вот одно дело, почему более или менее рабочий термин «правительственный либерализм», и можем ли мы их объединить? Можем. Если мы возьмем, — вот опять я пытаюсь вернуть нас всех к этой мысли, — один критерий. Вот мы говорим все-таки о либерализме идеологическом, сущностном, возникшем в Западной Европе и так далее. Ну, как современное политическое течение. Вот тогда — да, это права и свободы человека, частная собственность, ну, возможно, мирное конструирование. Вот с этой точки зрения давайте его и прикладывать к правительству, к великим князьям, к позиции кого-угодно, вот давайте мерять чем-то одним.

Как ни странно, некоторый англосаксонский юмор переводится на русский язык. В газете «Вашингтон пост» была серия философских анекдотов, вот один из них переведен весьма неплохо. Звучит это примерно так. Ну, начало мы все знаем: «Оптимист считает, что стакан наполовину полон. Пессимист считает, что стакан наполовину пуст. А реалист считает просто, что стакан в два раза больше, чем нужно».

Вот давайте возьмем эту меру, которой мы можем измерить то, что мы будем называть либерализмом, с поправкой, вот с Федором Александровичем я тут согласен, на известную эпоху. Хотя я не очень понимаю, как человек с расистскими взглядами может быть либералом, как-то это противно теории Гуго Гроция с естественными правами — начало XVII века и так далее. Вот давайте мы все-таки на берегу договоримся, каким стаканом мы меряем либерализм, и тогда с этой меркой мы подойдем и к правительству, и к прочему, и к прочему.

Ну, и кратко по компромиссу. Опять из того автора: есть компромиссы и компромиссы. Одно дело заключить компромисс в рамках, ну, что называется, бережения Думы. У меня есть несколько статей на тему, как там на кадетских конференциях и съездах шел вопрос, можно ли превратить Думу в агитплощадку для пропаганды партийных идей, или все-таки смотреть на нее, как на государственный орган. И другое дело компромисс, когда предается вот эта либеральная основа. Это вот, простите,

из Владимира Ильича Ульянова (Ленина): есть компромиссы и компромиссы. О каких компромиссах мы говорим? А вообще я не готов ответить. Ну, точнее, конечно, да.

А.А. Иванов: Спасибо большое за высказанную позицию.

Федор Александрович, вам как раз доводилось писать о поиске компромиссов между либеральной общественностью и властью, и о том, получались они или нет. Поэтому, я думаю, Ваш взгляд на этот вопрос будет особо интересен.

Ф.А. ГАЙДА

Я просто, перехватывая слово, скажу, при всем при том, что Екатерину II мы с очень большой долей условности называем деятелем эпохи Просвещения, но при этом имеем в виду, что при ней расцветало крепостное право. Ну, вот бывают такие либералы, которые действительно считают, что всеобщее избирательное право в колониях вводить не надо. Ну, считают, кстати, они исходя из просвещенческой парадигмы, то есть если жители колоний не имеют образования, как им можно давать избирательные права?

Вот в этой связи, кстати говоря, это уже переходя к русским либералам, да, либерализм — это действительно идея прогресса, идея прав человека, свобод, это представление о правовом строе, естественно; и это, наверное, самое главное, чем, например, либерал будет отличаться от анархиста. Но одновременно с этим, конечно, все эти ценности, они вмещаются в программу кадетской партии, но программа кадетской партии этим не исчерпывается, потому что есть действительно очень важная социальная составляющая, и есть опять же вот это очень важное — перекос как бы, то есть дальнейшее развитие в сторону демократизма и всеобщее избирательное право, в том числе для женщин. А я напомню: в начале XX века всеобщего избирательного права, включая женщин, на общенациональном уровне не было нигде, а кадеты этого требовали, и кадеты провели это: в 1917 году это в России введено. И Россия в этом смысле одна из первых стран. Но те же самые октябристы — зададимся вопросом, а для октябристов свобода является главной ценностью? Нет. И в этом смысле — да, мы можем сказать: а какие же они тогда либералы? Мы кадетам можем сказать: да какие же вы либералы? Октябристам можем сказать: да какие же вы либералы? Можем сказать прогрессистам: ребята, а где у вас политическая программа, у вашей партии, кто вы такие, где ваша доктрина либеральная? А вот если мы их всех соединим в несоединяемое, вот тогда у нас возникнет поле для философствования. И в этом наша самобытность. Вот такой у нас либерализм, что поделать?

Вот такой у нас правительственный либерализм. Была ценность свободы для Столыпина главной? Конечно, нет. Конечно, для него главная ценность это что? Это Россия, наверное, что-то еще, российское государство, национальная государственность. А тем не менее он понимал прекрасно, что эта государственность без необходимых реформ не выживет. И поэтому он делал ставку на октябристов, для которых свобода тоже

не является главной ценностью. Но кроме как умеренными либералами я их не назову, мне их сложно как-то по-другому определить. Я не мог бы сказать, что это классические консерваторы. Или нам придется найти какой-то термин, который будет где-то посерединке: либеральный консерватизм, консервативной либерализм, не знаю что — как угодно.

И вот эти люди, для которых на самом деле главное — не идеология на самом деле, а определенная практика и определенная реальность, которую в общем и целом они хотят сохранить, придав ей определенную динамику, потому что, придав ей динамику, они и получают возможность ее сохранять, вот эти люди, наверное, могут находить компромиссы. А люди, которые сидят на партийной программе и не уступают ни грамма, вот, наверное, у тех будут проблемы с тем, чтобы какие-то компромиссы заключать. Потому что мы на самом деле видим, что на протяжении всей истории кадетской партии у них были определенные возможности идти на те или иные компромиссы, но по разным причинам, тут можно разных обвинять, разные стороны, но, тем не менее, эти компромиссы ни разу не сработали до конца, скажем так.

Спасибо.

А.А. Иванов: Спасибо, Федор Александрович.

После Вашего выступления родился такой вопрос: а можно ли сказать, что представители власти, этакие либералы поневоле, по необходимости, оказывались более договороспособными, чем либералы по убеждению?

Ф.А. Гайда: Вот в том-то и дело, что как раз те, кто поневоле. На самом деле октябристы — либералы поневоле, вот свобода не является сердцевиной, опять же либерализм не является их сердцевиной, сердцевиной их идеологии, их практики. Так вот, именно поэтому они как раз и склонны к компромиссам. И собственно, если мы говорим о профессиональной политике, в центре которой не только борьба за власть, но и вообще компромисс как основа политической практики, мы видим, что вот такие, не слишком идеологизированные люди, они к компромиссам способны, а идеологизированные неспособны.

А.А. Иванов: Спасибо большое.

Игорь Владимирович, ну, поскольку для героев ваших исследований либералами были абсолютно все, кроме крайних левых, включая и правительство Столыпина, и октябристов, и националистов, и прогрессистов и так далее; интересно будет услышать ваш взгляд о границах российского либерализма.

И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК

Вы знаете, я вспоминаю слова Ленина накануне выборов во Вторую Думу. Он сказал, что сейчас трудно определить, где кончаются октябристы и где начинаются черносотенцы. И, в общем-то, я с этим согласен. Как вы знаете, во время выборов во Вторую Думу властью была предпринята попытка создания правооктябристской коалиции, целью кото-

рой было формировании в стенах парламента проправительственной фракции. Но задуманное не получилось в силу нежелания обеих сторон идти на уступки. В свете этих событий вообще способность отечественных либералов к компромиссу вызывает большие сомнения. Сегодня уже прозвучало, что движущей силой этого политического течения являлась интеллигенция. Согласитесь, если на Западе либерализм отражал все-таки интересы состоятельных классов, в первую очередь, собственников, предпринимателей, и они же являлись основой социальной базы либерального движения, то в России все эти роли играла интеллигенция, а интеллигенция (особенно если на нынешнюю экстраполировать) — это пролетарии умственного труда, а пролетарии, как вы знаете, к компромиссам не склонны, им нечего терять, кроме своих цепей. Русская интеллигенция, витая в эмпиреях, полагала просто аморальным идти на какие-то уступки в борьбе за свои политические идеалы. Очевидно, что партия, в которой ключевую роль играла интеллигенция, не проявляла никакой склонности к компромиссам. Соответственно кадеты (а я думаю, что Федор Александрович справедливо говорит, что это не совсем буржуазная партия) не хотели идти ни на какие уступки в борьбе за достижение своих политических целей. Вряд ли будет ошибкой утверждать, что кадеты были ядром русского либерализма, а отсюда можно сделать вывод, что интеллигенция в обличии русского либерала в принципе к компромиссу была не склонна — ни с властью, ни с кем другим.

Хотел бы обратить внимание на еще один момент — о категориях, как известно, не спорят, о них ведь договариваются. Здесь уже Кирилл Андреевич сказал, что либерализм был ситуативный. Вот я с этим как раз не соглашусь. Этот эпитет «ситуативный» гораздо больше подходит к консерватизму, который во времена французской революции отстаивал абсолютную монархию со всеми вытекающими последствиями, а сейчас американские «неоконы» (неоконсерваторы) в общем-то исповедуют либеральные ценности начала XX века. У консерватизма действительно меняется политическая парадигма в зависимости от того, против какого противника он борется и какие ценности и какого общества отстаивает. А у либералов, мне кажется, эта парадигма в своем ядре неизменна и постоянна, как, например, «свобода», давшая название всему движению. Правда, у либералов свобода понимается достаточно узко. В моем представлении, их только две свободы интересуют: свобода политической деятельности и свобода предпринимательства, точнее, в обратном порядке, сначала свобода предпринимательства, чтобы преумножать свои капиталы, а лишь затем свобода политической деятельности, чтобы защищать их юридически в парламенте.

И здесь возникает вопрос: а русский либерализм действительно эти две свободы только лишь отстаивал, или кадеты у нас склонны были к социализму или к радикализму, и они заходили гораздо дальше? Мне кажется, происходит некоторое смешение понятий. Я всегда использую Декартову систему координат. Помните, две оси — вертикальная и горизонтальная? Вертикальная ось — это способ социального действия

(наверху радикалы, в середине реформисты, внизу консерваторы), а горизонтальная ось — идеологическая (слева крайние социалисты, справа крайне правые, в разных случаях они разные). И либерализм, находясь в центре горизонтальной оси, в «околонулевой» зоне, в то же время может занимать позиции по вертикали абсолютно на любом уровне: он может быть и радикальный, и реформистский, и консервативный. Поэтому, если позиционировать либерализм в российской партийной системе начала XX века, то можно обнаружить либералов всех мастей (по способу социального действия): и радикалов (кадеты), реформистов (октябристы, мирнообновленцы), и консерваторов (так в некоторых случаях, и не без оснований, именуют представителей Всероссийского национального союза). Да и сами кадеты были и левые, и правые. Но идеологическая парадигма русского либерализма была достаточно стабильна.

Ну и последнее: в связи с тем, что русская интеллигенция была разночинной, состояла из выходцев всех сословий и классов, то и русский либерализм был социально очень разнороден, не имел четко отграниченной социальной базы, и он буквально растекся по всему общественному спектру.

Спасибо.

А.А. Иванов: Спасибо большое, Игорь Владимирович.

Федор Александрович, вопрос, кого считать в России либералами, в прошлый раз вы уже затронули, поэтому давайте порассуждаем на такую тему: правомочно ли говорить о правительственном либерализме, и возможен ли был с ним компромисс либерализма оппозиционного?

Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ

Спасибо.

Ну, действительно, в нашей беседе сегодня мы вроде бы приходим к консенсусу о том, что у либерализма две коренных черты: это защита прав человека и свобод и защита частной собственности. Но так получается, что у нас такие были либералы в начале XX века, которым не подходили оба эти признака: у кадетов есть защита свобод, нет защиты частной собственности, у октябристов — наоборот.

А были ли в России те, кто защищал и свободы, и частную собственность? Да, были. Речь идет о правительственном либерализме. Об этом писал еще Виктор Леонтович, известна его книга «История либерализма в России», где он говорит, что источником либерализма была власть, было правительство, ему противостоял общественный радикализм. И там он четко показывает, что да, действительно, политика российских монархов, начиная с Екатерины II, носила либеральный характер, и это же мы можем сказать и об Александре I, и даже о Николае I, и об Александре II.

Ну, а если бы здесь присутствовал Сергей Викторович Куликов, то он бы нам четко показал, что и Николай II тоже был либералом. У него есть очень интересная статья «Николай II как реформатор: к постановке проблемы», и там он показывает, что воспитывался он, Николай II, либералом Бунге; именно в царствование Николая II были проведены важнейшие либеральные реформы, как то: свобода совести, создание

парламента и дальше, и дальше, и дальше можно продолжать. И если мы посмотрим на Основные законы Российской империи в редакции 23 апреля 1906 года, то это не что иное как первая конституция России. По своим признакам этот документ в полной мере может считаться конституцией: там есть все необходимые элементы, включая и главу, где описываются права и обязанности российских подданных.

Ну, и один из, на мой взгляд, таких ситуативных признаков либерализма, это готовность к компромиссу. И вот эту готовность демонстрирует именно правительство, но отнюдь не его оппоненты. Посмотрите, критическая ситуация: 1905–1906 годы, власть приглашает либералов в правительство. Это делает Витте, попытку делает Трепов, приглашают практически представителей всего спектра либерализма: и кадетов, и мирнообновленцев, и октябристов — пожалуйста, приходите. Они отказываются. Ведут переговоры со Столыпиным перед роспуском Второй думы несколько правых кадетов: Челноков, Струве. Они ведут эти переговоры тайком, иначе их ждет остракизм товарищей по партии, то есть для них, для большинства кадетов, переговоры с властью — это грех, это зло, нужно скрывать, это стыдно. Столыпин предлагает кадетам для того, чтобы их партия была легализована (кстати, партия кадетов была нелегальной вообще-то — к вопросу о либерализме и месте кадетов в политической системе, это была партия нелегальная), и вот Столыпин предлагает кадетам два условия для легализации партии. Первое — они изменяют в программе пункт о том, что они не будут добиваться изменения государственного строя; и второе — они осуждают политический террор. Оба эти, казалось бы, не очень-то для либеральной партии страшных требования были отвергнуты, причем патриарх кадетской партии Петрункевич говорит, что это было бы политической смертью кадетской партии, если бы она пошла на эти требования.

И исходя из этого все-таки мне кажется, что договороспособность российского либерализма была очень низкого уровня.

Спасибо.

А.А. Иванов: Спасибо, Федор Александрович.

Кирилл Андреевич, как у специалиста по правительству и переговорам с ним общественных сил, может быть, у вас другая точка зрения?

К.А. СОЛОВЬЕВ

Уважаемые дамы и господа!

Я сначала отвечу на то замечание, которое сделал Игорь Владимирович, — о ситуативности либерализма, а потом уде выскажусь о правительственном либерализме и возможности диалога с ним.

Как уже говорилось много раз, либерализм в России был разным: был классический либерализм, был новый либерализм. Иногда нам кажется, что прозвучал какой-то гонг, и классический либерализм одномоментно сменился новым, а на самом деле они сосуществовали вместе, в одно и то же время. Но самое интересное другое. Когда мы обсуждаем «либеральность» той или иной политической силы, мы имеем в виду не кон-

кретных персон, мы говорим именно о партиях. Они же возникли не сразу, а постепенно выстраивались из соглашений и компромиссов. Это был период протопартийного строительства, который захватил на самом деле все сегменты общественного движения, общественной мысли, в том числе, конечно, и либералов. И вот на этом этапе, а это конец XIX — начало XX века, в общественном движении стен не было, не было того, что отграничивало либералов от социалистов, либералов от консерваторов. Зачастую трудно сказать, кто есть кто.

Вот сегодня уже много раз вспоминали Павла Николаевича Милюкова, мне кажется, чересчур много, потому что русский либерализм к этой фигуре отнюдь не сводится. Тем не менее, все равно его вспомню. Он сам пишет, как в 1905 году оказался в России, вернувшись из эмиграции. Представители «Русского богатства», то есть будущие руководители партии энесов, вели с ним переговоры о вхождении в их ряды. Они как бы спорят за него, чей он — наш, социалистический, или их, либеральный. Он потом свой выбор сделал. Но о чем это свидетельствует? О том, что даже перед Милюковым стояла дилемма самоопределения, самоидентификации.

Принятие партийной программы — это не сказать то, что все ждут, а сказать то, что более или менее устраивает разные круги в одной и той же партии, скажем, в партии кадетов. В «Союзе освобождения» выстраивался диалог между конституционалистами и беспартийными социалистами. Программа Союза должна была устраивать и тех и других. Или, скажем, «Союз 17 октября» стал объединением конституционалистов и славянофильствующих мыслителей, которые едва ли не лидировали среди октябристов.

Программа может быть либеральной, но это совершенно не означает, что все члены партии будут либералами. Многие октябристы либералами не были, и многие кадеты либералами не были и откровенно в этом признавались. Партийная программа — это результат ситуативного консенсуса, во-первых, для того чтобы говорить между собой, а во-вторых, что не менее важно, чтобы говорить с избирателем. И не случайно поэтому избирательная платформа кадетов в разных частях России была, в сущности, разной: что можно было позволить в Таврической губернии, нельзя — в Москве, и наоборот. К октябристам это тоже относится.

Теперь отвечаю на собственно ваш вопрос. Я в полной мере солидаризируюсь с Федором Александровичем. Как-то я даже выступал на Таврических чтениях о возможности диалога, а на самом деле об отсутствии возможности диалога в 1906 году. Тогда кадетам казалось, что победа уже в руках. Если вы знаете, как развивается мировая история, если вы знаете, куда движется прогресс, то вы можете быть уверены — победа к вам придет, причем на тех условиях, которые ставите вы, а не какой-нибудь Трепов или Столыпин. В силу этой причины особого смысла договариваться с правительством нет. Либо оно идет на капитуляцию, либо будет сметено иным путем. Примечательно то, что во власти были лица, готовые пойти на поклон к оппозиции. В силу случая этого не произо-

шло, но вероятность такая имелась. И неслучайно поэтому кадеты не боялись роспуска Думы.

Я приведу один яркий эпизод, который, на мой взгляд, многое об этом говорит. Летом 1906 г. курский депутат Долженков приблизительно заявлял следующее: «Не страшно, что ворвутся в зал Таврического дворца и будут нас разгонять штыками. Потому что тогда я встану на свое кресло и скажу: „Мы скорее умрем, чем разойдемся“. И тогда, когда уже депутатов будут убивать, а их несомненно будут убивать, народ в Петербурге не выдержит, и начнется подлинная революция». Тогда было ощущение, что 1905 год — это прелюдия к настоящей революции. Русский 1789-й — это как раз 1906-й. В этой ситуации какой-либо диалог с правительством был в общем-то лишен смысла.

А.А. Иванов: Спасибо большое, Кирилл Андреевич.

Сергей Владимирович, добавите что-нибудь в рамках обсуждения этой темы?

С.В. ХОЛЯЕВ

Да, я добавлю, конечно.

Просто границы либерализма внешне представляются широкими: от почти черносотенцев до социализма. Но на практике эти границы оказались очень узкими, то есть широта только казалась, а на самом деле их просто сжимали, как пресс, который сжимает, а на самом деле было два полюса, между которыми находились либералы. Первый полюс — это был Император Николай II. А второй полюс — это был народ. И дело в том, что, соответственно, народ-то, самодержавие народа оказалось для либералов гораздо страшнее, чем самодержавие царя. Потому что этим радикалам, революционерам, либералам влево идти было некуда. Надо сказать, что Милюков в период своего наивысшего могущества, как я уже говорил, когда возглавлял Союз союзов в 1905 году, видимо, это почувствовал, поскольку был тоже великолепным политическим тактиком. Он понял, что идти влево больше нельзя. И те социалисты, члены Союза союзов, которые, соответственно, тянули влево, влево и ушли, не вступили в партию кадетов, просто сгинули, потому что в социалистическом лагере их никто не принял. То есть им просто идти было некуда. Даже самый крайний правый, самый умеренный социалист — все равно социалист более законный, чем самый крайний левый либерал. Поэтому налево оказалось идти почти некуда. А направо был Император, который для них казался исчадием ада.

И вот здесь возникает интересная ситуация. Возьмем, например, такой пример, как правые кадеты. Мы говорим, что партиям не хватало компромисса. Партиям нужен был компромисс, прежде всего, между собой и, прежде всего, между главными либеральными партиями — кадетами и октябристами. И мы знаем, что были в принципе тяготения у правых кадетов и левых октябристов друг к другу. А теперь давайте посмотрим,

как правые кадеты идут к левым октябристам, и что их там ждет? Дело в том, что левые октябристы — это такие же кадеты-центристы, левые октябристы — это же Гучков, а Гучков в это время, извините, уже обижен властью. И поэтому реально получается для правых кадетов тупик. Им-то надо было бы идти не к левым октябристам, а к октябристам-центристам, где Родзянко главенствовал, вернее, псевдоглавенствовал.

Если бы правые кадеты и октябристы-центристы заключили союз, может быть, что-то у них и получилось, а с левыми октябристами союз был бесперспективный, потому что неслучайно же потом в феврале 1917 года Гучков окажется вместе с Милюковым. Потому что левые октябристы — да, они были там вместе с кадетами. Мы говорим о компромиссах между партиями, а накануне 1917 года состоялся не просто компромисс, а консенсус между кадетами и октябристами в рамках Прогрессивного блока. И что, это либералам помогло? Этот союз разрушил империю. Поэтому от того, что эти партии договорились друг с другом, ничего на самом деле хорошего не произошло.

Поэтому, что было в идеале необходимо? В идеале был необходим союз кадетов и октябристов, нацеленный направо. Но мы знаем, что эти партии смотрели влево: и кадеты смотрели влево, и октябристы смотрели влево. Поэтому для либералов получался полный тупик. Они не убедили в своей правоте ни императора, ни народ, то есть главные полюсы власти. И когда ушел император, пришло время народа, кадеты оказались единственной партией, перешедшей в революционную весну, но там они оказались полными аутсайдерами, то есть по-современному лузерами.

А.А. ИВАНОВ — ТРЕТИЙ ВОПРОС

Спасибо большое.

И от такого пессимистического заключения про полный тупик кадетов мы переходим к вопросу, который имеет рубежное значение для российского либерализма того периода, о котором мы говорим, это 1917 год, столетний юбилей которого мы отмечали в прошлом году. И сформулирован он так: «Российский либерализм между утопией и реальностью».

И тут возникают закономерные, как мне кажется, вопросы. То, что российские либералы, настроенные в целом на эволюционный путь развития страны, ринулись в революцию, что это было? Парадокс? Случайность? Или закономерный итог? Повлиял ли 1917 год, потому что, как мы знаем, триумф российских либералов был совершенно недолгим, на идеологию дальнейшего российского либерализма? И каковы были основные причины того, что российские либералы, которым казалось, что они знали, как управлять страной, тем не менее, потерпели поражение от более радикальных сил? И может быть, как некий подвопрос: был ли в этих условиях у них хоть какой-то шанс на успех, или это была изначальная обреченность в силу тех слабых мест, о которых мы сегодня уже отчасти говорили?

Дмитрий Владимирович, ваше мнение?

Д.В. АРОНОВ

Я благодарен еще раз организаторам и за темы чтений вообще, и нынешним, которые посвящены либеральной модели. И вот тут вот, если говорить именно о таком макромодельном социальном конструировании, я так полагаю, во многом чтения как раз будут посвящены рассмотрению конкретных вопросов, могла ли быть вообще реализована либеральная модель? Ну, я сразу, как вы понимаете, сторонник того, что эта модель была у российских либералов, кого бы мы туда ни зачисляли. У октябристов, кстати, вряд ли, особенно если даже смотреть фонд Гучкова, там есть дело «Конституция», очень интересный фонд, я думаю, там даже много дают внешний вид этих документов и специфика, но не об этом сейчас речь. Вот, на мой взгляд, здесь я тоже не оригинален, а продолжаю мысль Валентина Валентиновича.

В двух словах, чтобы обозначить позицию в какой-то мере этого направления. Вот эта самая либеральная идеология, которая базируется, простите, еще раз, на правах и свободах человека, неприкосновенности частной собственности, и пытаюсь добавить ненасильственное социальное конструирование, она все-таки, и по моему глубокому убеждению тоже, это идеология мирно развивающегося общества. Тот социальный, экономический, о каком угодно мы можем говорить в силу своих научных интересов, занятий и так далее, кризис, который имел место быть в Российской империи в конце 1916 — начале 1917 года, — по сути, либералам шансов не оставлял. Но возвращаюсь к началу нашей дискуссии. Вот эти российские политики были истинно русскими людьми, которые, в общем-то понимая сложность всех этих моментов, тем не менее, в марте 1917 года берут на себя ответственность. Собственно, как вот Андрей Борисович Николаев показал в своей монографии, презентованной год назад, Временный комитет членов Государственной думы за несколько минут, часов создает все органы чрезвычайного управления раньше Совета, создается даже милиция. То есть русский либерал был истинно русским патриотом, не вот этим квасным: бей — название нужной нации подписать, спасай — написать нужную страну. Вот это был истинный патриотизм людей, которые, возможно, даже и понимали вот эту некую историческую обреченность. Но вот тут много говорили о догматиках, которые следуют догматике своей программы, не идут на компромиссы, — ну, догматизм есть в любом политическом течении, это как раз общая типологическая вещь. И вот российский либерализм идет во власть.

А дальше вот тут — да, вот тут я не могу сейчас точно вспомнить, кто высказал эту совершенно замечательную мысль, ну, она тоже достаточно широкоизвестна в науке и очень вовремя была озвучена, что российский либерализм действительно представляет из себя очень сложное течение, не привязанное к какой-то отдельной социальной группе, не коррелируемое даже с определенной группой признаков социальной группы, а он является, — ну, его называли еще «профессорским», кстати, так изначально, — а является действительно некоей идеологической саморефлексией:

«Утром встану у окна и стою всю ночь без сна, все смотрю я на Россию, как там бедная она». Ну, это чуть утрированно, из Филатова, но, тем не менее, вот некая форма рефлексии. Я не беру Салтыкова-Щедрина, что у русского либерала три мысли, хотелось им трех вещей: то ли конституции, то ли севрюжины под хреном, то ли кого-нибудь ободрать. Понятно, речь идет о других либералах, не о тех, о которых мы говорим.

И вот, возвращаясь к либеральной модели реформирования, я опять же вернусь вот к этому тезису. Это не модель преобразования общества, находящегося в экстремальной ситуации. Моисей Яковлевич Острогорский в своей теории политической партии хорошо показал, какие партии, какого типа нужны на переломных этапах. И сегодня вот и у Федора Александровича было это, и у других выступавших в первой части пленарного заседания, что одна из главных проблем, — вот по Колюбакину там был этот кусочек, — это действительно партийное строительство. Ну, не было тогда партийной организации, способной взять власть.

Плюс проявилась, вот опять же вернусь к этому тезису, не лучшая сторона российского либерализма, как собравшего в себе действительно типологии личностей очень разных, но все они были в какой-то мере лидерами и не очень видели остальных на месте лидеров. Вот тут говорили многое, я не стану этот сюжет подробно комментировать, о компромиссе кадетов в первом правительстве 1906 года. Там все очень непросто, там есть даже несколько монографий, и мне об этом довелось писать применительно к Муромцеву, есть у Шипова в мемуарах фрагменты на эту тему. Тот же Милюков потратил много сил на то, чтобы благодаря его искусству компромисса кадеты и держались как единая организация, но в период переговоров о правительстве Павел Николаевич проявил себя очень специфическим, мягко говоря, человеком.

Но когда собрались лидеры, проявилась еще одна не лучшая сторона вот этого вот действительно на долгие десятилетия, начиная с постреформенного времени, загнанного внутрь самого себя течения: «Растет на чердаках и в погребах российское духовное величие, а выйдет — и развесят на столбах друг друга за малейшее отличие». Сразу началось деление: а ты записался во Временный комитет членов Государственной думы? И дальше по этому признаку. Та же дискуссия вокруг института президента летом 1917 года. Ее можно оценивать по-разному, но я бы не сбрасывал со счетов ту точку зрения, которая предполагает, что это — да, попытка нормативного закрепления с одновременным созданием некоего информационного фона, ну, может, не диктаторских, но каких-то наполеоновских амбиций первых лиц, которые были тогда у власти.

Поэтому — да, вот еще находясь в условиях воюющей страны, в условиях глубокого системного кризиса, тем не менее, русские либералы начали сводить счеты между собой в борьбе за будущую власть. С учетом отсутствия парторганизации соответствующего типа, с учетом того, что их идеология к этому не подходила, я не думаю, что там был шанс. Ну, рассуждать в категориях альтернативной истории, конечно, интересно, но от сюжета на эту тему, с вашего позволения, я воздержусь.

А вот, отвечая на первый вопрос, просто обозначу позицию: революционизм — это вынужденный шаг, это люди оказались в ситуации, когда по-другому было нельзя, но это было абсолютно не их. Там все-таки вот эта школа русской интеллигенции, вот этот вот характер. Интеллигент может отдать приказ стрелять в народ и так далее, но он потом будет рефлексировать. Понятно, что есть другие строки: «Что тому, кого убили вчера, от того, что его палачам кофе кажется невкусным с утра и не спится иногда по ночам?» Ну, вот либералу, который окажется на месте диктатора, кофе будет невкусным, и ночью он не будет спать. А там нужны другие люди, там — чтобы звук пуль от брусчатки доставлял эстетическое удовольствие. А они вот — ну, грубо говоря, порядочным человеком в наши дни считается тот, кто делает гадости по приказу и без удовольствия. Вот, придя во власть, многие либералы делали многое, что им пришлось делать, без удовольствия.

А.А. Иванов: Спасибо, Дмитрий Владимирович.

То есть получается, что шансов на успех у либералов в результате этого почти не было в 1917 году.

Д.В. Аронов: Ну, исходя из вот того понимания либеральной теории, исходя из понимания того, что они могли мобилизовать из организационных, партийных, идеологических ресурсов, честно говоря, я этого не вижу. У них даже не было — напомните, кто вот все эти избирательные законы писал у Столыпина? — Крыжановский, вот у Сергея Ефимовича блестяще было сказано, что вот «мы написали три варианта закона, последний мы назвали бесстыжим и написали просто так». Интеллектуальная такая игра у них была. «Мы, — говорит, — очень удивились, что Столыпину это понравилось». А вот либерал не мог написать три варианта закона: бесстыжий, толпе и так далее. И вот вера в право, которая составляла, скажем так, базу методологии, содержание модели, этому была посвящена одна из моих монографий. Очень красиво об этом сказал, по-моему, В.С. Соловьев, который сын: «Задача права не в том, чтобы построить рай на земле, а в том, чтобы этот мир до времени не превратился в ад». А у кадетов у тех же, как наиболее типичных представителей либерализма, практически все было заточено под максимальную легитимацию, легализацию — там можно терминами играть. Ну, вот примерно так. А в этих условиях люди ждали простых, ясных и, как показало будущее, не факт, что правильных решений.

А.А. Иванов: Спасибо большое.

Федор Александрович, а как считаете вы, что заставило российских либералов, не готовых, как мы сейчас выяснили, переломить ситуацию в свою пользу, броситься в эту революцию, стать ее активными участниками?

Ф.А. ГАЙДА

Ну, собственно, как правильно уже было сказано, русское освободительное движение делилось на тех людей, которые хотели гладить по головкам, и тех, которые хотели по головкам бить. При этом что интересно?

И те и другие находились в одном освободительном движении, то есть «Аппассионату» все любили, просто делали из этого разные выводы.

И говоря о 1917 годе, мы видим, что к 1917 году на самом деле уже достаточно бессмысленно говорить о каких-то октябристах, каких-то прогрессистах. Конечно, фракции оставались, но партии реально перестали существовать. А кадеты оказались в интересной ситуации, когда они, со одной стороны, в силу целого ряда причин, о которых сейчас нет времени говорить, уже всю власть считали «темными силами». И договариваться (ни со Штюрмером, ни с Треповым, ни с кем угодно, неважно с кем, кто там будет, они все уже будут олицетворением «темных сил») кадеты (собственно Прогрессивный блок, но во многом кадеты играли там главную роль, действительно Милюков оказался главным стратегом Прогрессивного блока), они, заклеймив, сами отрубили себе вот эту возможность о чем-то договариваться с этими «темными силами». И это тупиковая ситуация. И в этой ситуации единственный, кто мог сказать что-то, это была улица. И Милюков неслучайно уже в январе 1917 года говорил о том, что вот если у нас будет несколько полков, у Государственной думы, вот тогда мы можем сделать что-то следующее, а так мы все слова уже сказали. Милюков сам подтверждал, что он эту фразу действительно говорил.

Так вот, кадеты действительно одна из победивших в феврале 1917 года партий, единственная, кого опять же называем мы либералами, не называем мы их либералами, но они одна из победивших партий и действительно играют огромную роль в революционных событиях 1917 года. Конечно, они не являются фанатичными революционерами, само собой разумеется. Милюков и его соратники что хотели делать, они как к революции относились? Как к чему-то, что иногда бывает нужно, что иногда бывает неизбежно. Но делать революцию надо по-научному, потому что если революция выйдет из краев, то она неизбежно превратится потом в реакцию, такую же безбрежную. Поэтому лучше, если уж революция неизбежна, пускай она будет сделана красиво, с минимальными потерями. Вот самодержавие перестанет существовать, и все. А дальше революция закончилась. А после этого мы сформируем либеральный кабинет, который будет проводить сперва либеральные демократические реформы, а потом социальные реформы.

И если мы посмотрим на деятельность Временного правительства, вообще-то в значительной степени кадетская программа была реализована, в том числе и экономическая программа. Эту экономическую программу все-таки нельзя назвать либеральной. Если мы посмотрим на эволюцию кадетской партийной программы в 1917 году, там действительно происходит очень серьезная эволюция: кадеты были в шаге от того, чтобы не назвать себя социалистической партией. А вопрос реально обсуждался. Вопрос спустили на тормозах просто из тактических соображений: если кадеты называются социалистами, то теперь все партии в России являются социалистическими, а если кадеты не называются социалистами, то все, кто не являются в России 1917 года социалистами, к кадетам обращаются как к единственному прибежищу. То есть, иными словами,

офицеры, буржуа, духовенство сами придут к нам, а не мы к ним, сами придут к нам и поддержат нашу программу, и такую, какую мы им скажем поддержать, — вот, собственно, кадетская идея 1917 года.

Были ли перспективы? Я думаю, что все-таки нет. Потому что действительно по мере усугубления кризиса рос радикализм. И если мы посмотрим на Европу вообще, скажем, от 1914 года до 1945 года, то мы там большой почвы для либерализма в принципе не увидим. Это не только России касается, это касается и Восточной и Центральной Европы. А те, которые оставались либеральными, Франция, например, в 1940 году просто потеряла суверенитет, или Чехословакия в 1938–1939 годах, якобы либеральная, тоже потеряла суверенитет. Потому что была очень либеральная. Поэтому, к сожалению, эта общая тенденция была именно такова, а либерализм не имел шансов на гораздо большем пространстве тогда, чем просто в России.

Спасибо.

А.А. Иванов: Спасибо большое, Федор Александрович.

Игорь Владимирович, вам, должно быть, хорошо известно высказывание видного деятеля кадетской партии Василия Алексеевича Маклакова, когда он, рассуждая о поражении кадетов, признал, что их злейший враг, противник — правые монархисты — так часто и ожесточенно их критиковали не только из-за разницы политических воззрений, а и за то, что не верили, что либералы смогут удержать в России власть, предсказывая им поражение. В чем вы видите главные причины поражения либерального движения в России в 1917 году?

И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК

Спасибо. Я очень коротко хочу все же нашу с Кириллом Андреевичем полемику завершить.

Я абсолютно согласен со всем тем, что он говорил, но это не ситуативность либерализма, а это его аморфность и, скажем так, самоидентификация именно лидеров и партий. Дело в том, что на Западе очень модна типология политических партий Ньюмена, где партии делятся на прагматические и доктринальные. Вот доктринальные — это большевики и черносотенцы, а либералы — прагматические, они готовы идти на компромисс, на изменения ради достижения власти. Поэтому стратегия либерализма — она одна, а тактика была очень изменчива. Поэтому я бы назвал это не ситуативностью, а вариативностью. И размах вариаций русского либерализма был очень большой — от социалистов до потом достаточно правых, кадетов и октябристов, которые граничили с черносотенцами.

А теперь о революционаризме либералов. Очень интересная фраза была сказана, точнее, написана в донесении Куманиным из Министерского павильона Государственной думы. Тогда он сказал, что в Государственной думе «царит тоска», это было написано после начала мировой войны. Тоска по влиянию политическому и тоска по власти. Действительно, с началом войны Дума была практически не задействована в политическом

процессе, собиралась очень редко и на очень короткое время. А влияние это было, механизм его очень хорошо вот как раз Кирилл Андреевич в своих работах нам показывает. И поэтому их борьба за власть, или «штурм власти», как они выражались, в первую очередь носит личностный, психологический характер, ведь люди, которые считали себя избранниками русской земли и влияли на политический процесс, вдруг оказались не просто статистами, а третьеразрядными статистами. Отсюда и их путь в революцию. Не совсем он был вынужденным, он был сознательным.

Давайте посмотрим, где либерализм победил без революции. В Англии, в США, во Франции? Нет. Либерализм — это революционная идеология, что бы ни говорили. И поэтому русский либерализм, он точно такой же революционный, хотя, конечно (если использовать выражение Ленина, высказанное, впрочем, по другому адресу), в некоторых ситуациях он просто «прикрывался революционной фразой».

Как повлиял на русских либералов 1917 год? Вы знаете, в самом начале бурного 1917 года кадеты обсуждали вопрос, как не попасться на удочку 1905-го, когда они слишком сблизились с левыми радикалами, и, пойдя за ними по течению, в итоге не получили того, что они хотели. Поэтому в 1917 году кадеты ставили задачу как можно раньше и четче дистанцироваться от социалистов, вести свою линию. Ну, а дальше 1917 год показал, что в принципе, дистанцировавшись от социалистов, они дистанцируются от политического влияния. И здесь у них выбора тоже по большому счету не было. Главная их проблема или даже фобия на весь межреволюционный период 1917 года — это боязнь правового черносотенно-монархического реванша. Русские либералы так и не осознали, что главная угроза для них с другого, левого фланга политического спектра.

Каковы причины поражения либералов? Почему они все признали, пессимистично ли, оптимистично, что шансов-то у них, собственно говоря, не было? На это, по моему мнению, имеются вполне объективные причины. Важнейшей из них является полное на тот момент отсутствие социальной базы, интересы которой выражались бы либеральными партиями. Кроме того, русское общество привыкло к государственному патернализму, и минимальное государство (то есть невмешательство его в социально-экономическую сферу жизни общества), которое проповедовали правоверные либералы, ну никак не ложилось на русский менталитет.

Ну и наконец, нельзя забывать и то, что либеральная система базируется на делегировании государством значительной части своих функций гражданскому обществу. А гражданского общества в России на тот момент не было. Нет его и сейчас, до сих пор собирают соборы, как его построить. А создать либеральное минимальное государство без гражданского общества невозможно, причем не только в России. Либералы после Февраля начали строить свое государство, однако отсутствие должных внутренних опор (социальной базы, соответствующего менталитета и развитого гражданского общества) предопределило крах этой попытки. Рухнула эта либеральная держава достаточно быстро.

Благодарю.

А.А. Иванов: Спасибо большое, Игорь Владимирович.

Федор Александрович, я знаю, рассматривает эту проблему как конфликт элит и контрэлит. Может быть, в этом направлении вы осветите свой взгляд на поражение российского либерализма?

Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ

Да, мне кажется, это было бы очень интересно. Спасибо, Андрей Александрович, за возможность именно с этой точки зрения посмотреть на вопрос революции 1917 года.

С точки зрения теории элит ведь что тогда происходит? Старая элита сметена, приходит к власти контрэлита, и эта контрэлита организационно разобщена, все друг с другом борются, но идеологически она едина — идеологией контрэлиты является социализм. И если мы посмотрим на спектр партий, которые участвовали в Учредительном собрании, большинство из них именно социализм ставят основой своих идеологических воззрений. Ну, и я полностью согласен с Федором Александровичем в том, что да, и кадеты также чуть-чуть не стали социалистами в 1917 году. То есть выбор социалистический был сделан не в октябре 1917 года, а в марте, и кадеты, оставшись на политической арене, показали тем самым, что они являются частью победившей контрэлиты, то есть приверженцами социализма, то есть им социализм не чужд. Но, естественно, в этой контрэлите кадеты были на периферии, на правом фланге, и здесь я тоже соглашусь с коллегами в том, что они стали уже по одному этому тем магнитом, который притягивал всех тех, кто не являлся сторонниками социализма.

Но здесь я бы поспорил с Федором Александровичем в чем? Вот эти мартовские кадеты, которые хлынули в партию после Февральской революции, то есть чиновники, офицеры, те, кто был, скажем так, далек от радикальных идей социализма, от радикальных идей революции, вот их приток, он партией не приветствовался, он ее беспокоил, потому что руководство кадетской партии видело, что эти люди не разделяют базовые традиции кадетской партии. То есть их приток кадетов беспокоил. То, что приходят бывшие октябристы, прогрессисты, кадетов отнюдь не радовало. Но приток этих людей был, и, естественно, он влиял на идеологию партии. То есть постепенно партия кадетов правела, и, конечно, руководство кадетской партии под влиянием событий 1917 года более трезво смотрело и на социализм, и на возможность его реального применения в условиях России 1917 года. То есть начинается сдвиг партии кадетов вправо, идеологический дрейф вправо. Он продолжается в годы Гражданской войны гораздо более заметно. Но этот дрейф был чужд традициям партии, партия ему противилась всячески. И в результате это привело к ее расколу — 1921–1922 годы, когда выходит Милюков, ключевая фигура, идеологически значимая, знаковая для кадетской партии, он выходит из партии и формирует новое политическое объединение — республиканско-демократическое в блоке с социалистами. То есть

вот этот дрейф вправо в конце концов привел к расколу главной партии, которую мы считаем либеральной.

И если говорить о перспективах русского либерализма и о моменте его поражения, то этот момент — это февраль 1917 года. То есть Февральская революция сорвала попытку либеральных реформ и мягкой модернизации, это было в феврале 1917 года.

Спасибо.

А.А. Иванов: Спасибо.

Уважаемые коллеги, поскольку мне хотелось бы еще оставить время на вопросы из зала, у меня такой вопрос к Кириллу Андреевичу и Сергею Владимировичу: хотели бы вы добавить что-то, может быть, самое важное по этому вопросу? Прошу вас.

К.А. СОЛОВЬЕВ

Да, я немного добавлю.

Первое, что я хотел сказать. Действительно российские либералы, и кадеты, в том числе, в 1905–1906 гг. революции не боялись. Просто революцию они понимали принципиально иначе, чем социалисты. С их точки зрения подлинная революция происходит в головах. Она происходит не на улицах, а в правосознании людей. И тогда, когда существующие нормы большинству кажутся невозможными, когда действующую власть не признают даже ее представители, вот тогда возможности контролировать ситуацию у правительства нет. У существующего государства, с точки зрения кадетов, есть достаточно ресурсов для того, чтобы подавлять отдельные проявления недовольства. Оно может тушить пожар в отдельном месте, где возникают такого рода трудности. А тушить пожар повсеместно уже никакая власть не сможет. Это будет объясняться не усилиями отдельных организаций, партий, а состоянием общественного сознания. Его можно подготавливать, его можно формировать, на общественное мнение можно влиять, но эта революция, с точки зрения кадетов, неорганизуемая. Это нечто более сложное. Такую революцию они вполне признавали. Более того, они полагали, что социалисты работают на них, работают на подлинную революцию. В этой связи не стоило ни в коем случае осуждать бунтующий народ. Это проявление существующего общественного настроения, которое есть само по себе важнейший фактор революционных изменений.

Кстати, хочу ответить Игорю Владимировичу. Либерализм, о котором вы говорите, вариативен, но он ситуативен в своей вариативности. Что я имею в виду? Он отвечал на конкретные вызовы времени. Это как раз вызов времени — Первая русская революция 1905 года. Она определяла и тактику, и стратегию, которые были сцеплены воедино. Достижение искомого результата требовало компромисса в конкретных обстоятельствах, в составе одной политической организации.

В 1905–1906 годах революция сошла на нет, а партии, которые сложились тогда, остались с той же самой программой. Программа уста-

ревала, партии скорее правели. Таким образом, программа фиксировала ситуацию революции. В итоге мы видим затухание партийных организаций, практически всех, к началу Первой мировой войны. У кадетов около 80 тысяч членов в 1906 году и максимум 10 тысяч человек к началу Первой мировой войны. Тем не менее, им удается сформировать каждый раз, и в Третьей, и в Четвертой Думе, серьезную фракцию.

Это значит, что партия кадетов, несмотря на свою оппозиционность, была вмонтирована в существующую систему, играла в этой политической системе немалую роль. Она могла ее ругать, критиковать, она могла предлагать некую альтернативу, высказывать свои предложения. Однако вместе с крушением системы и партия утратила те возможности, которые у нее были. Ведь она опиралась в огромной степени на городского избирателя, по большей степени проходила по второй городской курии. Следовательно, на всеобщих выборах, которые были заложены в самой программе партии, на многое рассчитывать не могла. События 1917–1918 годов это с очевидностью показали. У партии были возможности в рамках цензовой модели выборов, существование которой обеспечивал «старый порядок».

А.А. Иванов: Спасибо большое.
Сергей Владимирович.

С.В. ХОЛЯЕВ

Если кто-то из либералов считает, что в 1917 году либералы проиграли большевикам, это называется гордыней. Если кто-то считает, что в 1917 году либералы проиграли народу, это тоже гордыня. В 1917 году либералы проиграли эсерам. То есть победитель кадетов, победитель либералов — это партия эсеров. А вот уже партия эсеров как представительница интеллигенции взяла на себя миссию полного олицетворения интеллигенции и конечного поражения интеллигенции от народа и большевиков.

Действительно, февраль 1917 года — настоящая катастрофа российского либерализма. После февраля 1917 года говорить о каком-то либерализме не приходится. Если до февраля 1917-го либералы представляют интерес для власти, они представляют определенную силу, как я уже говорил, то для народа кадеты, либералы уже превращаются автоматически в ничто. То есть самодержавие солдата, самодержавие крестьянина оказалось для либералов, интеллигентов страшнее самодержавия царя. С самодержавием царя можно было говорить, со штыками нет. Неслучайно же Милюков сказал: «Ну, что же, мы не винтовочные люди». Поэтому это было полное закономерное поражение.

И на фоне этого поражения что делали либералы восемь месяцев? Они боролись остервенело друг с другом. Советская историография приписывала всех либералов, кто остался во власти, к кадетам. А на самом деле сложился широкий антикадетский альянс внутри партии власти, то есть

во Временном правительстве. Вот эта четверка — масонская четверка, и все другие либералы-некадеты, они объединились против кадетов в некоем антикадетском альянсе. В феврале 1917 года, когда либералы были по обе стороны центральной власти и губернских структур управления, они развязали страшнейший конфликт, вступив между собой в междусобойчик «кто важнее», вследствие которого сначала губернская власть отошла от центральной власти, а потом, потеряв поддержку центральной власти, стала крошиться и региональная власть, а затем уездная и волостная. Осенью 1917 года Россия превратилась в месиво властей. Даже в уездах было невозможно наладить ситуацию.

Поэтому в России получилось, что действительно социалисты пришли к власти, но социалисты оказались бессильны справиться с этим народным морем. Русская революция — уникальная революция: это была единственная революция, где народ обрел власть, потому что Временное правительство не смогло управлять страной, а не потому, что они были такие доктринеры свободы. Они не умели управлять государством. Поэтому это была единственная народная революция, по крайней мере, на европейской территории.

А.А. Иванов: Спасибо большое, Сергей Владимирович.

Мне кажется, наша дискуссия получилась очень разносторонняя, полезная, мнения были высказаны самые разные.

И у нас остается еще немного времени, как мне кажется, на три вопроса из зала. Поэтому если к докладчикам, к выступавшим есть вопросы, пожалуйста.

ВОПРОСЫ ИЗ ЗАЛА

Вопрос: Р.Я. Юрковский

Я хочу задать вопрос профессору Федору Александровичу Гайде. Скажите, пожалуйста, господин профессор: можно сказать, что без западников был бы русский либерализм в конце XIX века и в начале XX века или не был? Это вопрос, если вы попробуете сказать. Но у меня есть одно мнение. Можно, господин председательствующий, можно сказать мнение еще одно?

Я думаю, что если мы говорим о правительственном либерализме, я думаю, что если смотреть с точки зрения того, что сказал профессор Гайда, то правительственных либералов не было, это были просто реформаторы, такие, например, как Витте, Бунге, это были реформаторы, которые реформировали Россию, но либерализма у них не было. Я думаю, что надо так говорить, и что государственных либералов не было в конце XIX века в России. Может, они что-то думали о либерализме, но в деятельности этого либерализма не видится. Спасибо.

Ф.А. ГАЙДА

Да, спасибо. Это непростой вопрос, конечно.

Если мы посмотрим ранние тексты славянофилов, то их в общем можно оценивать как либеральные, при этом они не являются западниками, они формулируют свою идеологию, скажем так, в оппозиции к Западу.

Если мы будем смотреть на правительство того же XIX века, мы тоже увидим интересные вещи. Николай Милютин все-таки по взглядам, наверное, либерал, но при этом, если мы посмотрим, как он себя ведет в Польше, то он ведет себя совсем не как либерал, он ведет себя как русский националист. В России он будет вести себя не как русский националист, а как русский либерал. То есть его отношение к любой идеологии будет инструментальное, прагматичное. Он считает, что здесь он может от имени империи действовать таким образом, и он будет действовать таким образом, а вот здесь другим образом. И в каком-то смысле это школа николаевского прагматизма, который как бы консервативный, а на самом деле это в большей степени некий такой бюрократический прагматизм, который будет иметь просто разные маски в разных ситуациях.

А.А. Иванов: Спасибо. Да, пожалуйста, вопрос. Можете в микрофон?

Вопрос: Н.В. Ростиславлева[1]

Каковы были варианты русского либерализма начала XX в.? Что их объединяло? Было ли общее понимание свободы?

К.А. СОЛОВЬЕВ

Спасибо большое. Я боюсь, что вопрос очень масштабный. На самом деле мы могли бы провести такой вот второй круглый стол и потратили бы не меньше чем два часа, а может быть, и больше — на разговор о свободе, в том числе.

Если очень кратко отвечать, я бы остановился на следующем. Все-таки понятие «свобода» по логике своей негативно. Оно предполагает, что свобода должна быть от чего-либо. Любая политическая сила будет провозглашать свободу, но понимать ее будет по-своему. Для либералов узловым вопросом станет свобода от государственного произвола, о необходимости правовых рамок, обеспечивающих пространство для реализации возможностей человеческой личности. А вот дальше уже на самом деле начинается то, о чем вы абсолютно верно сказали: вариативность и плюралистичность, разные модели, характерные, в том числе, для либерализма начала XX века.

Тогда в русской общественной мысли имеет место такое значимое интеллектуальное течение, как школа возрождения естественного права. Оно подразумевало принципиально новое понимание человеческих

[1] Ростиславлева Наталья Васильевна, д. ист. н., профессор кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ.

прав, свободы. Я уже говорил: один из важнейших представителей этой школы — Павел Иванович Новгородцев. Он полагал, что у человека есть не просто право на жизнь, а право на достойную жизнь. Это составляет большую разницу, потому что это предполагает и право на медицинское обеспечение, и право на образование, и право на досуг, и многое-многое другое. И все это обязано обеспечить государство. В таком случае складывается совершенно особое понимание государства. Это уже ни в коей мере не «ночной сторож», как по Адаму Смиту, здесь речь идет не о трех естественных правах, как по Локку, а о целой совокупности прав, которые, естественно, вступают в противоречие между собой. Вот такое государство само по себе является регулятором правоотношений, то есть определяет, какие права приоритетны, а какие нет. То есть мы видим с вами развитие представлений о праве и свободе в динамике.

При этом Новгородцев отнюдь не единственный автор, который высказывает свою точку зрения на этот счет. Есть разные позиции, которые сталкиваются, что лишний раз подчеркивает: русский либерализм — это дискуссия, это не догма. Это не определенная формула, которую можно отобразить на экране и сказать: вот это четкий критерий, который позволяет нам отличить либерала от нелиберала. Либералы начала XX в. сами далеко не всегда могли в полной мере разобраться в этом, но спорили между собой, в том числе по тем вопросам, которые, на мой взгляд, являются маркером, позволяющим отличить либеральное течение от тех, кто ему оппонировал.

Спасибо. Надеюсь, что хоть как-то ответил на вопрос.

А.А. Иванов: Спасибо. У нас остается время, наверное, на последний вопрос, коллеги. Есть вопросы еще к докладчикам? Кто-то хочет уяснить еще какие-то специфические черты российского либерализма?

Да, пожалуйста, Дмитрий Игоревич.

Вопрос: Д.И. Стогов

У меня будет вопрос небольшой к Федору Александровичу Селезневу. Дело в том, что Федор Александрович много и плодотворно занимается историей кадетской партии. Вопрос собственно заключается в следующем. Как известно, многие кадеты являлись выходцами из земского движения, вот лидеры, именно знавшие хорошо крестьянскую Россию, аграрную Россию, непосредственно русскую деревню. И в этой связи у меня такой вопрос к вам. Как вы считаете, насколько сильны, и были ли, во-первых, славянофильские воззрения, славянофильские элементы у этих деятелей, и насколько были сильны такие воззрения?

Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ

Спасибо за очень интересный вопрос, Дмитрий Игоревич.

Вот эту сторону мы как-то упустили в нашей беседе. На самом деле у кадетов по отношению к крестьянству были, наверное, не славянофильские воззрения, а народнические. То есть именно народнические идеи среди них были господствующими. И если мы говорили о том, что кадеты тоже отдали дань социализму, то это был именно социализм народнического типа. Вот этот социализм и это отношение к крестьянству как раз были характерны для кадетов, и отсюда их аграрная программа, отсюда их стремление поставить во главу угла интересы крестьянства. Кстати, когда партия кадетов раскалывалась в 1921–1922 годах, Милюков как раз и говорил, что поскольку в России главная часть населения — это крестьяне, по своему количеству, то именно от позиции крестьян и зависит будущее, поэтому нам нужно отказываться от любых идей реставрации, мы должны принимать советскую власть, должны принимать ленинскую аграрную реформу, наша опора — это крестьяне. То есть здесь вот эта магистральная линия, которая шла от народничества конца XIX века, она сыграла финальный аккорд в истории вообще кадетской партии.

Вообще ваш вопрос показывает целое новое направление изучения истории русского либерализма — это тема русский либерализм и народничество. Вот это очень важно — их соотношение выяснить.

Спасибо большое.

А.А. ИВАНОВ

Спасибо большое, уважаемые коллеги.

К сожалению, наше время подходит к концу, и я властью, данной мне оргкомитетом, прекращаю нашу дискуссию о либерализме. Надеюсь, что она была информативна, полезна, высказано было много интересных суждений.

(Аплодисменты)

И хотя участники дискуссии так и не пришли к общим взглядам и выводам, это, на мой взгляд, как раз и хорошо, так как в данном случае научная дискуссия гораздо важнее консенсуса. Надеюсь, что многие услышали что-то полезное и новое для себя, то, что заставит всех нас и дальше размышлять о сущности российского либерализма, его потенциале и конечном крахе в начале XX века.

Спасибо.

А.И. ГУЧКОВ — «ВЕЛИКИЙ МАГИСТР РЕВОЛЮЦИИ»?

А.И. ГУЧКОВ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

СЕНИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: igu_fdta@rggu.ru

Аннотация: Февральская революция произошла на фоне значительного ухудшения социально-экономического положения и роста недовольства населения внутренней политикой правительства. Объектом критики стали монархическая власть, царская бюрократия и лично Николай II. Лидер партии октябристов, председатель Центрального военно-промышленного комитета, член Государственного совета А.И. Гучков стал ярким выразителем этих настроений в обществе. Монархист по убеждениям, он для спасения монархического режима в России приступил к разработке плана отстранения Николая II от власти путем дворцового переворота. Однако политический процесс в стране оказался более радикальным, чем его видела либеральная оппозиция. В сознании российских рабочих и крестьян желание покончить с войной и решить земельный вопрос в пользу крестьян соединилось со стремлением уничтожить всю систему частнособственнических отношений. Пришедшее к власти в результате победы Февральской революции либеральное правительство не смогло предложить стране реалистический план выхода из социально-экономического тупика и быстро сошло с исторической сцены. Жизнь и деятельность А.И. Гучкова отразила эти исторические процессы.

Ключевые слова: Первая мировая война, кризис управления государством, социально-экономический кризис, парламентская оппозиция, Февральская революция, А.И. Гучков.

В Государственном академическом Малом театре в конце 2018 г. состоялась премьера спектакля «Государственный переворот», посвященного трагическим и противоречивым событиям нашей истории — отречению императора Николая II. Монарх показан обаятельным, мудрым, бескорыстным человеком, принесшим себя в жертву во имя спасения страны. Кто же вынудил его отречься от престола? Элита российского общества: либеральные политики, олигархи-миллионеры, изменившие

присяге генералы и даже представители Дома Романовых — ближайшее окружение царя. Неслучайно рефреном спектакля стала фраза из дневника Николая Романова: «Кругом измена и трусость, и обман»[1].

Главным заговорщиком, по версии авторов постановки, стал Александр Иванович Гучков. Именно к нему сходились все нити заговора. Точка зрения, весьма распространенная сегодня. «Великий магистр революции» — так озаглавила книгу о Гучкове исследовательница Я. Седова[2]. «Поставив перед собой целью отречение Николая II от власти, он этого добился. При этом вряд ли задумывался о последствиях, к чему все это может привести», — пишет автор монографии о Гучкове В.И. Козодой[3]. Он же приводит слова полицейского генерал-лейтенанта П.Г. Курлова: «Россия обязана Гучкову не только падением Императорской власти,… но и последующим разрушением ее, как великой мировой державы. Она обязана Гучкову большевизмом, изменой союзникам… тысячами убитых офицеров и заливающими ее потоками крови…»[4]. Вот такой Демон Великой российской революции.

Думается, что роль Гучкова в революции слишком преувеличена. Партия октябристов, возглавляемая им на протяжении всех лет существования, старалась придерживаться принципов манифеста 17 октября 1905 г. — сохранение монархического строя при проведении ряда важных и давно ожидавшихся в стране реформ. Вряд ли, спустя много лет, находясь в эмиграции, Гучков лукавил, утверждая, что «был монархистом и остался монархистом, и умру монархистом»[5].

На протяжении тысячи лет Россия жила при монархической форме правления. Выживание и развитие страны с большой территорией, суровым климатом, сложным геополитическим окружением, огромными различиями в религии и культуре населяющих ее народов были немыслимы без сильной центральной власти. В периоды ее ослабления неизменно наступало Смутное время. В России слишком многое зависело от личности главы государства. Почти все свидетели событий 1917 года связывали кризис власти с руководителями страны, считая их не соответствовавшими задачам, стоявшим перед государством. Например, последний царский министр путей сообщения Э.Б. Войновский-Кригер был уверен, что будь на месте Николая II его отец — Александр III — «не было бы целого ряда тех крупнейших ошибок и промахов и в самом ведении войны, и в деле государственного управления, какие имели место благодаря Николаю II и его семейной обстановке». При другом

[1] Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2-х т. М., 2013. Т. 2: 1905–1918: в 2 ч. Ч. 2: 1914–1918. С. 296.

[2] *Седова Я.* Великий магистр революции. М., 2006.

[3] *Козодой В.И.* Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015. С. 111.

[4] Там же.

[5] Александр Иванович Гучков рассказывает… Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 24.

государе, по мнению министра, Россия смогла бы продержаться до победоносного завершения войны. «Император Николай II и его Правительство, — писал Войновский-Кригер, — как будто нарочно делали все для того, чтобы окончательно себя уронить и создать такое безысходное настроение, при котором единственным выходом казался государственный переворот»[1].

Трудно не согласиться с В.А. Никоновым, что на Руси верховному правителю прощали все, кроме слабости. В народном сознании закрепилась мысль, что государство процветало лишь при деспотических лидерах. Именно в их правления, за редким исключением, совершались прорывы в экономике, достигались вершины внешнеполитического влияния. При слабых правителях государства разрушались, чему пример Николая II и М.С. Горбачева[2]. В последние годы в исторической литературе получила распространение теория заговора военных против царя: Николая II сдали генералы-предатели. Пришла бы в голову генералам мысль «сдать» Петра I? Вряд ли стоит сомневаться, что абсолютное большинство русских генералов и адмиралов по своему воспитанию и образованию были монархистами.

Ощущение, что тормозом России является не монархическая государственность, а ее конкретный носитель, в полной мере пришла к Гучкову в Государственной думе 3-го созыва, где он три года возглавлял комиссию по государственной обороне. Тогда стало ясно, что государь, являясь и в мирное время руководителем вооруженных сил, мало разбирался в военном строительстве, излишне доверяя некомпетентным исполнителям. И это в условиях очевидно приближавшегося военного пожара в Европе. Свои взгляды на положение в стране и деятельность власти А.И. Гучков изложил на конференции октябристов в ноябре 1913 года.

По словам Гучкова, после убийства П.А. Столыпина «глубокий паралич сковал правительственную власть: ни государственных целей, ни широко задуманного плана, ни общей воли». На первый план вышли борьба ведомств, личные интриги и т.п. Государственный корабль потерял курс и болтался по волнам: «Никогда авторитет правительственной власти не падал так низко». «Пусть не заблуждаются относительно народных настроений, — заявлял Гучков, — пусть не убаюкиваются внешними признаками спокойствия», так как народ постоянно революционизируется действиями самой власти. Ее бесконечные ошибки привели к потере веры во власть, а с нею и к утрате веры «в возможность нормального, мирного выхода из кризиса». Гучков утверждал, что опасность не в проповеди социализма или анархизма, не в антирелигиозной пропаганде, не в заговорщиках разного рода, а в самой власти. Он констатировал: «Историческая драма, которую мы переживаем, заключается

[1] *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции / *Спроге В.Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 129–130.

[2] *Никонов В.А.* Российская матрица. М., 2014. С. 908.

в том, что мы вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковной иерархии, армию против ее вождей, авторитет правительственной власти — против носителей этой власти»[1].

Инженер путей сообщения А.А. Бубликов, опубликовавший воспоминания по горячим следам революции в начале 1918 г., примерно также оценивал обстановку в стране в канун Первой мировой войны. Правительство, писал он, так и не поняло после первой русской революции, что нельзя «править страною против народа». Верховная власть, видя безволие дворянства и духовенства, глубоко их презирала и перестала с ними считаться. Рабочих правительство «искренне ненавидело», к крестьянам относилось с недоверием, отношение к торгово-промышленной буржуазии было «определенно враждебное». К интеллигенции власть проводила политику «непрерывного мелкого издевательства над ее свободолюбивыми стремлениями». В России не было ни одного класса или группы людей, с которыми правительству «было бы по пути». Бубликов пишет о нараставшей социальной апатии: «Если в чем и был не прав бывший русский премьер Коковцов, когда утверждал, что в России в 30 верстах от железной дороги никто политикой не интересуется, то разве в том, что ею не занимались и те, кто жил вплотную у железной дороги»[2]. В канун войны с Германией ни один общественный институт не пользовался доверием общества. «Гос[ударственная] дума, — по мнению Бубликова, — решительно никакой поддержкой в стране не пользовалась. Правительство могло ее распускать сколько угодно, и в стране не раздавалось и тени протеста. Если ее не разгоняли вовсе, то только потому, что ее умели „обезвреживать“ через законодательную обструкцию верхней палаты, и потому, что немного опасались заграницы — как бы не лишили кредита. Маразм был полнейший»[3].

Российская империя вступила в войну не подготовленной к продолжительным и широкомасштабным боевым действиям. Перепрофилирование промышленности на выпуск военной продукции сопровождалось колоссальными производственными потерями. Усилился дисбаланс в развитии ее важнейших отраслей. Например, в стране была создана химическая промышленность, но значительно сократилось транспортное машиностроение. Транспортная инфраструктура не могла обеспечить в необходимом объеме перевозки фронта и тыла. Значительно ослаб экономический потенциал гражданских отраслей народного хозяйства, не занятых в военном производстве, что вело к падению народного потребления (по итогам 1916 г. на 52 % от уровня 1913 г.). Уже в 1915 г. цены в городах европейской части России выросли в три раза по сравне-

[1] *Гучков А.И.* Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике. 1908–1917. Пг., 1917. С. 111–112.

[2] *Бубликов А.А.* Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. М., 2018. С. 32, 33, 34.

[3] Там же. С. 35.

нию с довоенным уровнем. Поражения на фронтах и ухудшение материального положения тыла вызвали рост социального напряжения[1].

25–27 июля 1915 г. в Петрограде состоялся 1-й съезд военно-промышленных комитетов, определивший окончательный состав ЦВПК во главе с А.И. Гучковым. Съезд требовал включения председателя ЦВПК и председателей главных комитетов всероссийских союзов земств и городов в состав правительства. Одновременно требование о включении Гучкова в состав правительства выдвинула и партия кадетов. 13 августа газета «Утро России» опубликовала список так называемого «комитета обороны», в который, по мнению буржуазной оппозиции, А.И. Гучков должен был войти в качестве министра внутренних дел. Позднее появились и другие версии списков правительства из представителей парламентских партий. В одном из них Гучков значился даже главой правительства[2]. 23 августа «Утро России» опубликовало интервью с Гучковым. Оценивая положение в стране как тяжелое, он настаивал на создании «сильной власти во главе с сильным человеком». Гучков дал весьма резкую оценку кадровой политике властей: «У нас идут по пути спасения с постоянным опозданием… А.В. Кривошеина дадут только тогда, когда нужен будет М.В. Родзянко, М.В. Родзянко — когда нужен будет Гучков, Гучкова — когда потребуется П.Н. Милюков, а П.Н. Милюкова — когда придется призвать А.Ф. Керенского. У нас все будет, но все не вовремя»[3].

В августе 1915 г. сложился Прогрессивный блок, объединивший многих деятелей Государственной думы и Государственного совета. Программа блока включала требования формирования правительства, «сильного доверием общества», свободу вероисповедания, восстановление в правах профсоюзов и рабочей печати и т.п. 25 октября Гучков в первый и последний раз участвовал в заседаниях его президиума. Он скептически относился «к возможности создания у нас в России… общественного или парламентского кабинета», считая, что «составить хороший государственный и технически подготовленный и приемлемый для широкого общественного мнения кабинет можно было даже не прибегая к элементам общественным», то есть из лучших представителей царской бюрократии[4].

Весь 1916 г. Гучков налаживал связи с отдельными представителями военного командования. В августе полиции стало известно о его письме начальнику штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексееву от имени оппозиции с резкой критикой внутренней и внешней политики правительства. Узнав о содержании письма, императрица Александра Федоровна писала мужу о необходимости ареста Гучкова. Позднее Гучков признавался, что информировал Алексеева о положении дел в тылу,

[1] *Китанина Т.М.* Россия в Первой мировой войне 1914–1915 гг.: экономика и экономическая политика. СПб., 2016. С. 304–306; Россия в 1917 году: энциклопедия. М., 2017. С. 7–8.

[2] *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 85.

[3] Там же. С. 86.

[4] Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 21–22.

даже не ожидая ответа, и сожалел, что одно из писем стало достоянием общественности: «Это мне было очень неприятно, потому что я в то время пытался с этой властью столковаться и считал, что не время расшатывать ее»[1].

В середине октября 1916 г. на квартире М.М. Федорова, председателя Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу, прошло тайное заседание с участием А.И. Гучкова, И.В. Годнева, П.Н. Милюкова, Н.В. Некрасова, М.И. Терещенко, С.И. Шидловского, А.И. Шингарева и др. Участники сошлись во мнении о возможности революционного взрыва в стране. По словам Милюкова, попытки «образумить власть», раскрыть ей глаза на реальное положение дел в стране ни к чему не привели. Характерно, что вопрос о политическом режиме на совещании не затрагивался, «потому что в душе у каждого было решено, что строй должен остаться монархическим»[2]. Чтобы упредить революционный взрыв, Гучков в беседе с членом ЦК партии кадетов Н.В. Некрасовым высказался за дворцовый переворот. Убийство Николая II было исключено, поскольку невозможно будет «заставить сына и брата присягнуть через лужу крови». Предполагалось передать власть малолетнему наследнику Алексею при регентстве великого князя Михаила Александровича. Гучков, Некрасов и Терещенко рассмотрели несколько вариантов ареста царя: а) в Ставке, б) в Царском Селе или в Петрограде, в) в поезде между Ставкой и Царским Селом. Первые два варианта были отклонены из-за возможного столкновения с верными императору воинскими частями. Оставался третий вариант, но и он требовал поиска критически настроенных к власти военных.

Насколько реальными были эти планы без революционного взрыва? На наш взгляд, шансы их осуществления были минимальными. Практически все генералы, насколько можно судить по имеющимся источникам, сочувствуя идее переворота, участвовать в заговоре наотрез отказались. Позднее Гучков подвел итог своей заговорщической деятельности: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось»[3]. «В сущности, на этом весь заговор кончился», — констатировал Гучков[4].

Отметим, что полиции был известен буквально каждый шаг Гучкова, отслеживались все его контакты, в том числе с английским послом Дж. Бьюкененом, а также его выступления на различных съездах и совещаниях. Ареста Гучкова открыто добивалась правая печать. Императрица писала мужу, что этого политика надо повесить. Странно, но Гучков открыто затрагивал тему дворцового переворота. По свидетельству знакомой

[1] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 8, 9.

[2] Там же. С. 15.

[3] Цит. по: *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 253.

[4] Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 23.

Гучкова кн. Л.Л. Васильчиковой, он «с поистине изумительной откровенностью провозглашал это мнение в каждой гостиной» и расписывал возможность ареста царя во время переезда из Ставки в Петроград. На предложение сообщить об этом императрице мать Васильчиковой вполне резонно заметила: «Это пустая болтовня…Заговоры, которые обсуждаются во всех подробностях в гостиных с чужими людьми, не могут считаться серьезными»[1]. Создается впечатление, что происходила некая имитация нелегальной активности с целью оказания психологического давления на власть.

В самый критический момент русская буржуазная оппозиция явно растерялась. Ее настроение ярко отразил в своих воспоминаниях В.В. Шульгин: «Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать… Мы способны были, в крайнем случае, безболезненно пересесть с депутатских кресел на министерские скамьи… под условием, чтобы императорский караул охранял нас… Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала — у нас кружилась голова и немело сердце»[2]. Растерянность, видимо, передалась и Гучкову. Во всяком случае, не сохранилось достоверных сведений о его активной деятельности в дни, предшествовавшие падению самодержавия. Впоследствии Гучков так оценил тактику буржуазной оппозиции в канун Февральской революции: «Люди пришли к заключению, что требуется хирургическое вмешательство… Может быть, отдельные лица нашего правящего класса выполнили свой долг, но класс, как таковой, своего долга не исполнил, и долг крутой, насильственной смены власти принят был другими силами»[3].

[1] Цит. по: *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 254.
[2] *Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 435.
[3] *Сенин А.С.* Указ. соч. С. 105.

РОЛЬ А.И. ГУЧКОВА В ПОДГОТОВКЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СЕДОВА ЯНА АНАТОЛЬЕВНА,
кандидат технических наук,
доцент кафедры Автоматизированные системы
обработки информации и управления
Астраханского государственного
технического университета,
Астрахань, Россия;
e-mail: y.a.sedova@mail.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка анализа и выявления противоречий общепринятой версии февральского переворота 1917 года с акцентом на роль А.И. Гучкова. Рассмотрены следующие вопросы: его принадлежность к масонской ложе, план дворцового переворота со слов заговорщиков, версия о шантаже ими Николая II, участие генералитета в заговоре Гучкова, связь последнего с рабочей группой Центрального военно-промышленного комитета и Советом рабочих депутатов, действия лично Гучкова в дни революции. Автор статьи доказывает, что вклад А.И. Гучкова в подготовку переворота был достаточно весомым.

Ключевые слова: А.И. Гучков, М.В. Алексеев, ЦВПК, Февральская революция, русское масонство.

Название круглого стола, почти точно повторяющее название моей книги, вышедшей в 2006 г., использует масонскую терминологию. Мнение о том, что А.И. Гучков был масоном, крайне популярно. Оно основано на книге Н.Н. Берберовой «Люди и ложи», подкрепляющей это положение лишь двумя сомнительными источниками. Это, во-первых, доклад Маргулиеса 1925 года с упоминанием «Военной ложи» 1908 г., куда входил Гучков, а во-вторых, знаменитое письмо Кусковой Вольскому (Валентинову), где она пишет: «Много разговоров о „заговоре“ Гучкова. Этот заговор был. Но он резко осуждался членами масонства. Гучков вообще подвергался неоднократно угрозе исключения»[1].

Противоположное мнение идет из письма Б.И. Николаевского: «Гучков до революции в ложах не был — это я знаю вполне точно. В годы войны, когда было много группок, созданных масонами, но не входивших в их официальную сеть, по-видимому, Гучков был с ними как-то связан, но и тогда к масонам официально не принадлежал. Масоном он стал только во Франции»[2]. Второе мнение более правдоподобно, поскольку Александр Иванович был слишком умен, чтобы свои достижения подчинить чьей-то неизвестной воле. Отношения его с масонами

[1] *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 111.
[2] Там же. С. 113.

сводились, вероятно, к сотрудничеству, полезному для обеих сторон, но никак не к подчинению.

Применительно к Гучкову правильнее было бы говорить о «великом магистре» революции как об ее организаторе. Именно так его рассматривали многие современники. «В течение двух лет, — писал К.И. Глобачев, — я был свидетелем подготовлявшегося бунта против верховной власти, никем не остановленного, приведшего Россию к небывалым потрясениям и гибели»[1]. Это мнение перекочевало и в научные труды. Сходство между планом государственного переворота, изложенным Гучковым следственной комиссии Временного правительства, и событиями марта 1917 г. не может не бросаться в глаза. В обоих случаях мы видим царский поезд, остановленный в пути между Ставкой и Царским Селом, и отречение монарха. «План заключался в том (я только имен называть не буду), чтобы захватить по дороге между Царским Селом и Ставкой императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собой правительство»[2].

Гучков — человек, чьему слову доверять невозможно. Привычный к скрытности, он всегда имел в запасе версию своих поступков, приготовленную для публики. Следует иметь в виду это обстоятельство, рассматривая показания Александра Ивановича.

План переворота в том виде, как его передал Гучков, откровенно невыполним. Он построен на предположении, что Николай II, будучи захвачен в пути между Ставкой и Царским Селом, добровольно отречется от престола. Гучков уверял, что возможность отказа от отречения даже не обсуждалась заговорщиками: « ...меня кто-то спрашивал, а если бы государь не согласился, если бы он отказался подписать, что бы вы предприняли? Просто мы этого вопроса не обсуждали, просто мы были крепко убеждены <…> Я отвечал: нас, вероятно, арестовали бы, потому что, если бы он отказался, нас, вероятно, повесили бы»[3]. Героизм этого ответа очень в духе Гучкова, а вот такое легкомыслие совсем на него не похоже. Очевидно, разумные люди этот вариант должны были предусмотреть. Означает ли это, что, как писал А.И. Деникин, предполагалось физическое устранение монарха?[4] Едва ли, поскольку оно было бы невыгодно самим же заговорщикам. Статус цареубийц сразу же вос-

[1] *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 114.

[2] *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М., 2003. С. 578.

[3] *Гучков А.И.* Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 24.

[4] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 39.

становил бы общество против них. Напротив, отречение стало бы логичным итогом кампании по дискредитации Николая II, которую Гучков вел с 1911 г.

Вероятно, заговорщики предполагали шантажировать чем-то монарха, вынуждая его к этому шагу. В связи с данным вопросом любопытны свидетельства о том, что в Пскове изолированному от всех источников информации Николаю II угрожали убийством его семьи. П.Г. Курлов связывает это «моральное насилие, не имеющее названия в глазах маломальски порядочного человека», с именем Родзянко[1]. О шантаже говорила уже в ссылке и императрица Александра Федоровна, узнав о намерении властей увезти ее супруга из Тобольска: «...они хотят отделить его от семьи, чтобы попробовать заставить его подписать гадкую вещь под страхом опасности для жизни всех своих, которых он оставит в Тобольске. Как это было во время отречения в Пскове…»[2].

Но главными обстоятельствами, повлиявшими на решение монарха, были, безусловно, бунт в столице и неожиданный переход генералитета на сторону заговорщиков. По-видимому, план Гучкова предусматривал эти события.

Попытки Александра Ивановича и его друзей привлечь на свою сторону генералов хорошо известны. Сложно судить об успехе переговоров с М.В. Алексеевым. Возможно, свое письмо к нему Гучков распространял, желая скомпрометировать его вымышленными связями с оппозицией, в надежде на его увольнение. Кроме того, заговорщикам было выгодно объявить Алексеева присоединившимся к заговору ввиду популярности начальника штаба в армии. Несмотря на это, те, кто хорошо знал Алексеева, не верили в его участие в заговоре. Ген. А.А. Брусилов пишет, что не верил вообще в слухи о дворцовом перевороте именно «потому, что главная роль была предназначена Алексееву, который якобы согласился арестовать Николая II и Александру Федоровну»[3].

Позже Гучков утверждал, что «никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось»[4], однако их единодушная поддержка идеи отречения при запросе Алексеева выглядит подозрительно.

Не менее подозрительно и много раз отмечавшееся в литературе совпадение: петроградский бунт вспыхнул, как по заказу, ровно на следующий день после отъезда императора в Ставку. Однако здесь теория заговора наталкивается на серьезные трудности. Организовать беспорядки Гучков мог только через рабочую группу ЦВПК, а она была арестована еще 27 января 1917 г. Тем самым, по словам Глобачева, у Александра Ивановича «была выдернута скамейка из-под ног»[5].

---

[1] *Курлов П.Г.* Гибель Императорской России. М., 1991. С. 12–13.

[2] *Мельгунов С.П.* Судьба императора Николая II после отречения. М.; Берлин, 2017. С. 383.

[3] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1983. С. 232.

[4] *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. М., 2003. С. 148.

[5] *Глобачев К.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 61.

Однако затем Гучков попытался использовать арест в своих целях. 30 января он собрал совещание представителей Думы и Государственного совета, на котором объявил, что рабочая группа не стремилась к социал-демократической республике. На этом совещании предлагалось устроить шествие рабочих к Думе с требованием освобождения рабочей группы и призвать их к забастовке особым манифестом. Оба предложения были исполнены. Гучков разослал по фабрикам и заводам циркуляр ЦВПК с призывом протестовать против ареста рабочих, а 14 февраля перед Таврическим дворцом появилась небольшая демонстрация. Когда в Петрограде начались забастовки, Гучков мог понять, что время работает на него.

Рабочая группа была арестована не целиком, — больной Гвоздев арестован на дому, нескольким другим депутатам удалось избежать ареста, — а значит, ничто не мешало им агитировать по фабрикам с той же энергией. Арест группы только придал ее уцелевшим членам мученический ореол: «расправа с легальной рабочей организацией вызвала негодующие отклики»[1]. Именно эти лица могли распространить в своей среде те слухи о нехватке хлеба, которые вызвали в Петрограде февральские демонстрации. Как пишет Глобачев, «через ЦВПК в рабочие массы были брошены политические лозунги и был пущен слух о надвигающемся якобы голоде и отсутствии хлеба в столице»[2].

Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что сигнал к Февральской революции был дан именно Гучковым.

Далее, Совет рабочих депутатов, существование которого оказало огромное влияние на деятельность Временного комитета Государственной думы и Временного правительства, тесно связан с рабочей группой ЦВПК. «Освобожденные из тюрьмы представители „Рабочей группы“ Центрального военно-промышленного комитета использовали свой аппарат для мобилизации своих представителей в Таврический дворец. Думская социал-демократическая фракция Н.С. Чхеидзе также собрала весь цвет меньшевизма. К.А. Гвоздев, выйдя из „Крестов“, сумел дать на некоторые заводы „своим ребятам“ телефонограмму о собрании совета на 7 часов вечера»[3]. Возможно, и появление Совета входило в план Гучкова.

В дни Февральской революции Гучков играл активную роль. В ночь с 1 на 2 марта он, по словам П.Н. Милюкова, «ездил на вокзалы Варшавский и Балтийский, чтобы предупредить прибытие в Петербург войск, посланных царем для усмирения восстания»[4]. 2 марта на митинге в Таврическом дворце тот же Милюков сказал: «Вот теперь, когда я в этом зале говорю с вами, Гучков на улицах столицы организует победу»[5].

---

[1] Революционный Петроград: Год 1917. Л., 1977. С. 26.

[2] *Глобачев К.И.* Указ. соч. // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 61.

[3] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: В 3-х т. М., 1992. Т. 2. С. 126.

[4] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 462.

[5] *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 302.

Поездка в Псков, вероятно, не входила в изначальный план, но, когда Гучков узнал об отказе М.В. Родзянко ехать за отречением, пришлось идти ва-банк. По пути Александр Иванович еще раз постарался обезвредить генерала Н.И. Иванова тем же приемом, что и Государя. «Еду в Псков, — сообщалось в записке Гучкова Иванову, — примите все меры повидать меня либо в Пскове, либо на обратном пути из Пскова в Петроград. Распоряжение дано о пропуске Вас этом направлении». «Рад буду повидать вас, но на станции Вырица, — ответил Иванов. — Если то для вас возможно, телеграфируйте о времени проезда». «На обратном пути из Пскова постараюсь быть Вырице, желательнее встретить вас Гатчине Варшавской», — сообщил Гучков. Но уже 3 марта он говорил: «Тороплюсь Петроград, очень сожалею, не могу заехать. Свидание окончилось благополучно»[1].

Все нити организации заговора проследить невозможно. Трудно также определить, развивались события по плану Гучкова или вышли из-под контроля. Во всяком случае, несомненно, что роль Александра Ивановича была гораздо глубже, чем он старался показать.

[1] *Блок А.* Собрание сочинений в 6-ти т. Л., 1982. Т. 5. С. 351, 357.

АЛЕКСАНДР ГУЧКОВ В ФЕВРАЛЕ 1917 ГОДА

КОЗОДОЙ ВИКТОР ИВАНОВИЧ,
доктор исторических наук, временно исполняющий
обязанности директора Института истории
Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия;
sibforum@yandex.ru

Аннотация: Одна из проблем изучения таких переломных моментов, как революции и государственные перевороты, — практически полное отсутствие письменных источников и подтверждений. События Февраля 1917 года не исключение, письменных «планов» история не сохранила. Однако переворот 1923 года в Болгарии оставил свой письменный след и это письмо А. Гучкова П. Врангелю с подробным изложением сценария переворота, по которому он и произошел. Сравнивая эти два исторических события, можно заметить много схожего, в том числе и причастность А. Гучкова к ним. Исходя из этого вполне логично предположить, что он же — А. Гучков — был и сценаристом событий в Феврале 1917 г. в России, ну или одним из основных.

Ключевые слова: А.И. Гучков, Февральская революция, Великая российская революция, отречение Николая II, переворот 1923 года в Болгарии, 1917, 1923, Белая армия в Болгарии, П.Н. Врангель, А. Стамболийский, государственный переворот.

В политической биографии крупного политического деятеля России начала XX в. Александра Иванович Гучкова есть уникальный факт: ему удалось в своей бурной политической жизни стать не только одним из главных деятелей и организатором непосредственных событий Февраля 1917 г.[1], то, что называется Февральской революцией, но и совершить своеобразный «дубль». Речь идет о его непосредственном участии в военно-государственном перевороте в Болгарии в июне 1923 г.[2]. В этих двух, казалось бы, на первый взгляд, абсолютно разных событиях, тем более происходящих в разных странах — России и Болгарии, обнаруживается много общего. Разумеется, нельзя сравнивать масштабы и исторические последствия того и другого события, но их объединяет то, что в результате произошла смена власти в государствах.

Переломные моменты истории, такие как революция, государственные перевороты, оставляют мало источников, особенно в периоды подготовки и непосредственного свержения власти. Это вполне объяснимо, так как такие события готовились во многом в условиях секретности, и никто не планировал оставлять «следы» на случай провала и неудачи, тем более, что с точки зрения безопасности информация о деятельности организаторов является источником опасности, если уходит за пределы узкой группы руководителей. Отсюда, как правило, порядок действий та-

[1] *Николаев А.Б.* Государственная дума и Февральская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 // Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 3. Февральская революция. СПб., 2014. С. 256.

[2] *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 141–142.

ков, что любую информацию передают друг другу только устно, только тогда, когда нет иной возможности[1]. С Февралем 1917 г. во многом произошла именно такая ситуация — изначально подобного рода документов не было, затем в силу быстроты и скоротечности происходящих событий не успели записать и оформить, после многим непосредственным участникам стало просто невыгодно, а порой даже опасно для жизни распространяться о подлинных планах и подготовке тех событий[2]. Последующие же воспоминания во многом служили не для прояснения ситуации, а скорее наоборот, учитывая сложившуюся обстановку[3]. В связи с этим для исследователя возникают большие сложности ввиду отсутствия письменных источников оценить деятельность того или иного политика, в частности А.И. Гучкова, в событиях Февраля 1917 г. Целый ряд историков требуют не иначе как письменных доказательств и не иначе как «план Гучкова»[4]. Оппонентов не смущает, что такого плана просто не могло быть в принципе, так как подготовка шла не просто к какой-либо политической акции, а к действию, направленному на смену действующей власти, то есть тому, за что по действующему тогда законодательству предусматривалась смертная казнь, особенно в условиях военного времени. В таких условиях, вне всякого сомнения, никто не будет оставлять письменных «подтверждений» своей собственной «вины», включая подписанные и согласованные планы. Как же тогда быть в подобной ситуации? Как понять логику и мотивы поступков основных акторов и выявить подлинную роль политического деятеля тех событий, в частности А.И. Гучкова, в Феврале 1917 г.?

На наш взгляд, для этого надо изучить полную биографию этого политика, а не только политическую биографию 1905–1917 гг., а тем более знать только внешнюю сторону его дел 1916 — начала 1917 гг. Для оценки его исторической роли необходимо знать и понимать, с каким багажом знаний, умений и навыков он подошел непосредственно к 1917 году, понимать, какими он владел методами и технологиями политической борьбы, что ему было свойственно, а что неприемлемо в принципе.

Во-вторых, вычленяя и фиксируя историческую роль Александра Ивановича накануне 1917 г., рассматривать необходимо его деятельность не только в физическом пространстве, но и с точки зрения его самопрезентации в информационном и когнитивном пространствах[5]. Если не учитывать его деятельность как участника и организатора «информационной и психологической войн», то это приведет к упрощению и к непониманию вообще его роли в данных событиях. Впрочем, к упрощению и примитивизации образа А.И. Гучкова у некоторых историков приводит их незнание основных фак-

[1] *Люттвак Э.* Государственный переворот. Практическое пособие. М., 2017. С. 101.

[2] В 1921 г. на А.И. Гучкова в Германии было совершено нападение монархистами, а в 1922 г. покушение на П.Н. Милюкова, в результате которого погиб В.Д. Набоков.

[3] См.: Александр Иванович Гучков рассказывает… // Вопросы истории. 1991. №№ 7–12.

[4] См.: *Шубин А.В.* Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М., 2018.

[5] См.: *Почепцов Г.Г.* Революция.com. Основы протестной инженерии. М., 2005. С. 27.

тов биографии «героя» — его участия в предыдущих событиях, придумывается и приписывается ему то, чего у него не было в мыслях и в действиях, более того не подтвержденные источниками выдумки, типа «о планах цареубийства» и «обещания сепаратного мира с Германией, как у большевиков»[1].

В-третьих, имея обширную информацию о «дубле» А.И. Гучкова по смене власти, соотнося события переворота в Болгарии 1923 г. с событиями февраля 1917 г. в России и анализируя ход его мыслей и действий, мы получаем своеобразный «ключ» к пониманию его организационно-управленческой деятельности в революции 1917 г.

Перейдем непосредственно к «болгарскому следу Гучкова», к тому самому дублю. В отличие от событий Февраля 1917 г., о перевороте в Болгарии 1923 г. сохранились документы с изложенным в них планом Гучкова. Это письма А.И. Гучкова к генералу П.Н. Врангелю: от 25 декабря 1922 г. и 10 июня 1923 г., машинописные копии которых хранятся в ГА РФ[2]. Впервые об одном из этих писем от 25 декабря 1922 г. упоминал в своей монографии «Агония белой эмиграции» советский историк Л.К. Шкаренков[3]. Однако он в первом издании монографии воспроизвел лишь один абзац письма. Во втором издании монографии Л.К. Шкаренков несколько расширил цитирование, добавив, что «кое-что так и было сделано», не уточняя, что именно[4]. В действительности текст письма изложен на восьми листах машинописного текста.

В письме, обращаясь к П.Н. Врангелю и, прежде всего, изложив глубокий анализ ситуации, в которой оказалась Белая армия в Болгарии, А.И. Гучков предлагает ему как выход совершить государственный переворот, произвести смену власти в Болгарии, как «единственное и последнее средство спасти русский контингент в Болгарии»[5]. «Только переворот может спасти, и сегодня переворот возможен. Теперь или никогда»[6], — писал А.И. Гучков генералу П.Н. Врангелю.

Следует обратить внимание на ряд важных положений, высказанных А.И. Гучковым, характеризующих его как организатора в столь опасном мероприятии. Он указывает, что «надлежало бы разработать план действий»[7] (план!), и «разумная тщательная подготовка — половина успеха»[8]. Далее он пишет, что вся предварительная работа должна быть сделана в глубочайшей тайне, так как «малейшее оглашение плана или даже подозрение могут не только скомпрометировать удачу, но и привести к окончательной гибели...»[9].

В этих положениях А.И. Гучкова явно прослеживаются его логика, опыт в подготовке переворота, а так как с момента революции 1917 г. прошло

[1] См.: *Нефедов С.А.* Личный враг императора // Новый мир. 2017. № 3. С. 120–123.
[2] ГА РФ. Ф. 5868. Оп. 1. Д. 14. ЛЛ. 237–244, 272–273.
[3] *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1981. С. 35.
[4] *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 45.
[5] ГА РФ. Ф. 5868. Оп. 1. Д. 14. Л. 240.
[6] Там же.
[7] Там же. Л. 242.
[8] Там же.
[9] Там же.

только чуть более пяти лет, то вполне разумно предположить, что А.И. Гучков эти же принципы и методы использовал и в Феврале 1917 г. Тщательная подготовка плана — в полнейшей тайне, в режиме секретности.

В чем же была суть плана Гучкова?

Во-первых, решить политическую задачу (обращаем внимание: именно политическую, а не военную!) и найти союзников в лице болгарской политической оппозиции, противостоящих режиму премьера А. Стамболийского. При этом, есть очень важная характеристика и наблюдение, явно из его собственного предреволюционного опыта, что «под давлением необходимости оппозиционеры становятся революционерами»[1], очень похожая ситуация и с Россией накануне Февраля 1917 г.

Во-вторых, нужно «составить предварительный общий план военного переворота и захвата власти»[2], что и было сделано. В составлении и подготовке военно-технической части плана наряду с двумя болгарскими генералами И.В. Вылковым и И.А. Рысевым принимали участие и два врангелевских генерала — В.П. Никольский и С.А. Ронжин[3]. Тут, конечно же, надо иметь в виду следующее: хоть и говорится, что это военный переворот и имеется в виду участие военных, но речь не идет о чисто военной операции. При чисто военной операции целью является выявление и уничтожение противника всеми имеющимися силами и средствами. При перевороте же цель вовсе не в уничтожении противника, и не подразумеваются реальные боевые действия, а в том, чтобы изолировать и нейтрализовать на определенное время особо опасных лиц, в первую очередь, имеющих властные полномочия, и лишить их возможности воспользоваться этими полномочиями. Вторая задача — превратить несколько воинских частей в активных участников, одновременно нейтрализовать те армейские и иные силовые подразделения, которые изначально либо не примкнули, либо не привлекались к перевороту, и это не означает, что вынуждены с ними бороться, а надо только предотвратить их возможное противодействие в короткий период совершения смены власти.

Именно такую ситуацию можно наблюдать и в России в 1917 г., и в Болгарии в июне 1923 г. Примкнувшие же к перевороту военные части в большей степени играют роль публичной демонстрации силы, физического присутствия нового режима, парализуя волю противника и обывателей[4].

В-третьих, в своем плане А.И. Гучков описывает порядок действий в информационной сфере, с указанием конкретных форм и главных тем информационных посланий. Переворот в Болгарии 9 июня 1923 г. произошел молниеносно и стал полной неожиданностью для многих политических сил как в Болгарии, так и за границей.

Оппозиционные политические деятели вступили в тесный контакт с военными, в основном с запасниками («Военная лига»). В ночь на 9 июня вывели из казармы первые части и захватили практически

[1] ГА РФ. Ф. 5868. Оп. 1. Д. 14. Л. 272.
[2] Там же. Л. 243.
[3] *Спасов Л.* Врангеловата армия в България 1919–1923 гг. София, 1999. С. 209.
[4] *Люттвак Э.* Указ. соч. С. 58, 60, 97, 64, 144.

без боя оставшиеся казармы и полицейские участки, личную партийную гвардию А. Стамболийского — «оранжевую гвардию». Затем оперативно нейтрализовали ничего не ожидавших министров и депутатов Национального собрания от правившей партии БЗНС. В это время оппозиционеры, сформировавшие уже список членов нового правительства, выехав в загородную резиденцию царя Бориса III, добились от него указа, по которому он отправил в отставку прежнее правительство и назначил новое, во главе с профессором А. Цанковым.

К полудню новые власти стали организовывать митинги поддержки и народные гуляния «ликующего» народа. Военные, во главе с генералом Лазаревым, устроили демонстрацию, пройдя по улице, где располагались иностранные посольства, явно не с военной целью, а демонстрируя единство армии и народа и массовую поддержку свержения «тирана» А. Стамболийского радостным народом, демонстрируя иностранным послам физическое присутствие новой власти.

С целью контроля и монополизации информационных потоков и информационного пространства в целом были немедленно закрыты все газеты политических противников, заняты их типографии. И хоть основной силой непосредственно в день переворота 9 июня 1923 г. были военные, но применялись в основном не военные средства, а сугубо политические, отчасти полицейские: нейтрализация, а не уничтожение противника, митинги, шествия, народные гуляния. Как и в Феврале 1917 г., активно использовались символические цвета, но если в России это был красный цвет, то в Болгарии, в пику партийным цветам свергнутого правительства, цвета национального флага[1] с целью усиления эффекта присутствия в физическом пространстве нового режима.

Следует отметить, что действующие правители, что в Болгарии, что в России, — премьер А. Стамболийский и император Николай II — накануне получали информацию о готовящемся перевороте, но либо игнорировали эту информацию, либо готовились к иного рода сражениям, со стрельбой и баррикадами, с битвой против вооруженных отрядов. Другими словами, они готовились к другой «войне», где были уверены, что они были сильней. В Болгарии правительство видело главного врага во Внутренней Македонской революционной организации (ВМРО), а в России — в революционных партиях, готовясь к событиям наподобие революции 1905 г. Но, на деле же, основными были совершенно иные силы, и применялись отличные от вооруженных методы борьбы. Сведения о перевороте там и там были в большей степени тактическими ходами и отвлечением внимания противника на ложные цели. Это были не пустые «разговоры о заговоре»[2], а «дымовая завеса», в том чис-

[1] *Спасов Л.* Указ. соч. С. 204–2013; ГА РФ. Ф. 5766. Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 59–63; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 282. Д. 58. Л. 145; Русь. 1923. 10 июня (София); Сегодня. 1923. 14 и 16 июня (Рига); Прапорец. 1923. 11 июня (София); Накануне. 1923. 12 июня (Берлин); Русь. 1923. 12 и 15 июня (Берлин); РВЭ. Т. 2. С. 93; Правда. 1923. 12 июня.

[2] *Шубин А.В.* Указ. соч. С. 11–20.

ле и с целью, что подлинная информация будет забиваться мощными «шумами»[1], за которой и готовился тщательно сам переворот. Отсюда и эффект неожиданности для действующих властей. Ждали от одних, а удар нанесли другие.

Не имея возможности в краткой статье подробно описать реальные шаги и поступки А.И. Гучкова в ходе Февральских событий 1917 г., отметим лишь, что он оказался участником практически всех ключевых событий, которые явились определяющими в ходе Февраля. Отметим лишь некоторые:

1) А.И. Гучков заранее организовал съезд представителей военно-промышленных комитетов, прошедший 25 февраля, загодя собрав делегатов в столице, а после ареста активно занялся их освобождением[2].

По утверждению профессора А.Б. Николаева, на базе ЦВПК А.И. Гучковым был создан «центр-штаб», который «обеспечивал штаб восстания» в Государственной думе. Действующая здесь же — в ЦВПК — Рабочая группа направляла рабочих и солдат к Таврическому дворцу. Запасной батальон Измайловского полка в ночь с 27 на 28 февраля одним из первых перешел на сторону восставших именно через «штаб» ЦВПК.

2) А.И. Гучков 27 февраля был у председателя Государственной думы М.В. Родзянко, активно взаимодействовал с ним во время телефонных переговоров с военным министром и составлял текст телеграммы царю. Тогда же, 27 февраля, он сообщил В.Н. Коковцову, что Государственная дума формирует правительство, и назвал имя будущего министра финансов. А.И. Гучков имел договоренности с командирами ряда полков об их поведении в случае выступления.

3) В результате переговоров А.И. Гучкова с начальником войсковой охраны столицы генералом М.И. Занкевичем тот вступил в сговор с руководителями восстания, дав гарантии о «бездействии войск», и именно после этих бесед и был создан Временный комитет Государственный думы (ВКГД). Подписал письма Государственного совета к царю от 28 февраля. Возглавил 1 марта Военную комиссию ВКГД, основную в ходе выступления.

В ночь с 1 на 2 марта в Таврическом дворце именно информация Гучкова, его убеждения и активность окончательно убедили правых в ВКГД в необходимости решения об отречении царя.

4) Лично принимал отречение у Николая II 2 марта в Пскове[3] и предпринял целый ряд других активных действий.

Даже в глазах посторонних наблюдателей, как отмечает С.В. Куликов, А.И. Гучков воспринимался вождем переворота[4].

В заключение статьи лишь обратим внимание на схожесть действий в ходе событий Февраля 1917 г. и 1923 г. в России и в Болгарии:

[1] *Люттвак Э.* Указ. соч. С. 148.

[2] *Ганелин Р.Ш.* В России XX века. Статьи разных лет. М., 2014. С. 552–554.

[3] *Николаев А.Б.* Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2017. Т. 1. С. 131, 178–179, 185, 201–202, 233, 240, 256, 264, 296, 334–335, 359, 407, 432; Т. 2. С. 206.

[4] *Куликов С.В.* Отречение Николая II // Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 3. Февральская революция. СПб., 2014. С. 396.

1) Главные события и, собственно, переворот происходили в столицах государств, в главных центрах принятия государственных решений, что давало получение контроля над всей страной[1] — Петрограде и Софии, в то время, когда правители — Николай II и А. Стамболийский — отсутствовали в столице и вообще были оторваны от реальных рычагов государственного управления — у них не было информации о реальной ситуации, и они не могли никак повлиять на ситуацию в силу разных причин, что уже давало преимущество организаторам выступления.

2) Внешне все происходило как легальная передача власти, через указы первых лиц — Николая II и Бориса III. Николай II сам назначил главу нового правительства — князя Г.Е. Львова[2], а царь Борис III — профессора А. Цанкова. Внешняя легальность и легитимность передачи власти — важный элемент в процессе смены власти. Легитимность и легальность дают возможность сразу примкнуть к перевороту служащим и чиновникам государственного аппарата, силовых структур, армии, встать на сторону переворота большей части обывателей.

3) Преобладание в действиях ненасильственных методов — политических, дипломатических и информационных — над военными методами.

4) Действия проводились не по принципу военной операции, нацеленной на уничтожение противника, а на привлечение некоторых частей и в основном лишь на временную нейтрализацию сил противника.

5) Развитие событий происходило на схожем общем фоне. Было много информации и предупреждений властям о готовящемся перевороте, которые отдельные историки воспринимают лишь как «разговоры и бахвальства», в то время как это был тактический ход по отвлечению внимания противника от реальных планов и созданию посторонних «шумов», забивающих подлинную информацию.

6) Реальными, основными акторами по организационно-технической подготовке и организации переворота выступали не политические партии, а самодеятельные организации, ЦВПК и «Военная лига», затем, при решении политических задач и исполнении политических функций, которые не могли на себя взять самодеятельные организации, роль «штабов» перешла к легальным органам государственного управления — Государственной думе в России и новому правительству в Болгарии, с целью захвата власти «изнутри» действующей системы, и взяты под контроль действия государственной машины, одновременно используя ее для установления контроля над страной[3].

Таким образом, события непосредственного переворота в России в Феврале 1917 г. и в Болгарии в июне 1923 г. во многом происходили по одному сценарию, а если известно, что сценаристом переворота в Болгарии был А.И. Гучков, то логично предположить, исходя из схожести происходящих событий, что он же был и сценаристом событий в Феврале 1917 г. в России или одним из основных.

---

[1] *Люттвак Э.* Указ. соч. С. 50.

[2] *Гучков А.И.* В царском поезде // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. М., 1990. С. 192.

[3] *Люттвак Э.* Указ. соч. С. 58.

АЛЕКСАНДР ГУЧКОВ И СУДЬБА РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

КУЛИКОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник СПб ИИ РАН,
член НМС при Центре истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: sergeykulikov70@mail.ru

Аннотация: В статье, имеющей дискуссионный характер, личность Александра Гучкова рассматривается в контексте истории российского парламентаризма с точки зрения исторической психологии и технологии революции. Автор полагает, что без изучения личного вклада Гучкова в подготовку и проведение Февральской революции 1917 г. выработка адекватных представлений о ней просто невозможна.

Ключевые слова: парламентаризм, заговор, переворот, революция, технология, парадигма.

Фигура Александра Ивановича Гучкова — ключевая для понимания не только Февральской революции 1917 г., но и российского либерализма начала XX в., да и трагической судьбы Российской империи в целом.

Гучкова можно с полным правом рассматривать как организатора и руководителя того события, которое получило название «Февральская революция». В силу доминирования в коллективном сознании исторического сообщества России словесного фетишизма деятельность Гучкова трактуется в зависимости от того ярлыка, который на нее наклеивается. В итоге изучается не личность Гучкова, а представление об этой личности, но главное — игнорируются введенные за последние годы исторические источники и исследования, позволяющие с полным правом признать справедливость репутации, приобретенной Гучковым еще до революции 1917 г., — репутации «великого разрушителя». Именно в Гучкове идеальный тип Герострата воплотился как ни в одном из его современников.

Причины того, что в историю Гучков вошел именно как Герострат, лежат, конечно, столько же в его личности, сколько и в окружавшей его обстановке, в узком и широком смысле слова. Лейтмотив личности Гучкова — пресловутое выражение «моему ндраву не препятствуй». «Пусть рушится мир, но торжествует моя точка зрения» — вот тот девиз, который структурировал не только тактику, но и стратегию Гучкова. В отличие от его коллег по политическому полю, для Гучкова главным было не стремление к власти и не обладание ею, а возможность, ***даже*** ценой потери власти, «хлопнуть дверью», да так, чтобы сотряслась одна шестая часть света.

Интересным является вопрос о том, насколько Гучков мог прогнозировать и прогнозировал ли вообще последствия своих деяний. Судя

по всему, для него было главным не прогнозирование, а действование, причем дальние, впрочем — как и близкие, результаты его действования Гучкова интересовали менее всего. В Гучкове, как ни странно, звучит, на первый взгляд, это утверждение, присутствовала форма старообрядческой религиозности, выражавшаяся в том, о чем говорит пословица — «смирение паче гордости». Борьбу с монархией Николая II Гучков вел сознательно и целенаправленно не ради замещения собой ненавистного ему царя, а исключительно ради удовлетворения собственного честолюбия, ради того, чтобы насладиться унижением противника. Чисто личные мотивы в Гучкове явно преобладали над мотивами политического порядка, и, в этом смысле, он менее всего может быть назван «человеком политическим», человеком системы. Компромисс и Гучков — «две вещи несовместные», и если компромисс и использовался им, то только как тактическое средство, а не стратегическая цель. Тем самым Гучков изначально ставил себя вне системы и становился маргиналом, который стремился к личному торжеству хотя бы и путем разрушения системы. Вспомним его поведение в марте 1911 г., во время так называемого конституционного кризиса, когда лидер октябристов фактически предал П.А. Столыпина…

Основная причина патологической внесистемности Гучкова, как, впрочем, и других вождей оппозиции в Государственной думе, а позднее — Февральской революции, февралистов, заключалась в том, что их отличала политическая незрелость, «недорожденность» в них «человека политического». По гамбургскому счету, в Гучкове, при всей его внешней лощености, сидел Емелька Пугачев с его анархическим желанием «хорошо погулять» на этом свете, чтобы было о чем вспомнить на том свете. Гучков, как отец революции, оказался тем «Пугачевым из университета», появление которого предрекал еще Жозеф де Местр. Обвинять Гучкова за его экзистенциальный анархизм — столь же неверно, как и делать из него благонамеренного русского либерала. Важно попытаться понять Гучкова, не боясь обвинений недобросовестных научных оппонентов в склонности к конспирологии того исследователя, который изучает личность и деятельность Гучкова, опираясь на ***все*** исторические источники. Тем более, что ничего тайного, конспиративного в деяниях Гучкова найти нельзя — он хорошо знал, что классический способ скрыть заговор — это не делать из него тайны! Вот почему, руководя заговором по низложению Николая II, Гучков и его соратники не делали из этого секрета.

Вечером 23 февраля 1917 г. Гучков был в гостях у Вяземских — родственников его соратника по заговору князя Д.Л. Вяземского. «В описываемый вечер, — вспоминала сестра князя княгиня Л.Л. Васильчикова, — Гучков был, как всегда, интересен, рассказывал вести с фронта и по обыкновению критиковал правительство. Он сказал, что пока рабочими никто не руководит, что они оказались на улице только потому, что заводы закрылись, но когда среди них появится лидер, то наступит

серьезная минута, так как правительство не принимает решительно никаких предохранительных мер. <…> Гучков закончил рассказ своим обычным припевом, что он не видит другого выхода из создавшегося положения, как отречение Государя в пользу Цесаревича и учреждение Регентского совета во главе с великим князем Михаилом Александровичем; с совершенно другим составом правительства, способным справиться с трудностями момента и довести войну до победного конца (что в состав Регентского совета должен был войти и сам Александр Иванович Гучков, само собой подразумевалось). Это было далеко не в первый раз, что я слышала мнение Гучкова о необходимости отречения Государя. Он с поистине изумительной откровенностью провозглашал это мнение в каждой гостиной, где все присутствующие заслушивались его интересными сообщениями с фронта. В этот вечер, не стесняясь ни нас, ни наших гостей, он даже описал, как предполагалось отречение провести — путем отвода царского поезда по дороге из Ставки в Царское Село, причем, судя по его заявлению, железнодорожные служащие данного участка были уже предупреждены, и все сочувствовали заговору. Настолько Гучков своего проекта не скрывал, что остается только удивиться тому, что он не был своевременно арестован, и какая бы отрасль в так называемом „старом режиме“ ни хромала, по этому одному примеру можно видеть, что в России „Интеллидженс сервис“ сводился к нулю! Припоминаю, что после такого очередного заявления, делавшегося Гучковым с уверенностью, с какой провозглашают неоспоримую истину и с искренним убеждением, что все разумные люди считают „дворцовый переворот“ государственной необходимостью, я спросила мою мать: не пора ли предупредить Императрицу через какое-нибудь доверенное лицо, каким была Анна Александровна Вырубова, которую я знала с детства, о том, что эти разговоры про отречение становятся серьезными, и что Государю лучше не двигаться из Ставки. Моя мать на это возразила, что, во-первых, такое предостережение будет оставлено без внимания, как и многие другие, а во-вторых, что заговоры, которые обсуждаются во всех подробностях в гостиных с чужими людьми, не могут считаться серьезными, и что это пустая болтовня, которая дальше болтовни и не пойдет»[1]. Накануне воплощения своего плана опытнейший заговорщик Гучков вел себя как другой не менее опытный заговорщик — граф П.А. фон дер Пален, который, возглавляя заговор против Павла I, заявил ему, когда монарх заподозрил недоброе, что «да, действительно, он, Пален, стоит во главе заговора, но для того, чтобы в нужный момент выдать императору всех заговорщиков».

Рассматривая ключевую роль Гучкова в подготовке Февральской революции, исследователи обыкновенно пытаются ответить на вопрос «почему», между тем не менее важным является ответ на вопрос «как». Технология власти, применительно к истории в т.ч. и России начала

[1] *Васильчикова Л.Л.* Исчезнувшая Россия. Воспоминания. 1886–1919. СПб., 1995. С. 350–351.

XX в., давно уже стала общепризнанным предметом исследования, чего не скажешь о технологии государственного переворота или, шире, революции. «В наше время, — писал в 1978 г. Уолтер Лакёр, — появились целые библиотеки по вопросам объективных условий, в которых происходят революции, о войнах гражданских и крестьянских войнах, революционных и внутренних, о партизанской борьбе и терроризме. Однако почти ничего не написано о государственных переворотах, и это несмотря на то, что в последнее время было очень мало революций, а „объективные условия“ — всегда только один из факторов, участвующих в генезисе революций. Рассмотренные в таком ракурсе государственные перевороты весьма неудобны как для практических политиков, так и для политологов (и, заметим от себя, историков. — С.К.). Ибо на основе „объективных условий“ можно легко построить модели и схемы, в то время как государственные перевороты непредсказуемы и практически уже по определению являются смертельными врагами всяких упорядоченных гипотез и концепций. Как можно научным образом вычислить политические амбиции нескольких людей, занимающих важные стратегические позиции?»[1]

Между тем, традиция серьезного изучения технологии революции имеет давнюю и солидную историографию — достаточно назвать имена Курцио Малапарте[2] и Эдварда Люттвака[3]. В частности, в начале 1930-х гг. Малапарте писал: «Проблема захвата и защиты современного государства — это не вопрос политики, а вопрос техники. Условия, благоприятствующие государственному перевороту, не обязательно бывают политическими или социальными и не зависят от общей ситуации в стране. Революционная техника, которую в октябре 1917 года в Петрограде применил Троцкий, чтобы захватить власть, дала бы такие же результаты, если бы ее применили в Швейцарии или в Голландии. „Или в Англии“, — прибавлял Троцкий. Это утверждение может показаться необоснованным и абсурдным лишь тем, кто считает проблему революции исключительно политической или же исключительно социальной проблемой и измеряет современные нам ситуации и события меркой давно устаревшей революционной традиции, вспоминая Кромвеля, 18-е Брюмера или Парижскую коммуну»[4].

В другом месте Малапарте отмечал: «Швейцария или Голландия, то есть два из наиболее просвещенных и наилучшим образом устроенных европейских государств, где прочно установившийся порядок — не только результат работы политической и бюрократической машины государства, но и представляет собой неотъемлемую черту народного

[1] *Лакёр У.* Предисловие // *Люттвак Э.Н.* Государственный переворот. Практическое пособие. М., 2012. С. 10.

[2] *Малапарте К.* Техника государственного переворота. М., 1998. Первое издание книги на французском языке вышло в свет еще в 1931 г.

[3] *Люттвак Э.Н.* Указ. соч. Первое издание этой книги на немецком языке было опубликовано в 1968 г.

[4] *Малапарте К.* Указ. соч. С. 15–16.

характера, не представляет для применения коммунистической повстанческой тактики большей трудности, чем Россия при Керенском. На чем основано это парадоксальное утверждение? На том соображении, что вопрос государственного переворота в наше время есть вопрос техники. Восстание — это машина, говорит Троцкий: чтобы привести ее в движение, нужны специалисты-техники, и никто, кроме них, не сможет ее остановить. Приведение в действие этой машины не зависит от общей обстановки в стране, от чрезвычайных обстоятельств, как, например, назревший революционный кризис или воспламененный до неистовства мятежный дух пролетарских масс, неспособность правительства справиться с политическими, социальными и экономическими неурядицами. Восстание совершается не массами, его совершает горстка решительных людей, обученных тактике восстания, умеющих быстро и сокрушительно поражать жизненно важные центры технической структуры государства. Этот отряд захвата должен состоять из групп вооруженных людей, рабочих-специалистов, механиков, электриков, телеграфистов, радистов под командованием инженеров и техников, знающих порядок функционирования технической структуры государства». Свой целью Малапарте считал «показать, что вопрос захвата и защиты государства — вопрос не политики, а техники, что в искусстве защиты государства действуют те же правила, что и в искусстве его захвата, что обстоятельства, благоприятные для государственного переворота, не обязательно бывают политического или социального порядка и не зависят от положения в стране»[1].

Явное отставание отечественной историографии в изучении Февральской революции сквозь призму технологической парадигмы вызвано, очевидно, отмеченным выше словесным фетишизмом, кодирующим коллективное сознание исторического сообщества России. Вот почему такие понятия, как «заговор», «переворот» и «революция», в сущности описывающие одно и то же, оцениваются по-разному, причем «заговор» имеет отрицательную коннотацию, «переворот» — сравнительно нейтральную и «революция» — исключительно положительную. Некоторым современным исследователям, явно чуждым научной этике, свойственно обвинять своих оппонентов в культивировании интереса к конспирологическим аспектам Февральской революции и трактовать этот интерес как нечто «токсичное». В результате технология революции не изучается либо вообще выводится за скобки исследовательского поля заявлениями вроде того, что «является однозначно доказанным фактом отсутствие у Февраля заговорщических корней». Так творится научная мифология и пишется светское Священное Писание, так место Божественного Провидения занимают «воля народа», «разгул стихии» и «коллективное творчество масс», хотя любое творчество имеет исключительно индивидуальный характер. Между тем, если ознакомиться с описаниями революций начала XX в. (Младотурецкой, Португальской

[1] Там же. С. 145–146, 222–223.

и Китайской), описаниями, сделанными хотя бы русскими историками Нового Времени, например Н.И. Кареевым, то признание заговорщической составляющей перечисленных революций было общим местом тогдашней историографии.

Так, например, подчеркивая, что португальские республиканцы «вели деятельную печатную и устную пропаганду своих идей», Кареев указывает, что они «организовались, между прочим, в масонские ложи, для подготовления насильственного переворота. Особенно важную роль играла в этом деле тайная организация по старому карбонарскому образцу из пятерок, соединявшихся в целую лестницу конспиративных единиц, что предохраняло всю организацию от провала во время постоянных обысков и арестов». Описывая саму Португальскую революцию 1910 г., Кареев пишет: «Положение при молодом короле (Мануэл II, последний король Португалии. — С.К.) оставалось по-прежнему очень запутанным, о чем свидетельствуют беспрестанная смена министерств и довольно частые вспышки беспорядков, так что дела не двигались с места, и это приблизило переворот, на который решились республиканцы. Через полгода после смерти дона-Карлоса (Карлуш I, предпоследний король Португалии, убитый террористами в 1908 г. — С.К.) состоялся съезд республиканцев, на котором был избран исполнительный комитет из трех лиц (вице-адмирала Кандидо дон-Рейса, … депутата Альфонса Коста и Хуана Шагаса) для немедленных приготовлений к решительному действию. Из взносов нескольких богатых португальцев, большею частью живших за границей (преимущественно в Бразилии), был составлен большой революционный фонд с целью приобретения оружия и тайного ввоза его в Португалию. Когда комитет убедился, что все было готово, в ночь с 3 на 4 октября 1910 г. в Лиссабоне, при помощи республиканских офицеров и солдат, был произведен переворот. Заговорщики сначала чуть было не потерпели жесточайшую неудачу[1], если бы не находчивость инициатора „пятерок“, чиновника Морского министерства Машадо Сантоса, который взял в свои руки высшую команду в борьбе республиканцев с войсками, оставшимися верными правительству, да если бы военные суда, находившиеся под командой офицеров-республиканцев, не стали в критическую минуту обстреливать как королевский дворец, так и позиции правительственного войска»[2]. Таким образом, с точки зрения нынешних любителей наклеивания ярлыков, Н.И. Кареев являлся самым завзятым «конспирологом», и оказаться в одном ряду с таким выдающимся ученым современным «конспирологам» просто почетно!

Недобросовестные оппоненты исследователей, которые изучают Февральскую революцию, используя технологическую парадигму, обвиняют

[1] Быть может, в этот момент покончил с собою выстрелом из револьвера дон-Рейс, если только он не был убит кем-либо из монархистов (прим. Н.И. Кареева).

[2] *Кареев Н.И.* История Западной Европы в начале XX столетия (1901–1914). Ч. 1 (Международные отношения до 1907 г. Внутренняя политика отдельных стран до 1914 г.). Пг., 1916. С. 384–385.

их в упрощении исторических реалий посредством сведения причин революции к масонскому заговору или происка иностранных разведок. Не отрицая важности изучения упомянутых факторов (достаточно сослаться на работы профессора Виталия Ивановича Старцева), конкретно в случае с Февральской революцией можно утверждать со всей определенностью, что признание ее организованного характера менее всего связано с поисками масонских или иностранных следов. Русское политическое масонство начала XX в., в отличие от иных русских и иностранных масонских обрядов, принципиально, а потому — сознательно, не оставляло после себя какой-либо делопроизводственной документации. Что касается документов, оставшихся от деятельности иностранных спецслужб, то комплексы этих документов сохранились не полностью, фрагментарно и, во всяком случае, нуждаются в дополнительном изучении. Однако, рассматривая технологию Февральской революции, обращение к масонским или иностранным документам является не слишком актуальным просто потому, что сохранился огромный документальный массив о деятельности Центрального и местных военно-промышленных комитетов и состоявших при них рабочих групп. Исследования последних лет показали, что именно Центральный военно-промышленный комитет, который возглавлял Гучков, и стал в его руках инструментом подготовки и проведения Февральской революции.

Наряду с изучением стихийных аспектов Февральской революции, чем отечественные и зарубежные историки занимаются более ста лет с упорством, достойным лучшего применения, необходимо изучать и технологию Февральской революции как организованного действа, срежиссированного Гучковым. Пора, хотя бы через сто лет, отойти от мифа об исключительно стихийном характере Февраля и признать его тем, чем он и был: и заговором, и переворотом, и революцией. Только используя эту «методологию матрешки» (внутри революции — переворот, а внутри переворота — заговор), можно будет адекватно судить о фигуре Александра Ивановича Гучкова и о роли, сыгранной им накануне и во время Февральской революции, а поскольку она поставила крест на Государственной думе, то и в истории российского парламентаризма…

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

ХОЛЯЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры Гуманитарных наук
Ярославского государственного
технического университета,
Ярославль, Россия;
e-mail: holyaev69@inbox.ru

Аннотация: В докладе рассматривается воздействие А.И. Гучкова на развитие России в начале XX века. Обладая потенциалом крупного государственного деятеля и сыграв положительную роль в преодолении кризиса в 1906 году, выведя «Союз 17 октября» на ведущие роли в партийном спектре, в 1911 году Гучков предпочел стратегию реализации личных амбиций. Полагая, что Николай II не оценил его заслуг в преодолении хаоса 1905–1907 годов и не воспринял Гучкова как достойного партнера на посту председателя Государственной думы, он избрал линию на устранение от власти действующего императора. Существует утверждение, что успех либералов в Феврале 1917 года — следствие успешной заговорщической тактики экслидера октябристов. В действительности, желая быстрейшего свержения монарха, Гучков организовал в недрах своей организации, ЦВПК, Рабочую группу, которая в февральские дни 1917 года предопределила торжество социалистов, меньшевиков, взявших либеральное правительство под строгий контроль Петроградского Совета. Таким образом, если Гучков и является «великим магистром» революции, то лишь в том смысле, что сделал революцию в России необратимой. Но не такого магистерства он хотел.

Ключевые слова: А.И. Гучков, Николай II, П.А. Столыпин, П.Н. Милюков, дворцовый переворот, 1917 год, Рабочая группа ЦВПК.

Тема нашего круглого стола обозначает личность одного из крупнейших деятелей дореволюционной России А.И. Гучкова титулом «Великого магистра революции»[1]. Но какое значение вкладываем мы в это понятие? Возникает аналогия с главами рыцарских крестовых орденов в Западной Европе. Они возглавляли эти ордена, были их официальными лидерами. Другой близкий повод для сравнения — ассоциация с участниками тайных политических организаций, в частности, с масонами. Их вожди скрывали лидерство, но обладали огромной властью и авторитетом в подконтрольной среде. Очевидно, что оба варианта были приятны руководителю одной из ключевых дореволюционных партий — «Союза 17 октября». При этом ему сильно хотелось сопутствующей обоим этим вариантам славы и почета (известность и так была уже ему присуща).

Так куда вело страну честолюбие А.И. Гучкова? Имел ли «великий магистр» шансы, подобно опытному лоцману, пройти рифы революции или, наоборот, прямо и решительно вел корабль, где находились сто-

[1] Круглый стол обязан своим названием выходу следующей книги: *Седова Я.А.* Великий магистр революции. М., 2006.

ронники демократических преобразований в России, на революционную мель, обрекая поверивших ему на жесточайшее поражение? Ответу на этот вопрос и посвящен данный доклад.

В ходе политической карьеры, начатой Гучковым в 1905 году, в его действиях прослеживались две траектории движения. Первая — приблизительно до 1910 года, когда он действовал в интересах России, совместно с ее премьер-министром П.А. Столыпиным. Точнее — параллельно с ним. Это выяснилось чуть позже, в 1911 году. Первоначально А.И. Гучков сыграл выдающуюся роль в условиях острейшего кризиса 1906 года. Результатом явилось сохранение и последующее выдвижение на передний план партии октябристов. Прежнее ее руководство, во главе с Д.Н. Шиповым, обрекало партию на бессилие. Действуя как старый брюзга, оно требовало от государственного руководства, императора и правительства абсолютного выполнения в условиях революции всех формальных обязательств по построению демократического общества, соблюдения прав тех, кто применял против самой власти террористические средства борьбы[1]. А затем и вовсе решило упразднить Союз, объединив его с партией мирного обновления, сохранив за объединенной партией последнее название. Так история октябристов могла закончиться, едва начавшись. А.И. Гучков сменил Д.Н. Шипова на посту председателя партии[2]. Под его руководством «Союз 17 октября» стал ведущей партией.

Судьба Гучкова, до 1911 года включительно, оказалась связанной с Государственной думой. Именно парламентская деятельность принесла Гучкову всероссийскую, да и мировую, известность. Конечно, в конце 1905 года Гучков вошел в российскую политику небезызвестным человеком. Первые проявления известности принесло участие в двух войнах: Англо-бурской и Русско-японской[3]. Но известным всей стране его имя сделалось благодаря парламентской трибуне. Здесь, до 1910 года, происходило его продвижение наверх, в российскую элиту, благотворное для страны. Пик такого движения выразился в должности председателя Государственной думы.

Нахождение на этом месте и сделало окончательно понятным, что пути дальнейшей карьеры А.И. Гучкова и интересы российского государства начинают расходиться. Выяснилось, что Гучков — не безоговорочный сторонник П.А. Столыпина, а всего лишь временный попутчик, поддерживающий патрона лишь до тех пор, пока их намерения совпадают. Казалось бы, отказ Гучкова поддержать Столыпина по радикальному принятию закона о введении западных земств, с применением статьи 87, обусловившей роспуск обеих палат российского парламента, говорил о принципиальности председателя Думы, о желании защитить парламентскую автономию, нарушаемую правительством. Но вся пре-

[1] ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 140. ЛЛ. 1–2.

[2] *Дан Ф., Череванин Н. С*оюз 17 октября // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т. III. Кн. 5. С. 197–198.

[3] *Никонов В.А.* Крушение России. М., 2011. С. 214–215.

дыдущая деятельность главного думца, критиковавшего политику императора Николая II, а с некоторого времени и самого премьера, подтверждают: Гучков хотел оставаться главным в парламентской связке со Столыпиным и не собирался взаимодействовать с националистами (Всероссийский национальный Союз), фракция и партия которых создавались личными усилиями председателя правительства, для создания нового парламентского большинства, способного преодолевать и консерватизм черносотенцев, и радикализм кадетов[1].

Гучков, сознательно отказавшись играть по столыпинским правилам, начал вторую траекторию реализации сугубо личных амбиций. Важно, что Николай II в 1911 году не препятствовал премьеру. Завязывалась реальная возможность проведения реформ через парламентское большинство, и сорвал попытку усиления парламентско-правительственных связей председатель III Думы А.И. Гучков[2]. После этого он покидает стены парламента, и его последующая политика проводится исключительно внепарламентскими способами.

Правда, это выяснилось не сразу. Он участвует в выборной кампании 1912 года в IV Думу, но терпит поражение и не становится депутатом последнего дореволюционного состава Государственной думы. Он все еще старается, находясь извне, руководить парламентской фракцией «Союза 17 октября». Конкуренту Гучкова П.Н. Милюкову это удавалось с первыми двумя составами Думы. Члены кадетской фракции выполняли его указания, в том числе о подписании в 1906 году Выборгского воззвания, поставившего крест на парламентской карьере многих тогдашних депутатов. Но это был период наивысшего влияния Милюкова на общественную среду[3]. А авторитет Гучкова в 1912–1914 годах был уже не тот. И большинство фракции не согласилось ублажать мечты Гучкова о насильственном отстранении императора. Из-за несогласия с деспотизмом находящегося за бортом Думы председателя, активно призывавшего партию перейти на революционные рельсы, стать частью революции, в партии произошел раскол. С Гучковым осталось ее левое меньшинство — по существу, он теряет контроль над партией[4].

Гучков оставляет надежды провести революцию в России, опираясь на парламент. С этого времени, с 1913–1914 годов, он будет постоянно говорить о недееспособности депутатов, об их неспособности управлять страной[5]. Думцы начнут в ходе Первой мировой войны готовить свою ре-

---

[1] *Санькова С.М.* Русская партия в России: образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. С. 116–117.

[2] ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 693. Л. 1.

[3] *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 186, 210.

[4] *Вишневски Э.* Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994. С. 161.

[5] Александр Иванович Гучков рассказывает… Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 22.

волюцию, а он будет подготавливать дворцовый переворот. Его основными помощниками окажутся промышленники и военные — связи с ними он наладил еще в III Думе, когда руководил комитетом по обороне[1]. Гучков был готов использовать в борьбе с правительством и силы, находящиеся левее радикального, но осторожного Милюкова, то есть рабочих[2].

Сегодня часто утверждается, что реализовавшийся в Феврале сценарий соответствовал готовившемуся заговору А.И. Гучкова, и решительность Александра Ивановича предопределила приход либералов к власти[3]. В действительности правильнее утверждать противоположное: как раз тактика Гучкова обусловила успех социалистов, меньшевиков, в феврале 1917 года. В недрах гучковской организации, рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, была создана активнейшая группа меньшевиков во главе с К.А. Гвоздевым, сделавшая возможным успех социалистов в Феврале. Воспользовавшись разногласиями среди либералов, она готовила провокацию. Члены рабочей группы решили, что пришло время рабочим выступить самостоятельно, с социалистическими лозунгами, но при видимости поддержки либеральных радикалов. Гвоздевцы намеревались 14 февраля под видом мирной манифестации проникнуть к входу в Таврический дворец и потребовать от депутатов принять власть от рабочих. Правительство, арестовав 27 января представителей организации, предотвратило намечавшуюся акцию, но как раз эта группа, освобожденная ровно через месяц, 27 февраля 1917 года, восставшими рабочими и солдатами, направила переворот в социалистическое русло[4]. Показательно, что характер действий рабочих в предшествующий февралю период лучше всех понимал кадетский лидер Милюков. Он первым осознал, что рабочие не подчиняются либералам[5].

В момент ареста рабочей группы складывалось внешнее ощущение, что экс-лидер октябристов находится на вершине могущества. Совместное заседание оппозиционной и революционной общественности, проходившее в конце января и разрабатывавшее объединенную тактику антиправительственных сил, проводилось в помещении ЦВПК, а возглавлял его сам А.И. Гучков[6]. Однако среди лиц, определявших в февральско-мартовские дни состав нового правительства, Гучков остался на вторых ролях. Среди тех, кто претендовал на вхождение во Временное правительство, все, так или иначе, относились к депутатскому корпусу IV Думы (за исключением М.И. Терещенко). Поэтому Гучков вошел в революцию в полном одиночестве, без своей команды. И ему пришлось присоединяться к давнему противнику П.Н. Милюкову, также переживавшему не лучшие дни в карьере. Вознесенности наверх Милюков был обязан вовсе не революционной волне («нас выбрала русская революю-

[1] ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 116.
[2] Там же. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. ЛЛ. 15 об.–16.
[3] *Никонов В.А.* Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем. М., 2017. С. 25.
[4] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 347. Л. 3.
[5] Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 431. Л. 1.
[6] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1921. ЛЛ. 57–60.

ция»), а исключительно тактической сметливости меньшевика Н.Н. Суханова, понявшего, что социалисты неспособны без поддержки либералов опрокинуть царскую власть[1].

Лишь вследствие взаимодействия с социалистами Милюков занял центральное место в либеральном сегменте, став распределителем кандидатур на правительственные посты. Поэтому неудивительно, что правительственное большинство перешло к противникам кадетского вождя, леволиберальной группировке. Объяснялось это не только масонскими связями, но и их общей активностью в февральские дни. Вхождение троих членов в проправительственное большинство подчеркивало личное поражение Гучкова. От лиц, состоявших в гучковском заговоре, в антигучковскую группу правительства вошел Н.В. Некрасов, от ЦВПК — его заместитель А.И. Коновалов, а от партии октябристов — И.В. Годнев, представлявший к тому же фракцию «Союза 17 октября», при партийном расколе 1913 года персонально поддержавшую Гучкова[2].

Гучков не занял ведущего положения в обществе, ожидавшегося им с началом революции. Расчет бывшего октябриста не оправдался. Он был убежден: сохранение императорской власти закрывает перспективу дальнейшей карьеры. Оказалось наоборот: нахождение на троне Николая II вызывало интерес к нему более радикальных оппозиционных и интеллигентских группировок. Отстранение императора открывало дорогу другим героям, не оставляя места для старых.

Так был ли А.И. Гучков великим магистром революции? Зависит от того, что мы вкладываем в это понятие. Если под ним понимать занятие первенствующего положения во властных структурах, ответ будет отрицательным. Если же понимать расчистку дороги для революции, ответ станет положительным. Стремление Гучкова очистить путь для личного выдвижения наверх, любой ценой свергнув императора Николая II, сделало революцию в России необратимой. Поклявшись защитить монархию от слабого и безвольного монарха, Гучков обеспечил крушение монархии и всей предреволюционной России. Наравне с Милюковым, Гучков занимает первое место в пантеоне сокрушителей монархии. Без него революция в России была бы просто невозможной, и в этом смысле он, конечно, является «великим магистром». Однако такое понимание магистерства не соответствовало его замыслам. Честолюбие и амбиции Гучкова едва не привели Россию к гибели. Уже в мае 1917 года «великий магистр» окончательно покидает революционную власть, навсегда возвращаясь к знакомому для него статусу оппозиционера. Впереди его ждут чужбина и разочарование. Но кто скажет, что они не были заслуженными?

---

[1] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 84–88.

[2] *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 166.

ДИСКУССИЯ

Модератор — Андрей Борисович Николаев

А.Б. НИКОЛАЕВ

Добрый день, уважаемые коллеги!

Продолжаем работу нашей конференции, у нас долгожданная дискуссия: «Александр Иванович Гучков — „великий магистр революции“?»

Сразу хочу сказать, что название дискуссии позаимствовано у Яны Анатольевны Седовой, которая здесь присутствует сегодня, и связано это было как раз с тем, что на меня произвело впечатление, когда я увидел много лет назад книжку, написанную совсем молодым исследователем. Я думал, ей лет двадцать, потом она призналась, что написала книгу в восемнадцать лет. Меня это потрясло. Позднее оргкомитет конференции привлек ее к участию в «Таврических чтениях». Сделано это было, конечно, из-за ее интереса к Гучкову.

Александр Иванович Гучков — фигура очень интересная, и лично для меня как специалиста по истории Февральской революции особенно. В свое время я пытался понять, как она, Февральская революция, проходила. Меня не интересовали причины революции абсолютно и до сегодняшнего дня не интересуют, сразу хочу сказать. Меня интересует механизм революции, ее ход. И очень важно было понять, какое место занимал в этом механизме Александр Иванович Гучков. В воспоминаниях и мемуарах я иногда встречал очень такие, я бы сказал, возвышенные оценки Гучкова, которого уже тогда, в дни Февраля 1917 года, современники называли вождем революции. Обозначим то поле, на котором мы будем находиться во время сегодняшней дискуссии.

Главное — это понять, какую роль сыграл Александр Иванович Гучков в Февральской революции. И для достижения этой цели, выяснения этой ситуации мною, как организатором дискуссии, были приглашены исследователи, которые уделяют в своих работах внимание фигуре Александра Ивановича Гучкова, — и у нас здесь сегодня:

Александр Сергеевич Сенин, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, автор первой монографии о Гучкове, вышедшей из печати в 1996 году;

Яна Анатольевна Седова, автор книги о Гучкове «Великий магистр революции», опубликованной в 2006 году. Конечно, это не монография, я называю эту книгу романом, литературным произведением. Но вместе с тем книга Яны Седовой достойна, вне всякого сомнения, внимания и со стороны историков-исследователей;

Виктор Иванович Козодой, доктор исторических наук, автор монографии «Александр Иванович Гучков и Великая русская революция». Труд Виктора Ивановича был опубликован в Новосибирске в 2015 году, т.е.

это новейшее монографическое исследование, посвященное той теме, которую мы обсудим в ходе сегодняшней дискуссии;

Сергей Викторович Куликов, кандидат исторических наук, который и Гучковым занимается, и в большей степени Центральным военно-промышленным комитетом;

и Сергей Владимирович Холяев, кандидат исторических наук, здесь присутствующий, он тоже занимается Гучковым.

Сразу же замечу, что с дискуссией, скорее всего, будет трудно, потому что на самом деле все ее участники втайне думают, что он-то, Гучков, все и сделал, он всем и руководил, он за всем этим и стоял.

В принципе, по-хорошему, нужно было бы выложить тексты. И я надеялся, что тексты появятся заранее, чтобы с ними можно было ознакомиться. Но вот как-то у нас не получилось — по техническим причинам. Коллеги вовремя не все тексты сдали. Вместе с тем надеюсь, что они будут опубликованы в сборнике по итогам конференции.

Пока же выслушаем короткие сообщения специалистов о Гучкове. Фигура действительно монументальная.

Начнем с Александра Сергеевича Сенина, потому что он был первым, кто посвятил Гучкову свою монографию.

А.С. СЕНИН

Да, фигура, конечно, очень крупная. Будучи председателем Государственной думы, Гучков обеспечил поддержку Столыпину. Даже еще занимая должность председателя комиссии государственной обороны, Гучков всячески поддерживал и ценил Петра Аркадьевича. А потом рассорился, причем, как раз по вопросам парламентаризма. Это известная история весны 1911 года. Столыпин провел законопроект о введении земства в шести западных губерниях, воспользовавшись статьей 87, то есть минуя обе палаты парламента. Специально на несколько дней они были распущены. Хотя закон прошел в том виде, за который Государственная дума проголосовала. И, казалось бы, конфликта никакого не должно быть. Но Гучков увидел в этом нарушение взаимных обязательств, нарушение Манифеста 17 октября. А партия, которую он возглавлял, обязалась защищать идеи, изложенные в этом манифесте. И Гучков подал в отставку. Столыпин его уговаривал остаться во главе Государственной думы. Однако Гучков считал это нарушение очень серьезным. Это не война, а мирное время. И если правительство вот так действует, он уходит с поста. Гучков покинул Думу, а его на посту председателя сменил Михаил Владимирович Родзянко.

Гучков был председателем Центрального военно-промышленного комитета в годы Первой мировой войны. Понятно, что он был очень информированным, много знал о серьезных недостатках, неготовности страны, как выяснилось, к такой тяжелой и продолжительной войне. Через ЦВПК шло примерно 11 процентов заказов. Гучков знал, что многие решения идут через взятку, большие откаты. Его все это возмущало. Возмущал подбор министров, министерская чехарда. И, безусловно, он свое

возмущение выплескивал, в том числе, в письмах к разным деятелям, включая военных. Это особенно стало беспокоить правительство.

Например, в письме Алексееву, начальнику штаба Верховного главнокомандующего, в августе 1916 года Гучков писал: «Нас не осведомляют, нас обманывают, с нами не считаются, и нас не слушают. Гниющий тыл неминуемо развалит фронт, да и всю страну втянет в невывозное болото. Ведь нельзя же ожидать, — продолжал он, называя поименно виновников, — исправных путей сообщения в заведовании Трепова, хорошей работы нашей промышленности на попечении князя Шаховского, процветания дел в руках Бобринского. А если вы думаете, что вся эта власть, возглавляемая Штюрмером, у которого и в армии, и в народе прочная репутация если не готового уже предателя, то готового предать, то вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей Родины охватила общественную мысль и народные настроения».

Судя по осторожным ответам Алексеева, резко он Гучкову не возражал. Охранка сообщала о переписке очень быстро. И 18 сентября императрица Александра Федоровна написала мужу: «Вот теперь идет переписка между Алексеевым и этой скотиной Гучковым». Таково отношение правящей монархии.

Началось это еще в 1908 году, когда работала очень представительная комиссия по государственной обороне, рассматривавшая проблемы восстановления армии после поражения в Русско-японской войне. С трибуны Государственной думы впервые Александр Иванович поименно назвал, как он считал, тех, кто разрушал армию. Там оказались и великие князья. Милюков, кстати, после этого выступления подошел к нему: «Что вы наделали, Александр Иванович, нас же завтра распустят!» После этого выступления паника была. Не распустили, но отношения были испорчены раз и навсегда. О чем Столыпин потом Гучкову и сказал: «Ну, что же вы лично, я бы мог как-то посодействовать, лично вы не переговорили? Зачем же публично все это озвучивать?»

Для меня ключевое значение в оценке взглядов, политической позиции Гучкова в предвоенные годы имеют слова из его выступления на конференции октябристов в ноябре 1913 года: «Историческая драма, которую мы переживаем, заключается в том, что мы вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковной иерархии, армию против ее вождей, авторитет правительственной власти против носителей этой власти». Гучков видел, что власть отказалась от принципов Манифеста 17 октября 1905 года. Государственный корабль, по его словам, потерял курс и болтается по волнам, что, скорее всего, закончится очередной смутой. Гучков предвидел, что страна попадет «в полосу длительной, хронической анархии, которая приведет государство к распаду». Гучков, октябристы не могли не уйти в оппозицию такой власти.

И понятно, почему возникла идея, не у него одного, что с этим монархом мы войну не выиграем. Поэтому различные обсуждения, как бы сменить монарха, шли всю осень 1916 года. Полиция работала прекрасно, информирована была обо всех этих мероприятиях, какой-то особой тайны

не было. Потом Гучков, кстати, будет говорить, что много было сделано для того, чтобы быть повешенным, но мало чего-то реального. Почему? Потому что они хотели действовать путем верхушечного дворцового переворота, лучше всего с привлечением военных, и не в Ставке, и не в Питере, а где-нибудь там, на путях сообщений. Однако Гучков был болен, всю осень 1916 года провел в Кисловодске. Потом он признавался, что время было потеряно, ничего реального они уже сделать не могли.

Ну, а страсти накалялись, положение в экономике было очень тяжелое. В городах у булочных и продовольственных лавок выстраивались очереди. Надвигался голод. 20 февраля Гучков выступил в Государственном совете с обоснованием запроса правительству 35 членов Совета в связи со сложившейся ситуацией. Гучков настаивал на принятии мер для устранения «непрекращающегося расстройства транспорта». Власть не реагировала. Николай II покинул Петроград и уехал в Ставку. Поэтому, конечно, антиправительственные настроения очень широко были распространены, ну, и так докатились до революции.

Надо сказать, что и Алексеев, и все военные были монархистами. И Гучков был монархистом. Они все не были республиканцами, не были революционерами. Но обстоятельства просто вынуждали что-то делать. Они, как представляется, чувствовали, что страна идет к катастрофе.

Я думаю, что здесь принципиальный вопрос, по которому мы очень сильно спорим: насколько удалось исправить экономическое положение до Февральской революции? В последние годы, особенно к столетию революции, было очень много публикаций о том, что положение удалось исправить, все было прекрасно. Но участники и очевидцы, как раз, так не считали. И Михаила Васильевича Алексеева никто за язык не тянул на совещании общественных деятелей в августе 1917 года, которое предшествовало Государственному совещанию, когда он сказал, что мы были бедны техникой в течение всей войны. Сергей Александрович Ронжин, отвечавший за пути сообщения в Ставке верховного главнокомандующего, писал в эмиграции, что из отдаленных портов, куда направлялись грузы из стран Антанты, допустим, это Владивосток, армия практически вообще ничего не получила. Потому что провезти один эшелон для фронта из Владивостока — нужно было 120 паровозов. Туда и обратно по 60. Да эти перевозки золотыми были. То есть проблем-то было очень много в действительности.

А.Б. Николаев: Спасибо. Зафиксируем из сказанного Вами: Гучков хотел совершить дворцовый переворот, много об этом говорил, но потом заболел, и у него ничего получилось.

А.С. Сенин: Ну, скажем так, активно он не участвовал. Разговоры были, да, разговоров было много, но не реальных дел.

А.Б. Николаев: Хорошо. Спасибо.

Следующей, с вашего разрешения, выступит Яна Анатольевна Седова.

Я.А. СЕДОВА

Во-первых, я хочу сразу оговориться по названию книги, что оно принадлежит не мне, а издательству. Поэтому точно не знаю, конечно, какой смысл они вкладывали в это название, но предполагаю, что, очевидно, какой-то масонский подтекст, какие-то намеки на известную теорию, которая идет еще от Нины Берберовой о том, что Гучков был масоном. На самом деле эта теория очень сомнительная, и более правдоподобной мне кажется теория, версия Николаевского о том, что Гучков стал масоном только в эмиграции. Поэтому название «Великий магистр революции», именно «Великий магистр», мне кажется, больше подошло бы для книги не о Гучкове, а о Некрасове.

Если же масонский подтекст отбрасывать и говорить о «великом магистре революции» как просто как о ее организаторе, то вот здесь уже зацепок больше, уже такой титул для Гучкова более правдоподобен, потому что не может не бросаться в глаза сходство между его планом в том виде, в каком он его рассказывал на допросе и в частных беседах, и между реальными событиями марта 1917 года. В обоих случаях мы видим царский поезд, который остановлен где-то на пути между ставкой и Петроградом, и мы видим отречение императора. Но, с другой стороны, бросается в глаза одно важное различие между тем, что рассказывает Гучков, и тем, что было на самом деле. Это то, что Гучков планировал дворцовый переворот, а в феврале-марте 1917 года на улицы вышла стихия.

Можно, конечно, списывать все эти различия на скрытность Гучкова, потому что он был такой человек, который никогда не говорил то, что он думал. Челноков про него говорил, что у него девиз такой, у Гучкова: «Что думаю, то не говорю, что говорю, то не думаю». Сам Гучков говорил, что он «чувствует себя как в намордник и завидует идиоту Пуришкевичу, который может говорить все, что думает». То есть человек, конечно, очень скрытный. И понятно, что если бы он действительно сыграл какую-то активную роль в Февральской революции, то потом, видя, к чему все это привело, он, конечно, хотел бы отвести от себя подозрения.

И действительно есть обстоятельства, которые как будто говорят в пользу теории о том, что Февральская революция была результатом гучковского заговора. Во-первых, подозрительное совпадение начала февральского бунта с отъездом Императора в ставку. Во-вторых, разные тесные связи между Гучковым и рабочими через рабочую группу Центрального военно-промышленного комитета, которая хотя и была арестована перед самой революцией, но тем не менее она была арестована не полностью, и потом она была освобождена в начале бунта и тоже сыграла активную роль в событиях. Кроме того, связи заговорщиков, всей этой тройки — Гучков, Некрасов и Терещенко, их связи с Советом рабочих депутатов, они тоже известны; с этим же Советом связана и рабочая группа через отдельных своих представителей. И вот такие какие-то нити, они тянутся, напрашиваются какие-то аналогии, сопоставления.

Но, с другой стороны, есть весомые аргументы против теории о гучковском заговоре. Во-первых, какие-то слишком серьезные стихии вы-

званы на улицу: войска, рабочие. И, выпуская такого джинна из бутылки, Гучков просто заведомо рисковал тем, что он обратно его уже не загонит. А во-вторых, после революции, то есть после переворота, скажем так, он как-то очень быстро оказался не у дел, как-то не похоже на такого заговорщика, который одержал победу.

Наконец, если говорить о «великом магистре» как об исполнителе революции, то здесь, конечно, роль Гучкова несомненна. Он во время событий февраля–марта, во время событий февраля, точнее, 27–28 февраля он постоянно находится в движении, он объезжает войска, объезжает вокзалы, он готовит оборону Петрограда на случай, если те войска, которые направил Николай II в Петроград для усмирения бунта, если они все-таки придут. Ну, и известнейшая роль Гучкова, конечно, в том, что он лично поехал в Псков к царю за отречением.

Подводя итог в ответе на вопрос, который вынесен в заголовок нашего круглого стола, я пока дала бы отрицательный ответ, поскольку тут, во-первых, неудачная терминология, которая создает путаницу, неудачные масонские аллюзии, а в самой теории о гучковском заговоре и перевороте слишком много неувязок и пробелов. Очень трудно делать выводы из фактов, которые как будто подталкивают к этому выводу, но, с другой стороны, они однозначно этот вывод не определяют. Если даже Февральская революция была создана искусственно, как об этом некоторые исследователи говорят, то мне все-таки кажется, что Гучков, конечно, какую-то роль он сыграл, но мне кажется, что он был использован втемную. Может быть, с годами он это, конечно, даже и понял, но это не мешало ему по-прежнему, и даже все больше и больше, отрицать свое участие. Есть даже такое наблюдение, которое доводилось читать, что чем дальше события уходили от 1917 года, чем дальше шло время, тем более Гучков преуменьшал свою роль в событиях, когда он описывал свой заговор.

А.Б. Николаев: Спасибо. Давайте зафиксируем Вашу позицию. То есть использовали Гучкова втемную какие-то другие силы. Да?

Я.А. Седова: Вы знаете, они все там, в эмиграции, кроме левых, чем дальше, тем они меньше были революционерами. Когда Дмитрий Владимирович Аронов выступал вчера на дискуссии, он как-то не очень был убежден в революционности либералов, но на самом деле все они были активными революционерами в дни Февраля 1917 года, а когда они оказались в эмиграции, и им, извините меня, говорили разные грубые слова, а могли даже и побить, и Гучкова побили, было же такое, того же самого Родзянко — как его презирали и преследовали, естественно, в таких неприятных и дискомфортных условиях ты будешь говорить, что меня заставили, принудили, использовали втемную, я ни в чем не виноват. Это нормально чисто по-человечески. Но нам-то надо разобраться.

А.Б. Николаев: Спасибо, Яна Анатольевна.

Я предоставляю следующее слово Виктору Ивановичу Козодою, у него самая свежая концепция. Пожалуйста.

В.И. КОЗОДОЙ

Ну да, самая свежая.

Здравствуйте, коллеги!

После работ Александра Сергеевича и Яны Анатольевны, конечно, у меня люфт остался очень маленький, практически обо всем они написали, и найти что-то новое очень сложно, тем не менее, я постарался это сделать.

Что касается данного выступления, то Андрей Борисович поставил жесткие условия и требования: Гучков в Феврале 1917 года, — и я как дисциплинированный человек обязан был это выполнить, поэтому буду говорить только на эту тему. К большому сожалению, заранее мы не смогли ознакомиться с работами друг друга, поэтому мне придется основные тезисы изложить.

Прежде чем я перейду к самому тексту, несколько вводных слов. Характеризуя события февраля 1917 года, такая дискуссия в прошлом году в Москве была, и не только в Москве, и сводится к двум основным моментам. Дискуссия вокруг чего? Либо заговор, либо стихия. Ну, заговор само по себе это плохо — конспирология, поэтому в основном стихия. Хочу сразу заявить, что я не сторонник ни той ни другой версии. Это был не заговор, и это не стихия, это совершенно другое, потому что между двумя этими крайними точками есть еще с точки зрения управления и организации очень много различных моментов, о чем я и попытаюсь сейчас сказать.

Вообще есть такой момент, когда говорится «большое видится на расстоянии». И поэтому я долго думал, как бы мне не попасть в капкан, расставленный Андреем Борисовичем, потому что он все, что можно написать по Февралю 1917 года, уже написал, вместе со своими коллегами вывел меня на эту тему, и я решил зайти издалека.

В политической биографии крупного политического деятеля России Александра Ивановича Гучкова есть уникальный факт. Ему удалось в своей бурной политической жизни стать не только одним из главных деятелей, организатором непосредственных событий Февраля, то, что называется Февральской революцией, но и совершить своеобразный дубль: речь идет о его непосредственном участии в военно-государственном перевороте в Болгарии в июне 1923 года. В этих, казалось бы, на первый взгляд, абсолютно разных событиях, тем более происходящих в разных странах — России и Болгарии, обнаруживается много общего. Разумеется, нельзя сравнивать масштабы исторических последствий от того и другого события, но их объединяет то, что в результате произошла смена власти в этих государствах.

Переломные моменты истории, такие как революции, государственные перевороты, оставляют мало источников, особенно в периоды подготовки и непосредственного свержения власти. Это вполне объяснимо, так как такие события готовились во многом в условиях секретности, никто не планировал оставлять следы на случай провала и неудачи, тем более, с точки зрения безопасности. Информация о деятельности организаторов является источником опасности, если уходит за пределы узкой

группы руководителей и организаторов. Отсюда, как правило, порядок действий таков, что любую информацию передают друг другу устно, по-другому только тогда, когда нет иной возможности.

С Февралем 1917 года во многом произошла именно такая ситуация. Изначально подобного рода документов не было, затем в силу быстроты и скоротечности происходящих событий не успели записать и оформить, а после многим непосредственным участникам стало просто невыгодно, соглашаюсь с Александром Борисовичем, а порой даже опасно для жизни распространяться о подлинных планах подготовки к событиям. Это покушение на Гучкова 1921 года, то же самое — группой монархистов на Милюкова в 1922 году, в результате которого погиб Набоков, хотя стреляли в Милюкова. Более того, также в эмиграции был избит Родзянко. Их всех обвиняли, что они являются главными зачинщиками организации революции. Поэтому этот вопрос касается физической безопасности.

В последующем воспоминания во многом служили не для прояснения ситуации, а скорее наоборот, учитывая сложившуюся обстановку. На мой взгляд, это как раз относится и к тому тезису, который озвучил Александр Сергеевич, о том, что слишком много было сделано для того, чтобы быть повешенным, но мало для существа дела. Это как раз из той же самой оперы.

В связи с этим для исследователя возникают большие сложности ввиду отсутствия письменных источников оценить деятельность того или иного политика, в частности Гучкова, в событиях февраля 1917 года. Целый ряд историков требуют не иначе как письменных доказательств и не иначе как «плана Гучкова». Оппонентов не смущает, что такого плана просто не могло быть в принципе, так как подготовка шла не просто к какой-то политической акции, а к действию, направленному на смену действующей власти, то есть тому, за что по действовавшему тогда законодательству предусматривалась смертная казнь, особенно в условиях военного времени. В таких условиях, вне всякого сомнения, никто не будет оставлять письменных подтверждений своей собственной вины, включая подписанные и согласованные планы.

Как же тогда быть в подобной ситуации? Как понять логику и мотивы поступков основных акторов и выявить подлинную роль политических деятелей тех событий, в частности, Гучкова в феврале 1917 года?

Первое. На наш взгляд, для этого надо изучить полную биографию этого политика, а не только политическую биографию 1905–1917 годов (нет времени рассказывать, что я имею в виду), а тем более знать только внешнюю сторону его дел начала 1916 — начала 1917 года. Для оценки его исторической роли необходимо знать и понимать, с каким багажом знаний, умений и навыков он подошел непосредственно к 1917 году, понимать, какими он владел методами и технологиями (обращаю внимание!) политической борьбы, что ему было свойственно и что неприемлемо в принципе.

Второе, вычленяя и фиксируя историческую роль Александра Ивановича накануне 1917 года, необходимо рассматривать его деятельность не только в физическом пространстве — куда пошел и что сделал, но и с точки зрения его деятельности в информационном и воздействия

в когнитивном пространствах. Если не учитывать его деятельность как участника и организатора информационной и психологической войн, то это приведет к упрощению понимания вообще его роли в данных событиях. Впрочем, к упрощению и примитивизации образа Гучкова у некоторых историков приводит их незнание основных фактов биографии героя, его участия в предыдущих событиях, придумывается и приписывается ему то, чего у него не было в мыслях и действиях, более того, не подтвержденные источниками выдумки типа о планах цареубийства и обещания сепаратного мира с Германией, как у большевиков.

Третье. Имея обширную информацию о дубле Гучкова по смене власти, соотнося события переворота в Болгарии 1923 года с событиями февраля 1917 года в России и анализируя ход его мыслей и действий, мы получаем своеобразный ключ к пониманию его организационно-управленческой деятельности — именно организационно-управленческой — в революции 1917 года.

Перейдем непосредственно к «болгарскому следу» Гучкова, к тому самому дублю. В отличие от событий 1917 года, о перевороте в Болгарии 1923 года сохранились документы с вложением в них планов Гучкова. Это письма Александра Ивановича к генералу Врангелю от 25 декабря 1922 года и 10 июня 1923 года, машинописные копии которых хранятся в ГАРФе. Впервые об одном из этих писем, от 25 декабря 1922 года, упоминал в своей монографии «Агония белой эмиграции» советский историк Шкаренков. Однако он в первом издании монографии воспроизвел лишь один абзац письма. Во втором издании Шкаренков несколько расширил цитирование, добавив, что «кое-что так и было сделано», обращаю внимание, не уточняя, что именно. В действительности текст письма изложен на восьми листах машинописного текста. В письме, обращаясь к Врангелю, прежде всего, изложив глубокий анализ ситуации, в которой оказалась Белая армия в Болгарии, он предлагает ему как выход совершить государственный переворот, произвести смену власти в Болгарии как единственное и последнее средство спасти русский контингент в Болгарии: только переворот может спасти, и сегодня переворот возможен, теперь или никогда, — писал Гучков генералу Врангелю.

Следует обратить внимание на ряд важных положений, высказанных Гучковым, характеризуя его как организатора столь опасного мероприятия. Он указывал, цитирую: «Надлежало бы разработать план действий» (план!), и следующее: «и разумная и тщательная подготовка — половина успеха». Далее он пишет, что «вся предварительная работа должна быть сделана в глубочайшей тайне, так как малейшее оглашение плана или даже половина подозрения могут не только скомпрометировать удачу, но и привести к окончательной гибели». В этих положениях Гучкова ясно прослеживаются его логика, опыт подготовки переворота, а так как с момента революции 1917 года прошло только чуть более пяти лет, то вполне разумно предположить, что Гучков эти же принципы и методы использовал в феврале 1917 года: тщательная подготовка плана, в полнейшей тайне, в режиме секретности.

В чем же была суть плана Гучкова?

Первое: решить политическую задачу (обращаю внимание: именно политическую, а не военную) — найти союзников в лице болгарской политической оппозиции, противостоящих режиму премьера Стамболийского. При этом есть очень важная характеристика-наблюдение, явно из его собственного предреволюционного опыта, что под давлением необходимости оппозиционеры становятся революционерами. Очень похожая ситуация и с Россией накануне февраля 1917 года. Обращаю внимание, что цель переворота была не в том, чтобы поднять белые войска, те бы свергли правительство, установили бы марионеточное правительство. Нет, решаем политическую задачу сначала.

Второе, о чем он пишет: «Нужно составить предварительный общий план военного переворота и захвата власти», — что и было сделано. В составлении и подготовке военно-технической части плана наряду с двумя болгарскими генералами, Вылковым и Русевым, принимали участие два врангельских генерала — Никольский и Ронжин.

Тут, конечно же, надо иметь в виду следующее. Хоть и говорится, что это военный переворот, имеется в виду участие военных, но речь не идет о чисто военной операции. При чисто военной операции целью является выявление и уничтожение противника всеми имеющимися силами и средствами. При перевороте же цель вовсе не уничтожение противника и не подразумеваются реальные боевые действия, а в том, чтобы изолировать и нейтрализовать на определенное время особо опасных лиц, в первую очередь, имеющих властные полномочия, и лишить их возможности воспользоваться этими полномочиями. Вторая задача — превратить несколько воинских частей в активных участников, одновременно нейтрализовать те армейские и иные силовые подразделения, которые изначально либо не примкнули, либо не привлекались к перевороту, и это не означает, что вынуждены с ними бороться, а только предотвратить их возможное противодействие в короткий период совершения смены власти. Именно такую ситуацию можно наблюдать и в России 1917 года, и в Болгарии в июне 1923 года. Примкнувшие же к перевороту воинские части в большей степени играют роль публичной демонстрации силы, физического присутствия нового режима, парализуя волю противника.

Третье, в своем плане Александр Гучков описывает порядок действий в информационной сфере — как технологию — с указанием конкретных форм и главных тем в информационных посланиях.

Переворот в Болгарии 9 июня 1923 года произошел молниеносно и стал полной неожиданностью для многих политических сил как в Болгарии, так и за границей. Оппозиционные политические деятели вступили в тесный контакт с военными, в основном запасниками (Военная лига, это самодеятельная организация, это не государственная структура), в ночь на 9 июня вывели из казарм первые части и захватили практически без боя оставшиеся казармы и полицейские участки, личную партийную гвардию Стамболийского, оранжевую гвардию, затем оперативно нейтрализовали ничего не ожидавших министров и депутатов Национального

собрания от правящей партии земледельцев. В это время оппозиционеры, сформировавшие уже список членов нового правительства, выехав в загородную резиденцию царя Бориса III, добились от него указа, по которому он отправил в отставку прежнее правительство и назначил новое, во главе с профессором Цанковым. К полудню новые власти стали организовывать митинги поддержки и народные гуляния ликующего народа. Военные во главе с генералом Лазаревым устроили демонстрацию, пройдя по улицам, где располагались иностранные посольства, явно не с военной целью, а демонстрируя единство армии и народа и массовую поддержку свержения тирана Стамболийского радостным народом, демонстрируя иностранным послам физическое присутствие новой власти. С целью контроля и монополизации информационных потоков и информационного пространства в целом были немедленно закрыты все газеты политических противников, заняты типографии.

И хотя основной силой непосредственно в день переворота 9 июня 1923 года были военные, хоть и запасники, но применялись в основном не военные средства, а сугубо политические, отчасти полицейские: нейтрализация, а не уничтожение противника, митинги, шествия, народные гуляния. Как и в феврале 1917 года, активно использовались символические цвета. Но если в России это был красный цвет, то в Болгарии в пику партийным цветам свергнутого правительства цвета национального флага с целью усиления эффекта присутствия в физическом пространстве нового режима.

Следует отметить, что действующие правители, что в Болгарии, что в России, например, Стамболийский и император Николай II, накануне получали информацию о готовящемся перевороте, но либо игнорировали эту информацию, либо готовились к иного рода сражениям — со стрельбой и баррикадами, с битвами против вооруженных отрядов, иными словами, они готовились к другой войне (это очень важный момент), где были уверены, что они были сильнее. В Болгарии правительство видело главного врага во внутренней македонской революционной организации, а в России — в революционных партиях, готовясь к событиям наподобие революции 1905 года. Но на деле же основными были совершенно иные силы, которые применяли отличные от вооруженных методы борьбы. Сведения о перевороте и там и там были в большей степени тактическими ходами для отвлечения внимания противника на ложные цели. Это были не пустые разговоры о заговоре, о чем и Андрей Борисович повторяет, а дымовая завеса, в том числе и с целью, что подлинная информация будет забиваться мощными шумами, под которые готовился тщательно сам переворот. Отсюда эффект неожиданности для действующих властей: ждали от одних, а удар нанесли другие.

Не имея возможности в краткой статье подробно описать реальные шаги и поступки Гучкова в феврале 1917 года, отметим лишь, что он оказался участником практически всех ключевых событий, которые явились определяющими в ходе февраля 1917 года. Отметим лишь некоторые.

Сразу возражу Александру Сергеевичу, что было мало времени, он там заболел. На самом деле он действительно уехал осенью 1916 года

в Кисловодск после смерти сына, но он там не болел, не валялся больным в приступах, он активно встречался с военными, генералами, у него много контактов было зафиксировано, и он очень активно раздавал там интервью, присутствовал в публичном информационном пространстве. Эти статьи остались, они есть в библиотеках, и можно проанализировать.

Известно, что военные, командиры полков, если не ошибаюсь, активизировали свои разговоры о подготовке к перевороту, к каким-то действиям в конце декабря 1916 года, особенно в 20-х числах. Вот просто факт, как совпадение можно воспринимать: именно 20 декабря Александр Иванович Гучков вернулся в Петроград, его встречали там очень активно, не как Ленина в апреле, но, тем не менее, очень активно, а после этого началась активизация военных. То есть он на югах встречается с одними военными, приезжает — будоражение других. Естественно, прямых нет таких доказательств, что благодаря этому, но, тем не менее, факт интересный.

Итак, отметим лишь некоторое. Гучков, что он в феврале делал?

Заранее организовывал съезд представителей военно-промышленных комитетов, прошедший 25 февраля. Загодя он собрал делегатов, по сути дела, свой актив в столице, а после ареста активно занимался их освобождением. По утверждению профессора Андрея Борисовича Николаева, на базе ЦВПК Гучковым был создан центр-штаб (цитата), который обеспечивал штаб восстания в Государственной думе. Действующая здесь же, в ЦВПК, Рабочая группа направляла рабочих и солдат к Таврическому дворцу. Запасной батальон Измайловского полка в ночь с 27-го на 28-е одним из первых перешел на сторону восставших именно через штаб ЦВПК, где главой был Гучков.

Гучков 27 февраля был у Родзянко и активно взаимодействовал с ним во время телефонных переговоров с военным министром, составлял текст телеграммы царю. Тогда же, 27 февраля, он сообщил Коковцову, что Государственная дума формирует правительство, и назвал ему будущего министра финансов. 2 марта именно фамилию Терещенко и назвали. И если бы не было никаких предварительных разговоров и прочего, возникает очень простой вопрос: откуда Гучков за несколько дней до формирования правительства об этом знал?

Третье. В результате переговоров Гучкова (очень важный момент) с начальником войсковой охраны столицы генералом Занкевичем тот вступил в сговор с руководителями восстания, дав гарантии о бездействии войск, и именно после этих бесед и был создан Временный комитет Государственной думы. Подписал письма Государственного совета к царю от 27 февраля. Возглавил 1 марта военную комиссию Временного комитета Госдумы, основную в ходе выступления. В ночь с 1 на 2 марта в Таврическом дворце именно информация Гучкова, его убеждение и активность окончательно убедили правых во Временном комитете Госдумы о необходимости решения об отречении царя.

Четвертое. Лично принимал участие в отречении Николая II 2 марта в Пскове.

Даже в глазах посторонних наблюдателей, как отмечает присутствующий здесь уважаемый Сергей Викторович Куликов, Гучков воспринимался вождем переворота. Внешнее восприятие, потому что в такой ситуации важно, как это кажется все со стороны, чем, может быть, чем это есть на самом деле.

В заключение хотелось бы сказать, обратить внимание на схожесть действий в ходе событий февраля 1917 года в России и 1923 года в Болгарии.

Первое. Главные события и собственно переворот происходили в столицах государств, в главных центрах принятия государственных решений, что давало получение контроля над всей страной, в Петрограде и Софии, в то время как правители, Николай II и Стамболийский, отсутствовали в столице и вообще были оторваны от реальных рычагов государственного управления, у них не было информации о реальной ситуации, они не могли никак повлиять на ситуацию в силу разных причин, что давало преимущество организаторам выступления.

Второе. Внешне все происходило (тоже очень важный момент) как легальная передача власти через указы первых лиц — Николая II и Бориса III. Николай II сам назначил главу правительства — князя Львова, а царь Борис III — профессора Цанкова. Внешняя легальность, легитимность передачи власти — важный элемент в процессе смены власти. Легитимность и легальность дает возможность сразу примкнуть к перевороту служащим и чиновникам государственного аппарата, силовых структур, армии, стать на сторону переворота большей части обывателей.

Третье. Преобладание в действиях ненасильственных методов — политических, дипломатических, информационных — над военными методами.

Четвертое. Действие проводилось не по принципу военной операции, нацеленной на уничтожение противника, а на привлечение некоторых частей и в основном лишь на временную нейтрализацию сил противника.

Пятое. Развитие событий происходило на схожем общем фоне, было много информации предупреждения властям о готовящемся перевороте, которую некоторые историки воспринимают лишь как разговор и бахвальство, в то время как это был тактический ход по отвлечению внимания противника от реальных планов и созданию посторонних шумов, забивающих подлинную информацию.

Шестое. Реальными основными акторами по организационно-технической подготовке и организации переворота выступали не политические партии, а самодеятельные организации, в частности ЦВПК и Военная лига. Затем при решении политических задач и исполнении политических функций, которые не могли на себя взять самодеятельные организации, роль штабов перешла к легальным органам государственного управления, по-другому быть не могло: Государственной думе в России и новому правительству в Болгарии, — с целью захвата власти изнутри действующей системы. Взяты под контроль действия государственной машины, одновременно используя ее для установления контроля над страной. Вот пример Бубликова — это самый такой наглядный пример.

Таким образом, события непосредственно переворота в России в феврале 1917 года и в Болгарии в июне 1923 года во многом происходили по одному сценарию. А если известно, что сценаристом переворота в Болгарии был Александр Гучков, то логично предположить, исходя из схожести происходивших событий, что он же, Александр Гучков, был сценаристом событий в феврале 1917 года. Ну, или одним из них.

Спасибо.

А.Б. Николаев: Спасибо. Значит, мы здесь фиксируем Ваш вывод: Гучков — один из сценаристов Февральской революции. Спасибо.

Сергей Владимирович, пожалуйста.

С.В. ХОЛЯЕВ

Прежде всего, когда я начал готовить этот доклад, у меня уже были определенные трудности в связи с тем, что я к этим чтениям подготовился, рассчитывая на прошлый год, и я стал думать, с чего мне брать начало, какую брать точку отсчета. И, конечно, опять точкой отсчета стала книга Яны Анатольевны. Я выбрал моменты величайшего согласия с этой книгой Яны Анатольевны и моменты величайшего несогласия, для того чтобы опереться при подготовке своего выступления.

Точка согласия, почему собственно я в свое время купил эту книгу, это, конечно, 1911 год, а именно утверждение, что Александр Иванович Гучков — не яростный сторонник Столыпина, а всего лишь временный попутчик, до тех пор, пока их интересы совпадают. Пока их интересы совпадают, он действует в связке со Столыпиным; как только Столыпин переходит определенную грань и предлагает концепцию, где Гучков оказывается на второстепенных ролях, естественно, Гучков сразу отказывается от этой комбинации под видом защиты прав Государственной думы и вообще представительных учреждений.

Конечно, здесь еще нужно отметить крупную роль Гучкова в 1906 году, когда благодаря ему вообще сохранилась партия октябристов, потому что, может быть, не все знают, но в 1906 году «Союз 17 октября» должен был завершить свою историю. Его история должна была стать короткой, поскольку его первый руководитель Дмитрий Николаевич Шипов решил объединиться, решил объединить Союз с партией мирного обновления, и, соответственно, при объединении объединенная партия должна была получить название другой партии, то есть должна была называться партией мирного обновления. И история октябристов могла закончиться мгновенно, едва начавшись. Мы бы не знали сегодня такой веской партии, то есть это была бы партия мелкая, каких было много в 1905 году. Поводом для этого стало заявление Гучкова в печати о поддержке правительства Столыпина, Шипов не смог с этим согласиться и покинул партию. Так Александр Иванович стал лидером «Союза 17 октября», и в связи с этим история «Союза 17 октября» продолжилась.

Про 1911 год я уже отметил. И, конечно, в 1910 году произошла, наверное, настоящая развилка, когда Александр Иванович становится председа-

телем Третьей Государственной думы. До этого он действовал в связке со Столыпиным. Они действовали совместно, точнее, как я написал в своем докладе, параллельно, поскольку все равно во главу угла Гучков ставил свои интересы, но его интересы с интересами Столыпина совпадали. И вот когда он выяснил на посту председателя, что у Столыпина есть намерение все-таки опереться на Всероссийский национальный союз, и в этой комбинации ему отводилась важная, но вторичная роль, он с этим не согласился и тогда заявил о несогласии и об уходе с поста председателя Третьей думы.

И на этом началась история другого Гучкова, которого мы знаем, Гучкова-оппозиционера. Это уже была внепарламентская деятельность. Хотя он еще пытался с парламентом дважды связывать свою судьбу. Первый этап — когда он баллотировался в Четвертую Государственную думу, но он туда не прошел. А второй — когда он пытался, как Милюков в свое время Первой и Второй думой, руководить. Руководить составом октябристской фракции, будучи вне состава Государственной думы; и кончилось это в итоге тем, что в 1913 году октябристская фракция, одна из крупнейших, распалась. И вот после этого пути Гучкова и парламента, Государственной думы, распадаются, с этого времени он будет постоянно говорить о недееспособности депутатов.

Ну, а теперь о моментах несогласия. Два таких момента ключевых.

Первый момент — что происходившее в феврале 1917 года это было как раз соответствием планам Гучкова, что в феврале 1917 года должны были развернуться события, то есть готовился все-таки великий такой переворот, готовилось свержение, отстранение от власти Николая II. Но дело в том, что должно было оно произойти где-то в середине — конце марта, то есть у основных сторон, как им казалось, впереди еще был целый месяц, оставался целый месяц, и стороны тщательно готовились.

И, конечно, я считаю, еще один важный момент, о котором на страницах 80 и 81 Яна Анатольевна рассуждает, говоря о том, что Англия имела к этому минимальное отношение. Я считаю, что все-таки подспудно за этим стояла Англия. Англия, ее роль была, во-первых, санкционирующая и, наверное, такая роль координирующая, потому что ничего другого делать не надо было, русские готовы были сделать все, в том числе бесплатно, поскольку, как писал Андрей Борисович Николаев в своих работах, денег у них и так хватало, но координирующая роль Великобритании присутствовала, и, конечно, все события готовились, соответственно, где-то на конец марта. Цель была понятна, время было понятно, нужно было успеть до начала весеннего наступления, которое намечалось на апрель 1917 года.

И второй важный момент, который я хочу выделить, это роль рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. Существует предположение, что рабочая группа представляла из себя таких верных, преданных сторонников Гучкова, что весь их радикализм был декоративно-карманным, то есть полностью соответствовал интересам и планам Гучкова, и, как даже сказано в той же книге Яны Анатольевны на страницах 109 и 110, Петроградский совет — это была такая выдумка Гучкова. Он действовал полностью в соответствии с замыслами масонов, которые стояли во главе

этого заговора и социалистов использовали втемную, и, таким образом, Петроградский совет придавал видимость социалистической революции, тогда как на самом деле это масоны, включающие в себя Гучкова, шли к власти.

Ну, во-первых, конечно, масонская организация была, но, как было вами верно сказано, она представляла из себя не больше чем одну из политических партий, то есть ее сила была относительной, не более того. Но, с другой стороны, если мы говорим про масонов, мы должны еще помнить о том, что все они еще входили в то, о чем я говорил, в состав интеллигентского консорциума, и в этом консорциуме, простите, либералы были все-таки меньшая братия, потому что социалисты здесь имели более весомое преимущество.

В общем, получается так, что Гучков был настроен непримиримо по отношению к Николаю II, и поэтому был готов задействовать в борьбе с Николаем II даже те силы, которые не решался использовать более радикальный Милюков, то есть силы рабочих. И Милюков, кстати, прекрасно понимал накануне февраля 1917 года, что рабочие не выполняют распоряжения либералов, а рабочие идут гораздо дальше. У них свой этап, и они намерены потом продолжить дальнейшие события, переворот 1917 года, чтобы прийти к власти, и социалисты — это особая сила.

Что получилось в результате? Эта рабочая группа, которую создал Гучков, по сути, стала архитектором февральских событий 1917 года, поскольку освобожденные 27 февраля из тюрьмы «Кресты» лидеры этой рабочей группы во главе с Гвоздевым уговорили колеблющихся рабочих и солдат перейти в Таврический дворец, и в результате произошел тот Февраль, который мы хорошо знаем, то есть образовался Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Вся эта комбинация, эта структура, которую создал Гучков, по сути, увела у либералов в феврале власть. И, таким образом, получается, что Гучков стал архитектором этого социалистического стихийного эсеро-меньшевистского переворота. И уже потом представители меньшевиков, в частности Суханов, использовали либералов, уговорив Милюкова присоединиться к этому движению, возглавить его.

Таким образом, получается, что без Гучкова этот социалистический Февраль был бы в принципе невозможен. То есть Гучков, желая прийти к власти через свой переворот, в итоге способствовал тому, что в Феврале 1917 года к власти пришли социалисты.

А.Б. Николаев: Спасибо. Я так понял, что Гучков виноват в том, что он создал Рабочую группу ЦВПК, которая стала архитектором революции. Стихийной? Я правильно понял, что именно Гучков, наверное, невольно, привел к тому, что власть оказалась в руках социалистов?

С.В. Холяев: Так получилось, потому что Рабочая группа, которую он возглавлял, вышла из-под его контроля еще до февраля, и она еще 14 февраля готовила провокацию. Там говорится у Яны Анатольевны, что это была разработка либералов, но это было чисто внутреннее мероприятие социалистов, они должны были спровоцировать конфликт власти и цензовых элементов.

А.Б. Николаев: Спасибо.

И последний выступающий у нас Сергей Викторович Куликов. Пожалуйста. Вот он как раз автор статей про ЦВПК, которые в разных вариантах опубликованы, в том числе, и в ведущих исторических российских журналах.

Пожалуйста, Сергей Викторович.

С.В. КУЛИКОВ

Спасибо, Андрей Борисович.

Ну, мне кажется, что дискуссия, хотя она протекает в таких спокойных тонах, она уже во многом удалась, потому что обозначились основные точки зрения, какие-то противоречия между взглядами тех, кто сидит вот за этим столом. Я бы хотел высказаться по трем моментам. Они имеют как общий, так и конкретный характер.

Прежде всего, конечно, выглядит парадоксом, что Февральская революция до сих пор не только в массовом сознании, но и в научном сознании трактуется как исключительно стихийное явление. Притом что когда изучают историю современных ей революций, а именно: революции португальской, революции китайской, революции турецкой, — ни у кого не вызывает сомнения, что да, наряду с элементами стихийности там был мощный фактор организации, предварительной подготовки этих переворотов или революций (мне кажется, что тут, да и вообще, название не имеет принципиального значения). И получается, что вроде бы опять Россия оказывается родиной слонов. Я, конечно, понимаю, что приятно иногда это осознавать, но, вы знаете, я не считаю, что в данном случае Россия, ее Февральская революция 1917 года, она чем-то отличается от аналогичных буржуазно-демократических революций, которые происходили как в Европе, так и в Азии. Тем более что сам Гучков, он прямо говорил, что вот те революции, они организованы, а вот наша революция, она выросла, как плод на древе. Конечно же, это политическая демагогия, и считать, что это истина в последней инстанции, по меньшей мере, наивно.

В любой революции всегда налицо симбиоз стихийности и организованности. Если некоторые из присутствующих здесь в основном пишут об организованности Февраля, то лишь только потому, что ранее на этот момент обращали очень мало внимания, и большинство историков, они просто как нечто непререкаемое, как изречение из Священного Писания, воспринимают тезис об абсолютной стихийности Февраля: да, были там какие-то моменты организации, но это все, знаете, происходило на верхушке какой-то, а вот в основе — стихийность.

Мне кажется, что просто некоторое методологическое недоразумение лежит в основе этой трактовки. Потому что ведь на самом деле всегда, в любом обществе присутствуют какие-то стихийные деструктивные тенденции, и они есть в любое время, в любом обществе, всегда и везде, были и будут. Ну, например, конфликт между поколениями. Мы знаем, что молодежь, она более радикальна во взглядах, чем более зрелое поколение. Гендерные противоречия, которые сейчас вышли наружу. Противоречия меж-

ду бедными и богатыми, недовольство бедных по отношению к богатым. И так далее, и так далее. И это естественно. Понимаете, такие стихийные вещи, они есть не только в период революции, но они есть и в нормальные периоды жизни и развития государства. И когда говорят об организованности революции, ведь никто не отрицает, что такие стихийные вещи играли роль, и очень большую роль. Но надо учитывать, что одно дело социальная ненависть, социальная зависть бедных к богатым, одно дело, когда она присутствует как естественное стихийное проявление людей, которые живут хуже, чем другие, а с другой стороны, когда эти настроения стихийные канализируются, когда, извините, в противоречия, существующие в каждом обществе всегда перманентно и стихийно, вбиваются некие колья и палки, то тогда, извините, мы уже вполне определенно можем говорить о факторе организованности.

И, таким образом, повторяю, что и Февральская революция, как и другая, современная ей, она была вот таким сочетанием стихийности и организованности.

А почему важно изучать ее организованность? Потому что просто это не изучали, практически не изучали, изучать стали только в последние два десятка лет, прежде всего, конечно, это работы Андрея Борисовича Николаева, ну, и тех, кто его окружает за этим столом, и других исследователей, которые присутствуют в этом зале.

В конце концов, что такое организованность? Что мы подразумеваем, когда говорим, что революция организованна? Мы имеем в виду, прежде всего, что революция чем является? Она является социальным явлением, и поэтому она уже не может быть только стихийной, она сочетает в себе и стихийность, и организованность. Полностью стихийным является, например, некое природное бедствие. Но, извините, это уже факт не из жизни человека, не из истории человеческой, а из истории природы, и, конечно, говорить, что каким-то чудом вот эта стихийность прорвала все препоны и создала новый строй, ну, это тоже как минимум некая подмена понятий. Тем более что в человеческом мире, очевидно, стихийность действует именно через организованность. То есть когда есть некие стихийные предпосылки, пусть это будет что угодно, пусть это будут волны Чижевского, пусть это будет экономический детерминизм, психологические факторы, когда массовое сознание охвачено какими-то фобиями или помешательством массовым, все равно вот эта стихийность человеческая, она действует через некие структуры организованные, сама по себе она не может действовать.

И вот мы подходим к Гучкову. Он как раз и создал такие структуры, конечно, базируясь на стихийном недовольстве, которое, с одной стороны, было резонным, с другой стороны, оно искусственно раздувалось оппозицией и революционными деятелями.

Но на что я хочу обратить внимание? Что действительно это была фигура уникальная в смысле организации Февральской революции. Потому что, с одной стороны, она имела контакты непосредственно с верхами, вплоть до великих князей. Если почитать переписку Александра Михайловича, он описывает, как встречался с Гучковым буквально за неделю

до начала событий в Петрограде; с другой стороны, он был тесно связан с представителями меньшевиков-оборонцев во главе с Гвоздевым. И самое важное, на что я указываю в статье в сборнике, который мы получили вчера и сегодня, что это действительно была очень мощная структура, это была не просто Рабочая группа с ее разветвлениями на заводах, а надо учитывать, что Рабочая группа — это была единственная легальная структура, в рамках которой могло развиваться рабочее движение в то время, в жестких условиях военного времени. Потому что все остальные рабочие партии, они были все подпольные, и все признают, что они не имели никакого влияния на рабочих просто потому, что они физически это не могли делать. Рабочая группа и связанная с нею аффилиация — это была единственная легальная площадка для развития рабочего движения. И более того, в Петрограде под контролем Рабочей группы находилась огромнейшая организация под названием Петроградский союз потребительных обществ. Это, собственно, была рабочая кооперация, созданная в конце 1915 — начале 1916 года.

Гучков через деятелей рабочих групп мог мобилизовать эту структуру для того, чтобы вывести рабочих на улицы. Тем более, как вы помните, главный лозунг демонстраций вначале, в первые дни, был какой? Хлеба! То есть экономический лозунг был использован как политический, именно для того, чтобы, вот как Виктор Иванович как раз об этом говорил, чтобы создать впечатление, что это не есть такой прямой натиск на власть, что это нечто, не имеющее стремления выйти на баррикады.

Если говорить концентрированно, я лично считаю, и в этом смысле я солидарен с Виктором Ивановичем и Сергеем Владимировичем, что на Гучкове как организаторе революции сошлись разные, скажем так, планы, разные круги, и действительно он был в общении и с великими князьями, а, с другой стороны, как называли деятелей Рабочей группы, гучковские молодцы. Так что благодаря этому симбиозу Гучков и сумел совершить то, что он совершил.

А.Б. Николаев: Спасибо. Гучков — один из авторов революции. Правильно, да?

С.В. Куликов: Да, насколько это возможно.

А.Б. Николаев: Спасибо.

Коллеги, у нас осталось пятнадцать минут. Прошу задавать вопросы участникам дискуссии.

ВОПРОСЫ ИЗ ЗАЛА

Вопрос: Д.Е. Труш[1]

Хотела обратиться к Сергею Викторовичу. Вот вы говорили, что революция может быть и организованная, и спонтанная. Скажите, а Гуч-

[1] Труш Дария Евгеньевна, студентка Юридического института Российского университета дружбы народов.

ков как считал, что революция должна быть полностью организованной или спонтанной? И почему, если его называют «великим магистром революции», он так и не пришел к власти и отстранился от нее? Спасибо.

С.В. КУЛИКОВ

Спасибо за вопрос. Я-то как раз утверждал, что всякая революция имеет и стихийные аспекты, и организационные. Никто не отрицает влияния стихии и обратно — влияния на стихию со стороны организованности. Я именно это утверждал.

А что касается Гучкова, мне кажется, что ответ на этот вопрос дал во многом Виктор Иванович. Он был технический деятель, так сказать. В революции есть техническая сторона и политическая. Понимаете? Естественно, что политическая роль была за Думой и за Родзянко, но все равно структуры, которые руководили событиями, они были не думскими, а они были связаны именно с ЦВПК. Если Гучков не говорил публично, что «я автор всего этого», то… Вспомните, я привел его слова, которые он сказал еще 8 марта 1917 года, что португальский переворот, турецкий, китайский — это все организовано людьми, но вот наш переворот — не людьми он создан и не людьми он будет уничтожен. Понятно, что считать это за какой-то научный вывод, опираться на этот вывод в работах научных, мне кажется, это не вполне научно. Это обычная революционная риторика. Спасибо.

А.Б. Николаев: Спасибо. Коллеги, есть еще вопросы? Пожалуйста.

Вопрос: Ф.А. Селезнев

Если можно, вопрос Виктору Ивановичу Козодою. Замечательная, мне кажется, и очень интересная его информация об организации Гучковым переворота в Болгарии. И у меня вопрос в связи с этим. Виктор Иванович, скажите, пожалуйста, а в чем был интерес Гучкова в свержении правительства Стамболийского? Чем он ему не угодил? То есть он просто решил еще раз отточить свое мастерство организатора переворотов? Или какие-то интересы были у него? Чем его не устраивало правительство Стамболийского? В чем его интерес участия в этой акции? Спасибо.

В.И. КОЗОДОЙ

Нет, эта тема, в общем-то, понятная и известная. На самом деле я в сентябре выступал в Болгарии, там Институт исторических исследований проводил большую конференцию как раз по этой теме, было крайне неудобно, потому что внешне смотрится так, что болгары пустили русскую армию в Болгарию, а они потом — раз, с ума сошли и переворот хотели устроить. На самом деле все это была очень большая история таких взаимоотношений. Если я не ошибаюсь, Яна Анатольевна сказала, что после революции Гучков ушел в тину, это не совсем так. Особенно с осени 1920 года он стал очень тесно сотрудничать с Врангелем и до самого конца жизни Врангеля очень тесно…

Ф.А. Селезнев: С кем сотрудничать, простите?

В.И. Козодой: С Врангелем, с бароном Врангелем, генералом Врангелем.

И когда после поражения в Крыму выехали, там была большая такая история, и в 1921 году все хотели распылить эту армию, французы, англичане, все хотели ликвидировать, Врангель противостоял, и Гучков был один из тех, кто боролся за эту русскую армию, воспринимая как русский патриот, — вот вчера на той дискуссии говорили: были они патриотами или нет, либерал может ли быть патриотом, — он как русский патриот именно в остатках русской армии видел последний остаток русской государственности, который надо будет потом восстановить, и он поэтому был таким ярым сторонником. В 1922 году началась очень активная борьба правительства Стамболийского против русской армии под воздействием советского правительства, там большевики чувствовали себя очень спокойно и хорошо. И поэтому целый ряд операций, это была майская операция, сентябрьская — они принимали активное участие — дипломатическое, информационное — Гучков, у него были громадные связи, и воздействие, в том числе на правительство, Стамболийский вынужден был ему отвечать. А в декабре 1922 года он ему написал, что надеяться на союзников нет никакого смысла, все пути исхожены, все, что мы могли сделать, сделали, для того чтобы сохранить русскую армию, единственный путь — это совершить переворот, другого пути нет.

Ф.А. Селезнев: И, тем не менее, русская армия переехала в Югославию в результате.

В.И. Козодой: Нет, это только часть. В Болгарии 20 тысяч контингент был, он был больше, чем болгарская армия в этот период времени.

А.Б. Николаев: Спасибо. Еще вопросы есть? Да, пожалуйста.

Вопрос: А.А. Стерликова

Добрый день! У меня вопрос: какова была роль Рабочей группы ЦВПК в подготовке демонстрации 23 февраля? Была ли она определяющей, самой главной?

С.В. ХОЛЯЕВ

23 февраля Рабочая группа ЦВПК сидела в тюрьме, поскольку 27 января была арестована. Но она готовила мероприятие изначально на 14 февраля, и в этот момент это была все-таки не помощь либералам, как считало правительство, и Милюков, например, верно оценивал ситуацию: он считал, что рабочие это делают для того, чтобы либералы пришли к власти, а после этого в стране начался хаос, и они дальше продолжили бы борьбу за власть. Поэтому 23 февраля — там у меня в статье «Три февраля» как раз про роль большевиков говорится, что 27 февраля рабочих, так или иначе, в определенной степени успешности, контро-

лировали большевики. Но 27 февраля освободили эту Рабочую группу из тюрьмы «Кресты», и вот тогда они уже, соответственно, повели всех, кто находился там, то есть почти всю рабочую массу, в Таврический дворец, и после этого начался Февраль 1917 года, который мы знаем. То есть рабочая группа на самом деле вышла из-под контроля Гучкова, и она готовила свою акцию. Почитайте резолюции этих групп, которые они готовили накануне 14 февраля, чтобы понять, что акт 14 февраля это была не помощь либералам, а, наоборот, был антилиберальный акт.

А.Б. Николаев: Сергей Владимирович, вопрос вот в чем. Действительно хороший вопрос. Кто готовил события 23 февраля, или их никто не готовил?

С.В. Холяев: 23 февраля рабочих вывели большевики, это моя точка зрения.

А.Б. Николаев: Руководящая роль партии большевиков, да?

С.В. Холяев: Да.

А.Б. Николаев: То есть мы снова к ней возвращаемся потихонечку. Спасибо.

Увы, я ограничен во времени, осталось пять минут, все остальные не успели задать свои вопросы, и надо заканчивать эту дискуссию.

У меня есть такое предложение. Каждый из участников дискуссии может выступить с заключительным словом.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

А.С. СЕНИН

Я благодарен коллегам, что мы все вместе делаем общее дело. Подчеркну, что современность накладывает определенный отпечаток на изучение участия Гучкова в Февральской революции.

А так стихийный процесс был. Спросите, вот за неделю, за неделю — 22-го, когда царь уехал спокойно, зная, что ничего не будет, кто-нибудь их них знал, что произойдет через неделю? Никто не знал.

А.Б. Николаев: Спасибо.

Яна Анатольевна, пожалуйста, заключительное слово.

Я.А. СЕДОВА

По поводу симбиоза стихийности и организованности мне все-таки кажется, что нет, несомненно, оба фактора сочетаются, но мне все-таки кажется, что какой-нибудь из них обязательно перевешивает.

А.Б. Николаев: Конечно. Организованность. Спасибо.

Виктор Иванович, пожалуйста.

В.И. КОЗОДОЙ

Я, прежде всего, хотел бы поблагодарить (сегодня первый раз) Александра Сергеевича за его книгу как пионера этой темы, которая захватила меня и много лет уже держит, и я в начале будущего года новую кни-

гу издам — по «болгарскому следу», а потом еще большую биографию, потому что меня впереди ждет парижский архив внука Гучкова, никак не могу добраться до него.

Я хочу поблагодарить Яну Анатольевну за ее книгу. Вот Андрей Борисович Николаев поставил, как будто он ее принес, а это моя книга, я ее купил, она вся исписана, потому что я получил очень большое эмоциональное удовольствие от всего этого дела.

И хотел бы также поблагодарить Сергея Викторовича за его публикацию. Я там не со всеми тезисами согласен, но фактура просто замечательная, которая послужила примером дальше идти.

И вот хотел бы категорически не согласиться с Сергеем Владимировичем, потому что, на мой взгляд, он не совсем понимает роль рабочих групп ЦВПК. Если посмотреть саму историю, вот именно статья Сергея Викторовича, она меня пустила, как охотника за лисой, по следу, по рабочей группе. И есть блестящий архив, это РГАВМФ, где целый фонд ЦВПК, где там подлинники, все это есть.

Более того, по Рабочей группе я хочу сказать в присутствии всех: на самом деле у Гучкова это не просто вот сиюминутный ход был по ней, под этим лежала глубокая теоретическая база, он сам говорил: «У меня в жизни три учителя, это Пучинский, Виноградов и Шмоллер». Кто такой Шмоллер? Это теория государственного социализма с опорой на рабочий класс, воздействие всего это дела. Так вот, после окончания Московского императорского университета он три года учился за границей и был участником семинара этого самого Шмоллера. И более того, Гучков являлся единственным русским участником этого семинара, на которого Шмоллер делал ссылки в своих работах. Поэтому загодя теоретическая база у него была, и он понимал роль и место рабочего, ну, так скажем, класса, как бы взаимодействие.

Естественно, члены Рабочей группы не были марионетками, но если мы посмотрим эти документы в архиве, там есть штатное расписание — они полностью находились на содержании и финансировании. Все их последующие действия, когда Гвоздева выпускали, кто его встречал, это тоже известно. Это полностью организация. Они были союзниками.

И уж об этом говорить, что Гучков перехватил и сделал социалистическую революцию, ну, с этим, уж извините, я никак согласиться не могу. Хотя было интересно. Спасибо.

А.Б. Николаев: Спасибо.

Сергей Владимирович, пожалуйста.

С.В. ХОЛЯЕВ

Если находишься на финансировании, то это не значит, что выполняешь все распоряжения, исходящие от патрона. Патрона можно, в конце концов, обманывать, деньги взял и действуешь, как хочешь.

Готовился большой переворот, Гучков был одним из его главных организаторов. Цель переворота была, чтобы к власти пришло новое пра-

вительство, и это произошло до начала весеннего выступления. Цель — Англия не собиралась передавать России проливы, и поэтому все это и происходило. На мой взгляд, так.

(Реплика из зала: А зачем русским-то надо было идти в угоду Англии? … Родзянко, Гучков …)

Ну, они же не думали о коварстве англичан, и Милюков считал, что им дадут проливы. Но на самом деле англичане все это мутили, чтобы проливы не давать.

А.Б. Николаев: Спасибо.

Сергей Викторович, пожалуйста.

С.В. КУЛИКОВ

В общем, я согласен с Андреем Борисовичем, что на самом деле противоречий таких больших нет; они, конечно, есть, имплицитно присутствуют в основном. Но хотел вот что заметить. Александр Сергеевич правильно сказал, что при изучении этой темы довлеет современность. Я хочу сказать еще, каким образом она довлеет. Сейчас технология революции стала более прозрачной за счет того, что помимо газет, как тогда, есть телевидение, есть интернет, и поэтому теперь мы как-то лучше можем представить себе технологию революции и вообще эту тему изучать так же, как мы изучаем технологию власти, например.

А то, что мы до сих пор не можем эту тему изучать нейтрально, это, видимо, еще и потому, что мы живем в 2018 году и, видимо, надо, чтобы еще сто лет прошло, а всего двести лет, чтобы мы, как американцы признали, что да, спасибо вам большое, французы, что Людовик XVI дал деньги на нашу революцию! И никто в этом не видит ничего такого зазорного и порочащего американскую революцию. Так что, видимо, когда через сто лет соберемся, только тогда уже будет что-то такое новое и основательное. Спасибо.

А.Б. НИКОЛАЕВ

И в заключение я лишь замечу, что Александр Иванович Гучков, начиная с 27 февраля 1917 года, работал на центр революции и штаб восстания, который сложился в Государственной думе.

Надеюсь, что сегодняшняя дискуссия сыграет свою роль в росте интереса как к деятельности А.И. Гучкова в февральско-мартовские дни 1917 года, так и к истории самой Февральской революции.

Спасибо.

БИОГРАФИКА

ПРОФЕССОРА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (ПЕТРОГРАДА) В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

СМИРНОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,
аспирантка кафедры русской истории
Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена,
библиотекарь
Российской национальной библиотеки,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: snake1211@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается научная и политическая деятельность профессоров санкт-петербургских высших учебных заведений (М.М. Ковалевского, В.М. Гессена, А.Ф. Мейендорфа) в качестве депутатов Государственной думы Российской империи. Определяется двойная роль профессоров — в качестве не просто парламентариев, а учителей-парламентариев: академическое сообщество Петербурга имело достаточный научный потенциал, чтобы вложить его в развитие государства и общества в целом — не только через университетскую, но и думскую кафедру. Решая вопросы, связанные с реформированием государственного устройства, они задавали направления в научной и парламентской работе.

Ключевые слова: высшая школа Санкт-Петербурга, профессора, М.М. Ковалевский, В.М. Гессен, А.Ф. Мейендорф, Государственная дума.

Преподаватели и студенты высшей школы Санкт-Петербурга сыграли свою роль в развитии российского демократического движения. Начав в 1905 г. «революцию умов»[1], профессора высшей школы взяли на себя двойную ответственность перед своими студентами: за получение ими образования и за развитие политического строя страны. Поиск решения проблем реформирования государства стал значимым направлением научной работы и способствовал развитию автономии вузовского сообщества. Поэтому вопрос участия петербургских профессоров в политической жизни страны в качестве депутатов Государственной думы требует специально-

[1] *Гессен В.М.* Государственная дума. Часть I // Право. 1905. № 33. С. 2663.

го освещения. К началу XX в. научное сообщество Российской империи смогло накопить достаточный научный и общественный потенциал, чтобы иметь возможность вкладывать его в развитие государства и общества в целом — не только через университетскую, но и думскую кафедру.

Первая Государственная дума (27 апреля — 9 июля 1906 г.): М.М. Ковалевский

Максим Максимович Ковалевский уже с третьего курса обучения в Харьковском университете стал заниматься государственными науками[1]. В 1887 г., несмотря на то что Ковалевский заслужил звание ординарного профессора в Московском университете, по приказу министра просвещения И.Д. Делянова «за отрицательное отношение к государственному строю России» и антиправительственную деятельность в виде пропаганды демократических реформ он был уволен из университета[2]. Молодой профессор лоббировал идею о свободе слова в высшей школе: «Вековой опыт народов, пользующихся политической свободой, доказывает, на мой взгляд, что такое открытое высказывание своих мыслей, при возможности такой же открытой их критики, несравненно менее опасно для порядка и спокойствия государства, чем затаивание их внутри себя. Митинги оканчиваются представлением коллективных ходатайств, в которых, как общее правило, приводятся средние мнения собравшейся толпы, а эти средние мнения редко когда бывают крайними. В келейном же молчании приготавливаются заговоры и политические перевороты»[3].

После этого семнадцать лет Ковалевский провел за границей, стажируясь и изучая государственное право не только европейских государств, но и Соединенных Штатов Америки[4].

После возвращения в Россию в 1905 г. он ведет публицистическую деятельность, принимает участие в работе Московского земского съезда[5], читает лекции, в которых объясняет роль и значение народного представительства, демонстрируя тем самым свои конституциональные взгляды[6].

---

[1] Ковалевский Максим Максимович // Материалы биографического словаря действительных членов Императорской академии наук. Пг., 1917. С. 311.

[2] *Ковалевский М.М.* Ораторы России в Государственной думе. СПб., 2004. С. 148; М.М. Ковалевский: биография // Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета, 1819–1917 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://newserv.srcc.msu.ru/MIU_XIX/kovalevsky02.html

[3] Архив РАН СПб. Ф. 103. Оп. 3. Д. 45. Л. 10.

[4] Ковалевский Максим Максимович // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской академии наук. Пг., 1917. Ч. 2. С. 311–313.

[5] *Ковалевский М.М.* Ораторы России в Государственной думе. СПб., 2004. С. 148.

[6] Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям // Максим Ковалевский. Сб. ст. Пг., 1918. С. 38.

Переехав в январе 1906 г. в Санкт-Петербург, Максим Максимович начинает действовать в направлении создания партии демократических реформ. 26 марта 1906 г. М.М. Ковалевский избран в I Государственную думу от общего состава выборщиков Харьковского губернского избирательного собрания. В I Думе входил в группу партии демократических реформ[1]. «Начало положено, — говорил он, — нужно продолжать работу в том же направлении»[2]. Ковалевскому Дума представлялась несовершенным органом: «Очевидно, прежде всего, что Государственная дума не есть представительство населения, а представительство имущества»[3].

С кафедры юного русского парламента Максим Максимович говорил в свойственной ему манере и в соответствии с научным статусом — как профессор, как учитель. Практически по каждому возникшему вопросу он поднимался на кафедру и в ярких красках живого образного слова давал справку из истории парламентаризма и действующего законодательства Англии, Америки и Франции[4].

Ковалевский председательствовал в комиссиях по проверке прав членов Думы и по составлению Наказа (регламента), комиссии о неприкосновенности личности, по вопросам гражданского равенства, о собраниях[5].

Несчастьем для М.М. Ковалевского и потерей для страны было поражение его в Харькове, на выборах во II Государственную думу. Доступ к участию в политической жизни страны для него оставался только через избрание в члены Государственного совета от Академии наук и университетов[6]. Параллельно этому осенью 1906 г. он возвращается к преподаванию и избирается сверхштатным профессором Петербургского университета, читает лекции на Высших женских курсах, в политехническом и психоневрологическом институтах. В 1909–1910 гг. председательствует в профессорском дисциплинарном суде при университете, придав этому продукту правительственной реакционной политики законный вид[7].

Главным достижением I Думы М.М. Ковалевский считал то, что она дала программу деятельности русских законодателей на ряд поколений. Он всюду отмечал параллельно с непрерывным ростом государства по-

[1] *Хайлова Н.Б.* Ковалевский Максим Максимович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 257.

[2] Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям // Максим Ковалевский. С. 38.

[3] *Ковалевский М.М.* Действительная природа Государственной думы: доклад, прочитанный в заседании Харьковского юридического общества 11 сентября 1905 года. Харьков, 1905. С. 11.

[4] М.М. Ковалевский в Первой думе // Максим Ковалевский. Сб. ст. Пг., 1918. С. 86.

[5] *Анисимов О.В.* Правоведы Петербургского университета в Государственной думе Российской империи: исторический очерк. СПб., 2016. С. 18.

[6] *Арсеньев К.* М.М. Ковалевский // М.М. Ковалевский: ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сб. статей. Пг. 1917. С. 59. 8 февраля 1907 г. он был избран членом Государственного совета от Императорской академии наук и университетов (*Хайлова Н.Б.* Ковалевский Максим Максимович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 119).

[7] РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 500. Л. 4; Д. 735. Л. 6.

стоянную эволюцию политических идей. Смысл общего направления в ходе развития политических образований заключался для него в пути «от патриархальной монархии к парламентаризму»[1], но он не считал появление парламентской системы последним словом политического творчества и, ожидая в будущем трансформации современного государства, заранее приветствовал его всякое дальнейшее развитие, которое будет совершаться «в духе равенства и свобод»[2].

Государственная дума второго созыва (20 февраля — 3 июня 1907 г.): В.М. Гессен

Владимир (Вольф) Матвеевич (Мунишевич) Гессен — юрист, депутат Государственной думы второго созыва, приват-доцент (профессор) Петербургского университета (с 1896 по 1912 г.), Александровского лицея, политехнического института, Высших женских курсов, Александровской военно-юридической академии[3]. Он был редактором еженедельной юридической газеты «Право», соредактором журнала «Вестник права», сотрудничал с газетами «Сын Отечества» и «Речь»[4].

Научная работа его была настолько плодотворной, что в 1895 г. Гессен приступает к магистерским экзаменам и получает звание приват-доцента юридического факультета Петербургского университета. Попечителем Петербургского учебного округа он был допущен к чтению лекций по курсу «Общее учение о государстве»[5].

В 1904 г. он входит в руководство «Союза освобождения» и становится одним из авторов проекта конституции, разработанного Союзом[6]. В 1905 г. Владимир Матвеевич участвует в создании кадетской партии и входит в ее ЦК. При этом он был верен принципу, что не политику нужно привносить в науку, а науку в политику[7]. В.М. Гессен был одним из ярких ораторов и кадетским флагманом по части законопроектного творчества, настаивающим на том, что «только представительное собрание, свободно и сознательно избранное всем народом, может пересоздать Россию»[8].

[1] *Боголепов А.А.* М.М. Ковалевский как историк политической мысли. Пг., 1916. С. 23.

[2] Там же.

[3] Гессен Владимир (Вольф) Матвеевич (Мунишевич) // Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета, 1819–1917 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://bioslovhist.spbu.ru/person/134-gessen-vladimir-vol-f-matveyevich-munishevich.html (дата обращения: 31.08.2019)

[4] Гессен Владимир Матвеевич (Вольф Мунишевич) // Российская еврейская Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 297–298.

[5] *Гессен В.Ю.* Историк Юлий Гессен и его близкие. СПб., 2004. С. 366.

[6] *Окатова А.С.* Владимир Матвеевич Гессен: судьба и идеи // Вестник Тамбовского университета. 2007. Вып. 2 (46). С. 88–89.

[7] *Макаров А.* Некролог: В.М. Гессен // Дела и дни. Исторический журнал. 1920. Кн. 1. С. 601.

[8] *Гессен В.М.* Государственная дума. Продолжение. Часть III // Право. 1905. № 34. С. 2765.

В составе Первой Думы Гессена не было, он принимал участие в работе законодательной комиссии партии кадетов. Манифесту 6 августа 1905 г. Гессен дал следующую оценку: революция умов «является в настоящее время в России совершившимся фактом. Нравственный авторитет бюрократии, правотворческой силы современной России, утрачен ею бесповоротно и навсегда. Он утрачен ею в бесславной войне с Японией». Выход Гессену виделся только один: «Власть должна быть изъята из рук бюрократии, вручена новой нравственно-авторитетной силе, пользующейся признанием народа. В существующих условиях такой силой является народное представительство, и только оно. Либо народное представительство, либо бюрократический абсолютизм, который отныне может держаться только на штыках»[1].

Деятельность будущей Думы представлялась Гессену весьма ограниченной: «Государственная дума имеет два права — право просьбы и право слова. Бюрократия сохраняет за собой одно право — право не внимать ни просьбам, ни слову думы»[2].

При изучении манифеста от 17 октября 1905 г. Гессен ставил вопрос, упраздняет ли он самодержавие, и в заключение он категорически отказывал Николаю II в праве называться самодержцем, поскольку в государственное право России введено конституционное начало — и оно не может быть отменено последующей волей монарха[3]. «Для нас самодержавие — символ всего нашего мрачного прошлого, векового гнета, тяготевшего и еще тяготеющего над несчастной страной»[4]. Когда Государственный совет и Государственная дума были фактически преобразованы в верхнюю и нижнюю парламентские палаты, В.М. Гессен усмотрел в этом фактическую конституцию в зачаточном состоянии: «Конституция — без названия, самодержавие — без содержания»[5].

6 февраля 1907 г. В.М. Гессен был избран в Думу второго созыва от Петербургской губернии по списку кадетской партии[6]. Его избрали в ряд комиссий: редакционную (пред.), по неприкосновенности личности, об отмене военно-полевых судов (пред.), по местному управлению и самоуправлению (пред.)[7].

Участвуя в обсуждении вопроса о продовольственной помощи, который был рассмотрен на заседании 9 марта 1907 г., Гессен призывал «заботиться о том, чтобы накормить народ, а не сводить свои партийные счеты»[8], настаивая на том, что Дума должна функционировать как единый организм.

---

[1] *Гессен В.М.* Государственная дума. Часть I // Право. 1905. № 33. С. 2663–2664.

[2] *Гессен В.М.* Государственная дума. Продолжение. Часть IV // Право. 1905. № 34. С. 2774.

[3] *Гессен В.М.* На рубеже. СПб., 1906. С. 207.

[4] Там же. С. 208.

[5] Там же. С. 232.

[6] РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 102. ЛЛ. 1–3. См. также: Гессен Владимир Матвеевич (Вольф Мунишевич) // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 128.

[7] Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 128.

[8] Заседание 9 марта 1907 г. // Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1907. Т. 1. С. 310.

Избранный председателем комиссии об отмене военно-полевых судов, он составил от ее имени доклад, который 12 марта 1907 г. предложил вниманию Государственной думы. Законопроект касался, естественно, отмены военно-полевых судов. О содержании его Гессен говорил с думской кафедры: «Мы желаем категорически установить невозможность существования, органическую несовместимость народного представительства, основы правового государства с военно-полевой юстицией, как его безусловным отрицанием»[1]. «Если мы желаем умиротворения страны всеми силами нашего разума, всеми силами совести нашей, мы должны восстать против безумной политики правительственного террора, который толкает страну на путь террора революционного»[2]. Гессен открыл тем самым прения по этому вопросу и вступил в спор по правовым проблемам с председателем Совета министров П.А. Столыпиным и министром юстиции И.Г. Щегловитовым.

Вторая Дума просуществовала на месяц дольше, чем Первая. 3 июня 1907 г. манифестом Николая II Дума была распущена. Думская деятельность В.М. Гессена продолжалась и после этого — в период работы Думы третьего созыва — уже как консультанта. Он руководил заседаниями юридического общества, посвященными критике законодательной деятельности Думы, разработке основных начал правового государства.

После «третьеиюньского переворота» В.М. Гессен продолжил читать лекции в университете, вернулся в политехнический институт, в 1910 г. был назначен экстраординарным профессором Александровского лицея с оставлением в должности доцента политеха, где он стал ординарным (в 1917 г. — экстраординарным) профессором[3]. С прекращением чтения лекций в 1912 г. Гессен остался при университете как председатель административного отделения Юридического общества.

Как ученый Владимир Матвеевич посвятил себя науке права в единстве трех ее направлений — государственного, международного и административного права, основателем которого он считается.

Владимир Матвеевич Гессен был уверен, что стране необходимо не спеша, но двигаться в направлении конституционного правления, к формированию и развитию правового государства. В связи с этим он осуждал и решительно критиковал всех, кто пытался затормозить движение по этому пути. Отразилось это в ряде его публикаций: «Исключительное положение» и «О неприкосновенности личности»[4].

Научная работа была для В.М. Гессена самой необходимой, но он не мог не откликнуться и на текущие запросы общественности и в практическую жизнь старался привнести итоги своих научных изысканий, которые воплотились в его деятельности в Государственной думе второго созыва и проектах государственного реформирования.

---

[1] Заседание 12 марта 1907 г. // Там же. С. 360.

[2] Там же. С. 362.

[3] *Гессен В.Ю.* Историк Юлий Гессен и его близкие. СПб., 2004. С. 368.

[4] *Гессен В.М.* Исключительное положение. СПб., 1908; его же. О неприкосновенности личности. СПб., 1908.

Третий (1 ноября 1907 г. — 30 августа 1912 г.) и четвертый созывы Государственной думы (15 ноября 1912 г. — 6 октября 1917 г.): А.Ф. Мейендорф

Еще одним представителем от мира науки в Думе стал ученый-правовед, специалист по аграрному законодательству России, член фракции октябристов барон Александр Феликсович Мейендорф (1869–1964), «политически честный человек, человек упрямых убеждений и независимого слова»[1]. Он избирался в Государственную думу дважды, став депутатом третьего и четвертого созывов[2]. С 1907 по 1909 г. был заместителем председателя Думы. А.Ф. Мейендорф председательствовал в комиссиях по вопросу создания думской библиотеки, по законопроекту о новом университетском уставе, по регулированию чиншевого права[3].

Первой комиссией, в которой начал свою деятельность Александр Феликсович, была комиссия «об изъятии из государственной росписи акцизных доходов и об изыскании взамен их новых источников доходов»; он выступал за «сокращение разрастающейся отравы населения алкоголем»[4]. «Мы имеем области в России, погибающие от пьянства, где пьянство есть явление народного бедствия. Мы все чувствуем, что как будто уже не казна хозяин казенной монополии, а как будто казенная монополия хозяин казны»[5]. Со времени введения казенной продажи алкоголя потребление водки увеличилось. Ввиду этого необходимо было установить предел, дальше которого идти не следует, иначе бороться с народным пьянством в некоторых районах было невозможно[6].

Сфера научных интересов А.Ф. Мейендорфа была связана с изучением и разработкой аграрного законодательства, именно в этой области ученый пытался реализоваться в Думе. 5 декабря 1908 г., выступая в Думе по вопросу о семейной собственности на землю, он сослался на свой опыт преподавания: «В течение 20 лет я посвятил все свои слабые силы изучению земельного законодательства. Я не знаю ни одного законодательства мира, которое отличалось бы такой оригинальностью, такой смелостью мысли и такой … неудачей в исполнении. … И, выступая в первый раз перед юридическим факультетом Санкт-Петербургского университе-

[1] Мейендорф Александр Феликсович // Ораторы России в Государственной думе. СПб., 2004. С. 235.

[2] *Николаев А.Б.* Мейендорф Александр Феликсович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 367.

[3] Мейендорф Александр Феликсович // Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета, 1819–1917 https://bioslovhist.spbu.ru/person/798-meyyendorf-aleksandr-feliksovich-fedorovich.html (дата обращения: 31.08.2019)

[4] Государственная дума. Третий созыв. 1907–1908 гг. Сессия первая. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. СПб., 1908 Т. 1. С. 95.

[5] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. II. С. 76.

[6] *Мейендорф А.Ф.* О предлагаемом внесении в Государственную думу законопроекта о постепенном сокращении выпускаемого в продажу количества спиртных напитков. СПб., 1910. С. 3.

та и разбирая вопрос о русском земельно-надельном законодательстве, я был принужден сказать: в этом законодательстве все особо, все отлично, все своеобразно, надел крестьянский врезается в русское государство своими особыми порядками, и мы только удивляемся, что у него нет своего особого флота и своего особого войска»[1]. Мейендорф поддерживал идею столыпинской аграрной реформы, связывая с ней надежды на приобщение России к общеевропейскому руслу аграрного развития.

Несмотря на принадлежность к партии октябристов, Александр Феликсович часто расходился во взглядах со своими однопартийцами. Например, в 1910 г. он выступил противником закона, который ограничивал права Финляндии, сочувствуя и стремясь защитить интересы ее жителей, в том числе и в вопросах свободы вероисповедания; он разошелся со своими единомышленниками и подал заявление о сложении депутатских полномочий, но передумал. Из-за такой позиции он находился под постоянным наблюдением Санкт-Петербургского охранного отделения[2].

В 1912 г. А.Ф. Мейендорф вновь получил мандат от выборщиков Лифляндской губернии и стал членом думских комиссий по судебным реформам, редакционной и личного состава, но уже весной 1913 г. покинул фракцию октябристов. Один из инициаторов и руководителей группы «Союз 17 октября». В 1915 г. вошел в состав Прогрессивного блока[3].

В завершении своей парламентской карьеры Мейендорф заключил, что «в этой стране, которую... считали страной произвола, все-таки остались и даже умножаются семена правильного правосознания», необходимо «зажечь огонь веры в закон и в возможность относительного земного благополучия при нормальной власти»[4].

Профессора изучали вопросы, связанные с реформированием государственного устройства, что являлось значимым направлением научной и парламентской работы. Представленные профессора-думцы разделяли реформистские взгляды, что укрепляло атмосферу свободы и творчества в вузовском сообществе, а также, ко всему прочему, было ориентировано на теоретическую разработку и практическую реализацию справедливого общественного устройства. Развивая идеи правового государства, находясь в поисках баланса между властью и народом, они преподавали студентам, передавая им свой энтузиазм исследователей и политических деятелей.

---

[1] Мейендорф Александр Феликсович // Ораторы России. С. 236.

[2] *Шляхов А.* Мейендорф Александр Феликсович // Энциклопедия немцев в России [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5484

[3] Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 367.

[4] *Шляхов А.* Мейендорф Александр Феликсович // Энциклопедия немцев в России [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5484

ДЕПУТАТ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ А.М. КОЛЮБАКИН: К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

МАРОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ,
кандидат технических наук, старший научный сотрудник,
ведущий руководитель проектов АО «РАМЭК-ВС»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: marov@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются общественная и политическая деятельность депутата III Государственной думы А.М. Колюбакина, обстоятельства его гибели и усилия по увековечению его памяти. Делается вывод, что присущий ему демократизм был чрезмерен для государственной службы самодержавной власти, вызывал судебные преследования и гонения, но был «слишком робок» для власти большевиков, в связи с чем имя Колюбакина было надолго забыто.

Ключевые слова: А.М. Колюбакин, земское движение, конституционно-демократическая партия, III Государственная дума, парламентская фракция партии народной свободы, Первая мировая война.

15 сентября 2018 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Александра Михайловича Колюбакина, видного деятеля земского движения, члена ЦК партии конституционных демократов, депутата Государственной думы III созыва, потомственного дворянина из небогатого, но древнего рода, георгиевского кавалера, геройски погибшего на фронте Первой мировой войны[1].

Сын отставного лейтенанта флота, Александр также готовился к военной службе. Воспитывался с 1880 по 1886 г. во 2-м кадетском корпусе. В 1886 г. поступил в Николаевское инженерное училище. По неизвестной причине отношения с руководством училища не сложились, и Колюбакин перешел в Константиновское артиллерийское училище, которое и окончил в 1889 г.

Проходил службу в лейб-гвардии Измайловском полку, затем при штабе 1-й гвардейской дивизии. Весной 1894 г. пытался поступить в юридическую военную академию. Экзаменационное сочинение о Пьере Безухове было признано прекрасным, но слишком либеральным. Этот излишний, с точки зрения властей, либерализм Колюбакина не раз в дальнейшем приводил к драматическим переменам в его судьбе.

Не набрав нужного балла для поступления в академию, принял решение оставить военную службу. В июле 1894 г. был зачислен в запас гвардейской пехоты по Весьегонскому уезду Тверской губернии с определением кандидатом в земские начальники при Весьегонском уездном съезде[2].

[1] *Маров М.Н.* Род Колюбакиных: Материалы к родословию. СПб., 2008.

[2] РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 12201. Ч. 3. ЛЛ. 75–85; *Колюбакин М.А.* Из воспоминаний о детстве и молодости А.М. Колюбакина // Гражданин-воин А.М. Колюбакин. 1868–1915. М., 1915. С. 39.

Гражданскую службу начал с октября 1894 г. в Новгородском губернском правлении. В том же 1894 г. был избран гласным Новгородского губернского земского собрания от Устюжнского уезда[1], в котором жили несколько поколений предков Александра Михайловича. Сразу же принял деятельное участие в подготовке записки о неотложности создания сети школ для введения всеобщего обучения. Борьбу за реализацию идеи всеобщего обучения продолжил в составе Новгородской губернской земской управы, в члены которой был избран в 1896 г. Был убежден и пытался убедить других, что «народное образование даст нам настоящего гражданина… единственно даст возможность создать правильный государственный строй»[2].

В ноябре 1897 г. был избран председателем Устюжнской уездной земской управы[3], и в этой должности переизбирался три трехлетия подряд. Усилиями Колюбакина в Устюжнском уезде была проведена реформа земского обложения, организованы летние курсы для учителей (1899), подготовлены предложения о введении «мелкой земской единицы на началах земского представительства» (1898), о переходе от имущественного принципа земских выборов к территориальному (1902)[4].

В конце 1902 г. подготовил записку о нуждах сельскохозяйственной промышленности и мерах к их удовлетворению. В записке одним из первых среди земских деятелей предлагал уравнять крестьян в правах с другими сословиями, отменить все исключительные для них законы и подчинить общему для всех суду, внести изменения в избирательный порядок для обеспечения равного участия всего местного населения в земских учреждениях[5].

В 1903 г. Колюбакин был избран председателем Новгородской губернской земской управы, но это избрание не было утверждено министром внутренних дел В.К. Плеве. В феврале 1905 г. баллотировался на эту должность повторно, и на этот раз был утвержден. В своей речи после избрания на новую должность связывал развитие земского дела с делом общего освобождения народа. По воспоминаниям М.М. Винавера, речь Колюбакина манила и звала «в неведомые, запретные тогда выси». В кулуарах земского собрания про Александра Михайловича говорили, что он «слишком красен»[6]. О такой же характеристике своего отца — «слишком красный» — вспоминала и дочь А.М. Колюбакина Нина[7].

---

[1] ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 233. Л. 142; Д. 234. Л. 143; Д. 241. Л. 142; Памятная книжка Новгородской губернии на 1895 г. Новгород, 1895. С. 5 (4-я паг.).

[2] *Веселовский Б.Б.* А.М. Колюбакин — земский деятель // Гражданин-воин А.М. Колюбакин. С. 42–43.

[3] Памятная книжка Новгородской губернии на 1898 г. Новгород, 1898. С. 91 (3-я паг.).

[4] *Веселовский Б.Б.* А.М. Колюбакин — земский деятель. С. 44–45.

[5] Записка председателя Устюженской земской управы А.М. Колюбакина по вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности и мерах к их удовлетворению // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXV. Новгородская губерния. СПб., 1903. С. 469–477.

[6] *Винавер М.М.* Оратор политической весны (А.М. Колюбакин) // Недавнее (воспоминания и характеристики). Париж, 1926. С. 167–168.

[7] *Афанасова (Колюбакина) Н.А.* Жизненный путь. СПб., 2005. С. 7, 12.

В должности председателя Новгородской губернской управы Александру Михайловичу удалось проработать всего один год. В феврале 1906 г. после 12 лет безупречной работы в земстве Колюбакин был уволен от должности председателя управы постановлением совета министра внутренних дел. Формальным поводом стало обвинение в продаже брошюр революционного содержания с земского книжного склада.

Истинные же причины увольнения Колюбакина становятся понятными из воспоминаний убежденного монархиста пензенского губернатора И.Ф. Кошко. Воспоминания касаются беспорядков, происходивших в Новгороде в конце 1905 г., после выхода Манифеста 17 октября об усовершенствовании государственного порядка. Кошко пишет, что «застрельщиками» освободительного движения в Новгороде явились члены педагогического кружка, куда входил в числе прочих и председатель губернской земской управы Колюбакин[1].

Департаментом полиции велось дело по расследованию деятельности Новгородского педагогического кружка, о заседаниях которого начальник новгородского губернского жандармского управления регулярно доносил рапортами. В донесениях отмечалось, что хотя Колюбакин не был постоянным деятелем кружка, бывая на заседаниях, он позволял себе высказываться «в духе, совершенно не соответствующем взглядам правительства», «призывал к борьбе за свободу и право, не ограничиваясь выжидательной тактикой»[2]. По этому делу Колюбакину не было предъявлено обвинение. Но, по выражению Кошко: «либеральных главарей, состоявших на государственной службе, любезно попросили оставить службу».

Схожее мнение о причинах отстранения высказывал и коллега Колюбакина по земской работе А.М. Тютрюмов: «Участвуя в кружке прогрессивной новгородской интеллигенции, А.М. принимал участие во всех местных событиях освободительного движения 1905 года, что и послужило поводом к преждевременному оставлению им службы в новгородском земстве»[3].

Политическую деятельность Колюбакин начал с 1904 г., став членом двух политических объединений — «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». С 1905 г. вошел в оргбюро конституционно-демократической партии. На организационном съезде, происходившем в октябре 1905 г., был избран в Центральный комитет партии, членом которого оставался до момента своей гибели.

Как сторонник практической работы в народных массах, получивший большой опыт такой работы за годы земской деятельности, Александр Михайлович одной из своих главных задач того периода считал распространение идей партии и образование новых партийных групп в провинции. С этой целью в 1906–1907 гг. много ездил по городам северных, северо-восточных и поволжских губерний России.

---

[1] *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора (1905–1914): Новгород — Самара — Пенза. Пг., 1916. С. 18–20.

[2] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 2544. ЛЛ. 1–2 об., 3–4, 7, 22, 57.

[3] *Тютрюмов А.М.* А.М. Колюбакин и новгородское земство // Гражданин-воин А.М. Колюбакин. С. 50.

В одной из таких поездок в августе 1906 г. выступил с речью на съезде партии народной свободы в Саратове. В дальнейшем это выступление привело к еще одному драматическому повороту в его судьбе.

Осенью 1907 г. партия народной свободы выставила Колюбакина в числе одного из своих кандидатов на выборы в Государственную думу третьего созыва. В октябре 1907 г. он был избран депутатом Думы от 2-й курии Санкт-Петербурга.

Как депутат Думы участвовал в работе нескольких комиссий: продовольственной, по исполнению государственной росписи доходов и расходов, по составлению всеподданнейшего адреса. Более двадцати раз выступил на заседаниях Думы по вопросам снабжения продовольствием населения неурожайных местностей, народного образования, сметам Военного и Морского министерств. Подписал целый ряд законопроектов[1].

В начале 1908 г. Колюбакину было задним числом предъявлено обвинение, связанное с его речью на съезде партии народной свободы в Саратове в августе 1906 г. Он обвинялся в призывах к неплатежу налогов и неисполнению воинской повинности, то есть в поддержке идей «Выборгского воззвания», подписанного ранее депутатами распущенной Государственной думы первого созыва.

Александр Михайлович обвинения не признал, но приговором Саратовской судебной палаты 1 февраля 1908 г. был осужден на 6 месяцев тюремного заключения, которое отбывал с июля 1908 по январь 1909 года в Санкт-Петербургской тюрьме «Кресты»[2].

С началом осенней сессии Думы 1908 г. подавал на имя начальника тюрьмы прошение об освобождении для участия в заседаниях, но получил отказ. 14 октября 1908 г. отправил из «Крестов» председателю Думы Н.А. Хомякову заявление, в котором объяснял причины невозможности принять участие в заседаниях и выражал надежду представить Думе свои работы по продовольственному вопросу[3].

После освобождения Александр Михайлович продолжил работу депутата, однако министр юстиции потребовал устранения его из Государственной думы. Юристы говорили о незаконности такого требования, но большинство депутатов не решилось идти против мнения министра юстиции. Постановлением Государственной думы от 27 апреля 1909 г. Колюбакин был признан выбывшим из ее состава[4].

---

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 377 (Дело Колюбакина Александра Михайловича от гор. Петербурга. 30/X-1907–29/IV-1909); Государственная дума. III созыв — 2-я сессия: Справочник. 1909 г. СПб., 1909. Вып. 1. С. 28–29, 86, 90; *Шингарев А.И.* Александр Михайлович Колюбакин в Третьей Государственной думе // Гражданин-воин А.М. Колюбакин. С. 56–71.

[2] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 1704. ЛЛ. 8–8 об., 69–70.

[3] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 377. ЛЛ. 18–19.

[4] Причины исключения депутата. Речь А.М. Колюбакина по вопросу о признании его выбывшим из думы в заседании 27 апреля // Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 15 октября 1908 г. — 2 июня 1909 г. Ч. 1. Отчет фракции. Пб., 1909. С. 216–221; *Тимохина Д.А.* «…Насильственно

Думскую деятельность продолжил в качестве секретаря комитета парламентской фракции конституционно-демократической партии. Участвовал в выработке законопроектов, вносимых партией в Думу. С августа 1909 г. исполнял обязанности председателя Петроградского городского комитета партии[1]. Был избран членом Совета и председателем продовольственной комиссии «Вольного экономического общества»[2].

Выступал за право народов на самоуправление и на использование родного языка, предоставление равноправия еврейскому населению России, предоставление женщинам прав на участие в выборах и в земском самоуправлении[3].

Суждения Александра Михайловича этого периода свидетельствуют о смене его ранних либеральных взглядов на либерально-демократические. Это давало основание П.Н. Милюкову говорить о присущих Колюбакину «принципах широкого демократизма». В то же время лидер социал-демократов В.И. Ульянов, пристально наблюдавший за деятельностью кадетов, в статье «К вопросу о национальной политике» (1914), характеризовал демократизм А.М. Колюбакина как «самый робкий»[4].

К моменту начала Первой мировой войны у А.М. Колюбакина была большая семья, четверо детей. К тому же он имел судимость, в связи с чем считался неблагонадежным и не подлежал призыву в армию. Однако как кадровый офицер, гражданин и патриот он считал своим профессиональным и нравственным долгом принять участие в этой войне, которую рассматривал как народно-освободительную.

Подал прошение об отправке на фронт. Военное руководство ответило решительным отказом. Колюбакин продолжал настаивать. Главный штаб направил запрос в министерство юстиции о возможности определения офицера в действующую армию ввиду его бывшей судимости, получил разрешение, и прошение было удовлетворено[5].

Колюбакин получил назначение на должность командира роты 11-го Сибирского стрелкового полка с присвоением звания штабс-капитана[6]. В ноябре 1914 г. он отбыл на фронт, линия которого тогда проходила по территории Польши, в район юго-западнее Варшавы.

оторван от того дела, в которое он вкладывал так много душевного пыла»: К истории исключения А.М. Колюбакина из числа депутатов III Государственной думы // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2016. С. 75–80.

[1] *Тимохина Д.А.* Санкт-Петербургская организация конституционно-демократической партии в 1905–1917 гг.: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2017. С. 115.

[2] *Лутугин Л.И.* Деятельность А.М. Колюбакина в Вольном экономическом обществе // Гражданин-воин А.М. Колюбакин. С. 71–75.

[3] *Милюков П.Н.* Общественные идеалы и деятельность А.М. Колюбакина // Гражданин-воин А.М. Колюбакин. С. 15–16; *Милюкова А.С.* А.М. Колюбакин и женское равноправие // Там же. С. 76–79; *Колюбакин А.М.* О необходимости участия женщин в земском самоуправлении. Пг., 1915.

[4] *Ленин В.И.* К вопросу о национальной политике // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. М., 1967. Т. 25. С. 68.

[5] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 53. Д. 282. ЛЛ. 1, 3а.

[6] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26967. ЛЛ. 287–294.

Там шли ожесточенные бои. В ночь на 21 января готовилась очередная атака на занятое немцами местечко Воля Шидловска. В 4-м часу утра командир 3-й роты штабс-капитан Колюбакин возглавлял атаку на правом фланге, заменяя раненого командира батальона. Сам был ранен в руку, но продолжал вести солдат вперед. Была взята первая линия окопов, но пулеметная пуля попала Александру Михайловичу в лицо, убив его на месте.

После ночной атаки штабс-капитан Колюбакин считался пропавшим без вести. Лишь на четвертые сутки солдатам-добровольцам ночью удалось вытащить его тело. После этого 26 января 1915 г. командир батальона полковник Бурневич отправил вдове телеграмму: «С глубоким прискорбием сообщаю 21 января геройски погиб при ночной атаке штабс-капитан Александр Михайлович Колюбакин»[1].

Дочь погибшего Нина, которая сама в это время находилась на фронте в качестве медсестры, сумела отыскать временное захоронение отца. Была организована перевозка тела в товарном вагоне через Жирардув и Варшаву в Россию[2].

В Петрограде состоялась траурная процессия, сопровождавшая гроб с телом от Варшавского до Николаевского вокзала[3]. Далее тело было перевезено на родину Александра Михайловича, в село Пятницкое Весьегонского уезда Тверской губернии, вблизи от которого находилось имение Колюбакиных — сельцо Тюлькино.

Отпевание прошло в Воскресенской церкви села Пятницкое. Колюбакин был похоронен в семейном склепе вблизи от алтаря этой церкви.

Столичные газеты «Речь», «Биржевые ведомости», «Русские ведомости», «День» опубликовали некрологи, написанные многими ближайшими друзьями и соратниками погибшего и изданные позднее отдельной брошюрой[4].

В марте 1915 г. в помещении Калашниковской биржи в Петрограде было проведено собрание в память А.М. Колюбакина. Сборник докладов, сделанных на этом собрании, также был издан по постановлению парламентской фракции партии народной свободы[5].

Военное командование посмертно представило штабс-капитана Колюбакина за его подвиг к награждению Георгиевским оружием. В представлении, подписанном 27 февраля 1915 г. командующим полком полковником В.Н. Пименовым, говорилось: «Во время атаки 21 января… невзирая на сильный огонь и потери мужественно вел в атаку свою 3 роту, а затем после ранения к-ра батальона и весь 1-й батальон. Будучи ранен в руку

[1] Личный архив Марова М.Н.: Телеграмма полковника Бурневича о гибели А.М. Колюбакина 21.01.1915 г.

[2] Как нашли тело А.М. Колюбакина (рассказ дочери покойного Н.А. Колюбакиной) // Гражданин-воин А.М. Колюбакин. С. 97–99.

[3] Встреча и проводы тела А.М. Колюбакина в Петрограде, 5 февраля // Гражданин-воин А.М. Колюбакин. С. 109–111; ЦГА КФФД СПб. Ед. хр. Г 763–Г 766.

[4] Памяти борца (Александра Михайловича Колюбакина). Некрологи: А. Шингарева, А. Кизеветтера, М. Винавера [и др.]. Прил.: Последнее письмо А.М. Колюбакина. М., 1915.

[5] Гражданин-воин А.М. Колюбакин. 1868–1915. [Сборник]. М., 1915.

не оставил своего места даже для перевязки, а продолжал с тем же порывом двигаться вперед, пока не был сражен насмерть»[1]. Утверждение представления Высочайшим приказом вновь потребовало согласования с министерством юстиции ввиду бывшей судимости погибшего[2]. Высочайший приказ состоялся 18 октября 1915 г.[3], но было ли Георгиевское оружие передано семье, сведений не сохранилось.

Усилия по увековечению памяти Колюбакина продолжались. В 1916 г. Новгородская губернская земская управа приняла решение о написании его портрета и размещении в зале заседаний, а также об учреждении стипендий его имени в Новгородской учительской семинарии[4].

В 1918 г. Петроградский городской комитет партии народной свободы принял решение навечно считать Колюбакина членом комитета, о чем письменно известил вдову покойного[5]. Решение было принято в сложное для партии время, через несколько месяцев после выхода декрета Совнаркома от 28 ноября 1917 г., объявлявшего кадетов «партией врагов народа».

В советское время имя Колюбакина было забыто. Однако в 2014 г. местные органы власти и Общественный совет Весьегонского района Тверской области решили увековечить память Александра Михайловича к 100-летней годовщине со дня его гибели на фронте установкой памятного камня в селе Пятницкое вблизи от несохранившегося семейного склепа. Этому событию были посвящены несколько статей в районной газете[6] и специально изданная брошюра[7].

Трагедия судьбы А.М. Колюбакина заключается не только в его безвременной гибели на фронте. Общественный деятель, неустанно выступавший за предоставление всем слоям населения равных прав и свобод, политик, целиком посвятивший себя практической работе в народных массах, истинный патриот своей страны, отдавший за нее жизнь, он оказался «слишком красным» для служения самодержавной власти, которая его судила и подвергала гонениям, и слишком «робко демократичным» для набиравшей силу партии большевиков, объявившей конституционных демократов врагами народа. Итоги его деятельности только начинают переосмысливаться с позиций сегодняшнего дня[8]. Очевидно, работу эту следует продолжить с опорой на сохранившиеся документальные свидетельства.

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26967. ЛЛ. 287–289.

[2] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 53. Д. 282. ЛЛ. 5, 6.

[3] Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия: [именные списки, 1769–1920: биобиблиогр. справ.] / отв. сост. В.М. Шабанов. М., 2004. С. 570.

[4] Личный архив *Марова М.Н.* Письмо председателя Новгородской губернской земской управы № 2368 от 23 февраля 1916 г.

[5] Личный архив *Марова М.Н.* Письмо председателя Петроградского городского комитета партии народной свободы № 98 от 18 апреля 1918 г.

[6] *Кондрашов А.* Памятник будет открыт // Весьегонская жизнь. 2014. 8 июля; *Иванов А.* Седьмой день земляка // Там же. 12 августа; *Маров М.* От благодарных потомков // Там же. 26 августа.

[7] *Маров М.Н.* К 100-летию со дня гибели А.М. Колюбакина // Александр Михайлович Колюбакин: Сборник / Науч. ред. В.М. Воробьев. Тверь, 2014. С. 8–42.

[8] *Канищева Н.И.* Колюбакин Александр Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 263–264; *Канище-*

ДЕПУТАТ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ М.Н. БАРДЫГИН НА СЛУЖБЕ РОССИИ (ДО 1917 г. И ПОСЛЕ)

СОКОЛОВ АЛЕКСАНДР СТАНИСЛАВОВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор кафедры Истории, философии и права
Рязанского государственного радиотехнического университета,
Рязань, Россия;
e-mail: falcon140770@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы жизненного пути предпринимателя и общественного деятеля М.Н. Бардыгина. Особое внимание уделено его деятельности в качестве депутата III Государственной думы от Рязанской губернии. После 1917 г. его предпринимательский опыт оказался невостребованным

Ключевые слова: Государственная дума, благотворительность, М.Н. Бардыгин, предпринимательство, Рязанская губерния.

В условиях проведения хозяйственных реформ интерес представляет не только накопленный опыт перехода к рыночным отношениям до 1917 г., но и судьба конкретных людей, осознавших необходимость этих реформ, приложивших усилия для их осуществления. К числу таких личностей относится Михаил Никифорович Бардыгин (1864–1933). Он являлся крупным предпринимателем, русским фабрикантом, общественным деятелем и меценатом дореволюционной России. К сожалению, его предпринимательский опыт после 1917 г. оказался невостребованным новой властью.

Он родился в октябре 1864 г., был вторым ребенком в семье известного егорьевского фабриканта, мецената и общественного деятеля, городского головы Никифора Михайловича Бардыгина. Он был сыном государственного крестьянина из деревни Корниловской М.Ф. Никитина по прозвищу Бардыгин. В дальнейшем фамилия «Бардыгин» закрепилась за этой семьей. Михаил учился в Егорьевской прогимназии, а затем продолжил учебу в Москве в Лицее цесаревича Николая, основанном известным публицистом М.Н. Катковым[1]. 1862 г. в лицей поступил будущий художник Игорь Грабарь, проучившийся до этого два года в Егорьевской прогимназии, где преподавал его отец. Позже в книге «Моя жизнь» Игорь Эммануилович вспоминал: «Когда я был во втором классе, к нам

ва Н. Александр Михайлович Колюбакин: «Превратить конституционную партию в самую разветвленную организацию…» // Российский либерализм: Идеи и люди. 3-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2018. Т. 2: XX век. С. 651–659.

[1] *Горбунов Б.В.* Бардыгины // Рязанская энциклопедия / гл. ред. В.Н. Федоткин. Рязань, 1995. Т. 1. С. 87.

прикомандировали старшим воспитанником первого ученика восьмого класса Мишу Бардыгина, сына егорьевского фабриканта. Он нам нравился и ласковым характером, и умением с чувством читать. Затаив дыхание, мы слушали повесть о Юрии Милославском, а затем о князе Серебряном. После того, как он окончил лицей, я его никогда более не видел, хотя знал, что он удесятерил богатство отца и был одной из крупнейших фигур московского коммерческого мира до революции»[1].

Лицей Бардыгин окончил с золотой медалью. Он женился на представительнице богатой купеческой фамилии Глафире Васильевне Постниковой. Ее брат, Владимир Васильевич Постников, был известным коллекционером, владельцем антикварного магазина «Былое» на Тверском бульваре в Москве. Бардыгин был известен в своих кругах как успешный предприниматель, меценат и благотворитель, основатель миссии святого братства святого Георгия в Егорьевске. Он участвовал в сборе средств к 200-летнему юбилею Успенского собора в Рязани, пожертвовав 1,2 тыс. руб.[2] В 1883 г. Михаил Бардыгин, завершив обучение поездкой в Западную Европу, вступил в управление семейным делом. Еще в молодости он проявлял интерес к фабричному делу. В 1885 г. Бардыгины открывают печатное отделение, а в 1889 году — красильную фабрику в Городце. В 1890 г. он становится почетным мировым судьей в Егорьевском суде. В 1901 году после смерти отца Михаил Никифорович становится единоличным владельцем большого разветвленного бизнеса, включавшего механо-ткацкую и красильные фабрики, множество торговых заведений. Одним из первых в России он начал переоборудование своих ткацких фабрик станками системы «Нортроп» для автоматического ткачества. В 1914 г. на ней трудилось 3,5 тыс. рабочих. Сумма годового дохода составляла свыше 10 млн руб.[3]. Возглавляя семейное ткацкое производство, Михаил Никифорович в 1908 г. реорганизовал его в товарищество на паях, назвав в честь отца «Н.М. Бардыгина наследник» с основным капиталом 7 млн рублей, имевшее многочисленные отделения: Егорьевское, Петроградское, Московское, Харьковское, Ростовское, Раменское, Ташкентское, Кокандское, Семипалатинское, Екатеринбургское, Томское, Урумчинское, Петропавловское, Угринское, Городецкое, а также отделение в Китае. Главный офис промышленно-торгового товарищества находился в Гостином дворе, недалеко от Кремля. Сам Михаил Никифорович становится директором-распорядителем (самым главным) правления товарищества. После того, как торговые обороты товарищества увеличились до 18 млн рублей, М.Н. Бардыгин выкупил большую часть паев товарищества «Павла Малютина сыновья», владевшего прядильно-ткацкой фабрикой в с. Раменское Московской губернии. В Правление

[1] *Грабарь И.Э.* Моя жизнь: автомонография. М; Л., 1937. С. 55.

[2] *Кусова И.Г.* Рязанское купечество: Очерки истории XVI–XX вв. Рязань, 1996. С. 79.

[3] *Акульшин П.В., Князева И.С.* Выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе Российской империи. Рязань, 2011. С. 134.

«Промышленно-торгового товарищества Н.М. Бардыгина наследник» вошел директор раменской фабрики Илья Иванович Полетаев. Раменская фабрика ткачества стала одной из самых передовых в отрасли. В 1914 г. на ней было свыше 2 тыс. станков, продукции вырабатывалось на сумму 11 млн руб. Ю.А. Бахрушин оставил воспоминания о Бардыгине: «Михаил Николаевич был невысоким, плотным мужчиной с ухватками старшего приказчика из солидной купеческой лавки. Он всячески подчеркивал свое русское происхождение, носил окладистую бороду, ходил в хорошо сшитом добротном сюртуке и в разговоре неизменно добавлял букву „с“ к каждому десятому слову. Исключительно услужливый и мягкий в обращении, он, однако, не упускал из виду собственной выгоды и умел настоять на своем»[1].

16 октября 1907 г. Бардыгин был избран депутатом III Государственной думы от Рязанской губернии, где присоединился к фракции прогрессистов[2]. Около 30 (из 485) членов Думы принадлежали к числу предпринимателей. Работая в Думе, он состоял в комиссиях финансовой, бюджетной и по рабочему вопросу[3]. Во время первой сессии подписал Законодательное предположение о сосредоточении продажи крепких напитков в городах и голосовал за проект о сооружении Амурской железной дороги[4]. Тем не менее, на большинстве заседаний Государственной думы Бардыгин не присутствовал[5].

Бардыгин много сделал для развития технического образования в России. В 1907 г. в память 50-летия фирмы Бардыгин на свои средства (200 тыс. руб.) учредил в Егорьевске механико-электротехническое училище. В дальнейшем он пожертвовал еще 50 тыс. руб., что причислено было к специальным средствам училища. Училище было рассчитано на 400 учащихся. Благодаря усилиям Бардыгина училище выполнило свой долг по оказанию помощи фронту во время Первой мировой войны. Бардыгин был известен как организатор в 1911 г. Всероссийского I съезда по вопросам технического образования. В этом же году он создал спортивное общество «Сокол». Участвовал в финансировании газеты «Утро России». В 1910-х гг. Бардыгин являлся членом Совета Московского купеческого банка, членом Российского взаимного страхового союза.

Михаил Никифорович Бардыгин занимался не только умножением своих доходов, но и меценатством. В 1909 г. он открывает при фабрике публичную библиотеку с читальным залом. Уже в 1910 г. под влиянием

[1] *Бахрушин Ю.А.* Воспоминания. М., 1994. С. 517.

[2] Бардыгин Михаил Никифорович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 38.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 58, 93,83

[4] Там же. Ч. I. Стб. 1587.

[5] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1910. Ч. I. Стб. 1065. Всего М.Н. Бардыгин пропустил 20 заседаний без уважительной причины (*Акульшин П.В.*, *Князева И.С.* Выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе Российской империи. Рязань, 2011. С. 161).

В.В. Постникова, шурина Бардыгина, при библиотеке возникает «Частное собрание русской старины», которое в 1911 г. отделяется и превращается в полноценный музей, через два года получивший название «Музей русской старины». К 1913 г. в фондах музея хранилось более 10 000 разнообразных экспонатов (иконы, фарфор, стекло, оружие и т.д.), которые оценивались в 200 000 рублей. Посещение музея было бесплатным. В 1915 г. Бардыгин подарил музей городу, но продолжал его финансировать.

В 1914 г. Бардыгин становится действительным статским советником, что давало ему право на дворянское звание[1]. В июле 1915 г. Николай II утвердил документы о даровании Бардыгину с семьей потомственного дворянства за выдающиеся заслуги в области благотворительной деятельности. Но шла Первая мировая война, и оформление соответствующих документов затянулось. Диплом о получении дворянства по иронии судьбы был подготовлен на подпись Сенату указом Временного правительства накануне 25 октября 1917 г.

После 1917 г. поступил на службу в Наркомат легкой промышленности. Но после того как в 1922 г. его сын Василий, профессор Московского археологического института, был выслан из страны на «философском пароходе», в 1923 г. Бардыгин вместе с семьей эмигрировал во Францию. Местом своего пребывания Бардыгины выбирают Ниццу, куда они часто под влиянием А.А. Бахрушина выезжали на отдых. Они поселяются на вилле «Alhambra». Во Франции М.Н. Бардыгин был членом Российского торгово-промышленного и финансового союза, также был деятелем Монархического объединения. Бардыгин умер 12 декабря 1933 г. Похоронен на Николаевском русском кладбище в Ницце. На его могиле имеется эпитафия: «Вечный покой тебе, незабвенный, всеми любимый, все мы сердцем всегда с тобой»[2].

[1] *Смирнов В.И.* Мы — егорьевцы. М., 1999. С. 75.

[2] *Динер С.Э.* Михаил Никифорович Бардыгин и его труд «Созвучия Нового завета» // Шестые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 2012. С. 427.

ДЕПУТАТЫ ОТ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

ЛАВРИНОВИЧ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
первый проректор УО «МГУ им. А.А. Кулешова»,
Могилев, Республика Беларусь;
e-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru

Аннотация: Социальные характеристики депутатов III Государственной думы от Витебской губернии в целом отражали социальный состав избирателей: из шести выборных представителей двое были помещиками, двое крестьянами, один священником и один происходил из купеческой семьи, но к моменту избрания являлся чиновником. Депутаты активно участвовали в законотворческой работе Думы, особенно когда обсуждались вопросы, связанные с землей, национальной политикой, или проблемы, затрагивавшие население Витебской губернии. Наиболее заметными фигурами в думских кругах были историк октябрист А.П. Сапунов и правый священник Ф.И. Никонович. Депутаты от Витебской губернии принимали активное участие в политической деятельности, оказывая влияние на развитие общественно-политической и социально-экономической ситуации в западной части Российской империи (изменения системы выборов членов Государственного совета в 1909–1911 гг.).

Ключевые слова: III Государственная дума, Витебская губерния, национальная политика, чиншевой вопрос, избирательное законодательство, Государственный совет.

Учреждение Государственной думы в начале XX в. открыло возможность участия в законотворческой деятельности выборным подданным российского императора. Ответственность за деятельность законодательной власти разделили и представители Витебской губернии.

Депутатами, избранными местным населением в III Государственную думу, стали Василий Григорьевич Амосенок, Порфирий Гаврилович Доппельмайер, Николай Николаевич Евреинов, Михаил Кондратьевич Ермолаев, Федор Иосифович Никонович, Алексей Парфенович Сапунов. Они отличались происхождением, имущественным положением, уровнем образования, придерживались разных политических взглядов.

Двое депутатов были дворянами — помещиками Витебской губернии, но при этом они сделали неплохую карьеру и по бюрократической линии. П.Г. Доппельмайер до избрания служил помощником уездного предводителя дворянства, состоял непременным членом Витебского губернского присутствия[1]. Н.Н. Евреинов, будучи крупным землевладельцем Витебской и Саратовской губерний, являлся чиновником особых пору-

[1] Доппельмайер Порфирий Гаврилович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 171.

чений при министре внутренних дел, невельским уездным предводителем дворянства, почетным мировым судьей Невельского уезда и Витебского окружного суда[1]. А.П. Сапунов происходил из купеческой семьи, но имел землю в Витебском уезде и дом в Витебске, работал секретарем губернского статистического комитета[2]. Ф.И. Никонович был выходцем из дворянской семьи, но на момент избрания был благочинным Люцинского округа и настоятелем городского собора в Люцине[3]. В.Г. Амосенок и М.К. Ермолаев принадлежали к крестьянскому сословию. Первый поэтапно прошел путь от сельского старосты до председателя волостного суда. Второй, старообрядец по вероисповеданию, служил телеграфистом 2-го класса на станции Двинск, затем занимался торговлей в мелочной лавке, был председателем совета Двинской старообрядческой общины[4].

Депутаты от Витебской губернии в основном были уже зрелыми, с большим жизненным опытом, людьми. Трое из них (А.П. Сапунов, Н.Н. Евреинов и Ф.И. Никонович) входили в возрастную группу 50–60 лет, двое (В.Г. Амосенок, П.Г. Доппельмайер) — 40–50 лет. Исключение составлял М.К. Ермолаев, которому на момент избрания было 26 лет. А.П. Сапунов и Н.Н. Евреинов имели высшее образование, П.Г. Доппельмайер и Ф.И. Никонович — среднее. М.К. Еромолаев окончил городское училище в Двинске, а В.Г. Амосенок имел только домашнее образование.

В Государственной думе посланцы Витебской губернии вошли в многочисленные комиссии, как постоянные, так и временные. П.Г. Доппельмайер был членом комиссий по государственной обороне, земельной и чиншевой. Н.Н. Евреинов входил в финансовую комиссию, А.П. Сапунов — в чиншевую и земельную, Ф.И. Никонович — по делам православной церкви, по городским делам и чиншевую, В.Г. Амосенок — по исполнению государственной росписи доходов и расходов. В самое большое количество комиссий входил М.К. Ермолаев: по старообрядческим делам, по переселенческому делу, по местному самоуправлению, земельную, бюджетную, о мерах к упорядочиванию хлебной торговли.

Политические воззрения депутатов были различны. П.Г. Доппельмайер, Н.Н. Евреинов и А.П. Сапунов были членами «Союза 17 октября» и в Думе вошли во фракцию октябристов. Ф.И. Никонович вступил во фракцию правых, а также являлся активным членом ряда монархических партий и общественных организаций: «Русского собрания», Русского народного союза имени Михаила Архангела, Русского окраинного

[1] *Николаев А.Б.* Евреинов Николай Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 181.

[2] *Хмяльніцкая Л.* Гісторык з Віцебска. Жыццяпіс Аляксея Сапунова. Мн., 2001. 256 с.

[3] *Сахаров С.П.* Член Государственной думы протоирей о. Феодор Иосифович Никонович. Витебск, 1911. С. 5.

[4] Амосенок Василий Григорьевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 19; *Ромов Р.Б.* Ермолаев Михаил Кондратьевич // Там же. С. 186.

союза, Славянского благотворительного общества, Русского национального клуба, Общества религиозно-нравственного просвещения в память об Иоанне Кронштадтском[1]. М.К. Ермолаев был членом Двинского отдела Союза русского народа. В Думе он входил во фракцию правых, а затем, как и В.Г. Амосенок, во фракцию умеренно-правых. Через некоторое время оба примкнули к русским националистам.

Депутаты активно участвовали в законотворческой работе Думы, особенно когда обсуждались вопросы, связанные с землей, национальной политикой, народным образованием, или проблемы, затрагивавшие население Витебской губернии.

В.Г. Амосенок, несмотря на свою принадлежность к правому флангу Думы, при обсуждении столыпинского проекта земельной реформы выступил за расширение крестьянского землепользования за счет государственных и помещичьих земель[2]. Также от имени своих избирателей он озвучил идею отчуждения церковных земель в пользу крестьян и назначении духовенству «приличного жалования»[3]. Амосенок критиковал церковно-приходские школы за низкий уровень преподавания и указывал: «Нам, крестьянам, нужны школы ремесленные, чтобы ремеслу наших детей учили»[4].

Большую активность в III Государственной думе развил А.П. Сапунов, часто выступавший по вопросам национальной политики на западных окраинах Российской империи. Алексей Парфенович Сапунов (1851–1924) родился в местечке Усвяты Велижского уезда Витебской губернии в купеческой семье. После обучения в уездном училище и гимназии в Витебске поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1873 г. По возвращении в Витебск был назначен преподавателем в Александровскую гимназию. Активно занимался изучением истории родного края, был автором многих научных работ, принимал участие в организации Витебского центрального архива древних актовых книг. В 1897–1901 гг. А.П. Сапунов работал помощником инспектора студентов в Московском университете. С 1901 по 1907 гг. и с 1913 по 1917 гг. он занимал должность секретаря Витебского статистического комитета. В 1912 г. видный ученый-краевед стал преподавателем Витебского отделения Московского археологического института[5].

В национальном вопросе, по мнению А.П. Сапунова, во главе всего должен был стоять принцип единой и неделимой России. «Русский человек везде, во всех углах, во всех окраинах нашего отечества должен чувствовать себя дома, — заявлял Сапунов, — везде он должен пользоваться такими же правами и в том же объеме, как и туземцы; ни на йоту меньше». В качестве примера он приводил Финляндию. Финны в России

[1] [*Никонович Ф.И.*] Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии протоирея о. Федора Никоновича. Витебск, 1912.

[2] Там же. С. 33, 141.

[3] Там же. С. 33.

[4] Там же. С. 23.

[5] *Хмяльніцкая Л.* Указ. сач.

пользовались такими же правами, как и русские, занимая иногда даже высшие государственные посты и покупая землю в любом месте империи. В то же время, отмечал Сапунов, «русский человек в Финляндии лишен всего этого: по крайне мере, дело идет к этому». В еврейском вопросе витеблянин выступал против черты оседлости, доказывая ее абсурдность: если евреи «плохи», то зачем же налагать такое бремя на плечи одного белоруса, если же они «хороши», к чему тогда стеснения. С другой стороны, он указывал, что изучение положения высших слоев еврейства — купечества, банкиров, промышленников и т.п. — приводит к выводу, что они не находятся в положении угнетенных. По его мнению, следовало подумать о низших слоях еврейства, положение которых было близко к крестьянскому[1]. Стоит отметить, что по отношению к вопросу о правах еврейского населения позиции депутатов от Витебской губернии разнились. Так, при голосовании в Думе по поправке правого депутата Н.Е. Маркова 2-го к законопроекту о реформе местного суда о недопущении евреев в мировые судьи с левыми голосовали В.Г. Амосенок и П.Г. Доппельмайер, а с правыми — Ф.И. Никонович и А.П. Сапунов[2].

Касаясь белорусского вопроса, А.П. Сапунов в одной из своих краеведческих работ писал: «Говоря о Белоруссии, мы говорим: русский край, русская народность; говорим мы так потому, что белорусская народность — одна из основных народностей русского племени»[3]. В то же время, он поддерживал стремления белорусов к национальному самоопределению, полагая, что «упрочение национального среди белорусской массы, несомненно, поведет к теснейшему единению с остальной Русью»[4]. Считая белорусский язык диалектом русского, А.П. Сапунов подчеркивал древность первого, утверждая, что «главнейшие особенности современных белорусских говоров в большей или меньшей степени сложились не позже XIII в.»[5]. Тем самым он опровергал мнения о неисторичности белорусов, подчеркивал самостоятельное развитие белорусского народа, наличие у него своей истории, особенностей в общественной и культурной жизни. «Было и у нас, белорусов, золотое время, славное прошлое, — считал А.П. Сапунов, имея в виду Великое княжество Литовское, — каково же будет наше будущее — это уже, в значительной степени, в наших руках и зависит от нашего сознательного отношения к нашему долгу перед дорогой родиной»[6]. Будучи представителем Витебской губернии в Думе, он ратовал за объединение белорусов как силы, способной противостоять сепаратистским устремлениям поляков, литовцев, латышей и евреев, проживавших в Северо-Западном крае[7].

[1] По краю // Белая Русь. 1906. 15 марта. С. 4.

[2] *Никонович Ф.И.* Указ. соч. С. 244.

[3] *Сапунов А.П.* Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности. Витебск, 1910. С. 28.

[4] *Сапунов А.П.* Белоруссия и белорусы. Витебск, 1910. С. 1.

[5] Там же. С. 16.

[6] Там же. С. 20.

[7] Там же.

Используя Государственную думу, А.П. Сапунов и другие депутаты из западных губерний попытались улучшить положение простых людей. Особое внимание было обращено на чиншевой вопрос. Чиншевики — вечные и потомственные арендаторы помещичьих, церковных и государственных земель, платившие владельцу земли условленную арендную плату — чинш. После отмены крепостного права с чиншевиками, как правило, были заключены краткосрочные письменные договоры об аренде земель, оставшихся у их прежних собственников. Подобные договоры позволяли последним регулярно поднимать арендную плату и закабалять чиншевиков как в сельской местности, так и местечках и городах, где многие дома были построены на частных землях. По инициативе белорусских депутатов 4 декабря 1907 г. в III Государственную думу был внесен законопроект «Об упразднении в Белоруссии последних остатков чиншевого владения и чиншевого права и выродившегося из него городского и местечкового домового арендного владения». Среди 35 подписей под законопроектом первой стояла подпись А.П. Сапунова[1]. Предполагалась полная отмена чиншевого права. Арендуемые чиншевиками земли должны были выкупаться государством у владельцев и предоставляться в собственность арендаторам. Последние обязаны были в течение 30 лет возместить правительству затраченные на выкуп денежные средства[2]. Законопроект более трех лет находился на рассмотрении думской комиссии по упразднению чиншевого права. Только 4 июня 1911 г. он получил одобрение общего собрания депутатов, но из-за позиции Государственного совета законом так и не стал[3].

Депутаты от Витебской губернии активно поддержали и помогли осуществиться идее переноса мощей Святой Ефросиньи Полоцкой из Киева в Полоцк. Одним из самых деятельных в этом деле, но незаслуженно забытым после 1917 г., был депутат от Витебской губернии Ф.И. Никонович.

Федор Иосифович Никонович родился 17 февраля 1854 г. в семье протоирея. В сведениях, данных им в 1907 г., в канцелярию Государственной думы, он указал, что является потомственным дворянином. В графе «национальность» Никонович записал: «русский-белорус»[4]. Начальное образование он получил в Бешенковичском народном училище, затем окончил духовное училище и семинарию в Витебске. Возможно, попыткой перемены во многом предопределенной для выходца из семьи священнослужителя духовной карьеры было посещение Никоновичем классов рисования Академии художеств в Санкт-Петербурге. Однако выйти за рамки «традиции» не удалось: в 1876 г. его назначают псаломщиком храма Преображения Господня в селе Бочейково Лепельского уезда Витебской губернии. Там же он преподавал в местной на-

[1] Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы / под ред. П.А. Пожигайло. М., 2006. С. 95.

[2] Там же. С. 94.

[3] Там же. С. 96.

[4] Дело члена Государственной думы от Витебской губернии протоирея Федора Иосифовича Никоновича (1907–1911) // РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 561. Л. 1.

родной школе. Спустя три года Никоновича рукоположили в священники, а в 1882 г. он стал настоятелем церкви в селе Казановка Лепельского уезда, где задержался почти на два десятка лет, работая одновременно в им же построенной церковно-приходской школе. В 1897 г. Никонович был переведен в Люцин настоятелем городского собора. Одновременно он являлся благочинным Люцинского уезда, председателем местного отделения Витебского епархиального Свято-Владимирского братства, законоучителем городского училища. За годы своего пребывания в Люцинском уезде открыл 5 церковно-приходских школ[1].

Принимавший активное участие в церковной и общественной жизни, убежденный монархист Ф.И. Никонович был почти идеальным кандидатом в депутаты Государственной думы для местных властей. 16 октября 1907 г. он был избран в «народное представительство» от общего состава выборщиков Витебского губернского избирательного собрания 56 голосами «за» при 14 голосах «против»[2]. 15 ноября того же года III Дума начала свою работу. Никонович, впервые оказавшийся в горниле «большой политики», решил описывать думскую жизнь в своем дневнике. День за днем он вел подробную запись событий, очевидцем которых являлся. Причем священник не просто фиксировал происходившее, но и анализировал его, давал свою оценку. Дневниковые записи регулярно печатались в «Полоцких епархиальных ведомостях», а впоследствии в 1912 г. были изданы отдельной книгой[3].

В дневнике Ф.И. Никоновича содержатся характеристики политических деятелей: А.И. Дубровина, В.М. Пуришкевича, А.И. Гучкова. Автор дневника был лично знаком и с лидером кадетов П.Н. Милюковым. Более подробно описываются депутаты Думы от губерний Северо-Западного края: протоирей А.Д. Юрашкевич, епископ Митрофан, историк А.П. Сапунов, крестьяне В.Г. Амосенок и М.К. Ермолаев.

Ф.И. Никонович принял активное участие в борьбе монархистов западных губерний за реформу избирательного законодательства в Государственный совет: расширение представительства от православного населения, устранение из верхней палаты помещиков римско-католического вероисповедания. В марте 1909 г. в Санкт-Петербурге в клубе умеренно-правых общественных деятелей (позднее Всероссийский национальный клуб. — Д.Л.) состоялось совещание по данному вопросу, собранное по инициативе члена Государственного совета Д.И. Пихно и себежского уездного предводителя дворянства Я.Н. Офросимова. Последний составил особую записку, в которой на основании цифровых данных пытался доказать несостоятельность избирательного закона в Государственный совет, т.к. по нему от Северо-Западного и Юго-Западного краев в верхнюю палату проходили преимущественно ополя-

[1] *Сахаров С.П.* Указ. соч. С. 4.

[2] Дело члена Государственной думы от Витебской губернии протоирея Федора Иосифовича Никоновича (1907–1911). Л. 5.

[3] *Никонович Ф.И.* Указ. соч.

ченные помещики-католики[1]. Собрание постановило учредить в Санкт-Петербурге Союз русских общественных деятелей западных губерний, в который вошел и Ф.И. Никонович, для обсуждения мер к изменению избирательного закона в Государственный совет[2].

В апреле того же года соответствующий законопроект был внесен в Государственную думу. Тогда же в Русском национальном клубе состоялась встреча представителей губерний Северо-Западного края с депутатами. На собрании председательствовал виленский православный архиепископ Никандр. Было решено составить на местах петиции о том, чтобы законопроект об изменении выборов в Государственный совет был рассмотрен в законодательных учреждениях в текущую сессию. Собравшиеся указали на необходимость введения в верхнюю палату хотя бы по 1 русскому представителю от каждой западной губернии. Также было решено, чтобы от каждой белорусской губернии было избрано по 3–4 уполномоченных от русского населения, готовых по первому призыву прибыть в Санкт-Петербург для дальнейших ходатайств по возбужденному вопросу[3].

26 апреля 1909 г. уполномоченные от Северо-Западного края прибыли в столицу. Делегация состояла наполовину из духовных лиц: виленского архиепископа Никандра, гродненского епископа Михаила, настоятеля гродненского кафедрального собора протоирея Д. Корчинского, минского епархиального наблюдателя священника Д. Павского, 3-х священников из Ковенской и Виленской епархий. Светскими уполномоченными от Витебской губернии были националисты Я.Н. Офросимов, барон А.Ф. Розен, октябристы А.Е. Жуковсвкий и В.К. Стукалич[4], от Минской губернии в состав делегации входили 2 генерал-лейтенанта — Н.А. Кованько и С.Н. Мезенцев, П.М. Якимович[5]. Делегаты имели полномочия на выражение Николаю II верноподданнических чувств, благодарности за изменение 3 июня 1907 г. избирательного закона в Государственную думу и передачу ходатайства об изменении порядка выборов в Государственный совет. В Санкт-Петербурге к ним присоединились депутаты-монархисты III Думы от Северо-Западного края. На собраниях во Всероссийском национальном клубе были выработаны тексты петиции к Николаю II и речи архиепископа Никандра, который должен был

[1] [*Офросимов Я.Н.*] VI Съезд уполномоченных объединенных дворянских обществ. Записка о дворянских выборах и представительстве в Государственном Совете западно-русского дворянства 9-ти губерний Западного края. Б.г.

[2] *Никонович Ф.И.* Указ. соч. С. 96.

[3] Там же. С. 100.

[4] Там же. С. 110.

[5] *Колмаков В.* «Поставить на своем знамени мирное преобразование отечества» (Политическая деятельность Д.В. Скрынченко в Минске в период 1905–1912 гг. Глава из книги… / В. Колмаков // Русская линия. Информационно-аналитическое агентство [Электронный ресурс] — 2007 — Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2007/07/06/postavit_na_svoem_znameni_mirnoe_preobrazovanie_otechestva

от лица делегации обратиться к императору. В их редактировании принимал участие известный консервативный публицист М.О. Меньшиков[1]. Там же был составлен окончательный список делегатов, включивший в себя, кроме губернских уполномоченных, также депутатов Государственной думы.

1 мая 1909 г. уполномоченные получили разрешение на аудиенцию, и на следующий день, после молебна в Казанском соборе, делегация выехала в Царское Село. Ф.И. Никонович, участник представления царю, описал прием в своем дневнике. Аудиенция состоялась в комнате-библиотеке, расположенной рядом с кабинетом Николая II. Делегатов расставили по губерниям квадратом вдоль стен. Всего присутствовало 37 человек. В половине третьего пополудни к ним вышел император. Архиепископ Никандр обратился к нему с речью, а затем преподнес особую петицию от имени депутации. Обойдя уполномоченных и членов Государственной думы, Николай II получил благословение у епископов, обменявшись с каждым из них несколькими словами, причем более продолжительный разговор состоялся с Никандром. В заключение царь поблагодарил делегацию и русское население Северо-Западного края за выражение верноподданнических чувств и пообещал, что «справедливое желание русского представительства в Государственном совете будет удовлетворено в полной мере»[2].

В 4 часа пополудни депутация вернулась в Санкт-Петербург и направилась к П.А. Столыпину. Архиепископ Никандр в общих чертах доложил председателю Совета министров о результатах аудиенции у Николая II. Затем состоялся обмен мнений относительно «неудовлетворительного для русского населения Северо-Западного края закона по выборам в Государственный совет»[3].

Активная политическая и общественная деятельность сказалась на здоровье Ф.И. Никоновича. В течение 1910 г. он часто болеет, а 14 февраля следующего года умирает от рака желудка после операции в клинике Юрьевского университета. Был похоронен в Люцине[4].

Таким образом, Ф.И. Никонович являлся активным защитником интересов православной церкви, политическим и общественным деятелем монархического лагеря, бывшим очевидцем и участником важнейших событий, связанных с деятельностью III Государственной думы.

На место Никоновича в 1911 г. депутатом от Витебской губернии был избран Митрофан Викторович Блажевич, священник Киселевской церкви Себежского уезда, выпускник Витебской духовной семинарии. Он записался в комиссии по народному образованию и о мерах борьбы с пьянством, вступил во фракцию русских националистов[5], но особой политической активности не проявлял.

[1] *Никонович Ф.И.* Указ. соч. С. 114.
[2] Там же. С. 118.
[3] Там же. С. 119.
[4] *Сахаров С.П.* Указ. соч. С. 10–12.
[5] Блажевич Митрофан Викторович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 55.

Подводя итоги, можно отметить, что вопреки цензовому характеру избирательного закона от 3 июня 1907 г. социальные характеристики депутатов в целом отражали социальный состав населения Витебской губернии: из шести выборных представителей двое были помещиками, двое крестьянами, один священником и один происходил из купеческой семьи, но к моменту избрания работал в Витебском статистическом комитете.

Депутаты активно участвовали в законотворческой работе Думы, особенно когда обсуждались вопросы, связанные с землей, народным образованием, или проблемы, затрагивавшие население Витебской губернии. Наиболее активную деятельность развернули октябрист А.П. Сапунов и правые Ф.И. Никонович и В.Г. Амосенок. Особое внимание уделялось земельному, национальному и чиншевому вопросам. Разработанные законодательные меры были направлены на реальное улучшение жизни населения края, в основном малоимущего.

Депутаты III Государственной думы от Витебской губернии принимали активное участие в политической деятельности, оказывая влияние на развитие общественно-политической и социально-экономической ситуации, как на территории Витебской губернии, так и в целом Российской империи. Совместно с другими монархистами им удалось добиться изменения системы выборов в Государственный совет от западных губерний, увеличив представительство от православного населения.

«МОЗГ» ФРАКЦИИ ПРАВЫХ: ЧЛЕН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ Г.Г. ЗАМЫСЛОВСКИЙ

СТОГОВ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории государства и права
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается деятельность члена фракции правых III и IV Государственной думы Г.Г. Замысловского, который был своего рода «мозгом» думских правых. Делается вывод о том, что от его политической позиции зависела позиция правой фракции, выступавшей за сохранение самодержавия. В статье подчеркивается, что, несмотря на внешнюю лояльность царской власти, Замысловский, как и другие правые, не смог в полной мере наладить отношения с правительственными чиновниками. Особенно деградация этих отношений проявилась после гибели П.А. Столыпина. Не смогли правые и консолидировать собственные ряды, хотя Замысловский приложил немало усилий в плане осуществления партийного строительства.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, правые, депутаты, черносотенцы, монархисты, Первая мировая война, Прогрессивный блок.

Рассматривая драматические события предреволюционных лет, современные исследователи обращаются к изучению деятельности известных парламентариев того времени, в том числе и консерваторов[1]. Личность члена Государственной думы монархиста Г.Г. Замысловского в силу идеологических причин в советское время оставалась практически за кадром. Тем не менее, она заслуживает определенного внимания, так как, по признанию современников, Замысловский был своего рода «мозгом» правой фракции Государственной думы[2], а значит, от его политической позиции зависела позиция фракции правых, выступавшей за сохранение неограниченного самодержавия.

Георгий Георгиевич (Егорович) Замысловский (псевдоним Г. Юрский; 13 мая 1872, Санкт-Петербург — март 1920, Владикавказ) — правовед,

[1] См., напр.: *Иванов А.А.* «Депутат Велихов служит Иуде»: история несостоявшейся парламентской дуэли // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7–8 декабря 2017 г. Сб. науч. ст.: В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. 2. С. 82–89.

[2] *Степанов А., Иванов А.* Замысловский Георгий Георгиевич. // Черная сотня. Историческая энциклопедия / Под ред. А.Д. Степанова и А.А. Иванова. М., 2008. С. 211.

публицист, депутат Государственной думы третьего и четвертого созывов (фракция правых), член монархических организаций — Русского собрания, Союза русского народа (СРН), Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА).

Г.Г. Замысловский являлся потомственным дворянином. Его отец, Егор Егорович Замысловский (1841–1896), был известным историком. Г.Г. Замысловский обучался в гимназии при историко-филологическом институте, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, затем служил мировым судьей, а позже товарищем прокурора в Вильно[1].

10 ноября 1907 г. Г.Г. Замысловский был уволен от службы в связи с избранием в III Государственную думу от русского населения Виленской губернии. В ноябре 1907 — октябре 1910 г. являлся старшим товарищем секретаря Думы. В период работы III Думы депутат входил в Бюро для взаимной осведомленности и совместных действий правых деятелей[2].

В конце 1900-х гг. Г.Г. Замысловский стал видным деятелем правомонархических организаций. После раскола в СРН он поддержал Н.Е. Маркова, войдя в состав так называемого «обновленческого» СРН[3].

В Думе депутат выступал преимущественно по национальному вопросу, по вопросам обороноспособности страны. Особенную известность получила его речь при обсуждении законопроекта о контингенте новобранцев, произнесенная 25 апреля 1908 г.[4], а также речь о развале высшей школы, произнесенная в Думе в 1911 г.[5].

Рассмотрим некоторые аспекты взаимоотношений П.А. Столыпина и Г.Г. Замысловского, который поддержал правительственный законопроект по финляндскому вопросу. Нельзя, заявил депутат с думской трибуны, терпеть существование области, расположенной в нескольких десятках верст от столицы, открыто стремящейся к сепаратизму, «которая во время государственного кризиса подготовляла вооруженное восстание, области, где систематически <...> прививают населению чувство ненависти к России, области, где дают широкий приют русским революционерам... Это состояние должно быть прекращено законодательным путем или силою оружия, если понадобится, — это все равно»[6].

Доклад по правительственному законопроекту о неприкосновенности личности в III Думе был сделан также Замысловским[7]. В нем он критиковал принципы личной неприкосновенности, отраженные в законопроектах комиссии Государственной думы второго созыва. Правда, в итоге столыпинский законопроект не был принят III Думой.

16 ноября 1907 г. П.А. Столыпин выступил перед Думой с правительственной декларацией, заявив о важности борьбы с революционной

[1] *Замысловский Г.Г.* В борьбе с ненавистниками России / Сост., предисл. и примеч. Д.И. Стогова. М., 2013. С. 5–6 (предисловие).

[2] Там же. С. 8.

[3] Там же. С. 7.

[4] Там же. С. 127–140.

[5] Там же. С. 283–314.

[6] Там же. С. 421.

[7] Там же. С. 202–233.

угрозой. Декларацию поддержал Замысловский. По его словам, конституционный демократ, член Думы В.А. Маклаков, который призвал правительство приступить к «реформам», «уверен, что из этого ничего худого не произойдет». «А мы боимся, что если все это сейчас ввести, то повторится то самое, что наступило после 17 октября. И в весьма подробной речи депутата Маклакова я, например, страстно желал найти доказательства, что это не повторится, но именно этих доказательств нам депутат Маклаков не привел», — заявил Замысловский, отметив, что кадеты «не умеют подавлять революции». «А вот людей, чтобы умели и революцию подавить, и не нарушить каких-нибудь статей пятнадцати томов Свода законов, таких людей, к сожалению, нет»[1], — указывал депутат.

В 1912 г. Г.Г. Замысловский был избран депутатом IV Государственной думы от русского населения Виленской губернии, продолжая состоять во фракции правых и являясь членом ее Совета. Работая в IV Думе, Замысловский получил широкую известность, прежде всего, антисемитскими речами и брошюрами. В 1913 г. вместе с А.С. Шмаковым он выступил гражданским истцом в Киевском окружном суде в ходе дела Бейлиса как представитель матери погибшего мальчика Андрея Ющинского и добивался обвинительного приговора М. Бейлису. 24 октября 1913 г. депутат произнес на суде речь. Участие Замысловского в процессе по делу Бейлиса встретило активную поддержку правых, в его адрес шли многочисленные телеграммы от черносотенных организаций[2].

Впрочем, антисемитская позиция политика способствовала одному из скандалов в самом правом лагере. Высказывание Г.Г. Замысловского о сотруднике газеты «Киевлянин» националисте А.И. Савенко, который якобы не писал в своей газете о деле Бейлиса из-за того, что изданию «нужны деньги на постройку сахарного завода», вследствие чего «евреев трогать нельзя»[3], привело к тому, что между депутатом-националистом и Замысловским чуть было не состоялась дуэль[4].

Отношение леворадикальных политиков к Г.Г. Замысловскому было отрицательным. Так, И.В. Сталин писал о нем: «Группа крайне-черносотенных помещиков, с Замысловским и Марковыми во главе, с трудом скрывала свою радость по поводу ленских расстрелов. Помилуйте, власть показала силу и строгость — пусть знают „лодыри“ рабочие, с кем имеют дело»[5].

Г.Г. Замысловский считался стратегом и «мозгом» фракции правых в Думе и главным посредником между правительством, думскими и внедумскими представителями правых. В годы Первой мировой войны он избирался в состав комиссии по военным и морским делам, являлся

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. II. Стб. 2455, 2458.

[2] *Замысловский Г.Г.* В борьбе с ненавистниками России. С. 12.

[3] Цит. по: *Иванов А.А.* «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб., 2018. С. 507.

[4] Там же. С. 502–513.

[5] *Сталин И.В.* Выводы // Сталин И.В. Сочинения. М., 1946. Т. 2. С. 245.

членом комиссии по судебным реформам, а также состоял в ряде других комиссий. В августе 1915 г. Замысловский был избран Думой членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (Осотопа)[1].

В те годы парламентарий выступал решительно против каких-либо привилегий для прибалтийского дворянства[2]. Г.Г. Замысловский требовал лишить привилегий и финское дворянство (так называемых «чухонских аристократов»), введя для них такие же повинности, как и для остальных народов империи, а также выступал за введение для финнов воинской повинности, возмущаясь, что Финляндия «не дает ни одного солдата и не платит ни одной копейки на военные расходы»[3].

Помимо думской деятельности, депутат продолжал участвовать в работе черносотенных организаций. Он был участником Совещания монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде, на котором выступал в прениях по вопросам о борьбе с прогрессивным блоком и беженцах, предложив свой проект резолюции о беженцах[4]. В ней предлагалось заблаговременно принять меры к планомерному возвращению русского населения после изгнания неприятеля с оккупированных территорий[5]. Г.Г. Замысловский также вошел в Совет Петроградского совещания, работал в редакционной комиссии Совета монархических съездов[6].

Имеются сведения, что он получал негласную финансовую поддержку от правительства на партийные нужды. По данным МВД, в 1915–1917 гг. Н.Е. Маркову и Г.Г. Замысловскому было выдано из секретных фондов от 163,5 тыс. руб. до 2444 тыс. руб.[7].

Деятельность политика находила неизменную поддержку со стороны руководства и рядовых членов черносотенных организаций. Так, Учредительное собрание Отечественного патриотического союза (ОПС), состоявшееся 21–22 июня 1915 г., направило приветственную телеграмму Н.Е. Маркову и Г.Г. Замысловскому за их деятельность в Государственной думе[8]. К Замысловскому обращались с различными просьбами и рядовые члены правых организаций, и руководители различных монархических партий и союзов[9].

---

[1] *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Замысловский Георгий Георгиевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 202.

[2] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 5469.

[3] ГА РФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. ЛЛ. 575–575 об.

[4] Извлечение из протоколов заседаний. Заседание 23 ноября // Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде. Постановления и краткий отчет. Печатано по постановлению Совета съездов. М., 1915. С. 39.

[5] Постановления Совещания монархистов 21–23 ноября в Петрограде. V. В отношении помощи русским людям, бежавшим от нашествия германцев // Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде. С. 35–36.

[6] ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 792. Л. 1.

[7] Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 857. Л. 13; Д. 862. ЛЛ. 125–128.

[8] *Степанов А.[Д.]* Отечественный патриотический союз // Черная сотня. Историческая энциклопедия. М., 2008. С. 375.

[9] ГА РФ. Ф. 117. Оп. 3. Д. 5. ЛЛ. 18–21.

Г.Г. Замысловский, как, впрочем, и другие правые, не всегда был в состоянии наладить связь с правительственными чиновниками. Сложными, например, у него были отношения с А.Н. Хвостовым, занимавшим пост министра внутренних дел Российской империи с 26 сентября 1915 г. по 3 марта 1916 г. В свою очередь, сам Хвостов пытался ослабить подчас резкие выступления активных правых депутатов (Н.Е. Маркова, Г.Г. Замысловского и др.)[1].

В IV Государственной думе Г.Г. Замысловский активно боролся против Прогрессивного блока. В одной из своих речей в конце 1916 г. он заявил лидеру «желтого блока» П.Н. Милюкову: «Когда во время войны вы занимаетесь революционными митингами, правительство должно бы вас спросить: глупость это или измена»[2].

Г.Г. Замысловский принял также активное участие в инциденте, связанном с антиправительственным думским выступлением В.М. Пуришкевича 19 ноября 1916 г. Н.Е. Марков, выступая с думской кафедры 22 ноября 1916 г., подверг резкой критике позицию В.М. Пуришкевича. Неоднократно прерываемый окриками со стороны леволиберального думского большинства, лидер СРН, уже сходя с кафедры, приблизился к председателю Думы М.В. Родзянко и трижды назвал его «мерзавцем»[3]. Затем Н.Е. Марков с единомышленниками (в том числе и с Замысловским) покинул зал заседаний Государственной думы.

Осенью 1916 г. Г.Г. Замысловский принял активное участие в работе кружка сенатора А.А. Римского-Корсакова, участвовал в выработке «Записки» кружка на имя царя, в которой высказывались требования введения в стране чрезвычайных мер в связи с ростом оппозиционных настроений[4].

После Февральской революции Г.Г. Замысловский, как и многие другие монархисты, был вынужден признать власть Временного правительства. В марте 1917 г. он прислал на имя председателя Государственной думы заявление о признании новой власти, подчеркивая, что делает это в письменной форме, т.к. «тревожное время еще продолжается»[5]. Тем не менее, несмотря на демонстративное выражение лояльности новой власти, гонений Замысловский и его семья все равно не избежали. Так, уже в ночь на 30 марта был арестован брат политика прапорщик артиллерии А.Г. Замысловский, а совещание Думы потребовало от самого Г.Г. Замысловского объяснений в связи с появившимися в прессе обвинениями в получении денег из секретного фонда Департамента полиции

[1] См.: *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской Империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 106.

[2] Цит. по: *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. СПб., 1991. С. 613.

[3] См.: *Марков Н.Е.* Думские речи. Войны темных сил / Сост., предисл. и примеч. Д.И. Стогова. М., 2011. С. 27.

[4] См. подробн.: *Стогов Д.И.* Последняя попытка спасти монархию: «записки», составленные в кружке А.А. Римского-Корсакова, и их политическое значение // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей. СПб., 2011. С. 5–13.

[5] Новое время. 1917. 10 марта.

МВД царской России. Позже Замысловский был допрошен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Обвинения в его адрес в получении правительственных субсидий, как мы уже отмечали, имели под собой реальное основание[1].

Летом 1917 г. Замысловский состоял членом основанной Н.Е. Марковым подпольной монархической организации «Великая единая Россия», имевшей первоначальной целью спасение царской семьи. Для конспирации организация скрывалась под видом нескольких трудовых артелей[2]. После октября 1917 г. Замысловский перебрался в Киев, затем, в 1918 г., в Ростов, где пытался создать единый фронт, имевший лозунгом «великую, единую и неделимую Россию на основе законопреемственной монархии»[3].

В начале ноября 1918 г. бывший депутат пытался собрать монархический съезд, стараясь привлечь к нему «представителей Добровольческой и Кубанской армии». В своих заявлениях он решительно выступил против ориентации на Германию в связи с революционными событиями в ней[4]. Также Замысловский пытался возродить одну из виднейших монархических организаций — Русское собрание в Ростове; вокруг новой структуры сгруппировались бывшие участники ряда монархических структур. Позже Замысловский вошел в Национально-либеральную партию, отколовшуюся в апреле 1919 г. от Русского собрания, но не порвавшую с ним связи. Г.Г. Замысловский скончался от тифа во Владикавказе в марте 1920 г. Точная дата его кончины неизвестна.

Подводя некоторые итоги, отметим, что, несмотря на внешнюю лояльность царской власти, Г.Г. Замысловский, как и другие правые, не смог в полной мере наладить отношения с правительственными чиновниками. Особенно деградация этих отношений проявилась после гибели П.А. Столыпина. Не смогли правые и консолидировать собственные ряды, хотя Замысловский и приложил немало усилий в плане осуществления партийного строительства.

Рассматривая политическую деятельность Г.Г. Замысловского, обратим внимание на ряд дискуссионных моментов. Во-первых, хотя из архивных источников известно о негласной финансовой поддержке его деятельности со стороны МВД, остается открытым вопрос об инициаторах этой поддержки и ее мотивах. Во-вторых, до конца не выявлены причины неприятия политической деятельности Г.Г. Замысловского и его соратников со стороны значительной части общественности и, главное, широких народных масс. В-третьих, требуют дальнейшего обсуждения вопросы, связанные с особенностями взаимоотношений Г.Г. Замысловского с другими членами фракции правых (более-менее хорошо известно лишь о взаимоотношениях с Н.Е. Марковым).

[1] См.: Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: В 2-х т. / Сост., вступ. ст., коммент. Ю.И. Кирьянов. М., 1998. Т. 2. С. 721.

[2] См.: *Марков Н.Е.* Думские речи. Войны темных сил. С. 30.

[3] *Замысловский Г.Г.* В борьбе с ненавистниками России. С. 34.

[4] Из письма Г. Г. Замысловского генералу А.С. Лукомскому от 5 ноября 1918 г. Цит. по: *Иванов А.А., Степанов А.Д.* Замысловский Георгий Георгиевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 212.

УЧАСТИЕ В.П. ШЕИНА В РАБОТЕ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

БОКАРЕВА ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА,
кандидат исторических наук,
Директор по сервису
ООО «Север телеком»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: arlika@yandex.ru

Аннотация: В.П. Шеин был одним из самых активных участников заседаний комиссии по делам Православной церкви в IV Государственной думе. Он заботился о развитии миссионерской деятельности Православной церкви, выступал за созыв Поместного собора для проведения необходимых церковных преобразований, высказывался против выборности священнослужителей в православном приходе, за наделение православного духовенства достаточным содержанием. Был докладчиком по целому ряду законопроектов.

Ключевые слова: Православная Российская церковь, В.П. Шеин, комиссия по делам Православной церкви, IV Государственная дума

Василий Павлович Шеин, принявший монашеский постриг в 1920 г. под именем Сергий, новомученик Православной церкви, расстрелянный в 1922 г. вместе с митрополитом Петроградским и Ладожским Вениамином, был избран в IV Государственную думу от родной Тульской губернии в октябре 1912 г., на момент избрания ему было 42 года. Василий Павлович входил во фракции националистов и умеренно правых, а с августа 1915 г. — во фракцию прогрессивных националистов. Был членом нескольких думских комиссий: бюджетной, по старообрядческим делам, о печати, о путях сообщения, по местному самоуправлению, а также комиссии по делам Православной церкви[1].

В первую сессию IV Государственной думы состоялось 10 заседаний комиссии по делам Православной церкви, во 2-ю сессию — 19 заседаний, в 3-ю сессия в связи с началом Первой мировой войны комиссия не собиралась, в 4-ю сессию было 13 заседаний, в 5-ю — пять. Таким образом, всего комиссия собиралась 47 раз. Василий Павлович Шеин пропустил только пять заседаний, при этом на протяжении всех лет работы комиссии он был бессменным товарищем председателя, избранным большинством голосов[2]. Во время отсутствия председателя комиссии В.Н. Львo-

[1] *Николаев А.Б.* Шеин Василий Павлович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 693–694.

[2] Был избран товарищем председателя комиссии на заседаниях: 11 декабря 1912 г. (РГИА Ф. 1278. Оп. 5. Д. 594. Л. 1.), 17 февраля 1916 (Там же. Д. 595. Л. 132), 3 декабря 1916 г. (Там же. Д. 596. Л. 5).

ва (фракция центра[1]), а также на заседаниях, когда В.Н. Львов являлся докладчиком, Василий Павлович исполнял обязанности председателя комиссии. В.П. Шеин умело направлял ход заседания комиссии, вынося постановления на голосования, подчеркивая, какая информация носила справочный характер и не относилась к существу вопроса, соблюдая формальности при рассмотрении законопроекта, останавливая дискуссии по деталям и повторные обсуждения по ранее принятым решениям. Стоит признать, что В.П. Шеин обладал хорошими организаторскими способностями и отлично справлялся с возложенными на него обязанностями, кстати, о чем говорит также тот факт, что именно В.П. Шеин был впоследствии избран на должность секретаря Поместного собора Православной церкви в 1917 г.

В.П. Шеин был выбран докладчиком комиссии по целому ряду законопроектов: по законопроекту об освобождении Св. Синода от обязательства вносить по своей финансовой смете в доход казны из духовно-учебного капитала Св. Синода по 22 987 руб. в год на содержание причтов бывших южных поселений, с принятием данного расхода на средства казны[2], данный законопроект был принят на заседании комиссии 7 февраля 1913 г. без прений[3]; был докладчиком по законопроекту о назначении пособий окончившим Московские пастырские курсы для переезда на служение в Зауральские епархии (предложил также открыть духовные семинарии в Зауральских епархиях, пастырских курсах как в европейской части России, так и в Азиатской, а не только в Москве[4]); докладчиком по законопроекту об отпуске средств из государственного казначейства на содержание Феодоровского храма С-Петербурге в память 300-летия царствования Дома Романовых[5]; докладчиком по законопроекту об отпуске из государственного казначейства средств на увеличение содержания членам и присутствующим Св. Синода[6]; докладчиком об отмене предоставленного духовному ведомству права обращать на свое распоряжение остатки от некоторых кредитов, ассигнуемых по финансовой смете Св. Синода с возмещением в казну расходов, производимых за счет этих остатков[7]; об отпуске из государственного казначейства средств на организацию миссии по обращению в православие корейцев в пределах Владивостокской епархии[8].

Также журналы комиссии по делам Православной церкви подтверждают его деятельное участие в работе комиссии: почти на каждом заседании он высказывался по существу вопроса, выносил предложения

[1] *Николаев А.Б.* Львов (Львов 2-й) Владимир Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 336–337.
[2] РГИА Ф. 1278. Оп. 5. Д. 594. Л. 1.
[3] Там же. Л. 7 об.
[4] Там же. Л. 33.
[5] Там же. Д. 595. Л. 122.
[6] Там же. Д. 596. Л. 1 об.
[7] Там же. Д. 595. Л. 31 об.
[8] Там же. Л. 44.

по рассматриваемым законопроектам, которые в большинстве своем поддерживались членами комиссии и принимались. За все время только одно предложение Василия Павловича было отклонено. При обсуждении об ежегодном отпуске с 1913 г. из казны дополнительного ассигнования по 600 000 руб. на увеличение содержания городского и сельского духовенства В.П. Шеин выступил с инициативой об изменении существующего порядка распределения ассигнуемых средств через съезды духовенства, предложив, чтобы часть кредита была предоставлена в распоряжение епархиального архиерея, и указывал при этом, что епархиальное начальство при жалобах на несправедливое распределение средств не имеет возможности оказать помощь причтам[1]. Но предложение В.П. Шеина было отклонено.

Стоит отметить и схожесть взглядов и позиций В.П. Шеина с членом комиссии, депутатом, протоиереем Александром Васильевичем Смирновым (член фракции «Союз 17 октября»[2]). Они взаимно поддерживали инициативы друг друга.

Сам Василий Павлович, отвечая на вопросы судей в 1922 г., говорил о себе: «Я не помню и дня моей жизни, когда религиозные вопросы меня не интересовали»[3]. За что же выступал и каких взглядов придерживался будущий архимандрит Сергий?

Не единожды поддерживал миссионерскую деятельность Православной церкви. Так, по вопросу об отпуске из государственного казначейства 25 000 руб. на устройство и первоначальное обзаведение проектируемого мужского монастыря на полуострове Камчатка, В.П. Шеин (а вместе с ним и А. Смирнов), имея в виду невозможность возложения миссионерской деятельности на окраинах всецело на приходское духовенство и указывая на ревностное служение иеромонаха Нестора, которому принадлежит почин в создании монастыря на Камчатке, настаивает на отпуске испрашиваемых средств[4]. Законопроект был принят с внесением пожелания по истечении трех лет, а именно к 1916 г., в Государственную думу необходимо было представить Св. Синодом сведения о монастыре на Камчатке и о расходах, произведенных за счет отпускаемого из казны пособия[5]. Также просил увеличение дополнительного пособия на содержание Иерусалимской духовной миссии отпускаемых средств на 50 000 руб., испрашивали 36 000, потому что признавал деятельность Иерусалимской миссии на Востоке весьма полезной как для государства, так и для Православной церкви. (было поддержано)[6]. При этом стоит отметить, что В.П. Шеин проявлял

[1] РГИА Ф. 1278. Оп. 5. Д. 594. Л. 8.

[2] *Николаев А.Б., Усманова Д.М.* Смирнов Александр Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 565.

[3] Дамаскин игумен (Орловский). «Все молятся и по камере ходят…» // Фома. 2015. № 8. С. 48.

[4] РГИА Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 7

[5] Там же. Л. 7 об.

[6] Там же. Д. 595. Л. 110 об.

рачительный хозяйский подход при рассмотрении о дополнительных ассигнованиях, так, например, он неоднократно выступал по поводу Палестинского общества, выражая обеспокоенность, что история недостачи средств у Общества остается не ясною, так как нет достаточных данных, разъясняющих, например, превышение доходов над расходами за 1910/1911 и 1911/1912 отчетные годы, выражал желание знать, чем объяснялось сильное понижение доходов за 1912/1913 гг.[1], прежде чем рассматривать вопрос о дополнительном ассигновании из казны. Также он вынес предложение по поводу назначения содержания из казны причту Биаррицкой церкви, на юге Франции; по его инициативе и Котлярова в законопроект было внесено важное дополнение: ограничить отпуск испрашиваемых средств определенным сроком — 5 лет, ввиду того, что наплыв русских в Биарриц может с течением времени значительно уменьшиться или даже вовсе прекратиться[2].

По воспоминаниям Михаила Чельцова, настоятеля Свято-Троицкого Измайловского собора, В.П. Шеин был большим любителем церковного пения, что, кстати, хорошо прослеживается и по его инициативам при работе комиссии. Так, в 1913 г. В.П. Шеиным (и от. А. Смирновым) было отмечено, что назначение преподавателям церковного пения возможно большого содержания вызывается особо важным значением этого предмета для будущих служителей церкви. Благолепное и стройное пение способствует красоте и величественности богослужения, считал Шеин, поэтому приходское духовенство должно почитать одной из своих главнейших обязанностей обращать особое внимание на постановку пения в церквах. Ввиду того, что знакомство священников с духовным пением далеко не всегда бывает достаточным, указанные члены комиссии предложили высказать пожелание, которое было принято, чтобы Св. Синод принял все меры к постановке преподавания церковного пения и чтения в духовно-учебных заведениях на должную высоту, а также чтобы священнослужители прилагали всемерную заботливость и личный труд к достижению благолепного и стройного пения и чтения в храмах и к развитию в приходах церковнопевческих хоров[3].

Вновь заговорили об учителях пения на заседании комиссии 20 марта 1914 г., и по предложению В.П. Шеина учителям церковного пения в духовных семинариях и училищах были предусмотрены надбавки по 400 руб. для лиц с высшим специальным музыкальным образованием, в частности, окончивших полный курс синодального училища церковного пения, и по 200 руб. для лиц со специальным образованием или общим средним образованием[4]. Беспокоило Василия Павловича и распространение религиозной литературы: поддержал докладчика о. Смирнова, выступавшего по законопроекту о продлении с 1914 г. отпуска из казны

[1] РГИА Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 109 об.
[2] Там же. Л. 8.
[3] Там же. Д. 594. Л. 12.
[4] Там же. Д. 595. Л. 61 об.

дополнительного пособия обществу для распространения Священного Писания в России[1]. По мнению Шеина дело распространения книг религиозного содержания является такою существенною необходимостью и притом настолько важною, что его необходимо было бы взять в свое заведывание Св. Синоду и при этом развить настолько, чтобы каждый желающий мог всегда приобрести по самой низкой цене религиозно-богослужебные книги при церковных ящиках каждого храма.

Основные церковные реформы ждали именно от самой Церкви. Еще в 1913 г. надежды на созыв Собора были крепки среди депутатов. Тогда 14 февраля 1913 г. В.Н. Львов, В.П. Шеин и от. Смирнов высказывались на заседании комиссии по вопросу о преобразованиях духовно-учебных заведений, что духовно-учебные заведения представляют собой учреждения церковные, подлежат ведению Церкви, ввиду чего установление внутреннего строя относится к области деятельности духовного начальства, следовательно, изменение устава духовных семинарий и училищ может последовать лишь в порядке законодательства церковного, а отнюдь не общегосударственного, вторжение коего в дела церковные было бы умалением прав Церкви[2]. Было решено принять пожелание о скорейшем созыве Поместного собора Православной Российской церкви для суждения о назревших церковных нуждах[3]. Но время шло, а Собора все не было. В.П. Шеин выступал за желательность церковных преобразований вне зависимости от созыва Поместного Собора, полагая, что Государственная дума имеет право указывать на церковные нестроения, но реформы проводить должна сама Церковь, инициатива в разработке самих проектов преобразований, в данном случае, должна исходить от Св. Синода. На заседании 28 апреля 1914 г. указывалось на желательность церковных преобразований вне зависимости от созыва Собора[4]. В.П. Шеин говорил: «Я отстаиваю наше [Государственной думы] право указывать на все церковные нестроения, высказывать наши пожелания о всех церковных преобразованиях, указывать их способы устранения и совершения. Но при всем том я далек от мысли, чтобы Государственная дума имела право сама, собственною своею властью, собственными своими законодательными правами совершать в Церкви те или иные преобразования»[5]. Эту точку зрения он подтверждал и на заседаниях комиссии, посвященных вопросу приходской реформы, в том числе подчеркнув, что В.Н. Львов, являясь специалистом в области гражданского и церковного права, специально занимавшимся изучением этого вопроса, изменил позицию, ссылаясь на то, что письменного закона о церковном праве нет, он же полагает, что вторгаясь в канонические вопросы Церкви, Дума совершает недопу-

[1] РГИА Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 12

[2] Там же. Д. 594. Л. 19.

[3] Там же.

[4] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. III. Стб. 1249.

[5] Там же. Стб. 2221.

стимое насилие над Церковью, но в условия эти она поставлена «сознательным или бессознательным промедлением в деле приходской реформы Св. Синодом», подорванным доверием. Сам для себя сложившуюся ситуацию В.П. Шеин характеризовал как драматическую, «тяжелое для православного мыслящего человека положение»[1].

В.П. Шеин высказывался против выборности священнослужителей в православном приходе по нескольким причинам, потому что про себя сказал, что он — человек принципа, и рука его не подымется на нарушение принципа, не потому что он «не сочувствует этому и признает невозможным, а потому что находил, что это дело церкви и только церкви».

Товарищ председателя В.П. Шеин считал введение выборного начала нежелательным, как раз потому, что и «в прочих местностях Империи крайние политические деятели, неуравновешенные личности и неверующие, но православные по паспорту едва ли откажутся от возможности оказать влияние на церковные выборы»[2].

Выступал за наделение православного духовенства достаточным содержанием, не раз поддерживал законопроекты о дополнительном ассигновании на содержание городского и сельского духовенства. Товарищ председателя В.П. Шеин объяснил: «Государственная дума никогда не отделяла обеспечение духовенства от преобразования прихода, вопрос обеспечения материального содержания духовенства не соединен с рассматриваемым законопроектом единственно в целях не задерживать проведение таковой важной реформы, как преобразование православного прихода»[3].

В.П. Шеин выступал за разделение рассмотрения вопросов о приходе и материальном обеспечении духовенства. Из протоколов заседаний IV отдела Предсоборного присутствия, членом которого являлся В.П. Шеин, становятся ясны его взгляды на церковное реформирование. Так, в вопросе материального обеспечения приходского духовенства В.П. Шеин был противником предоставления священникам содержания от казны, но также не разделял оптимизма сторонников добровольного самообложения прихожан. Его план возможных преобразований был гораздо тоньше. Во-первых, В.П. Шеин считал необходимым закрепить за Церковью те средства существования, которыми она уже пользуется в настоящее время, за счет введения специального церковного налога. Налог этот, по его мнению, можно было или взыскивать тем же путем, что и общегосударственные налоги, и обратить его в распоряжение высшей духовной власти на содержание общецерковных учреждений: Синода, духовно-учебных заведений, епархиального управления, тогда его размер должно было установить государство. Или же при обязательном условии отмены платы за обязательные

[1] РГИА Ф. 1278. Оп. 5. Д. 596. Л. 265.
[2] Там же. Д. 595. Л. 179 об.
[3] Там же. ЛЛ. 170–170 об.

требы прихожане сами могли бы установить известный сбор на содержание своего причта, причем «налог церковный должен быть вносим непосредственно в местное государственное казначейство. Единицей принудительного приходского обложения на церковные нужды может быть или каждая приходская душа, или каждая десятина принадлежащей прихожанам земли»[1].

Будучи депутатом, В.П. Шеин заботился о благе Православной церкви, принимал активное участие в работе комиссии по делам Православной церкви, высказывал свои взгляды на церковные проблемы и нестроения, в том числе и по вопросу реформы православного прихода.

Итак, об участии Василия Павловича Шеина в работе комиссии по делам Православной церкви IV Государственной думы можно сделать ряд выводов. В.П. Шеин принимал активное участие в работе комиссии: был товарищем председателя, посещал заседания, выносил предложения, участвовал в обсуждениях законопроектов, был докладчиком комиссии по ряду вопросов, замещал председателя комиссии. Он заботился о развитии миссионерской деятельности Православной церкви, выступал за созыв Поместного собора для проведения необходимых церковных преобразований, отстаивал позицию невмешательства Государственной думы в чисто церковные вопросы — определение прихода, назначение священника в приход и пр.

[1] Журналы и протоколы заседаний Предсоборного присутствия. IV отдел. СПб., 1907. Т. 4. С. 19–20.

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ЗАГОВОР 1917 ГОДА В.М. ПУРИШКЕВИЧА

РАТЬКОВСКИЙ ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: i.ratkovskij@spbu.ru

Аннотация: Статья посвящена деятельности организации В.М. Пуришкевича «Общество русской государственной карты» осенью-зимой 1917–1918 гг. В статье анализируются состав, программа организации, а также подготовка вооруженного выступления. Выявляется роль отдельных членов организации. Рассмотрены обстоятельства и версии раскрытия организации. Впервые называется в качестве основного агента советских служб М.С. Комиссаров. Ранее называвшийся в этом качестве юнкер Е. Зелинский являлся отвлекающей внимание фигурой. Подробно рассматриваются судьбы участников организации в период после освобождения.

Ключевые слова: Революция 1917 года, «Общество русской государственной карты», В.М. Пуришкевич, М.С. Комиссаров.

Основанное в 1916 г. «Общество русской государственной карты» имело целью «выработку основных положений, на которых Россия, после победоносной войны, может заключить мир, осуществляющий ее исторические, национальные, государственные и славянские задачи». Председателем общества был В.М. Пуришкевич, заместителем — редактор «Исторического вестника» Б.Б. Глинский[1]. В 1917 г. «на базе Общества, расширенном за счет офицеров, Пуришкевич попытался создать, по сути, новую организацию, целью которой стало бы „наведение порядка в стране“»[2].

Организация состояла в значительной степени из петроградских офицеров и юнкеров. Среди членов организации и «присутствующих» на ее собраниях были генералы Д.И. Аничков, К.И. Сербинович, А.А. Павлов, Н.И. Иванов, жандармский генерал М.С. Комиссаров, полковники И.Д. Капустин и Ф.В. Винберг, доктор, зауряд-полковник В.П. Всеволожский, капитан Д.В. Шатилов, ротмистр Амбразанцев, поручик Н.А. Штыров, юнкер С.А. Гескет, прапорщик Е.В. Зелинский, инженер И.Д. Парфенов (родной брат В. Парфенова), бывший председатель монархистского союза студентов-академистов, ранее вольноопределяющийся 9-го запасного кавалерийского полка в отставке Н.О. Граф (был секретарем общества), измайловец А.А. Кованько, штабс-ротмистр 1-го драгунского полка А.П. Заустинский, штабс-капитан Измайловско-

[1] *Иванов А.А.* В.М. Пуришкевич и «Общество русской государственной карты» // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1 (5). С. 158–159.

[2] Там же. С. 160.

го полка В.Б. Душкин, прапорщик Дель[1]. В ней состоял и П.Н. Попов, позднее более известный как Шабельский-Борк. Свою новую фамилию он взял в память о крестной матери, видной деятельнице монархического движения Е.А. Шабельской-Борк. Отметим, что сейчас ставится вопрос, а была ли реально Шабельская его крестной матерью, или это просто его образное выражение[2]. Ряд из членов организации принимали участие в юнкерском восстании 28–29 октября 1917 г. в Петрограде: юнкер Д.Г. Лейхтенбергский, полковник Б.М. Муфель, штабс-ротмистр Н.Н. Де-Боде, а также братья Парфеновы.

Основной состав организации сформировался в конце сентября — начале октября 1917 г. Пуришкевич в эти дни был настроен решительно и оптимистично, считая возможным устранение большевиков в самое ближайшее время. Заговорщиками рассматривались как военные акции, так и возможное физическое устранение лидеров большевиков. Свои планы он изложил в известном письме к атаману А.М. Каледину, которое позднее нашли на квартире И.Д. Парфенова[3].

В ноябре 1917 г. организация Пуришкевича вследствие вербовочной работы среди офицеров была раскрыта. Согласно распространенной версии толчком к раскрытию организации стала неудачная попытка юнкера Е. Зелинского выкрасть 3 ноября 1917 г. бланки Петроградского военного округа[4]. Арестованный юнкер показал, что, оставшись без средств в Петрограде, он отправился в общежитие офицеров за материальной помощью. Там ему предложили вступить в военно-монархическую организацию Пуришкевича. Далее он был направлен в гостиницу «Россия», где были оплаченные номера для членов организации, и здесь он получил первое поручение.

В ходе последующего следствия ему будет поставлен врачами явный психиатрический диагноз. Одним из врачей будет его дядя профессор Зелинский, который представил следствию факты, устанавливающие, ненормальность племянника. По словам дяди, Зелинский страдал отсутствием чувства истины, клептоманией и страстью к бродяжничеству. Все попытки дать ему какое-нибудь образование ни к чему не привели: его исключали из всех учебных заведений. Схожим было мнение известно-

[1] Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. и ред. А.А. Иванов; вступ. ст., биограф. словарь и коммент. А.А. Иванов, С.Г. Зирин. М., 2008. С. 66–68.

[2] Государевы лета. Сказания о русских царях. П.Н. Шабельский-Борк. СПб., 2018.

[3] Данное письмо использовалось не только в ходе разбирательства «Дела Пуришкевича» Петроградским ревтрибуналом, но и на Дону. В частности текст письма был полностью включен красным казаком Ф.К. Мироновым в открытом письме 15 декабря 1917 г. члену Донского войскового правительства П.М. Агееву (РГВА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 1. Л. 1).

[4] *Кутузов В.А.*, *Лепетухин В.Ф.*, *Седов В.Ф.*, *Степанов О.Н.* Чекисты Петрограда на страже революции: В 2-х кн. Л., 1989. Кн. 1. С. 34; *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции. Петроград в первые месяцы советской власти. Л., 1969. С. 159.

го эксперта-психиатра, заместителя председателя Общества психиатров проф. П.А. Розенбаха. От имени экспертов он заявил, что подсудимый страдает нравственным помешательством. В ходе суда у Зелинского фиксировались обмороки, припадки.

Противоречивы были и его показания. По словам Зелинского, Пуришкевич рассказывал ему, что он располагает большой вооруженной силой, и что, как только будет выиграно восстание, он «всю эту большевистскую сволочь перевешает и законопатит в тюрьмы без пощады». В целом эта часть показаний Зелинского не вызывает особых сомнений. Пуришкевич был любителем громких фраз. Более интересны его последующие показания. Согласно им Пуришкевич предложил ему взять на себя целый ряд ответственных поручений: отравление цианистым калием конфет для красногвардейцев, убийство В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого и похищение бланков из штаба округа для фабрикации документов нелегально проживающих офицеров[1]. Эти поручения Пуришкевич дал после вымышленного рассказа Зелинского об убийстве им 17 красногвардейцев. Впоследствии от части из этих показаний он в суде отказался. Отметим, что конфеты с цианистым калием могли быть вольным продолжением «распутинской истории» Пуришкевича, припиской со стороны следствия, которое было знакомо с его биографией. Так или иначе, но один эпизод с отравлением в последующие недели был выявлен А.Л. Фрайманом в ЦГА ВМФ. Согласно ему некие террористы подбросили яд в пищу команды крейсера «Аврора», вследствие чего пострадало около 100 матросов[2].

Отметим, что существует и другая версия начала провала организации. В этом случае Зелинский скорее присутствует лишь как фигура для сокрытия другого человека. Согласно Винбергу во время заключения в Петропавловской крепости он разговорился с Пуришкевичем, и тот ему уверенно сообщил, что они сидят по доносу К., которого как раз пригласил Винберг. «Об этом был разговор еще во времена нашей свободы: и тогда Пуришкевич уверял, что я сделал ошибку, пригласив К., ибо он будто бы имел сведения о службе его у большевиков. Я плохо этому верил в то время: познакомил меня с К., по желанию и просьбе его самого, прапорщик Золотницкий, которому я вполне доверяю, а К. знает Золотницкого с детских его лет. У К. я видел моего старого друга и полкового товарища Павла Петровича Шкота, генерала Сербиновича, всех людей безусловно верных. Теперь, когда я более ориентировался в большевистской обстановке, я отношусь к такому слуху с меньшим недоверием, и когда сегодня Пуришкевич снова подтвердил свои слова, я ему ответил: „если только это так, как Вы говорите, то я ничего не имею против моего ареста; очевидно, так нужно было сделать, и все делается к лучшему“»[3].

---

[1] *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции. С. 159.
[2] Там же. С. 201.
[3] Верная гвардия. С. 71.

С большей степенью вероятности можно расшифровать таинственного К. На наш взгляд, это упомянутый выше бывший жандармский полковник М.С. Комиссаров. После Февральской революции он был арестован Временным правительством и находился в заключении в Петропавловской крепости[1]. В тюрьме Комиссаров завел контакты с большевиками, арестованными после июльского выступления. После освобождения большевиков в дни корниловского выступления от них последовала просьба к министру юстиции П.Н. Малянтовичу освободить Комиссарова. С этого момента у него было реноме человека, связанного с большевиками. Можно согласиться с Д.А. Бакшт, что характер «его действий показывает нам, что это все же был не „идейный“ борец с революцией и не патриотичный администратор, а классический талантливый карьерист, цинично использующий любые средства. Даже тот факт, что это один из немногих жандармов, перешедших на сторону большевиков, говорит сам за себя»[2].

Впоследствии, уже в начале 1920-х гг., слухи о сотрудничестве Комиссарова с большевиками усилились. Его поведение в Венгрии в 1920 г. оставило как минимум двоякое впечатление. На встречах с представителями венгерских служб он интриговал против П.Н. Врангеля, называя его ставленником Антанты и обещая «стереть его в порошок», если тот пойдет против него. Предлагал планы печати романовских денег, объявлял, что царская семья и дети не расстреляны, и т.д. Как минимум, его деятельность выглядела странной[3]. Окончательно он был разоблачен как агент ОГПУ в середине 1920 гг.

Революционный трибунал, рассматривавший это дело с конца декабря 1917 г. по 3 января 1918 г., «установил» наличие связей заговорщиков с донским атаманом А.М. Калединым, закупку оружия, вербовку офицеров и юнкеров в организацию и для отправки на Дон, планы вооруженного выступления в Петрограде. Трибунал пришел к заключению, что организация, возглавляемая Пуришкевичем, существовала, но не ставила своей непосредственной целью восстановление монархии путем вооруженного выступления. Однако, как контрреволюционная организация она представляла большую опасность, так как могла вызвать кровопролитие[4].

---

[1] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л., 1925. Т. III.

[2] *Бакшт Д.А.* Деятельность М.С. Комиссарова в Сибири (1909–1910 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Материалы Первой Всероссийской молодежной научной конференции. Сибирское отделение РАН / отв. ред. Р.Е. Романов. Новосибирск, 2011. С. 165.

[3] *Колонтари А.* К истории русской военной эмиграции в межвоенный период // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX — первая половина XX в.). М., 2009. С. 164–167.

[4] Новая жизнь. 1918. 5 января.

На суде в качестве обвиняемых проходила группа из 14 человек, в основном военных членов организации. Двое были освобождены по молодости лет и выданы под надзор родственникам (юнкера Лейхтенбергский и Гескет). Пуришкевич был приговорен к 4 годам условно с испытательным сроком в 1 год; троих участников (де Боде, Винберг, И.Д. Парфенов) на этих же условиях приговорили к 3 годам условных работ при тюрьме; остальные сроки были определены в пределах от 2 до 9 месяцев. Зелинского поместили до выздоровления в психиатрическую больницу. Первомайская амнистия в Петрограде аннулировала оставшиеся тюремные сроки у членов организации.

Пуришкевич был освобожден еще ранее в связи с болезнью сына. Он отправился в Киев, где пробыл до декабря 1918 г. Позднее он перебрался на Юг России, где принимал участие в Белом движении. Туда же в октябре 1918 г. оправился генерал Сербинович. Здесь он вступил в ряды армии гетмана Скоропадского, а после воевал на Юге России в составе ВСЮР, позднее уехав в Сибирь к Колчаку.

Генерал Аничков возглавил группу из 20 монархистов подпольной организации Маркова 2-го, которая пыталась пробраться в конце июня 1918 г. к находившемуся в Екатеринбурге Николаю II[1]. Позднее он принял участие в Белом движении в составе Добровольческой армии и ВСЮР.

Там же на Украине оказались Винберг и Попов, эмигрировав позднее в Германию. Здесь Винберг занимался издательской деятельностью, в т.ч. популяризируя «Протоколы Сионских мудрецов»[2]. Попов (Шабельский-Борк) вместе ротмистром С.В. Таборицким организовали травлю бывших министров Временного правительства, особенно тех, кто, как они считали, были виновны в отречении Николая II. Так, Попов пытался в Берлине вызвать на дуэль А.И. Гучкова. Таборицкий же пошел дальше и поколотил бывшего военного министра Временного правительства зонтиком, случайно встретившись с ним в берлинской подземке[3]. Наиболее известным будет их участие в организации покушения 28 марта 1922 г. в Берлине на П.Н. Милюкова. Шабельский-Борк стрелял из двух пистолетов в Милюкова, ранив при этом 9 человек. Таборицкий застрелил В.Д. Набокова[4]. Шабельский-Борк немецким судом был при-

[1] *Корнеев А.* Рисковали ради Царской семьи, Царской России // Русский вестник. 2005. 28 мая.

[2] *Иванов А.А.* Улан Ее Величества полковник Федор Викторович Винберг // Верная гвардия. С. 34.

[3] *Иванов А.А.* «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб., 2018. С. 476–477.

[4] *Давыдов А.Ю.* Предыстория и развязка трагедии: террористический акт 28 марта 1922 года в Берлине // Россия XXI. 2014. № 4. С. 101–103; *Котельников К.Д.* Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Милюкова и убийство В.Д. Набокова: показания обвиняемого, монархиста П.Н. Шабельского // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 870–871; *Котельников К.Д.* Покушение в Берлине в 1922 г. на П. Н. Милюкова и убийство В. Д. Набокова. С. 873.

говорен к 12 годам тюрьмы, а Таборицкий к 14 годам. 1 марта 1927 г. их освободили по амнистии.

Впоследствии Шабельский-Борк участвовал в создании нацистских групп среди русских эмигрантов, став секретарем начальника Управления по делам русской эмиграции в Берлине генерала В.В. Бискупского. Также Попов был заместителем председателя Русского национального союза участников войны генерала А.В. Туркула, известного принятием идей национал-социализма. Здесь же работал Таборицкий. Уже после Второй мировой войны Шабельский-Борк благополучно эмигрировал в Аргентину.

В составе ВСЮР воевали Гескет и Лейхтенбергский. Там же на Юге России у белых служил де Боде. В эмиграции Н.Н. де Боде преподавал в школе РОВС в Белграде. Во время же Второй мировой войны он преподавал на пропагандистских курсах РОА в Дабендорфе. Позднее именно он лично готовил П. Таврина (П. Шило) к известному покушению на И.В. Сталина.

Характерна и судьба Заустинского (Заусцинского). Освобожденный в 1918 г., он стал участником Гражданской войны, позднее членом РОВС, а с началом войны с СССР вступил добровольцем в немецкую армию. Его деятельности по уничтожению партизан на Псковщине была посвящена специальная статья в оккупационной газете, где прославлялись «подвиги» бывшего ротмистра[1].

Если подвести итог последующих страниц биографий членов организации Пуришкевича, то становится очевидным, что они отличались не просто радикализмом осенью 1917 г., но и были готовы на все провозглашенные ими идеи, в т.ч. к террористическим акциям и убийствам большевиков. Просто ранее обстоятельства в Петрограде осенью 1917 г. сложились не в их пользу.

[1] За Родину. 1942. 20 декабря (Псков).

ПАРЛАМЕНТАРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ — ГЕРОИ КОММЕМОРАЦИИ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI В.

БЕСЕДИНА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА,
кандидат исторических наук,
доцент Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: e.besedina@spbu.ru

БУРКОВА ТАТЬЯНА ВАДИМОВНА,
кандидат исторических наук,
доцент Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: t.burkova@spbu.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме отражения истории Государственной думы и деятельности парламентариев Российской империи в различных формах коммеморации. Начало сохранению исторической памяти об этом аспекте политической истории России было положено (если не говорить о дореволюционном периоде) в последние десятилетия XX в., коммеморативные процессы не ослабевают и сегодня. По мнению авторов, современные коммеморативные практики, связанные с биографикой парламентариев дореволюционной России, можно разделить на две условные группы. Первая включает в себя памятные знаки, маркирующие уникальные места памяти, вторая объединяет те средства коммеморации, которые формируют общее представление о парламентской и земской деятельности в России начала прошлого столетия. В статье сделан вывод о том, что в отечественном коммеморативном дискурсе значительное место принадлежит представителям либерального движения. Можно говорить уже о создании коммеморативных комплексов в честь некоторых из них. Коммеморативные практики, посвященные парламентариям дореволюционной России, находят достойное место в общем культурно-историческом наследии страны, позволяют открыть новые страницы местной истории, ввести в официальный дискурс забытые имена.

Ключевые слова: историческая память, коммеморация, коммеморативные практики, Государственная дума Российской империи, парламентарии, история местного самоуправления, культурно-историческое наследие.

В современной историографии отечественного парламентаризма становится все более актуальной проблема анализа и систематизации опыта, накопленного по сохранению памяти о дореволюционных парламентариях.

Во многом это обусловлено новой концепцией работы с историческим прошлым страны в целом. Следует согласиться с И.И. Куриллой, утверждающим, что «российское руководство поставило перед собой

цель создания единой символической системы для всей России, что означало также и стремление оформить более сложную структуру этой системы, включение в нее условно „дореволюционных“, советских и постсоветских символов»[1]. В политике памяти последних десятилетий четко видны изменения, отличающие ее от политики памяти последнего десятилетия XX в. По мнению К.А. Пахалюка, с укреплением федеральной власти и формированием идеологии государственного патриотизма с начала 2000-х гг. власть отказалась от попыток «противопоставить имперское или советское прошлое или же объявить последнее неприемлемым»[2]. Ныне мы наблюдаем переход российских властей к политике памяти, направленной на развитие патриотического дискурса с идеалом служения Отечеству, что делает еще более востребованными к изучению и мемориализации фигуры многих депутатов I–IV Государственной думы дореволюционного периода, членов Государственного совета, представителей органов местного самоуправления, деятельность которых заслужила уважение современников, стала образцом жизни во имя интересов России.

Одной из наиболее распространенных форм коммеморации, с помощью которой в обществе сохраняется и передается новым поколениям память об исторических событиях и людях, оставивших свой след в прошлом, стали в XX в. мемориальные доски[3]. Вместе с тем в современной России память о депутатах Государственной думы Российской империи закрепляется и с помощью других коммеморативных практик. Прежде всего, речь идет о сохранении мест погребения и установке памятных знаков, посвященных последним годам жизни героев. Кроме того, история российского парламентаризма в локальном аспекте находит воплощение в коллекциях краеведческих музеев и музеев, в том числе виртуальных, посвященных истории региональных представительных органов, избирательного права. Формированию общего представления о парламентской и земской деятельности в России начала XX в. также способствует открытие монументальных памятников, проводимые научно-популярные мероприятия (конференции, презентации изданий).

Памятные знаки, будь то мемориальные доски или надгробные памятники, маркируют уникальные места памяти, самым непосредственным образом связанные с именами исторических деятелей.

Так, до наших дней сохранилось место упокоения одного из видных деятелей I Государственной думы, представителя кадетской партии М.Я. Герценштейна (1859–1906). 19 июля 1906 г. дружинники Союза русского народа застрелили его на глазах жены и детей в Териоках (ныне —

[1] *Курилла И.И.* Сталинград по праздникам: неустойчивый хронотоп постсоветского общества // Волгоградский исторический семинар. 2014. № 5. С. 9–10.

[2] *Пахалюк К.А.* Дискурсивные основания юбилейной коммеморации Первой мировой войны в современной России // PolitBook. 2016. № 4. С. 111.

[3] *Беседина Е.А., Буркова Т.В.* «…был депутатом Государственной думы»: мемориальные доски как знаки коммеморации о деятельности российских парламентариев начала XX века // Таврические чтения 2015. СПб., 2016. С. 67–76.

Зеленогорск). М.Я. Герценштейн был похоронен на православном кладбище близ Териок. Памятник на его могиле заметен: высокая стела из серого камня, на которой размещен мраморный медальон с горельефом женщины, придерживающей голову мертвого мужчины. М.Я. Герценштейн был сторонником финляндской автономии, пользовался популярностью в Великом Княжестве, а потому его убийство и последовавший за ним судебный процесс вызвали здесь большой общественный резонанс[1]. Через несколько лет на берегу Финского залива, на месте убийства, был сооружен памятный знак. Сегодня же, по словам В.В. Ведерникова, «неухоженное надгробие на Териокском (ныне Зеленогорском) кладбище, памятный знак на берегу залива, когда-то напоминавший о месте гибели депутата, а теперь безымянный, окруженный бытовым мусором, стоят немым укором российскому общественному движению…»[2].

В 2003 г. усилиями псковских краеведов и либеральной общественности была частично восстановлена могила графа П.А. Гейдена (1840–1907), депутата I Государственной думы, одного из основателей «Союза 17 октября», а позже Партии мирного обновления. Он был предан земле в своем имении Глубокое Опочецкого уезда Псковской губернии. После революции 1917 г. началось разрушение усадьбы, а в 1930-х гг. была закрыта и разорена Церковь Казанской Божьей Матери, в склепе которой покоился прах П.А. Гейдена. Ныне надгробная плита лежит снаружи, у северной стены разрушенной церкви[3].

Память еще об одном «перводумце», товарище председателя Государственной думы, члене ЦК кадетской партии П.Д. Долгорукове сохранена в г. Владимире. На Князь-Владимирском кладбище в 2012 г. был установлен памятный знак князю Петру Дмитриевичу Долгорукову (1866–1951) и другим жертвам политических репрессий, умершим во владимирском Централе[4]. С владимирской землей были связаны последние десятилетия жизни и В.В. Шульгина (1878–1976). Памятный камень установлен в 2016 г. на месте бывшего дома инвалидов в г. Гороховце, в котором в течение 2 лет проживал бывший депутат трех дореволюционных Государственных дум. Увековечение памяти человека, принявшего отречение Николая II от престола, как сообщали местные СМИ, связано с 40-ле-

[1] См. об этом подробн.: Жизнь и гибель Михаила Герценштейна: Публицистика, письма, воспоминания современников / Сост. В.В. Ведерников. СПб., 2017.

[2] *Ведерников В.В.* Рец.: *Витухновская-Кауппала М.А.* Финский суд vs «черная сотня»: расследование убийства Михаила Герценштейна и суд над его убийцами (1906–1909). СПб., 2015. 220 с., илл. // Историческая экспертиза. 2015. № 1. С. 48–49.

[3] *Селиверстов Ю.* Глубокое падение. Судьба утраченного наследия князей Дондуковых-Корсаковых и графа П.А. Гейдена идеально трагически отражает ход всей русской истории за двести последних лет. 27 октября 2010 // Псковская губернія он-лайн [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://gubernia.pskovregion.org/number_513/06.php

[4] Закладка мемориального камня князю Петру Дмитриевичу Долгорукову и другим жертвам политических репрессий на Князь-Владимирском кладбище 30.04.2012 // Фонд «Русское либеральное наследие» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.rusliberal.ru/28_04_12.php/

тием его смерти и 60-летием начала проживания во Владимирской области[1]. Известно, что В.В. Шульгин с 1944-го по 1956 г. находился в заключении. После освобождения он жил в инвалидном доме Гороховца (здание не сохранилось), а в марте 1958 г. супруги Шульгины переехали во Владимир. В 2008 г. на фасаде дома, в котором с 1960 г. до конца своих дней жил этот человек, ставший знаковой фигурой отечественной истории XX в., была открыта мемориальная доска[2].

Примером воссозданного в наше время коммеморативного знака может служить памятник-обелиск, посвященный депутату III Государственной думы В.С. Соколову (1846–1912) и установленный в 1915 г. на 9-м километре дороги Кострома–Красное[3].

В начале XXI в. в коммеморативной практике стали появляться и более значительные, монументальные памятные знаки в честь российских парламентариев.

Пример такого рода дает Республика Чувашия, где в с. Убеево Красноармейского района в 2014 г. была установлена бронзовая статуя уроженца села Якова Абрамовича Абрамова (1873–1934), трудовика, депутата I Государственной думы. В своей недолгой политической деятельности он отстаивал идеи национального равноправия, боролся за расширение сферы использования чувашского языка. После разгона Госдумы Абрамов вернулся к крестьянскому хозяйству, с 1907 г. работал в Ядринском земстве, а затем, до конца жизни, — в кооперативных учреждениях. «Я попытался создать образ народного депутата. Открытого, с чистым взглядом, — отмечал автор памятника скульптор П. Пупин. — Мне кажется, избранный народом человек, неважно, из крестьян он или из олигархов, всегда должен думать о людях»[4]. На церемонию открытия памятника прибыла солидная делегация народных избранников из Госдумы России и Госсовета Чувашии. Таким образом парламентарии отдали дань памяти своему дореволюционному предшественнику, а сам памятник может восприниматься как символ легитимации их деятельности.

---

[1] *Репников А.* Им восхищались и его проклинали. 08.12.2016 // Столетие: Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/im_voskhishhalis_i_jego_proklinali_311.htm

[2] *Бубнов С.Н.* Памятники Владимира: Иллюстрированный справочник. 3-е изд., доп. Владимир, 2008. С. 124–125.

[3] См. об этом подробн.: *Беседина Е.А., Буркова Т.В.* «…был депутатом Государственной думы»: мемориальные доски как знаки коммеморации о деятельности российских парламентариев начала XX века // Таврические чтения 2015. СПб., 2016. С. 67–76; Василий Семенович Соколов // Фонд «Русское либеральное наследие» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.rusliberal.ru/02_10_04.php; *Сизинцева Л.И.* Памятник Василию Семеновичу Соколову // Наше либеральное наследие. М., 2004. Вып. 1. С. 368–373.

[4] *Шитлаева З., Васильева Н.* Сразу несколько памятников открыли в Чувашии в октябре методом ниме. 23 октября 2014 г. // Советская Чувашия [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://sovch.chuvashia.com/?p=122475

В 2010 г. в Орле был открыт памятник председателю I Государственной думы России Сергею Андреевичу Муромцеву (1850–1910). Областной Совет народных депутатов принял решение установить памятник к 160-летию со дня его рождения. Нужно отметить, что открытие бюста вызвало неоднозначную реакцию краеведов[1]. Дело не в самой фигуре председателя Государственной думы, а в его «причислении» к орловскому землячеству. Ведь по сути биография Муромцева не имела никакого отношения к Орлу, за исключением того факта, что его отец в 1858 г. купил имение Лазавку, расположенное на территории нынешнего Новодеревеньковского района Орловской области. Региональным властям и общественности удалось в некотором смысле «приватизировать» память о С.А. Муромцеве, внеся свою лепту в создание мифологии «малой родины». Вместе с тем ежегодные Муромцевские чтения, проводящиеся с 2009 г. в Орловском государственном университете, стали авторитетной творческой площадкой для осмысления истории российского либерализма.

Как видно из приведенных примеров, в отечественном коммеморативном дискурсе значительное место занимают представители либерального движения. В отношении сохранения памяти о некоторых из них можно уже говорить о создании коммеморативного комплекса. Таким образцом в социокультурном и политическом дискурсе современной России служит увековечение памяти Г.Е. Львова (1861–1925)[2]. Инициаторами создания «Львовского проекта» стали общественность и муниципальные власти г. Алексина Тульской области, поскольку значительная часть жизни и деятельности будущего депутата Государственной думы и главы Временного правительства была связана с этим краем. Под Алексиным располагалось родовое имение Львовых Поповка, здесь начиналась его карьера земского деятеля. В 2001 г. в с. Поповка был установлен памятный знак в честь Г.Е. Львова[3]. Внешне похожий на кенотаф, он может быть отнесен к типу своеобразной «наивной коммеморации», бесхитростность которого подчеркивает не только ограниченность бюджета, но и искренность намерений инициаторов. В 2003 г. памятник князю Львову работы И.Ю. Соснера открылся и в самом Алексине[4].

[1] *Шмелев И.* Орла уже нет в списках президента // Красная строка. 2016. 13 мая.

[2] См. об этом подробн.: *Беседина Е.А.*, *Буркова Т.В.* «…был депутатом Государственной Думы»: мемориальные доски как знаки коммеморации о деятельности российских парламентариев начала XX века // Таврические чтения 2015. СПб., 2016. С. 67–76; *Фролова Л.П.* Возвращение имени. Князь Георгий Евгеньевич Львов в Тульском и общероссийском земском движении в конце XIX — начале XX вв. // Тульский краеведческий альманах. Избранное. Тула, 2011. С. 254.

[3] Об установке на территории Поповского сельского округа муниципального образования «город Алексин и Алексинский район Тульской области Российской Федерации» мемориального Знака в честь 140-летия первого демократического премьер-министра России князя Г.Е. Львова: Решение Алексинской думы от 28.03.2001 № 1 (22).39 // Алексинские вести. 2001. 14 апреля.

[4] Открыт памятник Георгию Львову // Алексинские вести. 2003. 30 мая.

Подготовка празднования 100-летия российского парламентаризма способствовала оживлению коммеморативной деятельности. В 2006 г. в Музее политической истории России (Санкт-Петербург) в рамках юбилейной конференции открылась выставка «Государственная дума. Исторические параллели», которая позже стала частью основной экспозиции музея и действовала до 2018 г. Она была посвящена истории созыва и деятельности Государственных дум Российской империи и Российской Федерации, что обусловило ее хронологические рамки — 1904–1907 гг. и 1985–1995 гг. Выставка напоминала о политических событиях, приведших к рождению российского парламентаризма, разработке выборного законодательства и практике его применения в ходе выборов в 1906 и 1993 гг. Эти темы раскрывали около 400 документов, фотографий, сатирических открыток, вещественных экспонатов, произведений живописи и графики. Среди раритетов демонстрировались колокольчик председателя Государственной думы из зала заседаний в Таврическом дворце, знаменитая картина В. Полякова, изображавшая императорский прием, устроенный депутатам I Думы в Зимнем дворце, личные вещи и анкеты думцев, памятная медаль «1-й русский парламент — Государственная дума» 1906 г., портрет С.А. Муромцева. Особое внимание зрителей привлекала реконструкция трибуны думского оратора в Таврическом дворце[1].

Не менее содержательной стала и юбилейная выставка, организованная в Государственном центральном музее современной истории России (Москва). Основу экспозиции составили редчайшие фотографии, книги, художественные полотна, уникальные документальные портретные открытки, автографы и письма из коллекции музея[2].

В том же 2006 г. в Петербурге в Таврическом дворце открылся Музей истории парламентаризма. Экспозиция состоит из нескольких выставок. Центральная из них — «Первый день Государственной думы (27 апреля 1906)» — позволяет подробно ознакомиться с началом работы российского парламента, почувствовать атмосферу политической борьбы начала XX в. Экспонаты выставки «В думе» дают представление о повседневной работе парламентариев, а также всей инфраструктуре, которая обеспечивала эффективное функционирование парламента Российской империи. Выставки «Думский зал Таврического дворца», «Таврический дворец в 1917 г.» рассказывают о том, как менялся облик зала думских заседаний, каким был Таврический дворец в тревожные дни февраля–марта революционного года. «Реальная» экспозиция дополняется виртуальными выставками

[1] Государственная дума. Исторические параллели. // Музей политической истории России [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.polithistory.ru/visit_us/view.php?id=736

[2] Портреты депутатов Государственной думы Российской империи 1906–1917 гг. // Музеи России. Новости музеев [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.museum.ru/N26292

«Тема Государственной думы на страницах газет и журналов», «Таврический дворец и события 1917 г.»[1].

Столетие отечественного парламентаризма было отмечено и в регионах. В 2005–2006 гг. в Саратовском областном музее краеведения открылась выставка, посвященная истории становления избирательного процесса в стране и регионе от земской и городской реформ Александра II до выборов 1990–2000-х гг., в том числе организации выборов в первый российский парламент в Саратовской губернии, которые проходили при руководстве ею П.А. Столыпиным, и материалам о взаимодействии Государственной думы и Столыпина как председателя Совета министров[2]. Экспозиция Орловского областного краеведческого музея содержит сведения о депутатах, представлявших Орловщину в дореволюционном парламенте. В целом на региональном уровне наблюдается оживление коммеморативной деятельности в контексте «выстраивания» единой линии истории центральных и местных представительных органов власти от реформ местного управления Екатерины II до сегодняшнего дня (например, выставка «216 лет демократии в Екатеринбурге» (2003)[3], выставка, посвященная истории избирательного права (г. Шелехов Иркутской обл., 2007)[4]).

Часто соответствующие музеи создаются под эгидой региональных парламентов (музей истории парламента Республики Башкортостан[5], музей представительной и законодательной власти Нижегородской области[6], музей истории представительных органов власти Удмуртской Республики[7],

---

[1] Межпарламентская ассамблея государств — участников Содружества независимых государств. Центр истории парламентаризма [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://parlament-history.ru/exhibitions/

[2] Из истории выборов. К 100-летию парламентаризма в России. Саратовская область // Музеи России. Новости музеев [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.museum.ru/N20994

[3] 216 лет демократии в Екатеринбурге. Свердловская область // Музеи России. Новости музеев [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.museum.ru/N20994

[4] Выставка по истории избирательного права. 6 февраля 2007 г. // Шелеховский район — территория развития [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.sheladm.ru/news/763.html

[5] О музее истории парламента Республики Башкортостан // Государственное Собрание — Курултай Республики Башкортостан. Официальный информационный портал [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://gsrb.ru/ru/about/museum/about-museum/

[6] Музей представительной и законодательной власти Нижегородской области открылся в ЗС НО 26 марта 2009 г. // НИА Нижний Новгород [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.niann.ru/?id=347730

[7] Музей истории представительных органов власти Удмуртской Республики // Государственный Совет Удмуртской республики [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://cm.udmgossovet.ru/o_gossovete_ur/muzej/

музей истории парламентаризма Челябинской области[1], музейная экспозиция «История Рязанского земства»[2]).

Воронежская область дает пример существования музеев избирательного права в средних учебных заведениях[3]. Прямо скажем, вряд ли такие музеи имеют ценность с точки зрения мемориализации, но, вероятно, их создатели считают, что просветительская деятельность в них будет идти успешно.

В ноябре 2011 г. в Архангельске открылся единственный в своем роде музей нарушений избирательного права[4]. Его коллекция, в формировании которой принимают активное участие простые граждане, отражает прежде всего перипетии современного избирательного процесса.

Современные музейные технологии получили воплощение в Интернет-музее «Музей истории Самарского края и муниципальных образований в Самарской области», материалы которого рассказывают об основных направлениях деятельности муниципальных образований в современных условиях, а также исторических вехах в становлении и развитии представительных органов власти разных уровней[5].

Таким образом, в наши дни федеральная власть осуществляет переход к политике памяти, направленной на развитие патриотического дискурса с идеалом служения Отечеству. Коммеморативные практики, посвященные думцам дореволюционной России, находят достойное место в общем культурно-историческом наследии страны, позволяют вспомнить новые страницы местной истории и основательно забытые имена. Большую роль в этом процессе играют инициативы политических и общественных организаций, поддержанные местными органами власти. В то же время существует опасность, что проводимая сегодня работа по реализации политики памяти в контексте истории представительных органов власти, отличающаяся значительной интенсивностью, может «скатиться» до уровня очередной кампанейщины.

---

[1] Открылся музей Законодательного Собрания Челябинской области. 04.06.2014 // Государственный исторический музей Южного Урала [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.chelmuseum.ru/news/otkrylsya-muzej-zakonodatelnogo-sobraniya-chelyabinskoj-oblasti/

[2] Парламентаризм в Рязанской области: история и современность. // Рязанская областная дума. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://rznoblduma.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1024&Itemid=124

[3] В воронежской школе выставили для обозрения избирательные урны и пломбы от них. 25 апреля 2013 г. // РИА Воронеж [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://riavrn.ru/news/v-voronezhskoy-shkole-vystavili-dlya-obozreniya-izbiratelnye-urny-i-plomby-ot-nikh/

[4] В России открылся Музей нарушений избирательного права. 24 ноября 2011 г. // РОСБАЛТ [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.rosbalt.ru/russia/2011/11/24/916495.html

[5] Музей истории Самарского края и муниципальных образований в Самарской области [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://museum.samgd.ru/

ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: ОТ ВЫБОРОВ ДО РОСПУСКА

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

КАЛАШНИКОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЯНОВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: vvk2@mail.ru

Аннотация: В статье проведен анализ трех наиболее важных работ, написанных в разное время российскими историками прошлого века; показана роль той ретроспективы, в контексте которой они трактовали историю созыва и роспуска Учредительного собрания.

Ключевые слова: революция в России 1917 года, Учредительное собрание, Конституанта, М.В. Вишняк, О.Н. Знаменский, Л.Г. Протасов.

1. Концепция М. Вишняка

Самый крупный труд по истории Учредительного собрания (Конституанты), написанный вне рамок советской историографии, принадлежит М.В. Вишняку, эсеру, бывшему члену Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, секретарю Учредительного собрания. Его книга вышла в 1932 г. в Париже под названием «Всероссийское Учредительное собрание»[1], а в 2010 г. была переиздана в издательстве «РОССПЭН»[2].

Интерпретация истории Учредительного собрания, предложенная М.В. Вишняком, определялась его общей концепцией истории Русской революции. Вишняк позитивно оценил Февраль и негативно Октябрь, обвинив большевиков в стремлении реализовать утопию диктаторскими

[1] *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932.

[2] *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание. М., 2010. Далее все сноски даны по этому изданию.

методами. Роспуск Учредительного собрания автор трактовал как свидетельство неоправданного поражения, «срыва» Русской революции и причину последующей гражданской войны.

Проблема «запоздания». Возлагая непосредственную вину за роспуск Учредительного собрания на большевиков, Вишняк признал, что эта акция стала возможной из-за «непростительного» затягивания сроков его созыва: «запоздание с выборами в Учредительное Собрание признается *единодушно одной из главных причин* срыва русской революции»[1].

Вишняк отметил, что ряд социалистов (в частности, В.М. Чернов) обвиняли в этом кадетов[2], которые определяли позицию Временного правительства весной–осенью 1917 г. Обвинение имеет серьезные основания. Как известно, Временное правительство, созданное 3 марта с целью безотлагательного созыва Конституанты, только 30 марта опубликовало положение об Особом совещании по подготовке проекта закона о выборах, и только 25 мая это Совещание начало работу. Совещание неспешно готовило Положение о выборах. Правительство еще более неспешно утверждало его по частям: статьи 1–54 были утверждены 20 июля; статьи 55–206 — 11 сентября, статьи 207–258 — 23 сентября. Инструкции к выборам от армии и флота — 2 октября, в казачьих частях — 10 октября.

Несмотря на эти факты, которые Вишняк сам же и подтвердил[3], он утверждал, что «с первых же дней революции правительство *деятельно* работало над созданием организационных и технических предпосылок для выборов в Учредительное собрание»[4]. Задержку с выборами автор объяснил объективными трудностями (протяженность страны, редкая населенность, плохие пути сообщения, низкая грамотность и т.п.)[5]. Субъективные просчеты со стороны Временного правительства он видел лишь в стремлении сделать все максимально правильно, признав наивность «неискушенной веры в необходимость и в возможность безболезненного перехода к новому строю с общего согласия и с соблюдением всех требований справедливости»[6].

Тем не менее, Вишняк не мог полностью обойти то обстоятельство, что кадеты намеренно тормозили созыв Конституанты и порой делал такие оценки: «выборы возбуждали в них тревогу и опасение, и, потому, именно из этих кругов исходили все предложения о назначении выборов на более отдаленные сроки в *интересах большей правильности и безупречности*»[7].

Не желая прямо обвинить кадетов в затягивании созыва Конституанты не только по соображениям «правильности», Вишняк тем более не обвинял в этом умеренных социалистов. Впрочем, он признал, что «в первые ме-

[1] *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание. М., 2010. С. 155. Все выделения в тексте, за исключением особо оговоренных, сделаны автором статьи.

[2] Год русской революции. М., 1918. С. 51.

[3] *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание. С. 156, 158, 171.

[4] Там же. С. 156.

[5] Там же. С. 152.

[6] Там же. С. 152.

[7] *Вишняк М.В.* Указ. соч. С. 158–159.

сяцы революции социалистическая и советская демократия недооценивала значения скорейшего созыва Учредительного собрания»[1], но подчеркнул, что уже накануне июньской демонстрации социалисты побудили правительство назначить выборы на сентябрь с тем, чтобы ослабить критику со стороны большевиков. Рассказав о том, как кадеты добились переноса выборов на ноябрь, автор объяснил этот сюжет в прежнем ключе: кадеты стремились все сделать правильно, и социалисты с этим соглашались. Таким образом, лейтмотивом в трактовке Вишняком истории созыва Конституанты стал тезис о том, что кадеты и правые социалисты, стремясь подготовить выборы как можно лучше, упустили время и дали большевикам возможность захватить власть и разогнать Учредительное собрание.

По нашему мнению, эта трактовка не объясняет реальных мотивов, которыми руководствовались кадеты: они затягивали созыв Учредительного собрания потому, что изначально предвидели неблагоприятный для себя исход всеобщих и равных выборов и реальную опасность радикального решения Конституантой вопросов о земле и мире. Трактовка, предложенная Вишняком, не объясняет и реальных мотивов поведения правых социалистов, которые боялись разорвать коалицию с кадетами и шли им на уступки по всем вопросам.

Итоги выборов. Вишняк скупо рассказал о том, как проходили выборы, зафиксировав победу эсеров и поражение большевиков. В то же время он в обширной сноске[2] изложил анализ результатов голосования, проведенный В.И. Лениным в статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (декабрь 1919). Ленин отметил высокий процент, полученный большевиками в Питере и Москве, среди рабочего класса в целом, на фронтах и в губерниях, расположенных вблизи столиц[3].

Эти итоги говорили о том, что большевиков на выборах поддержали самые организованные и наиболее грамотные слои простого народа, которые обладали информацией о реальных действиях политических партий весной–осенью 1917 г. Ленин выразил эту ситуацию фразой «город не может быть равен деревне», имея в виду разную степень осознанности выбора, который сделали трудящиеся в крупных городах и в глубокой провинции. Вишняк отверг позицию Ленина, но не возразил по существу[4]. Иными словами, он уклонился от анализа ключевого вопроса: каковы были реальные *политические* результаты выборов? Для него главным был *формальный* итог. Однако этот формальный итог не мог объяснить дальнейшие события.

Почему народ не защитил Учредительное Собрание? Подробно описав единственный день работы Конституанты и ее роспуск, Вишняк признал, что народ не оказал «серьезного сопротивления большевистскому захвату» власти и «стихийно-действенной поддержки» Учредительному собранию. Он объяснил это тем, что народ просто не хотел участвовать

[1] *Вишняк М.В.* Указ. соч. С. 158.
[2] Там же. С. 179–180.
[3] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 40. С. 1–24.
[4] *Вишняк М.В.* Указ. соч. С. 178–181.

в гражданской войне: «народ этой войны упорно не принимал … или принимал ее, как исключение, только в редкие моменты и на недолгий срок»[1]. При этом автор обошел вопрос о том, какие реальные интересы могли побудить рабочих и крестьян к выступлению против Советской власти. II Всероссийский съезд Советов, взяв власть, сразу принял Декреты о мире и земле, т.е. сделал то, что правительственная коалиция кадетов и правых социалистов не делала восемь месяцев после Февральской революции. Эта ситуация и определила отношение народа к роспуску большевиками Конституанты, которая отказалась признать власть Советов и декреты II съезда.

Уроки гражданской войны. Вишняк представил разгон Учредительного собрания основной причиной начавшейся гражданской войны и объявил большевиков ее виновниками и «инициаторами». В то же время он показал, что главную роль в развязывании этой войны в центре страны сыграли эсеры, создавшие летом 1918 г. в Самаре Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) при опоре на штыки чехословацкого корпуса. И эта ситуация серьезно подрывает тезис о большевиках как виновниках гражданской войны. И действительно, акция большевиков, прервавших работу Конституанты, была насильственной, но в целом носила политический характер и сама по себе не вызвала массового вооруженного сопротивления. (Локальные боевые действия в январе 1918 г. в казачьих регионах не были связаны с разгоном Учредительного собрания. Их причины обусловлены противостоянием казаков и крестьян в аграрном вопросе, по-особому стоявшему в казачьих регионах). Зимой–весной 1918 г. эсеры вполне могли выбрать политические средства борьбы с большевиками за влияние в Советах, поскольку они и меньшевики не были запрещены как политические партии. Однако правые эсеры сделали ставку на вооруженную борьбу с большевиками. Первый фронт гражданской войны сложился летом 1918 г. именно в связи с созданием Комуча и его «Народной армии».

Автор признал, что Комуч не получил массовой поддержки со стороны рабочих и крестьян, но уклонился от подробного анализа причин такого отношения. Он сделал акцент на поведении сил, стоявших правее эсеров, показав, что они предприняли все возможное, чтобы заменить Комуч и уфимскую Директорию военной диктатурой Колчака[2]. Иными словами, в трактовке Вишняка эсеры проиграли не потому, что не получили поддержки «низов», а потому, что против них выступили «верхи» старой России. Очевидно, что это, по меньшей мере, одностороннее объяснение. Однако оно важно в том плане, что позволяет прояснить позицию буржуазных партий. Вишняк убедительно показал, что эти партии выступили против возобновления работы Собрания, в котором доминировали социалисты. Такая позиция буржуазных партий раскрывает их изначальное отрицательное отношение к идее созыва Конституанты на основе всеобщих и равных выборов.

[1] *Вишняк М.В.* Указ. соч. С. 209, 220.
[2] Там же. С. 257–270.

Ретроспектива. Вишняк писал свою книгу в период, когда позитивный потенциал советского строя был скрыт трудностями перехода к социализму в отсталой стране. Начало 1930-х гг. стало эпохой форсированной индустриализации и насильственной коллективизации, высокая цена которых дополняла потери эпохи гражданской войны. На таком фоне Вишняк видел в Октябрьской революции только катастрофу, которая закрыла путь компромиссов с буржуазией, предлагавшийся правыми эсерами. Вишняк остался на этой позиции до своей смерти[1], за что уже в годы Второй мировой войны его критиковал П.Н. Милюков. На фоне разгрома фашистских войск под Сталинградом лидер кадетов писал: «когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней». Милюков упрекал Вишняка в том, что «за разрушительной стороной русской революции» тот не увидел «ее творческих достижений»[2].

2. Советская историография

В советской историографии наиболее крупной работой по истории Учредительного собрания стала монография ленинградского историка О.Н. Знаменского[3]. Он также рассматривал проблему Конституанты в контексте общей концепции революционного 1917 г., но в отличие от М. Вишняка исходил из признания необходимости социалистической революции в России как способа решения коренных проблем, стоявших перед страной в начале XX века.

Стратегическая цель. Автор опирался на ленинский тезис о том, что вопрос об Учредительном собрании был подчинен задачам борьбы пролетариата за победу пролетарской революции[4]. При этом подразумевалось, что классовые интересы пролетариата совпадали с общенациональными интересами России[5]. Важным для понимания позиции большевиков автор считал ленинское учение о сломе буржуазного государства и замене его государством-коммуной в форме Советов. Знаменский полагал, что после VII Апрельской конференции РСДРП(б) «политическая агитация партии строилась с расчетом на *подведение* широких масс к выводу: необходимо бороться за переход всей власти в руки Советов, а муниципалитеты или Учредительное собрание — один из *возможных, но вовсе не обязательных* этапов на пути к главной цели — республике Советов»[6].

Кадеты и социалисты. Анализируя позиции других партий, Знаменский приводит свидетельства того, что кадеты уже с весны всерьез опасались, что в Учредительном собрании возобладают социалисты, что со-

[1] *Вишняк М.В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 405.

[2] *Милюков П.Н.* Правда большевизма // Русский патриот. 1944. 11 ноября.

[3] *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976.

[4] Там же. С. 4.

[5] М. Вишняк категорически выступал против этого тезиса в работе «Два пути: Февраль и Октябрь» (*Вишняк М.В.* Два пути: Февраль и Октябрь. Париж, 1931. С. 267–268).

[6] *Знаменский О.Н.* Указ. соч. С. 39, 43.

зыв Учредительного собрания не укрепит «государственность», а усилит «анархию»[1]. Он упоминает о признаниях кадета В.Д. Набокова, назначенного на должность управляющего делами Временного правительства. Набоков прямо говорил, что министры усматривали в созыве Учредительного собрания «самый огромный риск», «несомненное начало анархии»[2]. Знаменский показывает, что кадеты сознательно тормозили созыв Конституанты, несмотря на давление эсеров и меньшевиков. Ставя вопрос о том, почему политически более сильные эсеры уступили кадетам в этом вопросе, автор отвечает на него указанием на переход эсеров на позиции меньшевиков, не готовых выходить за рамки буржуазной революции. Эта позиция диктовала политику соглашательства с кадетами[3].

Итоги выборов. Знаменский подробно анализирует итоги выборов, привлекая материалы других советских историков (Е.Н. Городецкого, Л.М. Спирина и П.А. Голуба[4]). Если его предшественники в основном располагали сведениями по 65 округам, то Знаменский использовал данные по 68 округам. Тем не менее, он признает, что данные, собранные советскими историками, принципиально не меняли той картины, которая была представлена эсером Н.В. Святицким в 1918 г.[5] и использована Лениным в упоминавшейся статье 1919 года.

Знаменский следовал в русле ленинского анализа и показал, что большевики повели за собой рабочий класс, а также большинство солдат и крестьян территорий, примыкавших к обеим столицам. Такая поддержка обеспечила большевикам решающий политический и военный перевес в ситуации, когда эсеровское большинство Учредительного собрания отказалось признать декреты II Всероссийского съезда Советов.

Автор подчеркнул тот факт, что выборы дали победу социалистическим партиям. Он отметил, что не только рабочие, но и крестьяне голосовали за социалистическую программу, выступив против частной собственности на землю. На этом фоне Знаменский показал отношение к итогам выборов со стороны кадетского ЦК: «Учредительное собрание, председателем которого может быть, на выбор, Спиридонова или, в лучшем случае, Чернов, — не Учредительное собрание»[6]. Эта реакция — еще одно доказательство изначального негативного отношения кадетов к Конституанте, созываемой на основе всеобщего и равного избирательного права.

Кворум. Говоря о роспуске, Знаменский отметил важный момент, о котором умолчал Вишняк. Речь идет о том, что уже после ухода фракции большевиков Учредительное собрание потеряло кворум, а после ухода левых эсеров в зале осталось немногим более 200 из 410 депута-

[1] *Знаменский О.Н.* Указ. соч. С. 56, 60.

[2] Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. I. С. 72.

[3] *Знаменский О.Н.* Указ. соч. С. 171.

[4] См.: *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968; *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства. М., 1965; *Голуб П.А.* Партия, армия и революция. М., 1967.

[5] *Святицкий Н.В.* Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание. М., 1918.

[6] *Кроль Л.А.* За три года. Владивосток, 1922. С. 12.

тов, которые по подсчетам автора присутствовали в начале заседания. Отметим, что по подсчетам историков в Учредительное собрание были избраны не менее 715 депутатов[1]. Понятно, что тот усеченный состав, который остался в стенах Таврического дворца, не мог от имени всего народа решать ключевые вопросы будущего страны.

Историографическая позиция. Знаменский закрепил все основные идеи, доминировавшие в советской историографии Конституанты: 1) народ голосовал за социалистический выбор, понимая его как устранение прав имущего меньшинства эксплуатировать труд неимущего большинства; 2) самые организованные и сознательные слои трудящихся голосовали за большевиков как партию, которая была готова вести страну по пути строительства социализма; 3) формальные итоги выборов не совпадали с реальной волей масс: правые эсеры, получившие большинство, стремились ограничить революцию буржуазными рамками; 4) интересы социалистической революции стояли выше формальной демократии; 5) социалистическая революция отвечала национальными интересами России: открывала путь ускоренного социально-экономического развития страны и преодоления опасного отставания от ведущих мировых держав[2].

Позиция Знаменского была вполне естественной на фоне динамичного развития СССР в послевоенный период, когда страна превратилась в одну из двух мировых сверхдержав, демонстрируя успехи в развитии экономики, науки, образования, культуры. Победа над фашизмом и результаты послевоенного развития показывали потенциал социалистической системы и верность курса, избранного в октябре 1917 г.

3. Постсоветская историография. Л.Г. Протасов

Распад СССР и уход России с социалистического пути на рубеже 1990-х гг. был воспринят рядом российских историков как свидетельство ошибочности стратегического курса, который был избран партией большевиков в октябре 1917 г. В этом контексте они стали трактовать и историю Учредительного собрания.

В постсоветской историографии самым крупным монографическим исследованием стала книга Л.Г. Протасова «Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели» (М., 1997). Автор проделал большую работу по сбору и анализу статистического материала и более подробно, чем его предшественники, изложил историю выборов, особенно в провинции. Ему удалось установить с той или иной степенью достоверности голоса 48,4 миллиона избирателей из примерно 90 миллионов граждан, имевших право голоса, по 75 (из 81) избирательным округам[3].

[1] *Знаменский О.Н.* Указ. соч. С. 336, 338, 344.

[2] Отметим, что по ряду частных вопросов в трактовке истории Учредительного собрания в советской историографии шли острые дискуссии, в которых активно участвовал и О.Н. Знаменский. См. об этом: *Николаев А.Б.* История Учредительного собрания в трудах О.Н. Знаменского // Историк и революция. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Олега Николаевича Знаменского. СПб., 1999. С. 9–26.

[3] *Протасов Л.Г.* Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С. 162, 164.

«Тупиковый курс». Принципиальных изменений новые подсчеты Протасова не внесли, но в концептуальном плане он отошел от советской историографической традиции, поддержав во многом позицию Вишняка. Протасов говорил об «исторической тупиковости» курса на социалистическую революцию в России[1]. Роспуск Конституанты, по мнению автора, привел к гражданской войне и тоталитарной диктатуре. И автор склонен винить в этом именно большевиков[2]. Одностороннее возложение на большевиков ответственности за начало гражданской войны стало характерной чертой постсоветской историографии.

Итоги. Говоря об итогах выборов в Учредительное собрание, Протасов делает акцент на победе эсеров и поражении большевиков: «И с арифметической, и с *политической* точки зрения победа эсеров на выборах неоспорима». Однако далее автор приводит обширный материал, который противоречит этому выводу и показывает, что *политически* большевики победили эсеров, поскольку именно большевикам отдали свои голоса наиболее сознательные и информированные слои трудящихся. Протасов признает, что в городах «недавние кумиры масс», эсеры к моменту выборов «уже утеряли свой былой престиж» и «откатились на третью позицию, ощутимо проигрывая большевикам и кадетам»[3]. «Влияние большевиков, — пишет автор, — возрастало <…> в уездах, образуемых губернскими центрами, промышленными городами, в пригородных слободах, близ железных дорог — там, где индустриальная жизнь втягивала в свой ритм окрестное крестьянство, ломая его замкнутый хозяйственный быт и заскорузлую психологию»[4]. Казалось бы, за этим и должны последовать выводы о том, что большевики получили, а эсеры потеряли доверие самых организованных и политически грамотных слоев простого народа, но автор таких выводов не делает. Его вывод гласит: «исход выборов в Учредительное собрание показал, что подавляющее большинство граждан России не разделяло большевизма как доктрины и не одобряло его власть»[5]. Иными словами, Протасов, как и Вишняк, сделал акцент на формальные итоги голосования. Этот акцент у Протасова звучит еще менее убедительным, чем у Вишняка, поскольку автор на большом фактическом материале честно показал, что в сельской глубинке крестьяне не могли осознанно выбирать между большевиками и эсерами. Они плохо представляли себе разницу в программах этих партий и не знали о том, какую политику реально проводили правые эсеры в ходе революции. Знание о большевиках было более чем слабым: «Большевик — это тот, кто больше имеет», — говорили одни крестьяне. «Большевик — это трудовой народ, которого больше», — уверяли другие[6]. «О программах партий здесь (в деревне — В.К.) имели весьма смутное понятие»[7].

[1] *Протасов Л.Г.* Указ. соч. С. 317.
[2] Там же. С. 324.
[3] Там же. С. 165
[4] Там же. С. 230.
[5] Там же. С. 176.
[6] Там же. С. 237.
[7] Там же. С. 237.

Анализируя ситуацию в Тамбовской области, автор отмечает: «более чем в половине сельских избирательных участков свыше 90 % избирателей выбирали один список: в 830 случаях эсеровский, в 59 — большевистский. При этом в 46 участках голосование было абсолютно единогласным. <…> Складывается впечатление, что во многих селах имел место не индивидуальный, а коллективный выбор в виде решения сельского схода»[1].

На наш взгляд, победа эсеров в деревенской глубинке была во многом обусловлена простым, но действенным агитационным приемом: эсеры подчеркивали, что большевики уже по своему названию являются партией городских рабочих, в то время как себя они позиционировали как партию защиты интересов крестьян. Противостоять такой агитации большевики могли в городах и на фронте среди крестьян-солдат, уличая эсеров в соглашательстве с кадетами, т.е. в предательстве аграрных требований крестьян. В деревне у большевиков для этого не было сил и средств.

Однако судьбу революции решала не сельская глубинка, а рабочие и солдаты, среди которых эсеры не имели большинства. И в своей работе Протасов более подробно, чем его коллеги, показывает тот перевес, который большевики имели над эсерами среди рабочих и солдат. По подсчетам Протасова, по городскому населению в целом по стране большевики получили 34,3 %, кадеты — 19 %, эсеры — 16,2 %[2]. В армии большевики собрали 42,1 % голосов, тогда как эсеры — 37,2 %, меньшевики — 3,4 % , кадеты — 2,3 %[3]. Большевики победили на Балтфлоте (57,4 %), Северном (56 %) и Западном (67 %) фронтах, расположенных вблизи столиц[4]. Губернии Северо-Запада дали большевикам 42% голосов, Промышленный центр (Москва и 9 губерний вокруг нее) — 50 %, прифронтовые Минская и Витебская губернии — 59 %, а центрально-черноземные губернии — только 15 %, украинские — 10 %. Всего в деревне большевики получили 18,6 %, а эсеры 44 %, что и определило их общую победу по стране[5]. Решающее значение имела победа большевиков в обеих столицах: при явке около 70 % в Петрограде большевики получили 45 %, кадеты — 26 %, эсеры — 17 %; в Москве большевики получили 48 %, кадеты — 34 %, эсеры — 8 %, меньшевики — 2,8 %[6]. По нашему мнению, такие цифры говорят о *политической* победе большевиков в двух аспектах: на их стороне была реальная сила, обеспечившая победу в борьбе за власть; их программу поддержали самые грамотные и организованные слои простого народа. Справедливость такого вывода подтверждает и реакция страны на роспуск Конституанты: массы не встали на его защиту.

«Перехваченный» декрет. Поставив вопрос о том, почему власть Учредительного собрания «при всей ее легитимности оказалась беззащитной <…> перед явной ее узурпацией в свободной стране»[7], Протасов отмечает,

[1] *Протасов Л.Г.* Указ. соч. С. 235.
[2] Там же. С. 216.
[3] Там же. С. 249.
[4] Там же. С. 242, 243
[5] Там же. С. 174–175, 228.
[6] Там же. С. 208, 212.
[7] Там же. С. 7.

что большевики «изданием земельного декрета <…> перехватили у эсеров их главное оружие в борьбе за крестьян». При этом он упрекает большевиков в безнравственности. Вот характерный фрагмент из книги Протасова, который характеризует степень его объективности в оценке политики большевиков: «Такая тактика не была образцом нравственности, но без нее большевики не получили бы поддержку почти пятой части крестьян. Это было гораздо меньше того, на что они рассчитывали, но это было больше того, что должна иметь партия, строившая свои долговременные отношения с крестьянством на путях жесткого внеэкономического принуждения»[1]. Такой упрек представляется уязвимым в устах исследователя, который формировался в советский период. Он как бы забыл о том, что было хорошо известно всем советским историкам: принятие большевиками крестьянской аграрной программы было неотъемлемым элементом ленинской стратегии социалистической революции в крестьянской России, а не безнравственной тактической уловкой. Устранение частной собственности на землю было важнейшим звеном в ленинской программе переходных шагов к социализму, принятой в апреле и закрепленной VI съездом РСДРП (б) в августе 1917 г. И уж совсем странно в контексте эпохи 1917 года смотрится тезис о большевиках как партии, «строившей свои долговременные отношения с крестьянством на путях жесткого внеэкономического принуждения». Принцип историзма требовал от автора совсем другого подхода.

В этой связи куда более уместным был бы анализ позиции эсеров: насколько они были преданы своей аграрной программе 1906 г., если весь 1917 год упорно отказывались ее проводить и искали компромиссы с кадетами в форме аграрных законопроектов Чернова и Маслова? На выборах в Учредительное собрание эсеры поддержали радикальные требования крестьян, но это произошло только после того, как большевики провели Декрет о земле, отрезав эсерам возможность маневра. Протасов обошел эту острую тему, хотя и признал, что эсеры перешли на позиции меньшевиков в вопросе о буржуазном характере русской революции и «не мыслили спасения страны вне коалиции с кадетами»[2]. Но ведь кадеты были против отмены частной собственности на землю и выступали за войну до победы в составе Антанты.

Главный вопрос. Книга Протасова дает еще одно свидетельство того, что оценка истории Конституанты, как и истории Русской революции в целом, зависит от исторической ретроспективы: настоящее диктует (и меняет) оценку прошлого.

В начале и середине 1990-х гг., когда писалась книга, автор считал очевидным тезис о «тупиковости» советской модели развития, вроде бы подтвержденный крахом СССР и советского строя. Однако в настоящее время этот тезис уже не смотрится убедительным. Итоги почти трех десятилетий постсоветского развития серьезно подрывают тезис о «тупиковости» советского и перспективности буржуазного пути развития в условиях России как начала, так и конца XX века.

[1] *Протасов Л.Г.* Указ. соч. С. 237.
[2] Там же. С. 231.

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В 1917–1920 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ, КАЛУЖСКОЙ, РЯЗАНСКОЙ И ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

АКУЛЬШИН ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор Института истории
Рязанского государственного университета
имени С.А. Есенина,
Рязань, Россия;
e-mail: stone2708@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена выборам в Учредительное собрание осенью 1917 г. на территории центральной России (Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний) в контексте политической борьбы 1917–1920 гг. Анализ списков кандидатов в члены Учредительного собрания показывает, что социалистические партии стремились к выдвижению своих региональных активистов, в отличие от либеральных партий и правых избирательных объединений, которые пытались выдвинуть представителей дореволюционной столичной элиты. В рассматриваемых губерниях в ходе выборов РСДРП (б) смогла опередить партию эсеров, получив 47 % голосов избирателей. Партия кадетов энергично провела избирательную кампанию, получив 5 % голосов. Это был максимум того, что могли получить либералы в русской провинции 1917 г. В Учредительное собрание от рассматриваемых губерний были избраны 19 большевиков и 8 левых эсеров при квоте в 35 представителей. Это свидетельствовало о преобладании среди местного населения настроений, обеспечивающих лояльность этих территорий Советской власти вплоть до завершения Гражданской войны.

Ключевые слова: революция 1917 г., выборы в Учредительное собрание, политические партии, Гражданская война, центральная Россия, Владимирская, Калужская, Рязанская и Тульская губерния.

Учредительное собрание не стало началом нового этапа истории России после свержения монархии. Объективные условия той эпохи не позволили представительному органу, созданному на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права, стать реальной альтернативой революционной и контрреволюционной диктатуре. Но подготовка, проведение и итоги выборов в Учредительное собрание стали важным моментом в развитии политической борьбы в стране, охваченной общенациональным кризисом, который перерастал в стадию прямого вооруженного конфликта. Отечественная историография добилась значительных успехов в изучении этой проблемы. Новаторские для своего времени

труды О.Н. Знаменского и Л.М. Спирина в постсоветской историографии дополнились фундаментальными исследованиями Л.Г. Протасова, что позволило ввести в научный оборот огромный фактический материал[1]. Появилось значительное количество работ о выборах в Учредительное собрание в регионах, касающихся преимущественно территорий, расположенных на окраинах страны. Центральным губерниям в этом отношении уделялось меньше внимания[2]. Надо признать справедливым тезис В.П. Булдакова о том, что «к сожалению, „провинциальной“, особенно „уездной“ революции в современной России уделяется недостаточное внимание. Между тем ее познавательные резервы весьма велики»[3].

Итоги выборов в Учредительное собрание наметили общее направление и ход дальнейшего военно-политического противоборства на территории бывшей Российской империи. Формальная электоральная победа партии социалистов-революционеров не смогла обеспечить эсерам приход к власти, а стране относительную политическую стабильность. Внутреннее состояние партии эсеров к осени 1917 г., как и судьба Комитета членов Учредительного собрания на протяжении июня–ноября 1918 г., убедительно свидетельствовали об этом.

В конечном итоге, в общероссийской борьбе за власть победителем вышла партия большевиков. Количество голосов, полученных ею на выборах в Учредительное собрание, показывало то, что она обладала электоральным потенциалом, который давал ее вождям с большим основанием претендовать на роль лидеров станы. Это доказывает и итог выборов в целом ряде регионов, в которых РСДРП (б) по итогам получила большинство голосов избирателей.

[1] *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. Л., 1976; *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России. 1917–1920 гг. М., 1968; его же. Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987; *Протасов Л.Г.* Всероссийское учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997; Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014. См. об историографии проблемы: *Знаменский О.Н.* В.И. Ленин об итогах выборов в Учредительное собрание // История и историки. М., 1970. С. 407–419; *Чернобаева Т.П.* Об оценке В.И. Лениным итогов выборов в Учредительное собрание // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 201–203; *Николаев А.Б.* История Учредительного собрания в трудах О.Н. Знаменского // История и революция. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Олега Николаевича Знаменского. СПб., 1999. С. 9–26; *Миллер В.И.* Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива (О статье Л.Г. Протасова «Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива») // Отечественная история. 1993. № 5. С. 19–25; Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания (Круглый стол) / *Секеринский С.С.* «Круглые столы» в Институте российской истории РАН // Отечественная история. 2008. № 6. С. 167–187.

[2] *Фулин Ю.В.* Борьба за установление Советской власти в Рязанской губернии и выборы в Учредительное собрание // Рязанский край. История. Природа. Хозяйство. Рязань, 1991. С. 84–108; *Зайцев Н.В.* Выборы в Учредительное собрание в Калужской губернии // Вопросы выборов и избирательного права. Калуга. 1998. № 1. С. 28–46.

[3] *Булдаков В.П.* Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного» бума // Российская история. 2018. № 6. С. 10.

К их числу относятся и центральные губернии России, историческое ядро отечественной государственности, в том числе четыре административно-территориальные образования, расположенные на берегах реки Оки и ее притоков: Владимирская, Калужская, Рязанская и Тульская губернии. К началу XX в. в социально-экономическом отношении они представляли южную часть Центрально-промышленного района. Их общая территория составляла около 150 тыс. кв. км (что соответствовало территории Латвии и Литвы в границах 1920–1939 гг. вместе взятых), на которой проживало к 1914 г. около 7 млн человек (что соответствовало численности населения Бельгии к началу Первой мировой войны)[1]. В силу различия в природных и социально-экономического факторах развития входившие в состав этих четырех губерний 48 уездов отличались большим разнообразием. Значительная часть из них являлись непосредственной частью промышленной зоны, прилегающей к Москве и столичной губернии. На их территории располагались многочисленные сельские населенные пункты, которые фактически являлись фабрично-заводскими поселками. К ним тяготело значительное количество сел и деревень, жители которых были втянуты в маятниковую миграцию, обеспечивающую основные экономические центры страны наемной рабочей силой. Основная часть местного крестьянства к 1917 г. по своим политическим идеалам и менталитету тяготела к представлениям, сложившимся в пролетарско-плебейской среде крупных городских центров. В то же время на территории этих губерний сохранялись обширные анклавы, включающие и часть малых городов, которые по своим основным характеристикам напоминали собой аграрный социум, типичный для черноземных губерний. Важным фактором, влияющим на политические настроения населения рассматриваемого региона, являлся массовый призыв на военную службу мужского населения. Социальный опыт, полученный в казармах и окопах Первой мировой войне, стал той школой жизни, которая способствовала быстрой радикализации значительной части молодежи мужского пола.

В связи с переносом Временным правительством даты выборов в Учредительное собрание их организация в провинции началась только в сентябре. Она включала создание окружных (губернских), уездных, городских, а также волостных комиссий по выборам и составление списков избирателей, который был начат 23 сентября органами городского и волостного самоуправления. В основе деления административно-территориальных единиц на избирательные участки за основу, с небольшими изменениями, была взята сетка, созданная во время проведения летом 1917 г. выборов в городские и земские (уездные и волостные) думы[2].

[1] Подсчитано по: Статистический ежегодник России. 1914 г. Отд. I. Пг., 1915. С. 33–57.

[2] См. об образовании окружной, уездных и участковых избирательных комиссий в Рязанской губернии: ГАРО. Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 21; о распределении городов и уездов на избирательные участки: Там же. Д. 2; о составлении избирательных списков: Там же. Д. 7.

Следующим шагом стало формирование списков кандидатов в члены Учредительного собрания от избирательных объединений. Для их подачи необходимо было собрать не менее ста подписей избирателей и получить согласие от внесенных в них лиц. На этот процесс полагалось 30 дней. Завершиться он должен был к 13 октября, после чего давалось пять дней (до 18 октября) на исправление обнаруженных в этих списках недочетов. Предусматривалась возможность подачи до 25 октября заявлений о соединении избирательных списков. Эта процедура стала важным моментом в активизации политических процессов в провинции.

Всего к 13 сентября 1917 г. в четырех рассматриваемых губерниях были зарегистрированы списки кандидатов в члены Учредительного собрания от 30 избирательных объединений (во Владимирской, Калужской, Рязанской губернии по 7, в Тульской — 9)[1]. Основная борьба за голоса избирателей развернулась между тремя ведущими общерусскими партиями — кадетов (список № 1 во Владимирской, № 3 — в Калужской, № 1 — в Рязанской и № 2 — в Тульской губерниях), эсеров (список № 3 — во Владимирской, № 2 — в Калужской, № 3 — в Рязанской и № 1 — в Тульской губерниях) и большевиков (список № 6 — во Владимирской, № 7 — в Калужской, № 5 — в Рязанской и № 5 — в Тульской губерниях). Во всех четырех губерниях свои списки выставили еще партии народных социалистов и РСДРП (о), а также группировки «правых» (список № 2 «Возрождение свободной России» — во Владимирской, № 4 «Древнеправославные христиане старообрядцы Калужской губернии» — в Калужской, № 7 «Блок земельных собственников и старообрядцев всех согласий» — в Рязанской и № 7 «Объединение беспартийных союзов Тульской губернии» — в Тульской губерниях). В двух губерниях выставили свои списки и представители российских кооператоров (список № 7 — во Владимирской, № 10 — в Тульской губерниях.). Особенностью самой западной из рассматриваемых губерний, Калужской, стало выдвижение списка, составленного по национальному принципу. Он был выдвинут от «Белорусской народной громады Калуги» (список № 6), который возглавил один из руководителей формирующегося белорусского национального движения А.П Цвикович, и собрал в итоге чуть больше 1000 голосов (около 0,3 % избирателей Калужского избирательного округа)[2]. В ходе составления списков кандидатов пред-

[1] ГАРО. Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 149, 155, 167; Д. 23. ЛЛ. 1–7. В фонде Рязанской окружной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии отложились официальные списки кандидатов в члены Учредительного собрания, присланные для использования при регистрации кандидатов окружными комиссиями из других губерний европейской России. О порядке формирования «кандидатских» списков см.: *Лазарев В.В.* Списки кандидатов в Учредительное собрание как источник по истории политической борьбы в России в 1917 г.: Автореф. дис. ... к. ист. н. М., 2000; *Кротова К.О.* Порядок формирования «кандидатских списков» на выборах в Учредительное собрание России 1917 г. // История государства и права. 2017. № 9. С. 38–43.

[2] Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014. С. 38.

принимались попытки выдвижения локальных списков от представителей беспартийного крестьянства, что можно трактовать как отражение местнических и центробежных тенденций, которые проявились в 1917 г. не только на национальных окраинах, но и в великорусских губерниях. В Рязанской губернии отмечено 11 подобных попыток, но зарегистрирован только один — «беспартийных избирателей Спасского уезда»[1]. Остальные были отклонены окружной комиссией по выборам в связи с нарушением срока подачи или правила оформления. В Тульской губернии был зарегистрирован список «крестьян Басовской волости». Можно предположить, что тенденция выдвижения списков от локальных сообществ беспартийного крестьянства проявилась с еще большей силой, если бы сроки, предоставленные на оформление кандидатских списков, не ограничивались 30 днями.

Наибольшую организованность в плане составления избирательных списков проявили местные организации партии «Народной свободы», у которой уже с июля активно действовала Всероссийская агитационная комиссия. Это позволило кадетам одними из первых составить и зарегистрировать свои списки (список № 1 — во Владимирской, № 3 — в Калужской, № 1 — в Рязанской и № 2 — в Тульской губерниях). Местные организации РСДРП (б) оформили свои списки ближе к концу тридцатидневного срока подачи (список № 6 — во Владимирской, № 7 — в Калужской, № 5 — в Рязанской и Тульской губерниях). Такую неторопливость самой радикальной политической силы, которая принимала участие в выборах в Учредительное собрание, можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, вождь большевиков призывал своих сторонников к тому, чтобы направить основные силы на организацию не избирательной кампании, а вооруженного восстания. Во-вторых, почти повсеместно на территории четырех рассматриваемых губерний (за исключением ряда промышленных центров Владимирской губернии и города Тулы), вплоть до сентября 1917 г., существовали объединенные организации социал-демократов. Только к октябрю, в ходе избирательной компании в Учредительное собрание, произошло организационное оформление самостоятельных организаций большевиков. Так, в городе Рязани они вышли из объединенной организации РСДРП 3 октября, а через три дня объявили о создании своего городского комитета[2].

Всего в четырех губерниях было зарегистрировано в качестве кандидатов в члены Учредительного собрания 277 человек (81 — во Владимирской, 52 — в Калужской, 73 — в Рязанской и 71 — в Тульской губерниях), в том числе 4 женщины[3]. Часть из них являлись так называемыми «обязательными» кандидатами, выдвинутыми по инициативе партийно-

[1] ГАРО. Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 15–140.

[2] История Рязанского края. 1778–2007 / под ред. П.В. Акульшина. Рязань, 2007. С. 143.

[3] 1 — во Владимирской (С.М. Зарецкая от меньшевиков), 2 — в Рязанской губернии (В.П. Екимецкая от кадетов, О.Н. Житкова от народных социалистов), 1 — в Тульской губернии (В.Н. Яковлева от большевиков).

го руководства. Особенно их было много в кандидатских списках партии «народной свободы»[1]. Значительное место они занимали в списках народных социалистов[2]. Сугубо элитарными по составу были кандидатские списки от «правых» избирательных объединений[3]. Гораздо меньше деятелей общероссийского масштаба было в списках социалистических партий, которые предоставили выдвижение большинства кандидатов своим местным организациям[4]. В окружные списки РСДРП (б) в качестве «обязательных» были включены преимущественно руководители Московского окружного комитета, который фактически выступал в роли не столько руководителя, сколько координатора избирательной кампании в центральных губерниях[5].

Вторую часть списков представляли «рекомендуемые» кандидаты, выдвинутые местными партийными организациями. Это были те, кто по мнению их единомышленников могли привлечь симпатии жителей региона и стать выразителем их взглядов и интересов. Таких в списках насчитывалось 204 человека, которые представляли собой ядро политически активной части провинциального общества осени 1917 г. Потенциал многих из них раскрылся в ходе последующих политических событий 1918–1920 гг. Наиболее ярким примером этого может быть фигура М.В. Фрунзе, в момент выдвижения партийного функционера губернского уровня, занявшего должность председателя Шуйской городском думы (шел шестым номером в списке кандидатов от РСДРП (б) по Владимирской губернии). В ходе выборов в Учредительное собрание началась политическая карьера будущего идеолога «сменавеховства» Н.В. Устрялова, в момент выдвижения бывшего секретарем губернской организации партии «Народной свободы» в Калуге (третий номер по спискам кадетов

[1] Ф.Ф. Кокошин, Н.И. Иорданский, А.С. Смирнов, К.К. Черносвитов, М.И. Комиссаров (Владимирская губерния); П.И. Новгородцев, А.И. Коновалов (Калужская губерния); В.А. Маклаков, Б.Н. Овчинников, Б.М. Нольде (Рязанская губерния), И.П. Юренев, К.Н. Соколов, князь М.В. Голицын (Тульская губерния).

[2] И.П. Алексинский, С.П. Мельгунов, С.О. Липин (Владимирская губерния), А.Ф. Сталь, А.Н. Мишин, С.П. Ордынский, А.П. Левицкий (Рязанская губерния), А.П. Левицкий (Тульская губерния). От двух губерний были внесены в списки И.П. Алексинский (Владимирская и Рязанская) и С.П. Ордынский (Тульская и Рязанская).

[3] Их возглавляли А.А. Брусилов (Владимирская и Рязанская губернии), П.П. Рябушинский (Рязанская губерния), С.Н. Третьяков (Тульская губерния).

[4] От эсеров М.А. Спиридонова, С.Я. Лившин, А.Ю. Файт (Владимирская губерния), Б.С. Елисеев, И.П. Бородачев (Калужская губерния), М.Я. Гендельман (Рязанская губерния), В.Я. Гуров (Тульская губерния). От РСДРП (о): А.С. Пикер (Мартынов), П.Н. Колокольцев, С.Н. Зарецкая (Владимирская губерния), П.П. Маслов (Рязанская губерния), А.С. Пикер (Мартынов) (Тульская губерния).

[5] Г.И. Опоков-Ломов и И.Н. Стуков (Владимирская губерния), И.Н. Стуков (Калужская губерния), Н.И. Бухарин, В.В. Оболонский (Осинский), М.С. Александров (Ольминский) (Рязанская губерния), В.Н. Яковлев, С.Я. Бабинский, М.И. Губелтман (Емельян Ярославский) (Тульская губерния). Представителей от Петрограда было только 3 (А.В. Луначарский и Н.П. Глебов от Калужской, Г.Я. Сокольников (Бриллиант) от Тульской губерний).

по Калужской губернии). «Внефракционный социал-демократ» из Тулы Г.Д. Лейтензена (Линдова) пытался объединить всех сторонников этого направления на платформе «интернационализма» и парламентской республики во главе с «однородным социалистическим многопартийным правительством». На уровне Тульской губернии его усилия увенчались только выдвижением списка от «Социал-демократической организации объединенных интернационалистов», в котором среди 4 заявленных кандидатов, кроме него, было трое сотрудников петроградской газеты «Новая жизнь», который получил 1391 голоса (0,3 % от проголосовавших в губернии). Но на общероссийском уровне ему и его немногочисленным единомышленникам удалось создать в январе 1918 г. свою партию под названием «Российская социал-демократическая рабочая партия (интернационалистов)», которая вплоть до своего вхождения в декабре 1919 г. в состав РКП (б) играла роль «конструктивной» оппозиции внутри советской политической системы[1].

Сами выборы на территории Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний проходили на протяжении трех дней — 12, 13 и 14 ноября в городе с 9 утра до 8 вечера, в волостях с 8 утра и до 8 вечера[2]. В документах окружных избирательных комиссий по выборам в Учредительное собрание нарушений в ходе самого голосования и подсчете голосов зафиксировано не было. Различного рода конфликтные ситуации возникали, но они являлись не целенаправленными попытками фальсифицировать итоги голосования, а проявлением существовавшей политической культуры[3]. В обстановке, которая сложилась в провинции в ноябре 1917 г., соперничающие на выборах политические силы, даже при наличии желания, не имели объективной возможности для массового давления на избирателей и избирательные комиссии.

Несмотря на оживленную агитационную кампанию, далеко не все потенциальные избиратели воспользовались предоставленной им возможностью голосования. В Калужской губернии на выборы не явились 48 % избирателей, в Рязанской и Тульской — по 37 %, самой активной была явка во Владимирской губернии, где не пришли на избирательные участки всего 31 % внесенных в списки избирателей[4].

---

[1] Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014. С. 448. Сотрудники газеты «Новая жизнь» В.А. Руднев (Базаров), Б.В. Авилов, В.А. Десницкий (Строев).

[2] ГАРО. Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 2. Л. 126.

[3] См. о типичных нарушениях на местах в ходе выборов в Учредительное собрание: *Воробьев А.А.* Правонарушения на выборах во Всероссийское Учредительное собрание на территории Витебской губернии // Российская история. 2010. № 1. С. 100–107.

[4] Подсчитано по: Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. М., 2014. С. 70, 166, 379, 448. См. о проблеме абсентеизма: *Протасов Л.Г.* Проблема абсентеизма на выборах Всероссийского Учредительного собрания (1917 г.) // Pro Nunc: избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. Тамбов, 2006. Вып. 4. С. 24–34.

Итогом волеизъявления около 2,3 млн жителей губерний из около 3,8 млн внесенных в списки избирателей стало избрание от Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний в Учредительное собрание 35 представителей. В их составе 19 принадлежали к РСДРП (б) и 16 — к партии эсеров, 8 из которых примыкали к «левым» и встали на платформу поддержки Советской власти. Разрыв между занимавшей первое место РСДРП (б) и эсерами составлял около 80 тыс. голосов в пользу большевиков. На фоне большевиков и эсеров, каждые из которых получили по миллиону с лишним голосов избирателей, РСДРП (о) оказалось в маргинальном положении, набрав на территории 4 губерний только около 35 тыс. голосов (около 1,5 %) (см. таблицу 2).

Третье место на выборах в Учредительное собрание Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний принадлежало партии «народной свободы», которая смогла максимально мобилизовать свою электоральную базу. За нее проголосовало большинство избирателей уездных городов Калужской, Рязанской (за исключением центра текстильной промышленности Егорьевска), Тульской губерний, а также в губернском городе Рязани. Во Владимирской губернии они смогли получить 70 % избирателей в Суздале. Все усилия активистов партии кадетов смогли принести ей в масштабах четырех губерний около 116 тыс. (5 %) голосов избирателей. Другого результата в ходе реализации принципа всеобщего, равного и прямого избирательного права в условиях России осени 1917 г. быть не могло. Большинство избирателей враждебно воспринимали как программные установки российского либерализма, так и проводимую Временным правительством политику, которая в представлении большинства населения прочно ассоциировалась с кадетами[1]. В сходном положении находились блок «партия народных социалистов и кооператоры», а также «правые», получившие в общей сумме около 2 % голосов избирателей Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний. Перед руководством и активистами этих партий по итогам выборов в Учредительное собрание оставался только выбор между адаптацией к формирующейся в центральной России новой системе экономических, социальных, политических и идеологических отношений и вооруженной борьбой против нее.

Установление Советской власти во Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерниях происходило на протяжении осени 1917 — весны 1918 гг. мирным путем. В годы Гражданской войны эти губернии являлись прифронтовым районом, на территории которого Советская власть держалась относительно прочно. Они находились под устойчивым контролем правительства Совета народных комиссаров и являлись источником материальных и человеческих ресурсов, которые позволили Красной Армии в конечном итоге добиться военной победы над своими

[1] См.: *Яров С.В.* Учредительное собрание в восприятии крестьян. 1918 г. // Россия в XIX–XX вв. Сб. ст. к 70-летию Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб., 1998. С. 316–322.

многочисленными противниками, контролирующими окраины страны. Неизбежно возникающие на территории губерний Центральной России антисоветские выступления в 1918–1920 гг. не носили такого массового и упорного характера, как, например, в прилегающей к ним Тамбовской губернии. Итоги выборов в Учредительное собрание на территории Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний свидетельствуют о том, что революционная диктатура под социалистическими лозунгами была к осени 1917 г. наиболее адекватным выражением идеалов и менталитета большинства населения Центральной России.

Таблица 1. Партийная принадлежность членов Учредительного собрания, избранных от Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний

Губерния	Всего	От РСДРП (б)	От ПСР	В том числе левых	В том числе правых
Владимирская	9	6	3	1	1
Калужская	8	5	3	3	-
Рязанская	10	4	6	3	2
Тульская	8	4	4	1	1
Всего	35	19	16	8	4*

*В отношении 4 избранных членов от партии эсеров определить принадлежность к «левым» и «правым» не удалось.

Таблица 2. Итоги выборов в Учредительное собрание по Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерниям

Губерния	Правые	Кадеты	Народные социалисты	Эсеры	РСДРП (о)
Владимирская	9193*	38058	6197	196886	13139
Калужская	4409**	24125	601	127313	6996
Рязанская	9638***	30724	5695	427364	5039
Тульская	7273****	22782	1991	256089	10324
Итого:	30513	115689	14484	1007652	35,498
Итого в %	1,3	5	0,6	44	1,5

Губерния	РСДРП (б)	Прочие	Итого
Владимирская	345306	1659*	611158
Калужская	225378	1067**	389889
Рязанская	272153	1442***	751795
Тульская	237558	852**** 616***** 1391******	538856
Итого:	1080395	7547	2291698
Итого в %	47	0,3	100

Примечания: **Правые** * «Возрождение свободной России» (список № 2). ** Древнеправославные христиане-старообрядцы Калужской губернии (список № 4). *** Блок земельных собственников и старообрядцев всех согласий (список № 7). **** Объединение беспартийных союзов Тульской губернии (список № 7).

Прочие * Кооперативы Владимирской губернии (список № 7). ** Белорусская народная громада в Калуге (список № 6). *** Группа беспартийных избирателей Спасского уезда (список № 6). ****Крестьяне Басовской волости Тульской губернии (список № 3). ***** Социал-демократическая организация объединенных интернационалистов (список № 8). ****** Кооперативы Тульской губернии (список № 9).

Подсчитано по: *Святицкий Н.В.* Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание. М., 1918; *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. Л., 1976; *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России. 1917–1920 гг. М., 1968; *его же.* Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987; Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014; Электоральная география. Выборы во Всероссийское учредительное собрание, 1917 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.electoralgeography.com/ru/countries/r/russia/1917-uchreditelnoe-sobranie-russia.html

«ЖЕЛАЮ ГОСУДАРЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА…»: ВНЕПАРТИЙНЫЙ БЛОК РУССКИХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ И ВЫБОРЫ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

ЧЕМАКИН АНТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: chemakinanton@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена внепартийному блоку русских избирателей Киевской губернии и его участию в выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Рассмотрены предвыборный список ВБРИ, его программа, а также результаты голосования в Киеве и уездах губернии. Предвыборная кампания проходила в тяжелейших условиях и при многочисленных нарушениях со стороны оппонентов «русского блока». В итоге ВБРИ смог победить на гражданских избирательных участках Киева, но полностью провалился в сельской местности.

Ключевые слова: Внепартийный блок русских избирателей, Всероссийское Учредительное собрание, Киев, русские националисты, В.В. Шульгин, А.И. Савенко, П.Б. Струве.

Внепартийный блок русских избирателей (ВБРИ) был создан летом 1917 г. для участия в выборах в Киевскую городскую думу. Организаторами блока были Киевский клуб прогрессивных русских националистов (ККПРН), газета «Киевлянин», Национальное культурно-политическое общество «Русь» и ряд других организаций. Лидером блока стал депутат Государственной думы и редактор «Киевлянина» Василий Витальевич Шульгин.

В конце сентября 1917 г. комитет ВБРИ решил принять участие в выборах во Всероссийское Учредительное собрание (ВУС) и в связи с этим созвал съезд русских избирателей Киевской губернии[1]. К участию в съезде приглашались представители русских организаций Киева и Киевской губернии, гласные городских дум и волостных и уездных земств, отдельные лица, представившие письменные полномочия не менее от 25 избирателей, а также зрители, уплатившие 5 рублей за билет[2].

Съезд состоялся 15 октября в зале ККПРН. В нем приняли участие 372 человека, в том числе 110 делегатов от организаций (например, от Союза георгиевских кавалеров). В основной части съезда были заслуша-

[1] Выборы в Учредительное Собрание и русский блок // Киевлянин. 1917. 30 сентября.

[2] От комитета внепартийного блока русских избирателей г. Киева // Киевлянин. 1917. 8 октября.

ны доклады В.В. Шульгина «О форме правления и о государственном устройстве России», С.Г. Грушевского «Украинский вопрос», А.Д. Билимовича «Экономическое положение России», А.И. Савенко «Вопросы избирательной тактики и организации». Наибольший интерес представляет последний доклад. Савенко рассказал, что ВБРИ идет на выборы самостоятельно, так как никакая другая группа в Киеве не подымает национального флага. С кадетами ВБРИ не смог создать единый список из-за того, что у тех на первом месте стоял еврей М.М. Винавер, а на третьем украинец Н.П. Василенко. Объединиться с Союзом землевладельцев также было нельзя, потому что это чисто классовая группа. Савенко заявил, что у ВБРИ нет иллюзий, так как толпа еще идет за демагогами, но если удастся провести хоть одного Шульгина, то долг можно считать исполненным. 16 октября на заседании губернского комитета ВБРИ председателем его был избран В.В. Шульгин, товарищами председателя — генерал-от-кавалерии А.М. Драгомиров, председатель уманской земской управы барон Ю.М. Мейендорф, городской голова Василькова Н.М. Кашинский, А.И. Савенко, секретарями — С.Г. Грушевский и Б.Н. Щеглов[1].

Первую тройку списка, зарегистрированного 16 октября и получившего № 8[2], возглавили В.В. Шульгин, П.Б. Струве и А.И. Савенко[3]. Сенсацией стало появление на втором месте в списке ВБРИ редактора «Русской мысли» академика П.Б. Струве, которому «Киевская мысль» дала следующую характеристику: «неутомимый ренегат, в свое время перебросившийся от марксистов к кадетам, а ныне изменивший уже и кадетам и попавший в лоно гг. Шульгина и Савенко»[4]. В «Новой раде» появилась посвященная Струве статья лидера украинских социалистов-федералистов С.А. Ефремова под характерным заголовком «Достукался»: «Пылкий марксист и руководитель первых марксистских органов в России „Новое слово“ и „Начало“, редактор закордонного „Освобождения“ и издания произведений Драгоманова, партийный кадет, панегирист „Великой России“, автор лозунга борьбы с украинством „без всяких двусмысленностей и поблажек“, приятель галицких москвофилов и, наконец, сотрудник Шульгина и Савенко — таков был тот долгий путь, который за двадцать с чем-то годов прошел г. Струве. От „Начала“ и „Освобождения“ — до „Киевлянина“, от Драгоманова — до Савенко, действительно, не близко». Ефремов делал вывод, что Струве наконец-то «достукался», но этому можно только радоваться, так как «тайный симбиоз „Русской мысли“ и „Киевлянина“ закончился официальным браком. Давно пора было это сделать»[5]. В агитационных материалах ВБРИ отмечалось, что в лице Струве «Киевская Русь имеет стойкого защитника против украинского изуверства». Впрочем, Струве просто дал свою фамилию для усиления блока, но непосредственного участия в кампании не принимал. Список ВБРИ был одним из самых представительных в плане имен.

[1] Съезд русских избирателей Киевской губернии // Киевлянин. 1917. 17 октября.
[2] ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 252. Л. 176.
[3] НБУ. Институт рукописи. Ф. XXIV. Д. 2366. Л. 8.
[4] Националистические списки // Киевская мысль. 1917. 13 октября.
[5] *Ефремов С.* Достукався // Нова рада. 1917. 19 жовтня.

В нем было 5 депутатов Государственной думы разных созывов — кроме Шульгина, Струве и Савенко это один из основателей партии мирнообновленцев, затем прогрессист и левый октябрист Н.Н. Львов и националист Д.Н. Чихачев. Также в список вошли генерал Драгомиров, профессора Г.В. Демченко и П.М. Богаевский, городской голова Василькова Кашинский, целый ряд гласных КГД (всего 19 человек)[1].

Блоком была подготовлена предвыборная платформа, получившая наименование «Наказ съезда русских избирателей Киевской губернии членам Учредительного собрания, избранным по списку № 8». По вопросу о войне предполагалось соглашаться на мир только вместе с союзниками. Если же войну придется продолжить, то Учредительное собрание должно ввести на пространстве всего государства военное положение и прекратить политику в армии. Одним из основных требований было водворение государственного и общественного порядка, а вопрос о форме правления отступал на второй план. Отмечалось, что в составе ВБРИ есть как многочисленные монархисты, так и республиканцы. Первые будут отстаивать конституционную монархию, но могут отказаться от своих полномочий при провозглашении республики. ВБРИ выступал за единство России (без Польши в этнографических границах) при допущении широкой областной автономии. В соответствии с этим Южная Россия должна получить областное самоуправление при условии сохранения политического и культурного единства русского государства. Предполагалось, что она будет разделена на несколько автономных областей, среди которых будет и «Юго-Западная Русь», иначе просто произойдет замена российского централизма на украинский империалистический централизм. Члены ВУС, избранные от ВБРИ, должны были довести до сведения Собрания, что украинцы это не народ, а политическая партия. Малороссы, считающие себя украинцами, могут пользоваться широкой свободой национально-культурного самоопределения, однако недопустима насильственная украинизация, а введение «украинского» языка в школах возможно только при условии согласия на это родителей учащихся. Важным программным пунктом ВБРИ была защита права собственности. Заявлялось, что проекты национализации земли грозят погубить сельское хозяйство, и поэтому в противовес им необходима защита личного землевладения, в особенности крестьянского. Если же принудительное отчуждение земли явится необходимым, то в первую очередь землю должны получить семьи убитых и искалеченных воинов, награжденных Георгиевским крестом за боевые подвиги. В заключение провозглашалось, что ВБРИ — это единственный чисто русский и православный, но при этом внепартийный и внеклассовый список, а «великая, т.е. единая и неделимая Россия это и есть наше знамя, знамя Внепартийного блока русских избирателей»[2].

[1] НБУ. Отдел старопечатных и редких изданий. Кл. 0587. Список № 8 Внепартийного блока русских избирателей Киевской губернии [листовка]. ЛЛ. 1–1 об.

[2] НБУ. Отдел старопечатных и редких изданий. Кл. 0587. Список № 8 Внепартийного блока русских избирателей Киевской губернии [листовка]. ЛЛ. 1 об.–4.

Осенью 1917 г. отдельные сторонники ВБРИ начинают открыто высказывать свои монархические воззрения, хотя в блоке продолжают присутствовать и республиканцы. Несмотря на то, что монархические лозунги на программном уровне так и не будут взяты на вооружение, многие избиратели воспримут блок именно как монархический. На избирательных записках, отданных за № 8, можно будет встретить весьма показательные надписи: «Желаю царя» или «Желаю Государя Михаила Александровича. Немецким лакеям Ульянову-Ленину Берештейну-Троцкому, Крыленко и Ко шлю проклятия» (сохранен стиль оригинала). На одной из записок к 19-ти кандидатам ВБРИ будет приписан 20-й: «Михаил Александрович Романов»[1].

В 20-х числах октября 1917 г. в Киеве началась предвыборная агитация, впрочем, масштабы ее были значительно меньше, чем на летних выборах. «Самая сильная и интересная агитация была развита большевиками: в распоряжении их были грузовики и легковые автомобили, — вспоминал А.В. Бинецкий, в 1917 г. учащийся 6 класса Лесной гимназии. — По улицам Киева проносились автомобили, украшенные большими плакатами с заманчивыми, многообещающими лозунгами. На грузовиках сидели матросы и солдаты, вооруженные с зубов до пяток. Это была не агитация, а скорее большевистская вооруженная демонстрация. Большевики не стеснялись со своими противниками и избивали агитаторов других партий. Я помню, как были избиты до полусмерти два моих товарища по гимназии, которые агитировали за „Внепартийный блок“ Шульгина»[2]. (Вообще гимназическая молодежь играла весьма важную роль в предвыборных мероприятиях «русского блока», а Южнорусский союз молодежи даже создал специальную комиссию для координирования агитации за список ВБРИ[3].) Серьезным подспорьем стала поддержка со стороны церковной общественности: 24 ноября в зале ККПРН состоялось собрание Союза приходских советов церквей города Киева, призвавшее всех православных людей подавать голоса только за список № 8, так как «этот список представлен исключительно православными русскими людьми», отстаивает единство Церкви и выступает против автокефалистского течения[4]. Условия предвыборной борьбы были неравными, имевшие свои вооруженные силы украинцы и большевики терроризировали агитаторов других списков. С 1 по 18 ноября, в разгар предвыборной агитации, «Киевлянин» вообще не выходил из-за того, что его редакция была захвачена сначала украинцами, а затем большевиками[5].

За пределами Киева серьезная агитация ВБРИ велась в первую очередь в Радомысле и Радомысльском уезде. В Радомысле состоялось собрание русских избирателей, организованное местной «Славянской громадой», возглавляемой экс-депутатом Государственной думы К.П. Григоровичем-Барским, причем «обширный зал был переполнен

[1] Избирательные курьезы // Киевская мысль. 1917. 29 ноября.
[2] ГА РФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 51 об. — 52.
[3] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 40240. Л. 56 об. — 57.
[4] Резолюция союза приходских советов // Киевлянин. 1917. 25 ноября.
[5] Нашим читателям // Киевлянин. 1917. 19 ноября.

до крайней тесноты, все прилегающие коридоры и комнаты были также совершенно переполнены». На собрании выступил приехавший из Киева А.И. Савенко[1]. Благодаря деятельности Григорович-Барского, который после революции был изгнан из управы, но летом благодаря голосам мещан смог избраться гласным городской Думы[2], Радомысль стал вторым после Киева центром русского национализма в губернии, в остальных же городах и уездах положение ВБРИ было не таким радужным. Сторонники ВБРИ в деревнях сталкивались с многочисленными угрозами со стороны украинцев. Так, например, хуторяне, жившие около Белой Церкви, жаловались, что им приказали голосовать за список № 1 (украинский). Несколько человек все же проголосовало за № 8, и за это «они пострадали: всех сожгли, пропало все — и хаты, и клуни, и хлеб, и даже скот, а скарб, который успели спасти, был тут же растаскан». При этом украинцы мешали тушить хаты и кричали: «Будет тебе № 8!»[3]. После выборов ВБРИ подал протест в окружную избирательную комиссию, в котором приводилось множество примеров нарушений: люди, высказывавшиеся за № 8, подвергались издевательствам, насилиям, побоям, в селе Чоповичах агитатор ВБРИ был арестован сторонниками украинского списка и приговорен к смертной казни, и лишь благодаря случайности ему удалось спастись. В тех селах, где было много сторонников ВБРИ, украинцы пытались сорвать выборы: в селах Чоповичи, Мелени и Шкураты в первый день голосования избирательная комиссия не открылась, во второй день были привезены только избирательные записки за список № 1, и лишь в третий день в течение двух часов можно было отдать свой голос в более или менее нормальной обстановке; в итоге многие избиратели просто не успели проголосовать. В местечке Брусилов украинцы объявили, что все должны голосовать «за Украину», сожгли избирательные записки еврейских списков, а сторонникам ВБРИ сказали, что и «его живьем сожгут, если он будет поддерживать список № 8». Местные власти агитировали за украинский список и объявляли, что все, кто не проголосует за № 1, не получат земли при разделе. В итоге ВБРИ заявил в окружную комиссию, что так называемые выборы, произведенные в Киевской губернии, «являются грубой фальсификацией выборов, результаты же этих выборов ни в какой мере не могут быть признаны отражением истинной воли населения губернии»[4]. Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что почти все эти указанные нарушения были обнаружены в Радомысльском уезде, где ВБРИ, обладая сплоченным и достаточно многочисленным активом, смог покрыть множество участков наблюдателями. В остальных же уездах в деревнях и местечках «русский блок» де-факто не был представлен и агитация за него не велась, так что, несмотря на многочисленные нарушения, вряд ли можно говорить, что у него украли много голосов в пользу украинского списка.

[1] Собрание русских избирателей г. Радомысля // Киевлянин. 1917. 25 октября.
[2] Григорович-Барський та місто Радомисль // Народне діло. 1917. 2 жовтня.
[3] *К.Б.* [*Бельговский К.П.*] Выборы на особый лад // Киевлянин. 1917. 6 декабря.
[4] Протест против неправильностей на выборах // Киевлянин. 1917. 17 декабря.

«У нас не было в селах и в деревнях агитаторов и организаторов, — признавал Шульгин. — Украинцы же кое-кого имели в виде сельских учителей и сыновей некоторых батюшек»[1].

Голосование состоялось 26, 27 и 28 ноября. Первое место по Киеву занял список украинских социалистов-революционеров, социал-демократов и Селянской спилки, получивший 46 764 голоса (25,23 %). Далее шли ВБРИ — 36 602 (19,75 %), Блок большевиков и Социал-демократии Польши и Литвы (левицы) — 32 576 (17,58 %), Партия народной свободы — 18 742 (10,11 %), Еврейский национальный избирательный комитет — 15 922 (8,59 %), Польский краевой список — 11 932 (6,44 %), и т.д.[2]. Но при этом, если отбросить воинские избирательные участки (на которых среди избирателей собственно киевлян практически не было, а голосовали «украинизированные» солдаты-крестьяне) и учитывать только гражданские избирательные участки, то получается, что первое место занимает уже ВБРИ с 23,51 %, в то время как украинский блок набирает лишь 20,88 %[3].

Сотрудник «Киевской мысли», анализируя итоги голосования, отметил, что «окраины, отняв у социалистического блока чуть не половину всех своих голосов, отдали их поровну большевистским и правым группам»[4]. «Совершенно очевидно <…>, что в результате героических мер, которые принимались за это время с целью истребить все корни, все следы старины, Киев решительно и определенно поправел. Количество „контрреволюционеров“ за это время не сократилось, а, наоборот, значительно выросло, и притом выросло за счет именно социалистических партий», — сокрушались «Последние новости»[5]. Большевистская газета писала, что «нельзя не отметить роста голосов, отданных за черную сотню. Испуганный обыватель идет туда, где ему мерещится порядок…»[6]. Меньшевистская газета с сожалением констатировала, что в Киеве «на выборах происходила, главным образом, *национальная* борьба»: «Украинские партии, слитые в один блок, шли под знаменем украинской национальности, самостоятельной украинской республики. <…> „Русские“ избиратели выдвинули, в свою очередь, против украинцев свою национальную идею»[7].

После подведения итогов выборов по Киеву в прессе даже было высказано предположение, что ВБРИ может рассчитывать на 1–2 места[8]. Начавшийся в уездах подсчет голосов быстро эти иллюзии развеял. Лишь в Радомысле удалось выступить примерно на том же уровне, что и в Киеве. Так, на участке № 2 Радомысля ВБРИ занял первое место с 338 голосами (33 %),

[1] *Шульгин В.В.* Тени, которые проходят / сост. Р.Г. Красюков. СПб., 2012. С. 145.

[2] Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014. С. 175–176.

[3] *М-нов С.* Итоги выборов в Киеве // Киевские городские известия. 1918. 27 (14) марта. № 7. Стб. 15–16.

[4] *С.М.* К характеристике настроений избирателя // Киевская мысль. 1918. 5 января.

[5] *Петрович Н.* Выборы в Киеве // Последние новости. 1917. 30 ноября.

[6] Выборы в Учредительное Собрание // Пролетарская мысль. 1917. 30 ноября.

[7] Наши голоса // Рабочая жизнь. 1917. 8 декабря.

[8] Ход выборов // Южная газета. 1917. 29 ноября.

в то время как украинский список получил здесь лишь 40 голосов (3,9 %)[1]. Впрочем, в целом по Радомыслю «русский список» уступил первое место еврейскому. Видимо, имея в виду окрестности Радомысля, Шульгин писал, что «несколько волостей сплошь голосовали за восьмой номер, что „за царя". Кто же они были? Это любопытно. Это была так называемая околичная шляхта — дворяне, потерявшие дворянство и по своему быту превратившиеся в крестьян, и причем в бедных крестьян. Но они имели славное прошлое. Не покорились католикам, несмотря на все преследования. При этом целые села носили одну и ту же фамилию: Соколовские, Бехи и многие другие. Вот эти и голосовали за царя. Но они оказались в меньшинстве. А жили они преимущественно по лесам, питались охотой». Действительно, именно в Радомысльском уезде позиции ВБРИ были наиболее сильны, но все же «сплошное голосование» за восьмой номер выглядит явным преувеличением. В остальных уездах губернии результаты были и вовсе провальными — от 2,05 % в Киевском уезде до 0,09 % в Липовецком. В ряде волостей даже Киевского уезда результат был близок к статистической погрешности — например, в Литвиновской волости — 3 голоса (0,12 %), в Стайковской — 5 (0,15 %)[2]. Если вычесть Киев, то в уездных городах и сельской местности было получено всего 12 146 голосов (0,92 %). Относительно неплохие результаты были получены в пригородных поселках Святошино (19,2 %) и Ирпень (15,85 %), Василькове (8,26 %), Умани (6,54 %), Черкассах (6,29 %). В целом же по губернии украинский блок получил 1 160 792 голоса (76,9 %), сионисты — 90 823 (6,02 %), большевики — 59 337 (3,93 %), ВБРИ — 48 748 (3,23 %), поляки — 43 044 (2,85 %), кадеты — 28 667 (1,9 %). Из 22 мандатов 20 достались украинцам, по 1 — сионистам и большевикам[3]. При этом при определенном развитии событий Шульгин мог пройти в ВУС. ВБРИ несколько раз настойчиво предлагал полякам, кадетам и Сельскохозяйственной и торгово-промышленной группе (0,21 %; один из лидеров — будущий гетман П.П. Скоропадский) частичное соединение этих умеренных «либерально-буржуазных» списков, объединяющих «государственные элементы населения» (законодательство разрешало выступать самостоятельно, но после подведения итогов объединить результаты, правда, заявить о таком соединении необходимо было не позднее чем за 15 дней до выборов). В таком случае блок, составленный из этих четырех списков, занимал бы второе место с 8,19 % и получал два мандата (для Шульгина и лидера польского списка), но «благодаря какой-то непреоборимой неспособности нашей интеллигенции к организованным, притом коалиционным действиям не получили ни одного места»[4]. Несмотря на все вышеперечисленные негативные моменты, по итогам этих выборов ВБРИ значительно усилил свои позиции в самом Киеве, став де-факто крупнейшей политической силой среди собственно горожан.

[1] ЦГАВОУ. Ф. 1175. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 3–3 об.

[2] В Литвиновке. В Стайковской волости // Последние новости. 1917. 3 декабря.

[3] Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. С. 175–176.

[4] По поводу результатов выборов во Всероссийское Учредительное собрание // Киевлянин. 1918. 10 января.

РАЗГОН УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

СЕЛЕЗНЕВ ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: fseleznev@mail.ru

Аннотация: Автор рассматривает вопрос о том, почему Англия, Франция и США закрыли глаза на разгон Учредительного собрания. По мнению автора, подобная реакция была вызвана намерением депутатов Учредительного собрания принять обращение ко всем воюющим державам о необходимости заключения мира с Германией, в то время как советское руководство не исключало возможность «революционной» войны с Германией. В этой ситуации принцип политической целесообразности заставил лидеров Антанты воздержаться от поддержки Учредительного собрания.

Ключевые слова: Учредительное собрание, Брестский мир, Ж. Садуль, Антанта, В.И. Ленин.

История созыва и роспуска Учредительного собрания изучена довольно подробно, но только с точки зрения внутриполитической борьбы в России[1]. Внешнеполитический аспект этих событий не получил освещения в историографии, прежде всего потому, что ни одна из зарубежных стран не выказала интереса к судьбе Всероссийского Учредительного собрания.

23 ноября 1917 г. СНК распорядился арестовать кадетов и правых эсеров из Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание (Н.Н. Авинова, В.Д. Набокова, Л.М. Брамсона, Б.Э. Нольде, М.В. Вишняка)[2]. Зарубежные дипломаты оставили эту акцию большевиков безо всяких последствий. На другой день после нее британский посол Бьюкенен докладывал в Лондон о том, что большевики хотят установить «лучшие» отношения с союзниками. А 25 ноября он, основываясь на телеграмме, полученной от министра иностранных дел А. Бальфура, передал заявление для представителей печати, вполне доброжелательное по отношению к Советской России[3].

Англичан не смутило даже то, что большевики обрушили репрессии на депутатов Учредительного собрания, не позволив им открыть его в назначенный срок — 28 ноября 1917 года. На основании «Декре-

[1] *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. Л., 1976; *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.

[2] *Поликарпов В.Д.* Пролог гражданской войны в России. М., 1976. С. 324.

[3] *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006. С. 370.

та об аресте вождей гражданской войны против революции» были заключены под стражу депутаты-кадеты А.И. Шингарев, Ф.Ф. Кокошкин и П.Д. Долгоруков. До революции все трое неоднократно совершали поездки в Европу и были хорошо знакомы западным парламентариям. Однако ни один европейский парламент не возвысил свой голос в защиту своих российских коллег, брошенных в Петропавловскую крепость.

Запад не смутило и то, что советское правительство быстро пресекло «частные совещания» депутатов Учредительного собрания, усилив охрану Таврического дворца, а также запретило митинги в Петрограде. Спокойно восприняли в Лондоне, Париже и Стокгольме и то, что 4 декабря 1917 г. Совнарком выдал ордера на арест И.Г. Церетели, В.М. Чернова, Ф.И. Дана, Л.М. Брамсона, М.И. Скобелева, А.Р. Гоца за выпуск газеты «Революционный набат»[1], превратив тем самым депутатскую неприкосновенность в фикцию. Никакой реакции западных демократий не вызвал и расстрел демонстрации сторонников Учредительного собрания в Калуге 10 декабря 1917 года, когда было убито и ранено около 40 человек[2].

Наоборот, влиятельный советник президента США, полковник Э. Хауз призвал В. Вильсона прекратить нападки в печати на Советскую Россию, дабы не толкнуть ее в объятия Германии. Тогда же, в начале декабря 1917 года, Петроград посетил шведский банкир У. Ашберг, близкий к руководству правящей в Швеции социал-демократической партии. Он встретился с лидерами большевиков, а, вернувшись в свою страну, выступил с призывом признать советскую власть и возобновить торговлю с Россией[3]. В эти же дни руководство Великобритании предложило французскому правительству вступить в контакт с большевиками через неофициальных агентов и приняло решение направить в этом качестве в Петроград Брюса Локкарта[4].

Он будет принят в советской столице на самом высоком уровне. Ведь большевикам было очень важно, чтобы их власть получила международное признание. Поэтому правительство Ленина на фоне громких обвинений в адрес Антанты негласно демонстрировало свою готовность к сотрудничеству с ней. Так при Пресс-бюро советского наркомата иностранных дел активно действовало Бюро международной революционной пропаганды во главе с американцем Борисом Рейнштейном. Оно огромными тиражами издавало на немецком языке газету «Ди Факел», распространявшуюся среди германских солдат и всячески подрывавшую их боевой дух.

---

[1] *Соловьев О.Ф.* Великий октябрь и его противники: о роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1917 — июль 1918). М., 1968. С. 292.

[2] *Протасов Л.Г.* Указ. соч. С. 271.

[3] *Новикова И.Г.* «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 227–228.

[4] *Локкарт Р.Б.* История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991. С. 183.

В свою очередь французский представитель в Петрограде Ж. Садуль убеждал свое руководство в том, что только большевики «смогут убедить людей согласиться на возобновление войны», тогда как правые эсеры и меньшевики занимают «капитулянтскую позицию» и «куда охотнее, чем большевики, пойдут на уступки по вопросам о Курляндии, Литве, о Польше и т.д.». Более того, по данным Садуля среди правых эсеров и меньшевиков было распространено мнение о том, что «в случае срыва брестских переговоров Учредительное собрание должно немедленно попытаться их возобновить»[1].

О подобных настроениях среди депутатов Учредительного собрания знал и британский посол Д. Бьюкенен. 10 декабря к нему пришли В.В. Руднев (председатель фракции правых социалистов-революционеров в Учредительном собрании) и еще один видный правоэсеровский депутат А.Р. Гоц. Они констатировали, что Россия неспособна более продолжать войну, и спросили у Бьюкенена, как отреагирует Англия на обращение к ней Учредительного собрания с призывом превратить переговоры о сепаратном мире между Россией и Германией (начавшиеся 9 декабря в Бресте) в переговоры о всеобщем мире[2].

Бьюкенен ответил своим визитерам, что англичане будут продолжать войну. Британское руководство не хотело слышать о мирных переговорах. Однако многие из жителей Англии настрадались от войны и желали ее прекращения. Поэтому английскому правительству было бы очень трудно объяснить своим гражданам, почему оно отвергает призыв к миру, исходящий от демократически избранного органа власти страны-союзницы. В этой связи перспектива созыва Учредительного собрания должна была выглядеть для британских дипломатов крайне нежелательной. Точно так же, как и для большевиков. Таким образом, и Антанта, и ленинское правительство были равно заинтересованы в его разгоне.

Подготовку к этой акции большевики открыто начали через три дня после визита Руднева и Гоца к Бьюкенену. 13 декабря 1917 г. «Правда» опубликовала «Тезисы ЦК РСДРП (б) об Учредительном собрании». В них говорилось, что интересы революции стоят выше формальных прав Учредительного собрания, а его состав не соответствует воле народа. Поэтому Учредительное собрание должно безоговорочно признать Советскую власть и ее политику, а также согласиться с переизбранием своего состава[3].

Страны Антанты даже не попытались вступиться за права Учредительного собрания. Наоборот, они в это время усиленно искали контактов с большевистским руководством, политика которого в это время должна была внушать им определенный оптимизм. К удовольствию

[1] *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции. 1917–1919. М., 1990. С. 136–137.

[2] *Бьюкенен Д.* Указ. соч. С. 380.

[3] Тезисы ЦК РСДРП (б) об Учредительном собрании // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 19.

представителей Антанты 15 декабря 1917 г. советско-германские переговоры в Бресте были прерваны (официально — для консультаций дипломатов со своими правительствами). Правда, стороны условились, что они возобновятся 23 декабря 1917 года. Однако дело быстро пошло к тому, что вот-вот загрохочут пушки «революционной» войны. К этому советское руководство упорно склонял французский представитель Садуль, который, по собственному признанию, несколько недель вел среди большевистских лидеров активную кампанию в пользу создания добровольческой армии для войны с немцами, обещая всестороннюю помощь Франции[1]. Поддержку Советской России гарантировали и американцы. Р. Робинс и У. Джадсон добились от посла Д. Фрэнсиса разрешения пообещать Троцкому, что в случае разрыва с Германией Советская Россия получит из за океана амуницию, боеприпасы и кредиты[2]. Что касается англичан, то, по признанию Ленина, они «прямо предлагали нашему главковерху [Н.В.] Крыленке по сто рублей в месяц за каждого нашего солдата, в случае продолжения войны»[3].

Советское руководство рассматривало перспективу «революционной» войны весьма серьезно. Начиная с 15 декабря 1917 г. В.И. Ленин несколько дней почти все свое внимание уделял состоянию российских вооруженных сил. Армейские вопросы обсуждались на заседаниях Совнаркома 15 и 16 декабря. 17 декабря по предложению Ленина было созвано совещание представителей Общеармейского съезда по демобилизации армии. Для его участников Ленин составил длинный список вопросов. Главным из них был следующий: «следует ли с точки зрения состояния армии постараться затянуть мирные переговоры, или революционный резкий и немедленный срыв мирных переговоров из-за аннексионизма немцев предпочтителен как решительный твердый переход, подготавливающий почву для возможности революционной войны?»[4].

Сам Ленин в это время склоняется к революционной войне. В проект резолюции Совета народных комиссаров, составленной 18 декабря 1917 г., в число задач им были включены «пропаганда и агитация за необходимость революционной войны». И хотя в том же тексте несколькими строчками выше было обозначено намерение «продолжать мирные переговоры», однако предложение перенести их в Стокгольм, заведомо неприемлемое для Германии, означало шаг к их срыву. Тем более что параллельно намечались «усиленные меры по реорганизации армии» и «экстренные меры по обороне от прорыва к Питеру»[5].

---

[1] *Садуль Ж.* Указ. соч. С. 143.

[2] *Вильямс А.Р.* Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917–1918. М., 2006. С. 267.

[3] *Ленин В.И.* К истории вопроса о несчастном мире // Ленин В.И. ПСС. М., 1962. Т. 35. С. 246.

[4] *Ленин В.И.* Вопросы делегатам общеармейского съезда по демобилизации армии // Ленин В.И. ПСС. М., 1962. Т. 35. С.179–180.

[5] *Ленин В.И.* Проект резолюции Совета народных комиссаров // Ленин В.И. ПСС. М., 1962. Т. 35. С. 181.

В эти дни большевики не просто готовились к войне, но и чуть ли не провоцировали ее. Именно так можно расценить воззвание к немецким солдатам не подчиняться приказам и сложить оружие, распространенное Петроградским телеграфным агентством[1].

Однако когда Ленин глубже ознакомился с реальным состоянием русских войск, то понял, что они полностью разложились и воевать не в состоянии. Надежда оставалась только на добровольческие формирования. Но их создание было делом более-менее отдаленного времени. Поэтому к двадцатым числам декабря 1917 г. В.И. Ленин отказался от идеи «революционной войны» и склонился к заключению мира с Германией. Но эту мысль ему пока было нужно тщательно скрывать от представителей Антанты, особенно французов.

Между тем в Петроград приехал Шарль Дюма, секретарь члена французского правительства Жюля Геда. Дюма, видный социалист, депутат парламента, лично знал вождя большевиков по Парижу. 20 декабря 1917 г. он направил «дорогому товарищу» Ленину письмо с «братским социалистическим приветом» и просьбой принять его.

Попробуем предположить, какова была миссия этого посланца Франции. Французам нужно было любой ценой восстановить Восточный фронт. Кто станет его основой — советская армия, казаки Каледина, войска Центральной Рады — для Парижа было непринципиально. В конце концов, это могли быть и формирования Антанты. В этой связи по поручению руководства Франции посол в Вашингтоне Ж. Жюссеран направил госсекретарю Лансингу ноту, в которой говорилось, что союзники должны послать экспедиционные отряды в Россию и взять под контроль Транссибирскую магистраль[2]. Но появление иностранных войск в России нужно было согласовать с советским руководством. Не для этого ли приехал в Петроград Дюма? Другой его целью, конечно, был срыв советско-германских переговоров в Бресте.

Однако Ленин уже решился на мир с Германией. Но откровенно обозначить свою позицию в личном разговоре с Дюма он не захотел. В.И. Ленин предпочел совсем избежать разговора со старым парижским знакомым. Кроме того, нужно было не дать французу встретиться с наркомом иностранных дел Л.Д. Троцким. Для этого внезапно был раздут скандал вокруг французской военной миссии. Троцкий 20 декабря 1917 г. вдруг предупредил Ж. Садуля, что желает иметь объяснения «по поводу деятельности французских офицеров в контрреволюционных кругах Украины, Дона и т.д.». Этот демарш, разумеется, не означал разрыва с Парижем. На другой день, 21 декабря 1917 г., состоялось совещание Ленина с работниками народного комиссариата по военным делам об организации новой армии, и Садуль был подробно информирован о его решениях. Зато инцидент вокруг французской миссии позволил отложить встречу Троцкого и Дюма[3].

[1] *Соболев Г.Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009. С. 432.

[2] *Соловьев О.Ф.* Указ. соч. С. 170.

[3] *Садуль Ж.* Указ. соч. С. 135, 139, 141.

Сам же Ленин 21 декабря 1917 г. послал Дюма записку с приветом и самыми лучшими пожеланиями от себя и Н.К. Крупской, но с сожалением констатировал, что «личные отношения между нами стали невозможными, после того как нас разделили столь глубокие политические разногласия»[1] (Дюма был социалистом-оборонцем). Предлог был, конечно, довольно искусственным. Поэтому Ленин, чтобы избежать встречи с Дюма, предпочел на время уехать из Петрограда. Одновременно из столицы был удален Троцкий. (Народный комиссар по иностранным делам был назначен руководителем советской делегации в Брест-Литовске).

В отсутствие Ленина и Троцкого советское руководство должно было успокаивать представителей Антанты общими фразами о подготовке Советской России к «революционной войне» и добиваться от них невмешательства в процесс подавления большевиками своих политических противников (разгон Учредительного собрания и очищение Дона от белых).

Эта сложная игра была начата Лениным очень искусно. 22 декабря вечером руководитель советского правительства был в народном комиссариате по военным делам. Там на совещании с участием И.В. Сталина, Н.И. Подвойского, Э.М. Склянского и начальника генштаба Н.М. Потапова он предложил отправить на фронт красногвардейские отряды Петроградского и Московского военных округов, одновременно начав формирование десяти корпусов новой социалистической армии общей численностью триста тысяч человек[2]. И в эти же часы из Петрограда немцам была послана телеграмма о том, что советская делегация выезжает в Брест, причем во главе ее будет находиться не кто-нибудь, а народный комиссар по иностранным делам Троцкий[3].

23 декабря 1917 г. Ленин подписал удостоверения членам советской мирной делегации о том, что они уполномочены СНК вести переговоры в Брест-Литовске о заключении мира между Советской Россией и государствами германской коалиции. Затем Ленин утвердил декрет СНК об отпуске наркому по военным делам Н.И. Подвойскому 10 миллионов рублей на организацию добровольческих отрядов — для войны с той же коалицией. Двойная игра, таким образом, продолжалась. Но на заседании Совнаркома Ленин все-таки показал, чего он хочет на самом деле, а что является искусным блефом.

Народный комиссар по военным делам Подвойский, который всерьез готовился воевать с немцами, предложил выпустить от имени СНК «Манифест о социалистической войне» с призывом создавать новую социалистическую армию. Ленин тут же указал на несвоевременность такого шага и предложил прежде провести решение о создании новой армии через местные Советы. По существу это означало затянуть время и сделать инициативу Подвойского невыполнимой.

---

[1] *Ленин В.И.* Шарлю Дюма // Ленин В.И. ПСС. М., 1965. Т. 50. С. 20–21.

[2] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. М., 1974. Т. 5. С. 152.

[3] Брест-Литовск (Из мемуаров Оттокара Чернина) // Архив русской революции. Т. 1–2. М., 1991. С. 120.

Утром 24 декабря 1917 г. вождь большевиков выехал в санаторий «Халила» на Карельском перешейке (тогда часть Финляндии). Считалось, что Ленин находится там на отдыхе. Однако он продолжал держать руку на пульсе событий. Председатель Совнаркома регулярно получал из Петрограда доклады о ходе мирных переговоров в Брест-Литовске, а также беседовал о тактике партии в связи с открытием Учредительного собрания с некоторыми депутатами-большевиками. И еще он много писал. С 24 по 27 декабря 1917 г. Ленин составил набросок «Из дневника публициста (Темы для разработки)», предварительные тезисы и окончательный текст «Проекта декрета о потребительных коммунах», а также статьи «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое» и «Как организовать соревнование?».

Интересно, что в этих текстах практически ничего нет о подготовке к революционной войне с Германией и совсем ничего о тактике большевиков в Учредительном собрании. Хотя как раз накануне отъезда Ленина из столицы (22 декабря) советские власти наконец-то назначили точную дату начала работы этого органа — 5 января 1918 года.

Неудивительно: открывали его большевики только для того, чтобы тут же ликвидировать. Депутаты от партий большевиков и левых эсеров собирались предложить Учредительному собранию признать, что власть должна принадлежать исключительно «трудящимся» в лице их полномочного представительства — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поэтому Учредительному собранию следует ограничить свою задачу одобрением уже изданных советской властью декретов и установлением коренных начал федерации советских республик России. А все подробности, включая конституции отдельных республик, должны определить рабочие и крестьяне каждой нации на своем собственном съезде советов. Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов был намечен на 8 января 1918 года. Ему и должно было передать власть Учредительное собрание, а само распуститься. Если же депутаты не захотят это сделать добровольно, готовился силовой вариант их разгона.

23 декабря 1917 г. в Петрограде ввели военное положение. Был создан Чрезвычайный военный штаб с участием наркома по военным делам Н.И. Подвойского. В боевую готовность привели отряд красной гвардии. В столицу ввели полк латышских стрелков и сводный отряд моряков Балтийского флота[1].

Каким бы путем ни прекратило свою деятельность Учредительное собрание — мирным или насильственным, в любом случае для Ленина названный орган принадлежал политическому прошлому России. А вождь большевиков уже думал о будущем этой страны. Контурам социалистического грядущего России и посвящены работы, вышедшие из-под ленинского пера в четыре декабрьских дня, проведенных им в Финляндии.

Учредительное собрание в его мыслях уже разогнано. С Германией же Ленин решил заключить сепаратный мир. Все равно ведь в ближайшем

[1] *Протасов Л.Г.* Указ. соч. С. 276.

будущем победит общеевропейская революция! Однако сам эту революцию нести в Германию на штыках Ленин не собирается. Отныне никакой революционной войны! Вернее так: «Революционная война держащего власть пролетариата может быть лишь война за упрочившийся социализм». Упрочившийся! А значит: «Сначала победить буржуазию в России, потом воевать с буржуазией внешней, заграничной, чужестранной»[1].

Но говорить об этом во всеуслышание не стоит. Поэтому ни один из текстов, написанных в финском санатории, не увидит свет при жизни большевистского вождя. В конце декабря 1917 г. он по-прежнему ведет двойную игру, а советское руководство демонстрирует свою готовность к сотрудничеству с Антантой против Германии (хотя само возобновляет переговоры с немцами в Брест-Литовске).

И все же слегка свои карты Ленин приоткрыл. Он сделал это 29 декабря, сразу после возвращения в Петроград, в беседе с французом Садулем (Дюма Ленин так и не принял). Вождь большевиков признал, что Россия может уступить грубой немецкой силе и подписать мир, «каким бы страшным он ни был». Конечно, этот мир будет всего лишь перемирием. Россия использует его, чтобы создать революционную армию, которая поможет «пролетариату Центральной и Западной Европы» (т.е. австрийскому и германскому) «избавиться от старого режима»[2].

Однако для Парижа эти успокоительные заверения мало чего стоили. Французов, несших главную тяжесть сухопутной войны, никакое длительное перемирие на Восточном фронте, а тем более мир, заключенный Россией и Германией, не устраивали.

Хуже всего было то, что Центральная Рада, на которую в Париже как на антигерманскую силу возлагали большие надежды, откликнулась на приглашение немцев и тоже отправила свою делегацию в Брест. И, в довершение всех неудач французской дипломатии, государственный секретарь США Р. Лансинг отклонил ноту Франции о союзнической интервенции в Сибири.

Теперь французы могли связывать возрождение Восточного фронта только с Доном и Румынией, а также с остававшимися на Румынском фронте русскими войсками генерала Д.Г. Щербачева.

Щербачев еще в ноябре 1917 г. под давлением французов принял предложение Центральной Рады сформировать из войск Румынского и Юго-Западного фронтов особую Украинскую армию для борьбы с немцами. После начала украино-германских переговоров от этой затеи приходилось отказываться.

Но создание в Румынии армии под русским флагом и во главе с царским генералом неминуемо должно было натолкнуться на сопротивление Советской России. 22 декабря советский главковерх Крыленко приказал русским войскам с оружием отходить из Румынии в Бессарабию.

---

[1] *Ленин В.И.* Из дневника публициста (темы для разработки) // Ленин В.И. ПСС. М., 1962. Т. 35. С. 188–189.

[2] *Садуль Ж.* Указ. соч. С. 152.

Там они должны были бы стать опорой контролировавшегося большевиками и левыми эсерами Румчерода — Центрального исполнительного комитета съезда советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы. Но это могло сорвать план румын по захвату Бессарабии. Поэтому румынские власти стали препятствовать передислокации русских войск, находившихся под большевистским влиянием.

31 декабря 1917 г. Ленин узнал о том, что 194-й Троицко-Сергиевский полк был окружен румынами, разоружен и отведен в тыл. В ответ по распоряжению Ленина был арестован весь состав румынского посольства и румынской военной миссии, включая посла К. Диаманди, а Совет народных комиссаров предъявил румынскому правительству ультиматум с требованием немедленного освобождения арестованных русских солдат и гарантий, что подобное впредь не повторится.

Эти действия Ленина являлись грубейшим нарушением международного права и вполне могли бы стать поводом для очень жестких действий Антанты. Но западные державы ограничились коллективным визитом своих дипломатов к Ленину 1 января 1918 г. с требованием освободить румынского посла. Примечательно, что председатель Совета народных комиссаров предписал выпустить румын только 2 января, после того как накануне вечером его автомобиль был обстрелян неизвестными.

Это было первое покушение на жизнь Ленина. По намеку видного деятеля партии эсеров Б.Ф. Соколова оно стало делом рук группы Федота Онипко, эсеровского депутата Учредительного собрания от Ставропольской губернии. Как активный участник революции Онипко в 1906 г. был сослан в Сибирь, откуда бежал во Францию. Там он учился в Сорбонне, а с 1914 г. служил добровольцем во французской армии. В конце 1917 г. Онипко входил в состав Военной комиссии ЦК партии социалистов-революционеров. Его план убийства Ленина был утвержден Военной комиссией, но категорически отвергнут ЦК. После того как о покушении стало известно, Центральный комитет эсеров официально отмежевался от этого акта[1]. Возможно, эсеровское руководство действительно не имело отношения к покушению, и ставропольский депутат, стреляя в Ленина, действовал по указке французских спецслужб. Другой вопрос, что было целью данного акта: убийство Ленина или просто предупреждение? В любом случае председатель Совета народных комиссаров адекватно оценил ситуацию. Сразу после покушения он принял французского представителя Садуля и пообещал освободить Диаманди[2]. А потом нанес удар по правым эсерам.

Большевики арестовали деятельных эсеровских депутатов Учредительного собрания П.А. Сорокина и А.А. Аргунова. Арест народных избранников никакой реакции западных дипломатов не вызвал. Тем не менее, среди депутатов Учредительного собрания теплилась надеж-

[1] *Протасов Л.Г.* Указ. соч. С. 279, 305.
[2] *Садуль Ж.* Указ. соч. С. 157.

да на то, что представители стран-союзниц как-то защитят их от большевистского произвола. 3 января 1918 г. депутаты эсеры и меньшевики пригласили на свое совместное заседание капитана Садуля. Но слов поддержки они от него не услышали. Наоборот, француз заклеймил их «позорную и неискреннюю позицию» и завязал бурную дискуссию с руководителем эсеровской фракции Рудневым. Гнев Садуля вызвало признание Руднева о том, что «его партия ни за что не будет помогать большевикам в возобновлении войны»[1]. Этим заявлением Руднев лишил Учредительное собрание надежды на поддержку Франции.

Что касается большевиков, то они приступили к подготовке разгона Учредительного собрания. 3 января 1918 г. Ленин написал проект постановления ВЦИК о том, что всякая попытка присвоить себе функции государственной власти в Российской Советской республике признается контрреволюционной и будет подавляться всеми средствами[2]. Таврический дворец взял под охрану полк латышских стрелков[3].

Поздно вечером того же дня Ленин передал по прямому проводу в Брест-Литовск Троцкому предложение прервать переговоры и выехать в Питер[4]. Вероятно, прекращение переговоров в Бресте было частью платы за согласие Антанты на разгон Учредительного собрания. Кроме того, западным союзникам требовалось любой ценой сорвать заключение мира между Центральной Радой и немцами. Реализация названной цели достигалась только путем свержения украинского правительства, и сделать это могли лишь большевики. Поэтому ценность сотрудничества с ними для Запада многократно возрастала. Настолько, что на судьбу Учредительного собрания можно было просто закрыть глаза. Тем более что его депутаты 4 января 1918 г. решили во что бы то ни стало провести постановление о мире, приняв соответствующее обращение ко всем воюющим державам. Кроме того, они планировали объявить о продолжении Россией переговоров с Германией[5]. Причем это пункт был поставлен первым в повестке дня.

Это окончательно отбило охоту западных дипломатов хоть как-то выразить свою симпатию детищу русской демократии. Ни один из послов Антанты не явился 5 января 1918 г. в Таврический дворец на открытие Учредительного собрания. Туда, однако, пришли представители западных спецслужб и журналисты. Но они находились отнюдь не среди депутатов от демократической оппозиции. Американцы Альберт Рис Вильямс и Джон Рид беседовали с большевистскими руководителями — В.Д. Бонч-Бруевичем, А.М. Коллонтай, А.В. Луначарским, В. Володарским, В.И. Лениным. Эдгар Сиссон, сопредседатель комитета общест-

---

[1] *Садуль Ж.* Указ. соч. С. 158.

[2] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. Т. 5. С. 174.

[3] *Вильямс А.Р.* Указ. соч. С. 251.

[4] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. Т. 5. С. 176.

[5] *Огановский Н.* Дневник члена Учредительного собрания // Голос минувшего. 1918. № 4–6. С. 148.

венной информации США, занял место рядом с Ольгой Каменевой, женой видного соратника Ленина Л.Б. Каменева[1].

Ни американцев, ни француза Садуля ничуть не смутило то, что днем большевиками была расстреляна демонстрация сторонников Учредительного собрания. Погибли 12 человек. Среди них — внучка декабриста И.И. Горбачевского Елена[2]. В донесении капитана Садуля в Париж об этом нет ни слова осуждения[3]. Его симпатии целиком на стороне большевиков. Еще бы, ведь 5 января 1918 года они действовали так, как было нужно Антанте.

В этот день красные из Харькова начали наступление на Полтаву и дальше на Киев[4], чтобы свергнуть предавшую Антанту Центральную Раду. Тогда же Троцкий, прервав переговоры в Брест-Литовске, выехал в Петроград. Ну а ночью Учредительное собрание, чья деятельность не могла принести Антанте ничего, кроме проблем, было закрыто. ВЦИК принял декрет о его роспуске.

6 января 1918 г. председатель Американской федерации труда С. Гомперс предложил Вильсону направить приветствие Учредительному собранию. Однако президент США счел это «нецелесообразным»[5]. Принцип целесообразности заставил его и других лидеров Антанты поддержать не законный, избранный всем народом представительный орган, а узурпировавших власть большевиков.

[1] *Вильямс А.Р.* Указ. соч. С. 252–253, 258.
[2] *Протасов Л.Г.* Указ. соч. С. 306.
[3] *Садуль Ж.* Указ. соч. С. 158.
[4] *Поликарпов В.Д.* Указ. соч. С. 390.
[5] *Дэвис Д.Э., Трани Ю.П.* Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 215.

ЛЕГАЛЬНОСТЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ 1918 г.

КАРПЕНКО КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ,
кандидат юридических наук,
доцент Московского государственного института
международных отношений (МГИМО) МИД России,
Москва, Россия;
e-mail: kvk_1973@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема законности и правомерности Учредительного собрания в России в 1918 г. Первичность учредительной власти по отношению ко всем прочим властям не превращает ее в абсолютную и бесконтрольную. Она создает новый правопорядок, поэтому ее полномочия должны опираться на законное основание. Автор видит одно из оснований в юридической преемственности полномочий Учредительного собрания от императора и Временного правительства. Другим основанием служит объем и предмет его полномочий. Автор показывает, что политические события могут значительно изменить как объем, так и предмет.

Ключевые слова: Учредительное собрание, учредительная власть, конституция, законность, легитимность, Временное правительство.

Учредительное собрание 1918 г. по праву занимает исключительное место в истории России. Несмотря на действительно глубоко укорененную традицию патернализма[1], многомиллионное население страны, впервые после 1613 г., оказалось призвано самостоятельно решить свою государственную судьбу. Но, в отличие от XVII в., повторный опыт политического рождения народа был прерван. Его будущее определилось не только без его участия, но даже без учета его воли.

История Учредительного собрания изучена достаточно хорошо. Внимание исследователей направляется практически на все вопросы, связанные с данным учреждением. Изучаются отношение к идее учредительной власти в русском обществе накануне революции 1917 г.[2], подготовка к выборам в Учредительное собрание и его созыву, разработка законодательства, организация и проведение выборов, их результаты и многое другое[3]. Нельзя сказать, чтобы российское Учредительное собрание являлось для ученых *terra incognita*, каким бы кратким ни был период его существования. В то же время, как нам представ-

[1] *Вершинин А.А.*, *Молчаков Н.Ю.* Проблема легитимности политической власти в современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 9. № 1. С. 42–44.

[2] *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание. М., 2010.

[3] *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. Л., 1976.

ляется, юридические вопросы, касающиеся статуса этого учреждения, могли бы стать новым предметом рассмотрения.

По нашему мнению, легальность российского Учредительного собрания 1918 г. выявляется через преемственность его власти от Временного правительства, а также через рассмотрение проблемы его полномочий. Ведь конституционной истории известны случаи, когда после самых радикальных перемен в государственно-правовом пространстве продолжают существовать органы исчезнувшего правления[1]. Легитимность же Собрания определяется степенью поддержки, которую оно получило в русском обществе. Тогда легитимность допустимо представить как правомерность власти в глазах общества[2].

Нам представляется, что проблема законности возникновения нового правопорядка может и должна решаться в научно-правовом пространстве, с привлечением средств юридической методологии. Это вытекает из того очевидного утверждения, что цивилизованное общество управляется законами. Коль скоро высшим законом выступает конституция, ее происхождение должно быть тем более вне подозрений. Ведь она обуславливает всю нижестоящую пирамиду правовых предписаний, транслирует через них заключенные в ней самой принципы[3]. Значит, любая конституция, в том числе и совершенно новая, должна быть принята в рамках законной процедуры и законным, т.е. уполномоченным на это органом власти.

Кроме того, не менее очевидным является и тот факт, что главным субъектом права всегда будет индивид, чье правовое положение требует адекватной защиты[4]. Значит, сообщество индивидов нуждается в законах, т.к. лишь право может адекватно разграничить их, подчас противоположные, интересы. Ведь именно право является мерой человеческой свободы[5]. Думается, что вышеприведенные аргументы оправдывают наше обращение к столь неоднозначной теме, как законность вновь образованного правопорядка.

В создании отечественного Учредительного собрания 1918 г. в полной мере прослеживается преемственность от ранее существовавших учреждений. Мы исходим из того, что отречение Николая II 2 марта 1917 г. было событием, без сомнения, небывалым в русской истории, но, тем не менее, вполне законным с учетом тогдашних условий[6]. Не имея возможности повторить здесь все высказанные нами прежде

[1] *Эсмен А.* Общие основания конституционного права. СПб., 1898. С. 342–346.

[2] *Голубева М.И.* Проблемы легитимности власти в Революции 1917 года в России // Столетие Революции 1917 г. в России: Науч. сб. / Под ред. И.И. Тучкова. М., 2018. Ч. 1. С. 38–39.

[3] *Kelsen H.* The general theory of law and state. Cambridge-Massachusetts, 1949. P. 132–135.

[4] Омбудсман в зарубежных странах: колл. монография / Под ред. А.Г. Орлова, Н.А. Славкиной. М., 2014.

[5] *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 89–92.

[6] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а. Л. 5.

аргументы, заметим лишь, что самостоятельный отказ от прав верховной власти был допустим по законам Российской империи[1]. Коль скоро обладание престолом есть право, а не обязанность, занимающее его в данный момент лицо всегда сохраняет за собой возможность отречения, что и было указано в ст. 37 ОГЗ 1906 г.[2].

Временный комитет членов Государственной думы, возникший по инициативе Совета старейшин (сеньорен-конвента) 27 февраля 1917 г., явился неформальным ответом на указ императора Николая II о приостановлении парламентских занятий[3]. Вместе с тем, по нашему мнению, появление этого чрезвычайного органа вписывалось в действовавшее тогда законодательство. Временный комитет был необходим для обеспечения работы Государственной думы в период краткосрочной невозможности проводить пленарные заседания. Иными словами, он был административным органом и не имел права издавать акты законодательного характера. Справедливости ради отметим, что на этот счет есть и другие мнения[4]. Примечательно также, что депутаты не захотели объявить себя Учредительным собранием, по примеру своих французских предшественников в 1789 г., что, кстати говоря, и было бы бесспорным нарушением закона. Добавим, что присутствие в наименовании Комитета слова «члены» имело своей целью устранить подозрения в невыполнении указа императора о приостановлении деятельности палаты[5]. Что же касается легитимности Комитета, то этим качеством он, несомненно, обладал в значительной мере, о чем свидетельствует большое число посланий, полученных им в марте–мае 1917 г.[6].

Схожим образом и законность Временного правительства едва ли может быть поставлена под сомнение. Председатель Совета министров кн. Г.Е. Львов был назначен указом императора формально до отречения последнего от престола. Как и в современных государ-

---

[1] См. подробн.: *Карпенко К.В.* Конституционно-правовые основания отречения Николая II и отказа от восприятия Верховной власти Михаила Александровича [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://politconservatism.ru

[2] *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 243.

[3] См. подробн.: *Николаев А.Б.* Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 г.: В 2-х т. СПб., 2017. Т. 1. С. 212–215.

[4] *Николаев А.Б.* Вопрос о судьбе Государственной думы в марте–апреле 1917 года // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст.: В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2013. Ч. I. С. 221–222.

[5] *Бурджалов Э.И.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 237.

[6] *Николаев А.Б.* Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 г.: В 2-х т. СПб., 2017. Т. 2. С. 242; *Раскин Д.И.* Телеграммы и письма Временному комитету Государственной думы как источник по истории восприятия событий февраля–марта 1917 г. в России // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст.: В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. I. С. 209–210.

ствах, это означает наделение исполнительной власти всеми правами подчиненного управления, с распространением ее полномочий на все нижестоящие учреждения[1]. Декларацией Временного правительства тот же Г.Е. Львов назначался на вышеупомянутую должность[2]. Очевидно, что, оказавшись в исключительных обстоятельствах, думские лидеры стремились, тем не менее, соблюсти правомерность перехода власти. От этого, по их мнению, в известной степени зависела прочность этой самой власти, которую они были вынуждены принять. Мы не склонны разделять позицию о существовании некоего заговора против царя накануне февральских событий хотя бы потому, что мнимые «заговорщики» слишком уж бездарно распорядились «вожделенными» возможностями[3].

Еще одним аргументом в пользу законности власти Временного правительства следует полагать высказанную державную волю Михаила Александровича[4]. В тексте документа содержится призыв подчиниться новоявленному органу власти, а также указывается на парламентское основание его полномочий. В момент написания Акта об отказе от восприятия Верховной власти Михаил Александрович уже являлся императором всероссийским, т.к. вступление на престол совершалось непосредственно вслед за опростанием оного[5]. Процедура восшествия на престол могла быть совершена и позже, причем закон не устанавливал на этот счет никаких сроков. Это означает, что Михаил II лишь откладывал свое официальное «вступление в должность» и увязывал его со скорейшим созывом Учредительного собрания.

Таким образом, будущее Учредительное собрание еще в период подготовки к его избранию и созыву опиралось на юридическую преемственность власти. Все предшествовавшие ему органы в той или иной мере придавали ему законные основания для возникновения и деятельности. Немаловажным будет и то обстоятельство, что захватившие власть в октябре 1917 г. большевики создали свое правительство (СНК) как временный орган, долженствовавший действовать до созыва Собрания. Следовательно, и они признавали, по крайней мере, формально его легальность. При прочих равных условиях Совнарком должен был обеспечить проведение выборов и созыв русской Конституанты, после чего сложить с себя полномочия и поступить в его (Собрания) распоряжение. Поэтому едва ли можно согласиться с мнением, что Учредитель-

[1] Правительство в зарубежных странах: колл. монография / Под ред. К.В. Карпенко. М., 2016.

[2] Декларация Временного правительства от 3.02.1917 // Авдеев Н. Революция 1917 г. (Хроника событий). М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 189–190.

[3] Например, Временное правительство так и не сумело организовать новую систему охраны правопорядка. См.: *Горская Н.И.* «Очистительная сила революции» и милиция Временного правительства // Столетие Революции 1917 г. в России. С. 54–55.

[4] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а. Л. 7.

[5] ОГЗ 1906 г., ст. 53 // СЗРИ. СПб., 1912. Т. 1. Ч. 1. С. 4.

ное собрание стало попыткой сопротивления власти[1]. Оно само было этой властью!

В начале нашего изложения мы определили, что правовой статус властного учреждения раскрывается еще и через характер его полномочий и способ их осуществления. Любое Учредительное собрание есть орган чрезвычайной власти, появляющийся в исключительных условиях смены правопорядка. Тем не менее, такой орган не может действовать бесконтрольно, он не пользуется абсолютной властью. Иначе он превратился бы в еще большего тирана, чем тот, от которого чаще всего стремятся освободиться революционеры всех времен. Однако, и обратное рассуждение было бы неудовлетворительным, если бы мы попытались каким-то образом ограничить власть Конституанты. Ведь таковая по определению является верховной, создающей все прочие власти. Значит, выше нее не может быть ничего и никого.

Мы видим выход из методологического затруднения в том, чтобы разграничить, с одной стороны, предмет полномочий учредительной власти и, с другой — их объем. Последний (объем) всегда ограничен, т.к. Собрание созывается только для выработки и принятия новой конституции, т.е. новой формы правления[2]. Никакими иными делами учредительная власть заниматься не может и не должна. Например, первые конституции Франции 1791 г. и 1793 г. ограничивали ее полномочия не только сроком, но и кругом решаемых вопросов[3].

Что же касается предмета ее полномочий, т.е. какую именно форму правления она установит, то в этом вопросе учредительная власть вполне свободна. Теоретически Собрание может высказаться в пользу любой организации власти, в том числе и менее демократической, чем она сама. Уместным историческим примером подобного развития событий нам представляется Земский собор 1613 г., восстановивший, как известно, самодержавную монархию в России. Это притом, что польская модель аристократической «республики» с безвластным господарем во главе была, без сомнения, знакома русским людям той эпохи.

Вместе с тем практика публично-правовых отношений вносит немалые коррективы в вышеизложенную теоретическую конструкцию. Объем полномочий Учредительного собрания имеет устойчивую тенденцию к расширению. Оно не ограничивается лишь установлением нового политико-правового режима, но и присваивает себе права обычной законодательной власти. Иными словами, учредительная власть, уже создав другие власти, продолжает свою деятельность и принимает неотложные законы, хотя не имеет на это права. Так было, например, во Франции

[1] *Коваленко В.И.* От Февраля к Октябрю: логика и противоречия политического процесса // Столетие Революции 1917 г. в России. С. 83.

[2] *Авдеев Д.А.* Юридическая природа, содержание и виды формы правления: новый взгляд и уход от стереотипов (К постановке проблемы) // Государство и право. 2015. № 12. С. 33.

[3] Constitution de 1791, Titre VII; Constitution de 1795, art. 342, 347 // Les Constitutions de la France depuis 1789. Paris: GF-Flammarion, 1995. P. 65–67, 138–139.

в 1871 г., в Англии в 1641 г. и в 1688 г., в некоторых европейских государствах после Первой мировой войны[1]. В США в 1787 г. конституционный конвент собрался для «единственной и исключительной цели пересмотреть Статьи Конфедерации 1781 г.». Но уже на 3-й день своей работы делегаты принялись обсуждать проект новой конституции, чего делать они не имели права[2].

В отношении предмета полномочий учредительной власти имеется обратное движение. Априори он не ограничен, но на практике делегаты-учредители оказываются всегда связанными преобладающими политическими настроениями. Следовательно, Учредительное собрание неспособно установить любую форму правления. Таковая будет, в той или иной степени, отрицанием прежней и, чаще всего, более демократичной. Пример той же Франции конца XVIII в. будет более чем красноречив. Конституция 1791 г. учредила ограниченную монархию, Конституция 1793 г. провозгласила республику. Но Основной закон 1795 г. отменил всеобщее избирательное право и ввел цензовый порядок формирования органов власти. Это последнее обстоятельство было, без сомнения, ответом на якобинскую диктатуру, возвращения которой не хотел никто. Иными словами, Учредительное собрание, как правило, провозглашает ту форму правления, которая удовлетворяет текущим запросам общества.

Таким образом, учредительная власть по своей юридической природе изначально ограничена в объеме своих полномочий, но вполне свободна в предмете. Однако в действительности, в силу политической ситуации, объем всегда оказывается расширенным, тогда как предмет суживается до степени соответствия народным ожиданиям. В этом заключается существенная особенность учредительной власти в любой исторический период.

Вышеизложенные соображения, как нам представляется, могут быть приложимы и к отечественному опыту учредительной власти. Созванное для выработки новой конституции,Собрание, по всей видимости, было бы вынуждено принять и ряд дополнительных законов, необходимых для введения нового политико-правового режима. В то же время, мы понимаем, что подобное высказывание «грешит» известной долей вероятия, коль скоро Собрание просуществовало лишь один день. Уверенно же можно утверждать лишь то, что оно никогда не восстановило бы царскую власть в России, т.е. предмет его деятельности изначально был ограничен. Наш тезис опирается не только на явный упадок монархических идей в русском обществе[3], но и на правовой

[1] *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание. М., 2010. С. 89–92.

[2] *Maggs G.E.* A concise guide to the records of the Federal constitutional Convention of 1787 as a source of the original meaning of the U.S. Constitution // Wash. L. Rev. 2012. Vol. 81. P. 1–43.

[3] *Омельянчук И.В.* Контрреволюция, которой не было, или почему монархисты не встали на защиту монархии в феврале 1917 г. // Столетие Революции 1917 г. в России. С. 132–133.

аргумент. Известно, что Особое совещание по выработке положения о выборах высказалось за предоставление избирательных прав членам царской фамилии. Но Временное правительство лишило их возможности участвовать в его формировании. Мотивы такого решения были, по всей видимости, пропагандистскими, а также идеологическими, как верно указывается в литературе[1]. Но нам важно подчеркнуть, что запрет, наложенный на Романовых, автоматически отсекал у будущего Собрания одну из возможностей в установлении формы правления. Ведь для наложения подобной санкции не было никаких правовых оснований. Это было символическое действие, порождавшее, однако, юридические последствия. Даже если предположить, что к началу 1918 г. общественные настроения вдруг оказались бы благосклонными к монархии, Собрание де-юре не смогло бы пойти им навстречу. Таким образом, предмет деятельности российского Учредительного собрания был изначально сужен тем самым органом власти, который создавал для него легальную базу.

Легитимность властного учреждения тесно связана с его легальностью. Если последнее свойство позволяет принимать общеобязательные нормативные документы, то первое обеспечивает их выполнение. Поэтому легитимность предстает как убежденность в правильности, правомерности властного воздействия. С этой точки зрения, лишение Романовых избирательных прав не только подрывало преемственность Учредительного собрания, но и уменьшало его легитимность. Этим действием Временное правительство в известной степени предрешило еще не высказанную волю Собрания, оставило без представительства некоторую, пусть совсем небольшую, группу населения (сочувствующих монархии). Тогда как учредительная власть по определению опирается на весь народ, она есть выражение его суверенитета. Неучастие хотя бы части населения в процессе определения дальнейшей судьбы страны делает новый режим менее устойчивым.

Непосредственное влияние на проблему легитимности власти оказывает порядок ее формирования. Применительно к Учредительному собранию речь, разумеется, идет о выборах. Разрабатывая нормативную базу для их проведения, Особое совещание, как известно, выбрало пропорциональную избирательную систему, что было, по всей видимости, не совсем верно, т.к. в России не существовало развитой партийной системы. Но такой порядок выборов как тогда, так и сейчас считается наиболее демократичным, что не могли не учитывать разработчики закона[2]. Не менее важным нам представляется отметить и широкое применение принципа всеобщности избирательного права.

---

[1] *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 71–72.

[2] См., напр.: *Ракитская И.А.* Основные этапы развития избирательного права и избирательной системы в Швеции // Московский журнал международного права. 2017. № 2 (106). С. 97–106.

Его получили не только женщины, что было нетипично для тогдашних даже весьма развитых государств, но и военные, причем любого возраста[1].

В общей сложности, по подсчетам ученых, в выборах приняли участие порядка 50 млн человек. Каких-либо серьезных нарушений, способных поставить под сомнение результаты голосования, выявлено не было. В то же время, исследователи отмечают пассивность крестьянского населения, опасавшегося увеличения всевозможных налогов и сборов. Это проявилось уже на стадии подачи голосов в местные органы власти летом 1917 г.

Не добавляли легитимности будущему Собранию и препятствия, чинимые большевиками в момент выборов, уже после захвата ими власти в Петрограде. Так, в Московской губернии не допускалась агитация против большевиков, выступающие на митингах ораторы испытывали давление и угрозы, если они не поддерживали узурпаторов[2].

Завершая наш краткий обзор, мы склонны сделать вывод о несовпадении признаков легальности и легитимности применительно к Учредительному собранию 1918 г. Если первая была налицо, то на вторую оставалось лишь уповать. Быть может, это объясняется действительно тем, что данная идея была усвоена лишь тонким просвещенным слоем русского общества, она не успела «пустить корни» в народной среде, которая в нужный момент не оказала Собранию должной поддержки[3].

[1] Положение о выборах в Учредительное собрание, ст. 3 // Учредительное собрание. Россия, 1918 г. / Стенограмма и др. док-ты. М., 1991. С. 14.

[2] *Малышева О.Г.* Подготовка к созыву Учредительного собрания в Москве // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст.: В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. I. С. 261–262.

[3] *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание. С. 15.

МОГЛО ЛИ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ВЫВЕСТИ РОССИЮ ИЗ КРИЗИСА?

ХОЛЯЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры Гуманитарных наук
Ярославского государственного
технического университета,
Ярославль, Россия;
e-mail: holyaev69@inbox.ru

Аннотация: Российское Учредительное собрание соответствовало общей направленности Февраля, объективно толкавшего страну на путь распада. Главная проблема заключалась вовсе не в межнациональных отношениях, а во взаимоотношениях власти и народа. Если предшествующий опыт французских институций XIX века, 1848 и 1871 годов, представлял классические образцы буржуазного парламентаризма, революционная Россия находилась в уникальном положении, когда основные народные слои, особенно крестьяне и солдаты, обладали неограниченной свободой. Собрание не могло стать успешным без признания народа. Интеллигенция, став властью, не сумела обрести авторитет в массовых слоях общества, и потому попытка реализации интеллигентскими партиями своих стратегий неминуемо обостряла конфликтность. Проэсеровское Учредительное собрание должно было привести страну к жесточайшей гражданской войне, дававшей повод внешним силам вмешаться во внутренние дела российского государства с целью его расчленения. Представляется важным, что приход большевиков к власти произошел перед выборами в Учредительное собрание. Если бы большевики получили власть после начала работы Учредительного собрания, их победа оказывалась бесполезной для сохранения территориального единства. Учредительное собрание запускало спусковой механизм распада, остановить который было бы уже невозможно.

Ключевые слова: Учредительное собрание, крестьяне, кадеты, эсеры, большевики, угроза распада государства, Октябрь 1917 года.

Деятельность российского Учредительного собрания сопрягалась с гораздо большими трудностями, чем у аналогичных институций власти в той же Франции. В 1848 и 1871 годах это были чисто элитарные проекты, способные преодолевать сопротивление народа. Возражения преодолевались сверхрешительными мерами — в первом случае расстрелом рабочей демонстрации летом 1848 года, а во втором кровавым разгромом Парижской коммуны[1]. В России 1917 года ситуация складывалась принципиально иначе. Здесь хозяевами положения пребывали не элитные группы, а простой народ. И для позитивного исхода Учредительного собрания требовалось согласие самых широких масс народных низов — крестьян, солдат и рабочих.

[1] История Франции: В 3-х т. / Отв. ред. А.З. Манфред. М., 1973. Т. 2. С. 291–297, 405, 408, 460–461.

Встретиться народ и новая революционная элита должны были, как минимум, дважды. Вначале на выборах, а потом при последующем решении практических вопросов, вставших перед обществом. Главными из них стали земельный и национальный вопросы. Те не могли получить разрешения в тиши кабинетов. А интеллигенция, обретшая власть, осталась с народом один на один, без посредников, каковым ранее выступал административный аппарат царской России. От исхода выборов зависел состав собрания, а от лояльного отношения массы населения — благоприятный исход мероприятий, вытекавших из повестки дня «Хозяина земли Русской». Мечта о созыве Учредительного собрания являлась вековой мечтой интеллигенции, но в народную толщу такое отношение не проникло. Крестьяне и солдаты охотно слушали «вирши» интеллигенции. Некоторое время, как это было в ноябре–декабре 1917 года с крестьянами, даже совместно с эсерами боролись против большевиков на II Всероссийском съезде крестьянских депутатов, за его созыв[1]. Но делать это на длительной основе, тем более, ради этого идти на жертвы крестьяне точно не собирались.

Политические партии как объединения интеллигенции не овладели ситуацией после февраля 1917 года. Собственно и Временное правительство фактически осуществляло работу на непартийной основе. Преобладание в нем получили или представители мелких партий, включая распущенные, наподобие прогрессистов, или лица, находившиеся в партиях на вторичных ролях, а также те, кто возглавлял в предфевральский период надпартийные органы (кн. Г.Е. Львов)[2]. Партий, реально боровшихся за власть, осталось всего три. Это кадеты, в спектре либеральных партий, уже с весны 1917 года, с марта–апреля, ставшие безоговорочными аутсайдерами, бессильными повлиять на политический процесс[3]. Только две партии, большевики и эсеры, имели основания рассчитывать на реализацию собственных партийных стратегий. Большевики часто говорили об Учредительном собрании, но относились к нему скептически, не относясь к ярым борцам за его созыв. Главной силой, пламенно выступавшей за полновластие учредительного органа, как раз и были члены ПСР[4].

Парадоксальным образом две партии, больше всего и мечтавшие о созыве собрания, кадеты и эсеры, оказались главными противниками в условиях послефевральской действительности[5]. Полигоном в их борьбе сначала стали выборы в городские думы и земства, предваряющие выборную кампанию в Учредительное собрание. Выборы наглядно про-

[1] Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В. Волобуев, М., 1993. С. 399–401.

[2] *Никонов В.А.* Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем. М., 2017. С. 56–57, 65.

[3] *Спирин Л.М.* Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 100.

[4] *Медушевский А.Н.* Причины крушения демократической республики в России 1917 года // Отечественная история. 2007. № 6. С. 12.

[5] ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 87. ЛЛ. 14 об.–18 об.

демонстрировали, что переход к всеобщему избирательному праву лишает кадетов конкурентоспособности. Хотя за ними остаются локальные победы, основной избиратель предпочитает социалистов[1]. Весь период с февраля по октябрь эсеры и кадеты, особенно первые, активно пожирали друг друга. Стало понятно, что противоречия внутри интеллигентского сообщества мешают ему как численно небольшой группе заявить совместные претензии на разворот России, как принято теперь говорить, к демократической модели. По партийному списку в Учредительное собрание кадетов прошло всего 14 человек, и большевики без особых проблем закрыли им путь туда, исключив их из числа депутатов[2]. Эсеры остались в одиночестве, несмотря на союз с еще одной в прошлом крупной партией, по существу ставшей архитектором февральского переворота 1917 года, а сейчас еле набравшей 2 %, — меньшевиками[3].

Эсерам как наиболее яркой партии в полной мере пришлось испытать на себе безразличие народа к любым формам партийной деятельности, в том числе и к избирательным кампаниям. Это касалось и главных избирателей революционной России — крестьян. Они при голосовании за партии отдавали некоторое предпочтение эсерам, но не видели в них силу, которой обязаны беспрекословно подчиняться[4]. Пусть эсеры и были радикальнее кадетов, и в большей степени готовы к совместным действиям с крестьянами, из этого вовсе не вытекает, что они были ближе к народу, чем другие партии. От него они были столь же далеки.

Сегодня часто высказывается мнение, что Учредительное собрание потерпело поражение вследствие долгой затянутости подготовки к его организации. Будь оно проведено быстро, непременно закончилось бы успехом[5]. Думается, это ошибочное предположение. Как раз длительное откладывание реформ, обещание провести их позднее позволило февральскому режиму просуществовать 8 месяцев. Конечно, эсеровский курс на откладывание начала земельных преобразований ухудшал отношение крестьян к ним. Однако при этом сохранялась основа для продолжения диалога народа с властью[6]. Земельная реформа не могла удовлетворить высокие аппетиты крестьян, и ее проведение разочаровало бы их. Поэтому откладываемый эффект опасных обещаний продлил период нахождения у власти деятелей февральского режима.

Технически проэсеровское Учредительное собрание упустило последний шанс для полнокровной деятельности в сентябре 1917 года,

---

[1] *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 111.

[2] *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 615.

[3] *Краус Т.* Диктатура и демократия — на практике // Вершина Великой революции. К 100-летию Октября / Под общ. ред. Б.Ф. Славина, А.В. Бузгалина. М., 2017. С. 362–363.

[4] Воля народа. 1917. 8 сентября (Кострома).

[5] Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2 / Под ред. И.И. Герасимова. Казань, 2017. С. 601.

[6] *Малинина А.* На защиту свободы. М., 1917. С. 9.

на волне разгрома выступления генерала Л.Г. Корнилова. К этому времени уже была назначена дата выборов на 12 ноября — именно в это время выборы и состоялись[1]. Осенью 1917 года было очевидно, что большевики стремятся к получению власти через большевизацию Советов. Поэтому эсеры и меньшевики, решись они на образование собственного правительства, должны были обеспечить автономию от Советов. Тогда в умеренно-социалистических кругах появилась идея оттеснения Советов от власти через создание нового органа — Предпарламента. Он мог вытеснить Петроградский Совет на периферию системы властных органов, превратив Советы в аналог профсоюзов, и обеспечить эсерам защиту от большевиков.

20 сентября, рассчитывая на такую комбинацию, на Президиуме Демократического совещания эсеро-меньшевистские руководители приняли решение о создании однородной власти, без кадетов и большевиков, большинством 60 голосов против 50. Узнав об этом решении, А.Ф. Керенский заявил, что не станет чинить препятствий для работы этого кабинета, но участия в нем не примет и уйдет в отставку. Услышав категоричный тон, лидеры совещания вернули право создания нового правительства прежнему главе и этим предопределили углубление большевизации страны[2].

Реализация разработанного эсерами плана предотвращала приход к власти большевиков в октябре 1917 года, но не решала главной проблемы — сохранения России как целостного государства. Очень важно, что в октябрьские дни действия большевиков произошли перед выборами в Учредительное собрание, поскольку начни оно работу без тех ограничений, которые наложило на собрание большевистское правительство, распад страны становился неизбежен. Неопытность эсеров и меньшевиков, намеревавшихся начать передачу земли крестьянам, с прямым их участием в данном процессе, делала неминуемым обострение конфликта в деревне. Русская императорская армия, абсолютно разложившаяся и еще не демобилизованная, вмешалась бы в гражданскую войну, развернувшуюся вскоре в деревне, причем обеими частями армии: и солдатско-крестьянской, и офицерско-дворянской. В революционный период опасность полновесной гражданской войны с участием профессиональных воинских соединений была всегда очень высокой. Итогом их ожесточенной борьбы могла стать оккупация России военными силами иностранных государств обоих блоков: Антанты и Четверного союза. Такое развитие событий объективно вело к разделу России. Тем более многие территории настраивались на выход из состава России, и их желания при этом получали бы весомую поддержку от находящихся в стране оккупационных войск[3].

[1] *Славин Н.Ф.* Кризис власти в сентябре 1917 года и образование Временного Совета республики (предпарламент) // Исторические записки. М., 1957. Т. 61. С. 45, 48.

[2] *Руднева С.Е.* Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): История форума. М., 2000. С. 40, 196–197.

[3] *Галин В.В.* Запретная политэкономия. Революция по-русски. М., 2006. С. 189.

Эсеровская программа федерализации России органично укладывалась в процесс распада страны. Перед Учредительным собранием стояли сложнейшие национальные проблемы. Эсеры как партия, выражавшая позицию большинства депутатского корпуса, были готовы признать право на проведение отдельных территориальных Учредительных собраний, нацеленных на обретение независимости от единого российского государства, в частности, Украинского и Всесибирского Собраний[1]. Характерно, что никакой благодарности к ним национальные социалисты не испытывали. Белорусский социалист Т. Шаповал утверждал, что Россия всегда душила другие народы, как удав кроликов. И без царя стала душить еще больше[2].

Анализ ситуации осени 1917 — весны 1918 года показывает, что если бы большевики пришли к власти после начала работы Учредительного собрания, их победа оказывалась совершенно бесполезной для сохранения территориального единства. Учредительное собрание запускало спусковой механизм распада, остановить который, даже с применением жесточайших мер, становилось невозможно. Успешный созыв Учредительного собрания, с предоставлением ему всей полноты власти, ввергал Россию в процесс распада. Слишком влиятельные акторы относились к центробежным силам: это и крестьяне, и активисты национальных организаций, и западные союзники. Суть распада заключалась не только в политике отдельных национальных образований (Польши, Финляндии, Украины)[3], но и в распаде социальной ткани государства в центральных районах страны. Так, в Верхнем Поволжье (Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях) никто не собирался отделяться от России. Но крестьяне, привыкавшие к независимой от государства свободной жизни, мыслили мерками своей волости, максимум уезда или губернии[4]. Россия, воплотившая в жизнь многовековую мечту о крестьянской свободе, несла изолированность крестьянских мирков — общин. Каждая община жила внутренней жизнью. Подобной России предстояло исчезнуть с географической карты.

Таким образом, Учредительное собрание было бессильно сохранить территориальную целостность страны и вывести ее из кризиса. Предотвратили распад России, запущенный Февралем и нашедший свое логичное завершение в курсе эсеров на созыв Учредительного собрания, только большевики. Их курс объективно направлялся на централизацию страны. В этом и заключалась главная сущность октябрьских событий 1917 года. Захватив власть за две с половиной недели до выборов в Учредительное собрание, они не допустили самостоятельности собрания, существенно ограничив его правомочия, что позволило сохранить российскую государственность и обеспечить продолжение российской истории.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 5. Д. 2. ЛЛ. 100–101.

[2] Там же. Оп. 3. Д. 17. Л. 2.

[3] *Милюков П.Н.* История второй русской революции: Воспоминания. Мн., 2002. С. 555.

[4] *Кожинов В.В.* Россия. Век XX (1901–1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. Опыт беспристрастного исследования. М., 2002. С. 159.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В СТРАНАХ СНГ

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР И МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ В ПЕРИОД «АВГУСТОВСКОГО ПУТЧА» 1991 г.

МАЛХОЗОВА ФАТИМА ВИКТОРОВНА,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИРИ РАН,
заведующая кафедрой истории российской государственности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия;
e-mail: fa-m@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Верховного Совета, его Президиума и Верховных Советов республик в составе РСФСР, Советов народных депутатов краев, областей, автономных округов, местных Советов в дни «августовского путча» 1991 г. События 19 августа 1991 г. оцениваются большинством авторов как государственный переворот, приведший к радикальным изменениям политической ситуации в стране и предопределивший распад СССР. Анализ и оценка трех дней августа 1991 г., которые стали хрестоматийными, остаются за рамками данной работы, внимание автора сосредоточено на проблеме: Россия и ее регионы, актуальность темы которой не подлежит сомнению.

Ключевые слова: ГКЧП, путч, государственный переворот, 1991 г., распад СССР, регионы, Советы, Верховный Совет, Съезд народных депутатов.

События августа 1991 г. определяются рядом авторов как рубеж между советской и постсоветской эпохами[1]. Нельзя сказать, что эта проблема является предметом активного научного изучения, и не потому, что она не вызывает интерес, а в силу ее высокой политизированности, идеологизированности и острых споров в обществе о распаде СССР. Официальные лица и органы государственной власти России расценили происшедшее в августе 1991 г. как антиконституционный заговор, путч, государственный

[1] См.: *Котляров М.В.* Путч ГКЧП: историческое значение, общественное мнение и политика памяти // Личность, общество и власть в истории России: сб. науч. ст. Новосибирск, 2018. С. 518.

переворот. Одним из дискуссионных является и само определение этих событий как «путча», который, по мнению ряда, исследователей является неправомерным. Не вступая в дискуссии о корректности использования данного определения, тем более, что это не входит в рамки нашего исследования, в самом начале хотелось бы оговориться, что в данной статье он используется как часть терминологии, которая применялась в августе 1991 г.

Политические процессы, предшествовавшие организации ГКЧП хорошо известны. Перестройка политической системы в СССР привела к власти оппозиционные союзному центру силы; после избрания Съезда народных депутатов России и победы 12 июня 1991 г. на всенародных выборах Президента РСФСР Б.Н. Ельцина в Москве появились два государственных центра. Начиная с 1990 г. в республиках СССР началось движение за суверенизацию; в таких условиях для союзных руководителей легитимной возможностью сохранить власть было заключение Союзного договора, который должен был разграничить полномочия между союзными и республиканскими органами государственной власти и остановить процесс суверенизации. Ряд исследователей называют этот документ «политическим мифом», значение которого сильно преувеличено М.С. Горбачевым и путчистами, приводя в качестве подтверждения своих слов такой аргумент, что только союзное руководство и три республики (РСФСР, Казахская ССР и Узбекская ССР) согласились заключить Договор, подписание которого было намечено на 20 августа 1991 г.[1]. В качестве второго варианта борьбы с нараставшими процессами дезинтеграции руководство СССР рассматривало введение чрезвычайного положения.

Путч продолжался 3 дня: с 19 по 21 августа. Причины поражения его хорошо известны: отсутствие политической программы, нерешительность заговорщиков, в то время как их оппонент, демократическое движение, находилось на подъеме, особенно в столице и крупных городах. Российское руководство во главе с Б.Н. Ельциным смогло опереться на быстро возникшее сопротивление Государственному комитету и вышло победителем из противостояния.

События 19 августа 1991 г. являются поводом для непримиримого исторического спора. Не существует однозначной оценки роли ГКЧП в распаде СССР, но не подвергается сомнению, что он кардинально изменил расстановку сил и ситуацию в стране. ГКЧП стал точкой отсчета. С августа по ноябрь 1991 г. большинство республик провозгласили себя независимыми, а последнюю точку поставили результаты украинского референдума. Как считает часть исследователей, 8 декабря 1991 г. соглашение, подписанное главами трех славянских республик, официально

[1] *Лозо И.* Августовский путч 1991 года. Как это было. М., 2014. С. 83; Котляров М.В. Путч ГКЧП: историческое значение, общественное мнение и политика памяти // Личность, общество и власть в истории России: сборник научных статей. Новосибирск, 2018. С. 522.

оформило уже во многом состоявшуюся кончину Союза Советских Социалистических республик[1].

Действия руководителей ГКЧП оценивается большинством авторов, как государственный переворот, приведший к радикальным изменениям политической ситуации в стране и предопределивший распад СССР[2].

Прошло 26 лет, и сейчас есть возможность по-новому взглянуть на события августа 1991 г., особенно в контексте результатов того выбора, который мы сделали в 1991 г. И если события и участники ГКЧП ранее рассматривались как «переворот», который пытались осуществить реакционные консервативные силы, то сейчас, в условиях возрастающей ностальгии по Советскому Союзу, происходит переоценка многих событий.

Как уже отмечалось выше, центром сопротивления стали высшие российские органы власти, Президент и Верховный Совет РСФСР или, точнее, Президиум Верховного Совета РСФСР.

В первый день, 19 августа, Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление, в котором расценил действия «так называемого Чрезвычайного комитета» как государственный переворот, поскольку в соответствии с Конституцией СССР чрезвычайное положение могло быть введено Верховным Советом СССР или Президентом СССР с согласия республики, а при отсутствии такого согласия — решением Верховного Совета СССР, принятым большинством не менее двух третей от общего числа его членов, и вынес решение созвать внеочередную сессию Верховного Совета РСФСР 21 августа с повесткой «О политической ситуации в РСФСР, сложившейся в результате государственного переворота»[3].

На следующий день, 20 августа, Президиум одобрил Указ Президента РСФСР, предписывающий всем воинским частям, частям МВД СССР, КГБ СССР, расположенным на территории РСФСР, перейти под руководство Президента РСФСР — командующего вооруженными силами на территории РСФСР впредь до возвращения Президента страны — главнокомандующего вооруженными силами страны — к исполнению своих Конституционных обязанностей. Всем депутатам, работникам аппарата — мужчинам — было дано распоряжение участвовать в обороне здания Верховного Совета, контролировать обстановку в здании и на площадях перед зданием и руководствоваться указаниями штаба обороны, возглавляемого генерал-полковником К.И. Кобцом[4].

Согласно представленным в Президиум Верховного Совета РСФСР материалам значительная часть Советов народных депутатов в период переворота выполняла Указы Президента РСФСР и осудила инициаторов путча.

Вместе с тем целый ряд республик, краев и областей в составе РСФСР в первые дни переворота, по оценке Президиума Верховного Совета

[1] См.: *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. М., 2007. Т. 2. С. 345; *Шахрай С.М., Станских С.Н.* Мифология распада СССР // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 130.

[2] *Тимофеева А.А.* Распад СССР в контексте Новейшей истории // История государства и права. 2013. № 8. С. 45.

[3] ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1394. Л. 3.

[4] Там же. Д. 1396. Л. 3.

РСФСР, «не дали должной оценки заговорщикам, заняли выжидательную позицию и своим бездействием фактически поддержали антиконституционную деятельность незаконно образованного ГКЧП, а такие регионы, как Северо-Осетинская ССР, Татарская ССР, Чечено-Ингушская ССР, Алтайский и Краснодарский края, Липецкая, Нижегородская, Оренбургская, Ростовская и Рязанская области, своими действиями оказали прямую поддержку путчистам»[1].

Краснодарский краевой Совет народных депутатов занял выжидательную позицию. Как следовало из информации заместителя председателя Краснодарского краевого Совета народных депутатов — председателя крайисполкома Н. Горового, шифрограмма ГКЧП от 20.06.91 о создании краевого комитета по чрезвычайному положению не исполнялась и оставлена без ответа, а Указы Президента РСФСР №№ 59, 61, Постановление Совета Министров РСФСР № 435 были получены 20 августа и немедленно переданы во все районы края, а также опубликованы в местных газетах.

В то же время, Президиум и Исполнительный комитет Краснодарского краевого Совета народных депутатов 20 августа 1991 года приняли обращение к населению Краснодарского края, в котором подчеркивалось, что избранные органы власти края оказались в трудном положении: с одной стороны идут постановления и призывы ГКЧП, с другой — требования российского руководства не подчиняться этим постановлениям и блокировать их. Далее, отметив вклад края в Союзный фонд, в обращении говорилось о недопустимости призывать народ к бессрочной забастовке: «Не поддавайтесь на действия провокаторов и дезорганизаторов, которые днем и ночью лихорадочно работают, подбивая людей к беспорядкам». Завершалось обращение призывом к взаимопониманию, терпимости, уважению друг к другу, следованию закону и сплочению людей вокруг Советов народных депутатов[2].

Позиция председателя Краснодарского краевого Совета народных депутатов Н.И. Кондратенко, как и принятое обращение, была нейтральной и не давала «должной политической оценки антиконституционному государственному перевороту»[3].

По информации членов Липецкого областного штаба по защите Конституции РСФСР 19 августа состоялось заседание Президиума Липецкого областного Совета народных депутатов, на котором постановление № 1 ГКЧП было принято к руководству и исполнению, а также решено органам государственной власти и управления области, городов и районов обеспечить неукоснительное соблюдение режима чрезвычайного положения. Была образована областная комиссия по реализации чрезвычайных мер во главе с заместителем председателя А.В. Антиповым, так как председатель Совета В.В. Донских находился в отпуске[4].

[1] ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1405. ЛЛ. 42–43.
[2] Там же. Д. 1400. Л. 7.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 8.

В то же время рядом депутатов Липецкого городского и областного Совета народных депутатов с 10 часов утра 19 августа был создан штаб по защите Конституции. Членами штаба по телефаксу в этот же день был получен Указ Президента РСФСР № 59, копии которого в период с 15 до 17 часов были вручены членам областной комиссии. Заместитель председателя областного Совета народных депутатов А.В. Антипов заявил, что выполняет постановление ГК ЧП, и отказался принять Указ Президента РСФСР. Другие члены комиссии заявили, что ксерокопии Указа Президента РСФСР не считают документами, так как по официальным каналам Указ не поступал.

Президиум Ростовского областного Совета народных депутатов 19 августа принял решение «О первоочередных мерах в связи с введением чрезвычайного положения в отдельных регионах страны», которым для координации действий по реализации принимаемых решений при введении чрезвычайного положения в области была образована оперативная группа в составе 12 человек под председательством Л.А. Иванченко, народного депутата РСФСР, председателя Ростовского областного Совета народных депутатов. «Комитетом» издавались распоряжения по усилению охраны общественного порядка и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и народного хозяйства, контроля за соблюдением транспортного режима и другие.

Утром 19 августа в Рязанском областном Совете народных депутатов председателем областного Совета первым секретарем обкома компартии РСФСР Л.И. Хитруном было проведено совещание, на котором была достигнута договоренность о введении в области чрезвычайного положения и создании комитета по чрезвычайному положению[1]. Президиумом областного Совета 21.08.91 была созвана внеочередная сессия областного Совета, в ходе которой большинство предложенных в состав комитета должностных лиц отказались принять участие в его деятельности, в результате вопрос был снят с обсуждения. Однако комитеты по чрезвычайному положению были созданы в некоторых районах области.

В обращении, опубликованном в газете «Приокская правда» 21 августа, Президиум облсовета и облисполком не осудили введение чрезвычайного положения и не выразили поддержку действиям Президента РСФСР, Верховного Совета и правительства РСФСР. В этой газете (орган обкома партии и облсовета) в номерах от 20 и 21 августа были напечатаны постановления ГКЧП и Указы и.о. Президента СССР Г.И. Янаева. Однако Указы Президента РСФСР Б.Н. Ельцина и обращение к гражданам России руководства РСФСР напечатаны не были.

Наиболее напряженная обстановка в период августовского чрезвычайного положения сложилось в Татарской республике, входящей в состав РСФСР[2].

Изучив поступившие документы из Татарской ССР, а также исходя из бесед с выездом на место с народными депутатами СССР, РСФСР, ТССР, в Президиум Верховного Совета РСФСР были представлены следующие факты.

[1] ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1400. Л. 9.
[2] Там же. Л. 47.

По заявлению Президента ТССР М.Ш. Шаймиева, изложенного средствам массовой информации, он встречался 19 августа с А.И. Лукьяновым, О.Д. Баклановым и Г.И. Янаевым, и они договорились о дальнейших совместных действиях. Обмен мнениями сводился к тому, как будут реализовываться решения Государственного комитета по чрезвычайному положению на местах.

Газета «Вечерняя Казань» 22 августа 1991 г. опубликовала сообщение пресс-службы Президента ТССР о том, что он поддерживает ГКЧП и принимаемые им меры[1].

Утром 20 августа на заседании Президиума Верховного Совета Татарской ССР были рассмотрены вопросы, касающиеся чрезвычайного положения в регионах страны, и принято постановление «Об общественно-политической ситуации в Республике Татарстан», в котором отмечалось, что чрезвычайное положение на территории республики не вводилось, а законно избранные органы государственной власти и управления осуществляют свои Конституционные полномочия. В решении Президиума татарской республики не было осуждения действий ГКЧП, постановление рекомендовало Президенту Татарской ССР усилить контроль за соблюдением действующего законодательства Союза ССР (как требовал ГКЧП) и Татарской ССР, в том числе и средствами массовой информации. Как видно из принятого решения, там ничего не было сказано о соблюдении российских Законов и Указов Президента РСФСР. По оценке российских властей, Верховный Совет Татарской ССР не дал «принципиальной оценки» постановлению Президиума Верховного Совета Татарской ССР[2].

Президент Татарской ССР М.Ш. Шаймиев 21 августа издал Указ «Об образовании временной Комиссии», которую возглавил первый заместитель Председателя Совета Министров Татарской ССР М.Х. Хасанов, в котором фактически ввел цензуру на средства массовой информации. Все материалы, освещающие события не с позиций ГКЧП, снимались с первых дней путча[3], в частности, это делалось в газете «Вечерняя Казань».

В Президиум Верховного Совета РСФСР был представлен анализ материалов средств массовой информации, который свидетельствовал о том, что 19–21 августа в региональной прессе помещались только документы ГКЧП, в то время как указы Президента РСФСР не публиковались, хотя они уже были переданы 19 августа в Кабинет Совета Министров Республики, а затем поступили через официальные каналы.

В Обращении Президента Татарской ССР к народу Татарстана 21 августа отмечалось, что опубликованные ГКЧП постановления были направлены на предотвращение краха, стабилизацию обстановки в стране. С одной стороны, Президент утверждал, что в республике не было и нет чрезвычайного положения, оно и не вводилось, а с другой — подчеркивалось, что в период чрезвычайного положения недопустимы всякие митинги, демонстрации, шествия, забастовки, и что к нарушителям этих запретов

[1] ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1400. Л. 47.
[2] Там же. Л. 49.
[3] Там же. Д. 1405. Л. 49.

будут приняты чрезвычайные меры. Особое внимание Президиума ВС РСФСР обращалось на то, что в постановлении Президиума Верховного Совета и Обращении Президента Татарстана Законы, «указы и решения законно избранной власти в России были проигнорированы», о них даже не упоминалось. Акцент делался только на законы СССР и ТССР.

Такое действие татарских властей можно объяснить тем, что руководство республики желало напрямую, минуя РСФСР, в состав которой она входила, заключить договор с союзным центром как суверенная республика. Дело не в том, что республика поддерживала союзную власть и хотела сохранить Советский Союз, а в том, что она хотела избавиться от российской власти и получить независимость.

Нельзя сказать, что такая позиция властей находила полную поддержку в самой республике. В отчете Президиуму докладывалось, что в дни путча в Казани прошли митинги, демонстрации горожан в поддержку Президента РСФСР и Правительства РСФСР, против ГКЧП. Однако участники мирной демонстрации были разогнаны силами местной милиции. Некоторые из участников получили побои, были госпитализированы, а некоторые были даже арестованы. Комиссии по данному факту создано не было.

Казанский и Альметьевский городские Советы народных депутатов на сессиях рассмотрели вопросы деятельности своих президиумов и Президента ТССР. Казанский городской Совет народных депутатов отозвал председателя городского Совета и принял отставку еще шестерых членов Президиума. Альметьевский городской Совет народных депутатов принял решение о недоверии Президенту М.Ш. Шаймиеву. Однако мнения депутатов крупных городов впоследствии учтены не были.

С предложением о недоверии Президенту Татарской ССР выступили также группы депутатов Татарской ССР «Народовластие» и «Согласие». На сессии Верховного Совета ТССР отдельные выступления депутатов, которые говорили о бездеятельности Президиума Верховного Совета Республики и о противозаконных действиях Президента ТССР, направленных на реализацию решений ГКЧП, в окончательном решении поддержки не нашли[1]. В знак протеста группа из 25 народных депутатов ТССР, членов демократического движения, покинула зал заседания[2].

Внеочередная сессия Верховного Совета РСФСР по анализу политической ситуации была назначена с опозданием — на 28 августа, затем отменена и затем снова назначена на 29 августа

В прениях на сессии Верховного Совета ТССР выступил Государственный советник РСФСР С.М. Шахрай. В своем выступлении он, в частности, отметил, что поддержка или неосуждение действий ГКЧП не что иное, как предательство своего же суверенитета, демократических завоеваний, и высказался за необходимость дать объективную оценку случившегося, создав в этих целях парламентскую комиссию. Выступление народного депутата РСФСР Шахрая было воспринято со вниманием, однако, по мнению российских властей, должной реакции не последовало. Комиссии Верховного Совета Татарской ССР создано не было.

[1] ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1405. Л. 50.

[2] Там же. Л. 51.

В принятом постановлении Верховный Совет ТССР оправдал деятельность Президента Шаймиева по введению цензуры для средств массовой информации, разгон демонстрации 19 августа, выступление Шаймиева на заседании Президиума Верховного Совета ТССР с осуждением Союзного договора. В постановлении был подтвержден суверенитет Татарстана как республики, имеющей право на свое самоопределение в составе СССР.

На сессии также был рассмотрен вопрос «О заявлении Первого заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатова на чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР». По этому поводу принято заявление, в котором осуждалось выступление Хасбулатова, которое, по их оценке, нарушало суверенитет Татарстана.

В своем заключительном слове на сессии Президент Шаймиев высказался за необходимость поиска особой формулы в отношениях между Татарстаном и РСФСР. На вопрос о возможном выходе из КПСС Шаймиев заверил о выходе из состава ЦК КПСС и приостановке своего членства в партии[1].

Верховный Совет Татарстана принял решение об отмене постановлений Кабинета Министров ТССР и Исполкома Казанского городского Совета народных депутатов об опечатании помещений комитетов КП РСФСР в связи с приостановкой ее деятельности.

На основе вышеизложенного депутатская комиссия Президиума Верховного Совета России делала вывод о том, что Верховный Совет ТССР и Президент республики не дали принципиальной оценки антиконституционному государственному перевороту, настаивают на полной самостоятельности Татарстана и не принимают к исполнению требования Конституции РСФСР и законов РСФСР[2]. Для выяснения деятельности руководителей республики в период антиконституционного государственного переворота предлагалось направить в Республику Татарстан следственную группу[3].

Анализируя обстановку в этих регионах в августе 1991 г., следует отметить, что в основе поведения региональных лидеров лежали разные причины. Если Краснодарская, Ростовская Липецкая и другие области заняли выжидательную позицию или действительно поддержали ГКЧП, то, например в Татарской ССР и других автономных республиках дело было сложнее.

В условиях приближающегося распада СССР дезинтеграционные процессы союзным руководством были запущены и в России. Накануне открытия Первого Съезда народных депутатов РСФСР, в соответствии с решениями Съезда народных депутатов СССР Верховный Совет СССР 26 апреля 1990 г. принял закон «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации», которым по существу выравнивался статус союзной и автономной республик. Автономные республики в соответствии с этим законом получили право передавать свои полномочия СССР, минуя республики, в состав которых они входили, и строить свои отношения с последними на договорных началах. На законных

[1] ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1405. Л. 51.
[2] Там же. Л. 52.
[3] Там же.

основаниях лидеры автономных республик захотели подписать наряду с РСФСР новый союзный договор. Данное положение дел и нашло отражение в августовских событиях 1991 г.

Сразу после путча 23 августа 1991 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял Постановление «О деятельности Советов народных депутатов РСФСР во время государственного переворота»[1], в котором Верховным Советам республик в составе РСФСР, Советам народных депутатов краев, областей, автономных областей, автономных округов, районов, городов, поселков и сельсоветов РСФСР было дано указание до 1 сентября 1991 года рассмотреть вопрос о работе Советов, их органов и должностных лиц по выполнению указов Президента РСФСР №№ 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 68, 69 в период государственного переворота и принять соответствующие решения. В случае, если выявлялось, что в этот период Совет и его президиум, а также председатель Совета или иное должностное лицо издали акт, противоречащий Конституции РСФСР и законам РСФСР, то такой акт считался недействительным с момента его подписания. При установлении фактов оказания должностными лицами Совета содействия и поддержки антиконституционному ГКЧП принималось решение об освобождении их от должности в установленном законом порядке.

Курировал данное расследование Комитет Верховного Совета РСФСР по вопросам работы Советов народных депутатов и развитию самоуправления под председательством Г.С. Жукова, который информировал Президиум о ходе разбирательства по данному вопросу.

6 сентября 1991 г. состоялось заседание Президиума Верховного Совета, на котором с информацией о реализации Советами народных депутатов РСФСР Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 августа 1991 года «О деятельности Советов народных депутатов РСФСР во время государственного переворота»[2] выступил Г.С. Жуков.

Большинство Верховных Советов республик в составе РСФСР, Советов народных депутатов краев, областей, автономных областей, автономных округов и местных Советов народных депутатов рассмотрели на сессиях вопрос работы Советов, их органов и должностных лиц в период государственного переворота.

Согласно постановлению Президиума от 23 августа к 5 сентября 1991 г. состоялась 71 сессия Верховных Советов республик в составе РСФСР, краевых, областных Советов народных депутатов[3]. Продолжались сессии Пермского (с 02.09.91 г.), Омского (с 03.09.91 г.), Томского (с 04.09.91 г.) Советов народных депутатов. На 5 сентября была назначена сессия в Волгоградской области, на 9 сентября — в Ярославской.

В Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском, Таймырском (Долгано-Ненецком), Эвенкийском, Чукотском окружных, Магаданском и Тюменском областных Советах были проведены расширенные заседания президиумов с приглашением народных депутатов различных уровней Советов.

---

[1] ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1405. Л. 42.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 45.

На прошедших сессиях от должности председателей Советов были освобождены 17 человек.

Таблица 1. Председатели краевых, областных Советов народных депутатов, освобожденные на сессиях Верховных Советов республик в составе РСФСР[1]

1	Алтайского	Кулешов А.А.
2	Бурятского	Булдаев С.Н.
3	Брянского	Войстроченко А.Ф.
4	Кабардино-Балкарского	Коков В.М.
5	Красноярского	Севастьянов В.Н.
6	Краснодарского	Кондратенко Н.И.
7	Курского	Селезнёв А.И.
8	Липецкого	Донских В.В.
9	Московского	Черепанов И.М. (по личному заявлению)
10	Нижегородского	Соколов А.А. (по личному заявлению)
11	Пензенского	Зубков Б.Ф.
12	Приморского	Волынцев А.А.
13	Ростовского	Иванченко Л.А.
14	Рязанского	Хитрун Л.И.
15	Саратовского	Муренин К.П.
16	Тувинского	Ондар Ч.Б. (по личному заявлению)
17	Чувашского	Леонтьев А.М.

На место уволенных были избраны новые руководители Советов.

Таблица 2. Председатели краевых, областных Советов народных депутатов, избранные на место уволенных[2]

1	Алтайского	Суриков А.А.
2	Астраханского	назначен и.о. Анисимов П.П.
3	Брянского	назначен и.о. Сидоренко В.П.
4	Кабардино-Балкарского	назначен и.о. Маиров Ю.Х.
5	Красноярского	Новиков В.А.

[1] ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1405. Л. 46.
[2] Там же.

6	Краснодарского	Ждановский А.М.
7	Курского	назначен и.о. Мягченко В.А.
8	Липецкого	Дячкин О.Д.
9	Московского	Долголаптев А.В.
10	Нижегородского	Крестьянинов Е.В.
11	Пензенского	назначен и.о. Лычагин А.Р.
12	Рязанского	Приходько В.В.
13	Саратовского	Макаревич Н.С.
14	Тамбовского	Рябов А.И.
15	Чувашского	Кубарев ЭА.

Прокуратурой РСФСР было возбуждено 30 уголовных дел в отношении должностных лиц местных Советов народных депутатов, поддержавших своими действиями участников переворота[1].

Вместе с тем, нельзя расценивать исполнение постановления Президиума как безоговорочную поддержку российского руководства. Так, в Тамбовском областном Совете председателем был избран А.И. Рябов, который ранее Указом Президента РСФСР № 78 от 23.08.1991 г. был освобожден от занимаемой должности председателя исполнительного комитета областного Совета.

Решением сессии Пермского областного Совета было предложено подать в отставку президиуму областного Совета, но Председателю Совета было выражено доверие. Решением сессии Алтайского краевого Совета был расформирован президиум краевого Совета. В Красноярском крае, Нижегородской и Ростовской областях подали в отставку президиумы Советов.

Верховный Совет Кабардино-Балкарской ССР 27 августа принял отставку Президиума Верховного Совета и Совета Министров, а также решение о роспуске Верховного Совета и проведении выборов в декабре 1991 г. А 17 сентября была назначена внеочередная сессия Верховного Совета прежнего состава, на которую выносились проекты законов о выборах народных депутатов Верховного Совета Кабардино-Балкарской республики, о введении поста Президента Кабардино-Балкарской ССР, о выборах Президента республики и об изменениях Конституции Кабардино-Балкарской ССР[2].

Ряд Советов во исполнение Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР назначали сессии, но затем объявляли перерыв на неопределенный срок под разными предлогами. Так, в связи со слож-

[1] ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1408. Л. 21.
[2] Там же. Д. 1405. Л. 47.

ной общественно-политической ситуацией был объявлен перерыв в работе Верховного Совета Чечено-Ингушской республики. На неопределенный срок был объявлен перерыв в сессии Ростовского областного Совета.

В Амурском областном Совете сессия началась 30 августа 1991 г., но в тот же день был объявлен перерыв на неопределенный срок в связи с тем, что часть депутатов покинула сессию, поскольку большинством голосов присутствующих депутатов в повестку дня не был включен вопрос о действиях председателя областного Совета А.Н. Белоногова в период государственного переворота. В Мурманском областном Совете после двух дней работы 5 депутатов выехали в отпуск, поэтому из-за отсутствия кворума был объявлен перерыв сессии до 1 сентября 1991 г.

В Магаданской области, Ненецком, Таймырском (Долгано-Ненецком), Эвенкийском, Корякском, Чукотском автономных округах сессии собрать оказалось невозможным, так не было кворума из-за отсутствия депутатов на территории Советов. По сообщению председателей президиумов этих Советов сессии планировалось созвать после приезда депутатов. В Ненецком автономном округе из-за отсутствия кворума вместо сессии было проведено собрание депутатов.

В целях изучения политической и социально-экономической ситуации, сложившейся в Краснодарском крае после попытки государственного переворота, по распоряжению Хасбулатова была образована комиссия из народных депутатов РСФСР, а также ответственных работников аппарата Президиума Верховного Совета РСФСР, Управления Делами Администрации Президента РСФСР, Прокуратуры РСФСР, Минсельхозпрода РСФСР, Минторга РСФСР[1].

Согласно данному распоряжению Комиссия получила право доступа ко всем материалам, необходимым для изучения этого вопроса, привлекать к работе специалистов и пользоваться оперативной связью. Руководителям Советов народных депутатов и их исполнительных органов, а также предприятий, учреждений, колхозов и совхозов было предписано оказывать необходимую помощь комиссии в выполнении возложенных на нее задач.

По результатам проверки комиссия должна была подготовить отчет до 10 ноября и представить итоговую информацию в Президиум Верховного Совета РСФСР.

В дальнейшем работа комиссии была продлена, но информации о результатах ее работы в документах Президиума не обнаружено. Возможно, на фоне бурных событий декабря 1991 г. данный вопрос растворился среди других проблем. После распада Советского Союза в повестке дня оказались уже иные вопросы, да и обострять отношения с регионами российское руководство было не заинтересовано.

[1] Там же. Д. 1412. Л. 17.

ОСВЕЩЕНИЕ «НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТОЙ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА ВО ВРЕМЯ КОНСТИТУЦИОННОГО КРИЗИСА 1992–1993 гг.

СКОКОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА,
аспирант кафедры литературной критики
факультета журналистики
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: skokovatatyana@gmail.com

Аннотация: Во время конституционного кризиса 1992–1993 гг. «Независимая газета» сохраняла нейтралитет и финансовую независимость от властных структур, являлась объективным источником описания деятельности Съезда народных депутатов и Верховного совета. Газета одновременно поддерживала и критиковала парламент; подробное описание действий ВС выявило тактику депутатов в противостоянии с президентом: бюрократические приемы и поспешное изменение законодательства.

Ключевые слова: «Независимая газета», Б.Н. Ельцин, Р.И. Хасбулатов, В.Т. Третьяков, пропаганда, конституционный кризис 1992–1993 гг.

Конституционный кризис 1992–1993 гг. разделил печатные издания на два лагеря: «Правда» выступала за сохранение парламента и состояла в оппозиции к президентским инициативам, «Известия» критиковали Съезд и Верховный совет (далее — ВС), поддерживали президента и его курс реформ.

«Независимая газета» (далее — «НГ») сохраняла нейтралитет и финансовую независимость от ВС, президентских структур и своего учредителя Московского городского совета депутатов. Издание одинаково критиковало всех участников конфликта за увлечение политической борьбой вместо решения экономических проблем в стране.

Этим объясняется выбор «НГ» в качестве примера нейтрального источника описания деятельности парламента во время конфликта исполнительной и законодательной власти (главный редактор В.Т. Третьяков хоть и выступал сторонником президента[1], но часто критиковал его самого и его ближайшее окружение; за критику министр печати М.Н. Полторанин отказал газете в государственных субсидиях[2] — прим. Т.С.).

С помощью сравнения, сопоставительного и источниковедческого анализа, на основе публикаций «Независимой газеты» с декабря 1992 по сентябрь 1993 г., автор представит основные особенности и приемы опи-

[1] *Третьяков В.* Пожалуйста, не делайте больше ошибок // НГ. 1993. 26 марта.

[2] *Морев Г., Третьяков В.* Где небоскреб Независимой? // РИА-новости. 2013. 3 декабря. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://ria.ru/media_Russia/20131203/972350610.html

сания Съезда народных депутатов и Верховного совета, опишет основную линию поведения депутатов в противоборстве с президентом.

1) В своих колонках главный редактор Третьяков призывал враждующие стороны к диалогу и к поискам компромисса[1], напоминал о бедственном положении в стране[2], стремился переключить власть от вражды на решение экономических проблем, предотвратить гражданскую войну.

«Независимая газета» критиковала Съезд народных депутатов, не поддерживала «его спикера Р.И. Хасбулатова, вице-президента А.В. Руцкого, но и не встала на путь оправдания всех шагов Кремля, и более того — критиковала эти шаги»[3]. Критику действий президента Третьяков объяснял: у кого власть, того и критикуем[4].

В декабре 1992 г. Третьяков назвал итоги VII съезда, когда «произошла первая открытая схватка за власть между парламентом и президентом»[5], поражением для Хасбулатова — поскольку удалось «сместить» исполняющего обязанности Председателя правительства Е.Т. Гайдара, а не все правительство.

В феврале 1993 г. Третьяков указал, что спикер «постоянно обыгрывает президента, одерживая одну тактическую победу за другой»[6]; отметил его успешную работу с прессой и общественным мнением. Хотя у Хасбулатова есть объективный анализ ситуации в стране, нет программы выхода из кризиса, «а есть лишь программа борьбы с президентской властью»[7].

Итоги VIII съезда и мартовское телеобращение Ельцина заставили Третьякова написать президенту открытое письмо с анализом его ошибок. В политических неудачах Ельцина Третьяков обвинял «дурное» президентское окружение. Через сравнение, критику ошибок президента и промахов его советников, опираясь на факты и анализ ситуаций, а также с помощью различных выразительных средств Третьяков представил анализ действий спикера и его политический образ.

Из достоинств Хасбулатова главный редактор выделил регулярные обращения к народу, комментарии текущих событий, «спонтанно реагирует на ситуацию — но зато живо, оперативно», спикер всегда в окружении людей, «он — король телеэкрана. Вы — идол, время от времени появляющийся, чтобы метать молнии».

[1] *Третьяков В.* Президент играет ва-банк // НГ. 1993. 23 марта.

[2] *Третьяков В.* Агония политического режима очевидна // НГ. 1993. 11 августа.

[3] *Третьяков В.Т.* Как стать знаменитым журналистом. М., 2004. С. 133.

[4] *Андреев Д.А.* В.Т. Третьяков «Честность в журналистике — опасная вещь» [Интервью В. Третьякова] // Альманах «Развитие и экономика». 2013. № 5 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/razvitie-i-ekonomika/r5-2013/19966-chestnost-v-zhurnalistike-ochen-opasnaya-vesch.html

[5] *Пихоя Р.Г., Журавлев С.В., Соколов А.К.* История современной России. Десятилетие либеральных реформ. М., 2011. С. 93.

[6] *Третьяков В.* Референдум, «круглый стол», досрочные выборы // НГ. 1993. 10 февраля.

[7] *Третьяков В.* Выборы досрочные, скорые, весной // НГ. 1993. 26 февраля.

Хасбулатов всегда выступает напрямую, от своего имени, во всех газетах представлена его позиция, в отличие от Ельцина, который исчезает и подолгу молчит, и которого «озвучивают» многочисленные помощники.

Спикер не боится вступать в споры с оппонентами и сторонниками («может поставить на место, любого осмеять — плевал он на их критику»); обиду на парламент как линию поведения для президента Ельцина придумали те, «кто в силу своего недалекого ума не сразу сообразит, как отреагировать на неизящные да эффективные шутки г-на Хасбулатова».

Хасбулатов лучше был осведомлен о положении дел в стране, регулярно собирал созданные при ВС советы, именно поэтому спикер говорил правду, но «только выгодную ему, но в основном-то правду», — уточнил Третьяков. В то время как созданные Ельциным многочисленные советы существуют номинально.

Третьяков признает, что Хасбулатов манипулирует Съездом, может закатить истерику, когда надо, или «ввести в оборот „смешное словечко „опус“», «а для этого мозги нужны», — подчеркнул главный редактор. Эту черту спикера подтверждает его бывший заместитель, который в 1993 г. возглавил Администрацию президента, — С.А. Филатов: «юмор, остроумие, быстрая реакция вкупе с находчивостью привлекали к нему всеобщее внимание. Многие депутаты действовали тогда как загипнотизированные им»[1]. С сожалением это признавал и Ельцин: «Хасбулатов оказался человеком, самой природой созданным, чтобы дергать за веревочки (Съезда — прим. Т.С.)», обвинял спикера в том, что тот превратил депутатов «в марионеток политического спектакля»[2].

Единственная ошибка Хасбулатова — критика прессы.

По мнению Третьякова, спикер боится отставки Ельцина, потому что понимает: перевыборы президента неизбежно приведут и к перевыборам в парламент[3]; сам Хасбулатов намерен удержаться во главе ВС как можно дольше.

В августе 1993 г. Третьяков обратился к властям, среди его предложений прозвучала идея о создании коалиционного правительства нового состава[4], которую позже поддержал Хасбулатов[5].

В сентябре 1993 г. Третьяков осудил спикера за резкие высказывания в адрес президента с «недвусмысленной жестикуляцией»[6], Ельцин не позволял себе подобного. «Если спикер и президент станут смертельными врагами, то в этом будет вина Хасбулатова»[7], — заключил он.

---

[1] *Филатов С.А.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 138.

[2] *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М., 1994. С. 325.

[3] *Третьяков В.* Пожалуйста, не делайте больше ошибок // НГ. 1993. 26 марта.

[4] *Третьяков В.* Агония политического режима очевидна // НГ. 1993. 11 августа.

[5] Письмо в НГ. Руслан Хасбулатов — ЗА! // НГ. 1993. 13 августа.

[6] *Родин И.* Новый раунд политической борьбы в Москве: Никто никому не верит // НГ. 1993. 21 сентября.

[7] *Третьяков В.* Ельцин — Хасбулатов: Схватка не на жизнь, а на смерть? // НГ. 1993. 21 сентября.

2) В противостоянии с исполнительной властью Съезд опирался на проверенные временем бюрократические приемы. Подобная тактика парламента прослеживается через последовательное и подробное описание «НГ» действий ВС и его председателя; газета неоднократно указывала на ряд нарушений депутатами процедур и регламента работы Съезда[1].

Итоги VII съезда и дальнейшие переговоры сторон по выработке Конституционных соглашений «НГ» сравнивала с торгами[2].

«НГ» делает акцент: как только Ельцин, который называл референдум «судьбой России»[3], улетел 27 января 1993 г. в Индию, спикер тут же заявил, что плебисцит «будет способствовать развалу России»[4] и предложил дополнительный вопрос об одновременных выборах депутатов и президента весной 1994 г.[5]. В феврале «НГ» освещала, как спикер накалял обстановку, высказываясь против референдума[6].

После VIII съезда «НГ» упрекала Хасбулатова, что управляемые им депутаты «отвергли компромиссы»[7]. «Роковой ошибкой» Ельцина назван его конфликт со спикером, который всегда защищал и подталкивал Съезд к компромиссу с исполнительной властью[8].

В апреле 1993 г., когда президентская сторона начала доказывать необходимость проведения референдума и принятия новой Конституции[9], «НГ» выступила в поддержку ВС: России близка «британская» модель разделения властей с сильным парламентом. Президентская республика, как в США, — «недосягаемый образец», опираться на одну личность опасно[10].

По мнению «НГ», созыв президентского Конституционного совещания расколол Президиум ВС[11], в июне депутаты уже открыто критикова-

---

[1] Президиум ВС объявил указ о снятии министра безопасности В.П. Баранникова незаконным, однако это прерогатива ВС, который «имеет право приостанавливать указы до решения Конституционного суда, или Съезда» (Родин И. Парламент. Виктора Баранникова отправили в отставку. Кто придет на его место? // НГ. 1993. 30 июля).

[2] *Кузнецова В.* Ельцин, Хасбулатов, Зорькин: согласие в «Большом треугольнике» // НГ. 1993. 12 февраля.

[3] *Кузнецова В.* Борис Ельцин: «Референдум — это судьба России» // НГ. 1993. 15 января.

[4] *Красников Е.* Как только Борис Ельцин улетел за границу, Руслан Хасбулатов вновь поставил под сомнение идею референдума и призвал готовиться к всеобщим выборам // НГ. 1993. 29 января.

[5] *Кузнецова В.* Маневр спикера // НГ. 1993. 30 января.

[6] НГ. Хасбулатов на Волге // НГ. 1993. 2 февраля.

[7] *Красников Е., Остапчук А.* Сможет ли «команда Ельцина» отбить утраченные позиции? // НГ. 1993. 17 марта.

[8] *Красников Е.* Проигрывает ли Ельцин съезд? // НГ. 1993. 12 марта.

[9] *Кузнецова В.* Тактика президента практически определена // НГ. 1993. 1 апреля.

[10] *Никеров Г.* Парламент — гарант демократии, если он настоящий // НГ. 1993. 1 апреля.

[11] *Родин И.* Конституционный процесс пошел // НГ. 1993. 15 мая.

ли спикера «за единоличную власть в парламенте»[1] и выступали за компромисс с президентом.

С лета инициатива от спикера перешла к президенту, парламент теряет прежние позиции и переходит в оборону.

В июне ВС игнорирует работу президентского совещания и продолжает работу над проектом Основного закона своей Конституционной комиссии. На 17 ноября 1993 г. запланирован Съезд с последующим принятием новой Конституции. Хасбулатов воспользовался предлогом причастности к делам о коррупции некоторых координаторов совещания в Кремле, с президентского совещания отозван[2].

В июле в ВС был ликвидирован ряд комитетов и комиссий, по мнению спикера, «из-за борьбы руководителей против парламента изнутри»[3].

В августе ВС занялся «аварийным ремонтом законодательства» для укрепления своих позиций против президента. «НГ» прогнозирует, что упреждающие удары будут нанесены с помощью нового комитета по конституционному законодательству[4]. Прогноз подтвердился: Председатель комитета В.Б. Исаков сообщил об изменениях в спорные статьи 104 и 109 Основного Закона о полномочиях Съезда и ВС[5]. Данные поправки будут рассмотрены на Съезде в ноябре, но «НГ» уверена: ВС займется изменением старой Конституции, а не принятием новой[6].

«НГ» отмечает тщательную заботу парламента «о своем имидже защитника народных интересов», когда все предложения Комиссии по социальной политике «превращаются в законодательные акты»[7].

Из-за бездействия и затянувшегося кризиса ВС назван «живущим в собственном заколдованном мире» со своим «избранным депутатом от де-факто независимой Чечни спикером»[8].

3) Комментарии и прогнозы «НГ» «считались лучшими образцами аналитической журналистики»[9]. Авторы опирались на подробный анализ заявлений, действий и шагов президентской стороны, кадровые перестановки, издаваемые законопроекты — все свидетельствовало

[1] *Родин И.* Члены ВС России поддерживают Конституционное совещание // НГ. 1993. 4 июня.

[2] *Родин И.* ВС работал над своей Конституцией // НГ. 1993. 26 июня.

[3] *Р.И.* Исаков возвращается в Президиум ВС // НГ. 1993. 1 июля.

[4] *Родин И.* Верховный совет работал недолго // НГ. 1993. 3 августа.

[5] Будет исключен вопрос о правомочии Съезда принимать к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РФ; ВС будет давать согласие на назначение и освобождение главы правительства, его заместителей и силовых министров; президент остается высшим должностным лицом РФ, а не главой исполнительной власти.

[6] *Родин И.* Изменение старой конституции вместо создания новой // НГ. 1993. 11 августа.

[7] *Родин И.* Президент пишет письмо депутатам, парламент плодотворно трудится, а народ гуляет на митингах // НГ. 1993. 21 августа.

[8] *Портников В.* Осень в Москве: Агония политического режима, или кризис государственности? // НГ. 1993. 17 августа.

[9] *Засурский И.И.* Масс-медиа второй республики. М., 1999. С. 66.

в пользу «установления личной диктатуры»[1] Ельциным. Уже в январе 1993 г. «НГ» выстроила возможный сценарий, по которому произойдут разгон ВС и введение президентской республики — через референдум[2].

После обвинения Советов во всевластии[3] и фразы «я не присягал этой Конституции»[4] силовой вариант решения конфликта представился журналистам издания вероятным: Ельцин всегда был коммунистическим вождем, с авторитарной сущностью, демократия психологически чужда складу его характера[5].

Отставка Баранникова и заявление Ельцина об артподготовке приводят «НГ» к выводу, что решение вопроса о власти уже началось, перестановки в армии свидетельствуют о планах президента опираться только на нее[6].

4) С января 1993 г. газета предупреждала о пропагандистском характере действий сторон[7] перед референдумом, особенно с президентской стороны, в апреле сообщила о старте пропагандистской кампании со стороны Ельцина по подготовке к референдуму с привлечением общественного мнения[8].

Итоги референдума доказали, что подобные опросы всегда «дают единообразные положительные результаты для властей», они нужны для создания «демократического декорума», под которым строится новый авторитарный режим[9].

«НГ» напоминает об обмане Ельцина с ценами на бензин[10], обращает внимание на его молчание, на редкие появления на публике, слухи о плохом здоровье. «НГ» приходит к выводу: слухи никто не опровергает, ощущения — тревожные, как в августе 1991 г., значит, «все более отчетливо встает тень силового варианта»[11].

5) «НГ» освещала событие с разных точек зрения, чтобы читатель сам определился, что соответствует действительности[12]. Приме-

---

[1] *Красников Е.* «Три кольца» Бориса Ельцина // НГ. 1993. 30 января.

[2] *Красников Е.* Последний довод Президента // НГ. 1993. 12 января.

[3] *Красников Е.* Борис Ельцин выступил на съезде «Гражданского союза» // НГ. 1993. 2 марта.

[4] *Наджаров А.* Президент готов к решительным действиям, если парламент продолжит конфронтационную линию // НГ. 1993. 3 марта.

[5] *Пугачев Б.* Разрыв Ельцина с либералами и либералов с Ельциным // НГ. 1993. 3 марта.

[6] *Марсов В.* Тайная игра в Кремле продолжается // НГ. 1993. 12 августа.

[7] *Марсов В.* Словесная дуэль Полторанина и Хасбулатова вновь оживляет политический пейзаж послесъездовской России // НГ. 1993. 19 января.

[8] *Родин И.* Пропагандистская кампания началась? // НГ. 1993. 17 марта.

[9] *Красников Е.* Референдумы как гарант демократии //НГ. 1993. 23 июля.

[10] *Марсов В.* Большая ложь большой политики // НГ. 1993. 26 мая.

[11] *Марсов В.* Август-93: тревожное ожидание //НГ. 1993. 3 августа.

[12] *Андреев Д.А.* В.Т. Третьяков «Честность в журналистике — опасная вещь» [Интервью В. Третьякова] //Альманах «Развитие и экономика». 2013. № 5 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/razvitie-i-ekonomika/r5-2013/19966-chestnost-v-zhurnalistike-ochen-opasnaya-vesch.html

ром может служить публикация исследования «Горбачев-фонда»: итоги референдума «не дают оснований говорить о победе президента». Фонд подчеркнул агрессивно-пропагандистский характер кампании: обещания президента, яростная атака СМИ на оппозицию, «народ пугали ужасом гражданской войны»[1]. Рядом позиция пресс-секретаря президента Костикова: Ельцин победил на референдуме, Съезд стоит на пути новой России, в связи с чем могут быть приняты некие «меры» [2].

***

«Независимой газете» во время конституционного кризиса удалось нейтрально и объективно освещать деятельность парламента. Газета разъясняла позицию и действия Съезда, представляла все точки зрения и мнения, даже противоречащие друг другу. Одинаково критикуя участников конфликта, подчеркивала их личные мотивы и неприязнь, страх потерять власть, неготовность и нежелание идти на компромиссы.

Финансовая независимость от власти и от оппозиции в сочетании с гражданской позицией главного редактора освобождает издание от необходимости применения методов информационной пропаганды, но с помощью экспрессии и других выразительных средств Третьяков стремился повлиять на участников конфликта, призывал враждующие стороны к диалогу с целью решения экономических проблем.

[1] Избиратели выступили за стабильность и сотрудничество властей // НГ. 1993. 6 мая.

[2] *Наджаров А.* Пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков: «Предстоит борьба за проект „нерумянцевского“ основного закона» // НГ. 1993. 6 мая.

ОСЕНЬ 1993 ГОДА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРИЧИНЫ И УЧАСТНИКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

ТАРАСОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: e.tarasova@spbu.ru

Аннотация: События осени 1993 года стали апогеем политического кризиса в России и прервали эволюцию системы Советов конца 1980-х — начала 1990-х годов. Прошло уже более 25 лет, однако ни исследователи, ни общественность до сих пор не пришли к консенсусу в их трактовке. Что произошло осенью 1993 года в России: «путч», политический кризис, восстание, государственный переворот? Каковы основные причины политического противостояния в высших эшелонах власти России? Какие политические силы были задействованы в этом противостоянии, и какую роль они играли? В данной статье предпринята попытка выделить ключевые аспекты развивающегося в начале 1990-х годов конфликта, которые привели к трагической развязке осени 1993 года, обозначить круг участников противостояния, оценить политическое значение произошедшего.

Ключевые слова: РСФСР, Российская Федерация, Съезд, Верховный Совет, депутат, президент, политическая система, конституция, парламент.

Трагические события осени 1993 года в Москве стали апогеем политического противостояния в высших эшелонах власти России и открыли новую страницу современной российской истории. Четверть века, прошедшая с того времени, открыла перед исследователями значительное число разнообразных источников, среди которых в первую очередь следует отметить мемуары, свидетельства очевидцев, материалы периодической печати, сборники документов, а также архивные коллекции. Кроме того, за 25 лет сложилась уже достаточно обширная историография проблемы. Особого внимания заслуживают монографии А.В. Островского «1993. Расстрел „Белого дома“»[1], А. Зевелева и Ю. Павлова «Расколотая власть»[2], С. Чарного «Тайны октября 1993»[3], сборник «Новый „октябрь“ в оценке историков»[4]. Большой аналитический материал содержится также в докладе комиссии Государственной Думы по дополнительному анализу событий

[1] *Островский А.В.* 1993. Расстрел «Белого дома». М., 2008.
[2] *Зевелев А., Павлов Ю.* Расколотая власть. М., 1995.
[3] *Чарный С.* Тайны октября 1993. М., 2004.
[4] Новый «октябрь» в оценке историков / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 1994.

21 сентября — 5 октября 1993 года[1]. События осени 1993 г. нашли также отражение в общих работах по истории современной России[2].

В центре внимания исследователей, обращающихся к изучению событий осени 1993 года в России, как правило, оказываются такие проблемы, как причины противостояния президента и парламента, ситуация в регионах, провокации 3 октября 1993 г. в Москве, политические объединения — участники конфликта, вопрос о т.н. «третьей силе», число жертв и другие. Важнейшими вопросами являются также характер противостояния, его оценка с точки зрения дальнейшего политического развития страны.

Обращаясь к предыстории политического кризиса осени 1993 г., прежде всего, следует определить участников и выделить основные причины конфликта, развернувшегося между президентом и парламентом, а если более глубоко затрагивать проблему — между двумя крупными политическими лагерями, включающими в себя различные политические силы, предлагающие кардинально разные перспективы дальнейшего развития России.

Традиционно противостояние осени 1993 г. трактуют как конфликт законодательной и исполнительной ветви власти. На наш взгляд, это недостаточно точное определение, поскольку, во-первых, система государственной власти России в начале 1990-х гг. имела более сложную структуру, во-вторых, нельзя говорить о четком разделении конфликта по линии «исполнительная–законодательная власть», особенно в регионах.

Высшим органом государственной власти в России в 1990–1993 гг. являлся Съезд народных депутатов, который был избран на альтернативной основе весной 1990 г. В его состав вошло значительное число демократически ориентированных политиков, что обусловило принятие Съездом решений, кардинально изменивших политическую систему России. В первую очередь, речь идет о принятии Декларации о государственном суверенитете России от 12 июня 1990 г.[3], начале разработки новой российской Конституции[4], введении в Российской Федерации поста Президента[5], одобрении экономических реформ «шоковой терапии»,

[1] События 21 сентября — 5 октября 1993 года: Организаторы, исполнители и жертвы политического противостояния: Доклад Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по дополнительному изучению и анализу событий, происходивших в городе Москве 21 сентября — 5 октября 1993 года. М., 1999.

[2] *Согрин В.В.* Политическая истории современной России (1985–2001): От Горбачева до Путина. М., 2001; *Разуваева Н.Н.* История России: конец XX века: Курс лекций. Уфа, 2010; Эпоха Ельцина: Очерки политической истории / *Батурин Ю.М.*, *Ильин А.Л.*, *Кадицкий В.Ф.* и др. М., 2001; *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть: две истории одной страны. М., 2007; Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999 гг.) / Под общ. ред. А.И. Подберезкина. М., 2000; и др.

[3] Известия. 1990. 13 июня.

[4] О работе над проектом новой Конституции РФ: Документы I–IX Съездов народных депутатов РФ. М., 1993. С. 2.

[5] *Авакьян С.А.* Конституция России: Природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. С. 107.

предложенных Б.Н. Ельциным. Подчеркнем, что все эти решения были приняты именно Съездом народных депутатов, который в первые годы своего существования позиционировался как высший орган государственной власти России — истинный орган народовластия.

Однако было бы неверно представлять Съезд народных депутатов РСФСР-РФ 1990–1993 гг. неким монолитом, объединившим только единомышленников. С самого начала существования Съезда в его составе было образовано более двух десятков депутатских групп[1], участники которых отличались весьма разнообразными политическими взглядами. При этом именно политическая составляющая не была определяющей для образования большинства этих групп, и депутат одновременно мог состоять в нескольких таких объединениях. Принятие решения на Съезде конкретным депутатом было обусловлено не столько его принадлежностью к той или иной политической организации, сколько его личной волей в данный исторический момент.

По мере становления в Российской Федерации новой политической системы и реализации экономических преобразований «демократическая эйфория» депутатского корпуса постепенно сходила на нет, уступая место необходимости поиска конструктивных решений для вывода страны из экономического и политического кризиса. Деятельность различных комиссий и комитетов парламента была направлена на корректировку экономических реформ и стабилизацию конституционного строя[2]. Попытки депутатского корпуса повлиять на ход, прежде всего, экономических реформ в 1992–1993 гг. стали главным камнем преткновения в политическом конфликте с президентом. Помимо вопроса об экономических реформах уже на VI Съезде высветился и еще один аспект противостояния президента и парламента, который был связан с проблемой распада СССР. На Съезде вопрос о ратификации Беловежских соглашений не рассматривался, однако многие депутаты выражали несогласие с ними и считали необходимым сохранять и расширять сотрудничество с бывшими союзными республиками.

Верховный Совет как постоянно действующий высший государственный орган власти России формировался из депутатов Съезда и был

[1] Парламентские фракции и блоки: Справочник для парламентских журналистов. Приложение к инф. бюллетеню «парламентская неделя». М., 1993. С. 28.

[2] См., напр.: Документы о рассмотрении «Государственной Программы приватизации государственных и муниципальных предприятий РФ на 1992 год» (проект программы, разработанной Правительством РФ, таблицы поправок, заключения постоянных комиссий палат и комитетов ВС РФ, ВЭС, ученых) // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1191; Письма и предложения Конституционной комиссии IV, VI, VII, VIII Съездам народных депутатов РФ о порядке обсуждения и принятия проекта новой Конституции РФ, об избрании членов Конституционного Суда РФ. Справки экспертов Комиссии о порядке разрешения конфликтов между Президентом и парламентом в зарубежных странах, о порядке принятия решений Съезда по проекту новой Конституции РФ, о порядке принятия новой Конституции РФ // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 3. Д. 141.

подотчетен этому органу[1]. В отличие от Съезда народных депутатов Верховный Совет не обладал правом принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР, вносить изменения в действующую конституцию и вмешиваться в работу правительства. Это приводило к тому, что накопившиеся между Съездами проблемы во взаимоотношениях парламента с правительством и президентом могли найти разрешение только во время работы всего депутатского корпуса на Съездах, каждый из которых поэтому становился новым пиком нарастающего политического кризиса. Так, в апреле и декабре 1992 г., в марте 1993 г., когда проходила работа VI–IX Съездов народных депутатов России, наблюдалось обострение политической ситуации в стране.

Пост Президента России появился в России в 1991 году. Этому предшествовало решение II Съезда народных депутатов[2], а также первый всероссийский референдум, проведенный одновременно со всесоюзным 17 марта 1991 г.[3]. Первым Президентом РСФСР стал Б.Н. Ельцин. С большим отрывом опередив своих соперников на выборах 12 июня 1991 г., уже летом он занялся формированием новых органов исполнительной власти, а осенью того же года сам возглавил вновь образованное Правительство РСФСР[4]. В августе 1991 г. Б.Н. Ельцин выступил против ГКЧП, а затем сыграл значительную роль в дальнейшем распаде СССР. Следует отметить, что антагонизм между Б.Н. Ельциным и депутатским корпусом стал проявляться еще до вступления его в должность президента. Депутаты проявляли обеспокоенность стилем руководства Б.Н. Ельцина, занимавшего пост председателя ВС РСФСР. Это происходило во время как работы Съездов, так и заседаний Верховного Совета, а в феврале 1991 г. группа депутатов, занимавших высокие должности в парламенте, выступила с т.н. «заявлением шести»[5]. Неприятие значительного числа депутатов вызывала также политика Б.Н. Ельцина в процессе разработки нового союзного договора[6].

Несмотря на эти тенденции, авторитет Б.Н. Ельцина в 1991 — первой половине 1992 г. в парламенте был очень высоким. Так, депутаты поддержали одобренную Б.Н. Ельциным экономическую реформу «шоковой терапии» и предоставили ему чрезвычайные полномочия сроком на один год для ее проведения[7]. Даже первые негативные результаты экономических преобразований, широко обсуждаемые на VI Съезде народных депутатов РФ в апреле 1992 г., парламентарии старались не связывать с именем Б.Н. Ельцина. В свою очередь, первый президент России как в августе 1991 г., так и позднее, на V Съезде народных депутатов

[1] Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1303, 1304.
[2] Российская газета. 1990. 15 декабря.
[3] *Авакьян С.А.* Указ. соч. С. 107.
[4] *Воронцов В.* Премьеры Ельцина: В коридорах безвластия. М., 2006. С. 161.
[5] Известия. 1991. 22 февраля.
[6] Там же.
[7] Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1456.

РСФСР, сотрудничал с депутатском корпусом и практически не допускал его критики. Ситуация изменилась весной 1992 г., когда депутаты выразили недовольство работой правительства. Выступая на VI Съезде, Б.Н. Ельцин заявил, что Съезд не принес ему удовлетворения, и посчитал возможным вынести на референдум вопрос о доверии Съезду, если депутатский корпус отвергнет курс на радикальные реформы[1]. В декабре 1992 г., на VII съезде народных депутатов России, Б.Н. Ельцин уже гораздо жестче высказался о парламентариях, признавших неудовлетворительной политику правительства, и предпринял первую попытку государственного переворота[2]. Вторая подобная попытка имела место весной 1993 г., однако вновь острый политический кризис разрешился компромиссом[3]. В это время на первый план в конфликте президента и парламента вышли уже вопросы, связанные с конституционным строительством. Б.Н. Ельцина уже не устраивал проект, разрабатываемый в возглавляемой им Конституционной комиссии при ВС РФ, в конце апреля его соратниками был подготовлен альтернативный, т.н. «президентский» проект новой Конституции, где полномочия президента были существенно расширены[4]. Летом 1993 г. Конституционное совещание, учрежденное по инициативе президента, должно было легитимировать этот проект. В итоге проект был подготовлен, но претерпел существенные изменения, которые, с одной стороны, расширили полномочия региональных органов власти, с другой — несколько ограничили первоначально задуманные полномочия президента[5]. Кроме того, проекты Конституционного Совещания и Конституционной Комиссии стали рассматриваться как альтернативные, также была предпринята попытка создания компромиссного варианта из обоих проектов[6]. В августе 1993 г. Б.Н. Ельцин публично заговорил об «артподготовке» в отношении Съезда народных депутатов[7]. В целом, обращаясь к политике президента в 1992–1993 гг., можно утверждать, что он являлся главным инициатором конфликта с парламентом.

Еще одним крупным участником конфликта в высших эшелонах власти России 1992–1993 гг. стало Правительство РФ. При этом следует отметить, что состав правительства в этот период неоднократно менялся, соответственно, менялась и расстановка политических сил и приоритетов. Сформированное после V Съезда народных депутатов РСФСР «пра-

[1] Выступление Президента Российской федерации Б.Н. Ельцина по итогам шестого Съезда народных депутатов РФ // Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Документы, доклады, сообщения. М., 1992. С. 266–274.

[2] См. подробн.: *Тарасова Е.А.* Потерянная альтернатива: становление новой политической системы России в 1990–1993 гг. СПб., 2012. С. 137–162.

[3] Там же. С. 163–189.

[4] *Батурин Ю.* Конституционные этюды. М., 2008. С. 52.

[5] Конституционное совещание, 29 апреля — 10 ноября 1993 г.: стенограммы, материалы, документы. М., 1995. Т. 17. С. 361-412.

[6] *Румянцев О.Г.* Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления. М., 1994. С. 188-189.

[7] Президент сам готов принять решение о досрочных выборах // Независимая газета. 1993. 13 августа.

вительство реформ» возглавил лично Б.Н. Ельцин, взяв на себя ответственность за ход и последствия преобразований. Обращаясь к работе Съездов народных депутатов и Верховного Совета РФ в 1992 г., можно увидеть, что авторитет Б.Н. Ельцина в первые полгода реформ был непререкаемым. Даже на VI съезде народных депутатов РФ в апреле 1992 г. депутаты критиковали министров, в особенности Е.Т. Гайдара, но не Б.Н. Ельцина[1]. Поэтому на первом этапе конфликт вокруг экономических преобразований действительно разворачивался на уровне парламент–правительство. Оценивая обстановку в стране накануне и во время VI съезда народных депутатов, заместитель Председателя ВС РФ С. Филатов, один из сподвижников президента Б.Н. Ельцина, отмечал: «Меня беспокоит то, что делается за стенами Съезда. Это, видимо, нормальное явление — митинги и прочее. Однако наша скрытая конфронтация, которая выплеснулась через прессу, может перейти в открытую — между Парламентом и Правительством»[2]. 15 июня 1992 г. указом президента Б.Н. Ельцина на пост и.о. премьер-министра был назначен Е.Т. Гайдар. Поскольку договоренности, достигнутые на VI съезде относительно корректировки реформ, не выполнялись, уже летом 1992 г. отношения между депутатами и правительством обострились. А принятие решений президентом в обход парламента относительно формы проведения ваучерной приватизации[3] обозначило уже новую линию конфликта — Съезд народных депутатов и Верховный Совет, с одной стороны, президент и правительство — с другой. Такая ситуация сохранялась до конца 1992 г., когда правительство Е.Т. Гайдара было отправлено в отставку.

Новое правительство по главе с В.С. Черномырдиным в целом продолжило реформаторский курс своих предшественников. В то же время появились и новые тенденции: в 1993 г., когда депутаты все больше настаивали на необходимости корректировки экономического курса и предлагали альтернативные решения[4], предпринимались попытки достижения компромисса, организовывались круглые столы с участием членов правительства и депутатов для выработки согласованного плана дальнейших экономических реформ[5]. Такие попытки не одобрялись президентом, стремившимся во что бы то ни стало следовать намеченному курсу[6]. Даже летом 1993 г., когда президент уже не скрывал сво-

[1] См.: Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации: Документы, доклады, сообщения. М., 1992. С. 29–34.

[2] Филатов С. На пути к демократии. М., 1995. С. 85.

[3] Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. 3 октября. № 35. Ст. 2001.

[4] Альтернативные программы радикальных экономических реформ, разработанные депутатскими фракциями, общественными организациями // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1208.

[5] Первый «круглый стол» может стать предвестником национального согласия // Известия. 1993. 6 февраля.

[6] *Хасбулатов Р.И.* Преступный режим. «Либеральная тирания» Ельцина. М., 2011. С. 120–122.

их намерений в отношении парламента, попытки сотрудничества парламентариев и правительства имели место[1]. Правительство не обладало ни правами, ни возможностями изменить политический курс парламента, его судьба напрямую зависела от решений Съезда, оно не обладало и достаточной самостоятельностью в политической системе, поэтому в 1993 г. можно говорить о том, что правительство, не являясь основным звеном в развернувшемся конфликте, скорее поддерживало президента, а не парламент.

Среди основных участников конфликта следует также назвать Конституционный суд РФ, который на протяжении 1992–1993 гг. несколько раз помогал разрешению политического противостояния между президентом и парламентом. Так, в декабре 1992 г. благодаря посредничеству председателя Конституционного суда В. Зорькина сторонам конфликта удалось достичь компромисса: избрать нового председателя правительства, назначить референдум по основным положениям новой Конституции и принять еще целый ряд решений[2]. Весной 1993 г. Конституционный суд выступил против обнародованного президентом указа «Об особом порядке управления страной»[3]. Осенью 1993 г. Конституционный суд также не поддержал политику президента.

Политические партии хотя и принимали участие в политических кризисах 1992–1993 гг., в том числе проводили митинги, участвовали в разработке альтернативных проектов новой Конституции и экономических преобразований, существенной роли в политической жизни 1992–1993 гг. не играли. Фракции, представленные на Съезде народных депутатов РФ, не оказывали определяющего влияния на принятие решений депутатского корпуса. Кроме того, в это время наблюдался феномен «коммунистической многопартийности», что не позволило в прошлом единственной и самой крупной партии в стране собрать свои силы и реально заявить о себе как о политической силе, способной играть самостоятельную роль в развивающемся противостоянии.

Особую роль в событиях осени 1993 г. сыграли региональные органы власти. 26 сентября 1993 г. было создано Совещание субъектов Федерации, на котором большинство высказались за т.н. «нулевой вариант», предусматривающий досрочные выборы парламента и президента. Ситуация в регионах в период осени 1993 г. до сих пор остается малоизученной, хотя в последние годы появляется все больше изысканий, проливающих свет на эту проблему[4].

---

[1] *Хасбулатов Р.И.* Великая Российская трагедия. М., 1994. Т. 1. С. 70.

[2] О работе над проектом новой Конституции РФ: Документы первого–девятого Съездов народных депутатов РФ. М., 1993. С. 5–6.

[3] *Костиков В.* Роман с Президентом. М., 1997. С. 175.

[4] *Аллакулыев М.Б.* Регионы России в период конституционного кризиса 1993 г. // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1. № 3. С. 63–67; *Князев В.В.* Челябинская область в условиях политического кризиса (1991–1993 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 1 (33). С. 41–46; *Шереметьева Л.Н.* 1993 год: конфликт центральных властей и его отражение в реги-

Обращаясь непосредственно к событиям, развернувшимся в Москве 21 сентября — 4 октября 1993 г., необходимо рассматривать их на двух уровнях: с одной стороны, это противостояние государственных органов власти, политический конфликт, достигший своего апогея, с другой — народные выступления, во многом предопределившие итоги политического кризиса. Конечно, людей, пришедших к зданию парламента в те дни, а также выступающих на митингах в поддержку как парламента, так и президента, тоже нужно считать участниками конфликта. Другое дело, что эти люди, даже находящиеся по одну сторону баррикад, зачастую придерживались самых разных политических взглядов. Так, у Дома Советов в те дни вместе защищали парламент и коммунисты, и демократы, уже приходившие сюда же в августе 1991 г., и члены националистических объединений, и сторонники многих других политических организаций самого разного толка. То же самое можно сказать и о людях, поддержавших в те дни президента.

В ходе исследования событий осени 1993 года в Москве можно обнаружить элементы провокации: речь идет в первую очередь о народных выступлениях 3 октября, когда демонстранты с легкостью прорвали заграждение вокруг Дома Советов, захватили здание мэрии и поехали с требованием эфира к телецентру «Останкино». Впервые версия о провокации была сформулирована исследователем А. Тарасовым, который так и назвал свою книгу, посвященную событиям осени 1993 г.[1]. Также одним из самых сложных вопросов, связанных с событиями осени 1993 г. в Москве, является число жертв конфликта. В настоящее время самое полное исследование по этой проблеме подготовлено историком В. Шевченко[2].

Несомненно, обращаясь к вопросу о роли событий осени 1993 г. в политической истории современной России, необходимо в первую очередь определить характер противостояния. В историографии мы можем встретить шесть основных формулировок при оценке произошедшего: политический кризис, путч, восстание, мятеж, гражданская война и государственный переворот. Самой распространенной является первая из них. Действительно, достаточно нейтральный термин «политический кризис» позволяет избежать излишней политизации исторического события, однако он недостаточно глубоко отражает суть произошедшего. Попытки классифицировать события осени 1993 г. в России как путч, предпринимаемые пропрезидентскими СМИ в ходе и сразу после слу-

онах России // Конфликтология. 2013. № 1. С. 53–63; *Смолеев А.А.* Октябрь 1993 г. в Тамбовской провинции: осторожность элит и политическая пассивность населения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2–3. С. 145–147; и др.

[1] *Тарасов А.Н.* Провокация: Версия событий 3–4 октября 1993 года в Москве. — Постскриптум из 1994-го. М., 1994.

[2] *Шевченко В.А.* Жертвы Черного Октября 1993-го. 2-е изд., испр и доп. М., 2018.

чившегося, не смогли оказать влияния на дальнейшую оценку событий: такая формулировка практически не встречается в историографии. Это связано как с масштабностью событий, широким кругом вовлеченных в них участников, так и с неприменимостью данного понятия к действиям парламента: Конституцию России нарушил президент, а не депутаты. Те же аргументы можно привести и относительно редко встречающейся оценки событий осени 1993 г. как мятежа. Термин «восстание» также получил небольшое распространение, главным образом в оппозиционных СМИ. На наш взгляд, он также неприменим для описания произошедшего, поскольку восстание — это сопротивление существующей власти, а по Конституции РФ Б.Н. Ельцин после издания Указа № 1400 утратил полномочия президента. Нередко авторы, обращающиеся к исследованию событий сентября–октября 1993 г. в России, заявляют, что в эти дни в Москве развернулась гражданская война, которая могла перекинуться в другие регионы. Как правило, за этим следует вывод, что жесткие действия Б.Н. Ельцина предотвратили такую возможность. Однако, как показывают материалы региональной периодической печати, архивные документы решений местных Советов и администраций, а также уже проведенные исследования политической обстановки в ряде регионов, оснований для развития гражданской войны в России в этот период не наблюдалось. Термин «государственный переворот» стал использоваться для трактовки происходящего уже в первые дни событий осени 1993 г. Обратимся к определению: «Государственный переворот — насильственное и совершенное в нарушение конституции свержение или изменение конституционного (государственного) строя либо захват (присвоение) государственной власти кем бы то ни было»[1]. Указ № 1400 грубо нарушал действующую Конституцию России; в результате его издания и последующего применения Б.Н. Ельциным силы для захвата здания Дома Советов была изменена система государственной власти в стране. С течением времени термин «государственный переворот» применительно к событиям осени 1993 г. стал достаточно широко использоваться как в публицистических работах, так и в исторических исследованиях. На наш взгляд, он максимально точно отражает суть произошедшего.

[1] Политический словарь [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://endic.ru/politic/Gosudarstvennyj-Perevorot-1847.html (28.02.2019).

ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РФ ПЕРВОГО СОЗЫВА

УЗЛОВА ИРИНА ВИТАЛЬЕВНА,
кандидат исторических наук,
заведующая кафедрой истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: uzlova2@mail.ru

Аннотация: Рассмотрена деятельность Государственной Думы первого созыва (1994–1995 гг.), направленная на достижение политической стабильности в российском обществе и конструктивного сотрудничества между ветвями государственной власти. Показаны причины, которые побуждали депутатов уделять особое внимание этому вопросу, а также трудности и противоречивые результаты их усилий.

Ключевые слова: Федеральное Собрание РФ, Государственная Дума, Президент РФ Б.Н. Ельцин, Договор об общественном согласии.

Одним из важнейших направлений своей деятельности Государственная Дума первого созыва (1994–1995 гг.) считала достижение общественного согласия, под которым она понимала обеспечение политической стабильности в российском обществе и конструктивное сотрудничество между ветвями государственной власти. Депутаты видели в этом необходимое условие вывода России из тяжелейшего экономического и политического кризиса, в котором находилась страна. Большинство депутатов были настроены на поиск компромиссов и конструктивное (позитивное) взаимодействие как внутри Думы, так и между ветвями власти[1].

Такой настрой во многом определялся трагическими событиями осени 1993 года, которые привели к силовому разгону Верховного Совета и Съезда народных депутатов РФ, к роспуску прежнего депутатского корпуса. Эти события поставили страну на грань гражданской войны. Большинство депутатов нового парламента считали своей задачей сделать все возможное для того, чтобы снять опасность гражданской войны, а это диктовало необходимость избегать жесткого противостояния с президентом Б.Н. Ельциным, который проявил готовность разогнать неугодный ему парламент. И новая Конституция, принятая в декабре 1993 г., давала ему для этого большие легальные возможности.

К поиску компромиссов подталкивали и результаты парламентских выборов в декабре 1993 г., которые для многих оказались неожидан-

[1] См. подробн.: *Калашников В.В.*, *Узлова И.В.* Первый Президент и Первая Дума. СПб., 2016.

ными. Самое большое число голосов по партийному списку получила Либерально-демократическая партия В.В. Жириновского (22,92 %). Довольно много голосов получили КПРФ (12,4 %) и Аграрная партия России (7,99 %). Все три партии выступали как оппозиционные по отношению к тому курсу реформ, который проводили Президент РФ Б.Н. Ельцин и его правительство, и в целом могли рассчитывать на поддержку более трети депутатов.

Праволиберальный блок «Выбор России», возглавляемый Е.Т. Гайдаром, который рассматривался на выборах как главный фаворит, получил всего 15,51 % голосов. Хотя в Государственной Думе первого созыва фракция «Выбор России» стала самой крупной за счет вхождения в нее 38 депутатов-одномандатников, в целом сторонники Е.Т. Гайдара, включая и другие правые партии и депутатские группы (Партия Российского единства и согласия и Либерально-демократический Союз 12 декабря), получили менее трети голосов.

В относительном большинстве оказались партии и группы депутатов центристского плана, выступавшие как умеренная оппозиция, готовая лояльно сотрудничать с президентом и правительством. Такой расклад сил в Думе объективно порождал необходимость внутридумских компромиссов, поскольку ни левые, ни правые не могли провести свои решения без той или иной поддержки со стороны центристских фракций.

Дума начала свою работу 11 января 1994 г. Первые компромиссы были достигнуты уже при формировании ее руководящих органов и комитетов. Благодаря идее, выдвинутой Николаем Травкиным, депутатам удалось быстро определить структуру и состав думских комитетов. Суть идеи сводилась к тому, чтобы распределить руководящие посты в Думе и ее комитетах между депутатскими объединениями пропорционально их численности по прозрачной схеме, а затем проголосовать за них единым «пакетом»[1]. Поддержанная большинством депутатов идея Н. Травкина дала положительный результат: всего неделя потребовалась на формирование руководящих органов нижней палаты и ее комитетов.

13 января 1994 г. по «внепакетной» процедуре состоялись выборы Председателя Государственной Думы. На этот пост реально претендовали А.П. Брагинский (депутатская группа «Либерально-демократический Союз 12 декабря»), Ю.П. Власов (независимый кандидат), С.А. Ковалев (одномандатный округ), В.П. Лукин («Яблоко»), В.С. Медведев (депутатская группа «Новая региональная политика») и И.П. Рыбкин (АПР). Практически всем кандидатам задавался вопрос об их отношении к событиям осени 1993 г. Самую примирительную позицию продемонстрировал И.П. Рыбкин, заявивший о своем стремлении к согласию, а не к конфронтации. После нескольких туров голосований, не давших большинства ни более левым, ни более правым кандидатам, Рыбкин был

[1] *Глазьев С.Ю.* Полтора года в Думе. Отчет перед избирателями. М., 1995. С. 11.

избран[1]. Его избрание на пост Председателя Думы стало еще одним свидетельством необходимости и возможности компромиссов внутри нижней палаты парламента.

Вскоре депутаты Думы достигли компромисса в непростом вопросе об объявлении политической амнистии участникам событий весны–осени 1993 г., а также лицам, проходившим по делу о ГКЧП в августе 1991 г.

В соответствии с Конституцией Дума наделена правом самостоятельно объявлять амнистию. Однако Б.Н. Ельцин, узнав о желании оппозиционных депутатов освободить своих товарищей, сыграл на упреждение, направив в Думу указ, который предписывал объявить амнистию, не распространявшуюся на защитников Верховного Совета и прежней Конституции[2]. Большинство депутатов отказались принимать президентский проект, оценив действия президента как вторжение в сферу полномочий нижней палаты. В ответ правые фракции заблокировали вариант политической амнистии, предложенный ЛДПР и КПРФ. После этого в Думе вновь возникла идея компромиссного «пакета», который и был подготовлен.

В «пакет» были включены: 1) «Меморандум о согласии», декларирующий готовность всех фракций стремиться к выходу из любой кризисной ситуации в рамках действующего законодательства и путем консолидации властных структур и политических сил; 2) президентский вариант амнистии, предусматривающий амнистию за ряд преступлений неполитического характера; 3) думский вариант политической амнистии, дополненный статьей об амнистии лиц, совершивших определенный круг преступлений в экономической сфере.

Принять «пакет» удалось только после того, как в него вошло еще одно постановление — об отказе от созыва думской комиссии по расследованию октябрьских событий 1993 г.

Это расследование было нежелательно для президентской стороны, и левые фракции Думы согласились не созывать комиссию с тем, чтобы получить необходимое большинство голосов для осуществления амнистии членов ГКЧП и защитников Верховного Совета. 23 февраля 1994 г. за «пакет» проголосовали все левые и центристские фракции и группы[3]. «Против» голосовал правый фланг Думы, представленный фракцией Гайдара и депутатской группой «Либерально-демократический Союз 12 декабря». По политической амнистии были освобождены 54 обвиняемых, 31 из которых проходили по делам, связанным с октябрьскими событиями 1993 г.[4].

Следует отметить, что в этой ситуации президент Ельцин не проявил готовность к компромиссу и в нарушение действующего зако-

[1] Государственная Дума: Стенограммы заседаний. Весенняя сессия. 1994 г. М., 1995. Т. 1. С. 266.

[2] Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 402.

[3] Государственная Дума: Стенограммы заседаний. Весенняя сессия. М., 1995. Т. 3. С. 43.

[4] *Рыбкин И.П.* Государственная Дума. Пятая попытка. Очерк новейшей истории представительной власти в России. 3-е изд., доп. и дораб. М., 1996. С. 124.

нодательства приказал не выпускать Р. Хасбулатова, А. Руцкого и их товарищей из Лефортово[1]. Однако Генеральный прокурор РФ А.И. Казанник выполнил законное постановление Думы и подал в отставку. Ельцин отдал приказ вновь арестовать освобожденных лидеров оппозиции, но эта акция не получила однозначной поддержки в команде президента, и Ельцин отказался от своего намерения. Этому способствовали переговоры между Ельциным и Рыбкиным. На переговорах Председатель Государственной Думы убедил президента не нарушать только что принятую новую Конституцию и не вступать в открытый конфликт с новым парламентом. Рыбкин обещал президенту конструктивную работу со стороны Думы.

Вскоре из этих контактов родилась идея подписания Договора об общественном согласии при участии всех ветвей власти и политических и общественных организаций.

28 апреля 1994 г. Президент РФ, Председатель Правительства РФ, Председатели палат Федерального Собрания, лидеры некоторых политических партий и общественных организаций подписали «Договор об общественном согласии», который содержал много правильных слов о необходимости достижения гражданского мира и согласия в России. Договор содержал и обязательство подписантов «не инициировать политических кампаний с целью проведения досрочных, не предусмотренных Конституцией выборов федеральных органов власти»[2]. Этот пункт появился далеко не случайно и был очень важен лично для Б.Н. Ельцина. Дело в том, что за ним оставалось обещание провести досрочные президентские выборы, которое президент дал в сентябре 1993 года, назначив своим указом такие выборы на 12 июня 1994 г.[3]. Юридически это обещание было аннулировано принятием новой Конституции, которая содержала раздел «Заключительные и переходные положения». В них был пункт, согласно которому Президент РФ осуществлял свои полномочия до истечения срока, на который он был избран[4]. Однако оппозиция настаивала на проведении досрочных президентских выборов, как это было обещано Ельциным. Подписанный 28 апреля 1994 г. «Договор об общественном согласии» с пунктом об отказе от проведения досрочных выборов был ответом Ельцина на требования оппозиции. Поэтому левые фракции КПРФ и АПР отказались подписать такой договор. По другим различным причинам договор не подписали фракция «Яблоко»

[1] См.: Интервью А.И. Казанника // Коммерсант власть. 2001. 11 декабря.

[2] Договор об общественном согласии официально не опубликован. См. текст договора: [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=182857117090514860420127 71&cacheid=4C7A6DA8E62174812B99CCEC3DC1ABA5&mode=splus&base=EXP&n=261348&rnd=B4FC595E21C0FC56C1A671EE81E377B5#4tmlquyknv6

[3] Указ Президента РФ № 1434 «О досрочных выборах Президента Российской Федерации»// Собрание актов Президента и Правительства. 1993. 27 сентября. Ст. 3601.

[4] Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 декабря.

и депутатские группы «Союз 12 декабря», «Новая региональная политика» и «Российский Путь».

Как показали дальнейшие события, Договор об общественном согласии не привел к реальному изменению курса экономических реформ, который проводила команда президента. По своим заявленным целям эти реформы должны были привести Россию к процветанию, но на деле из года в год вели к падению уровня жизни большинства людей. Итоги 1993 г. и начало 1994 г. свидетельствовали об углублении экономического кризиса. Эта ситуация не могла не тревожить депутатов. Левые и левоцентристские силы в Думе попытались провести коррекцию социально-экономической политики, используя парламентскую процедуру при обсуждении проекта государственного бюджета на текущий 1994 г. Объективно, такая возможность была, поскольку Конституции наделила Думу правом принятия государственного бюджета, проект которого разрабатывает и вносит правительство. Левые фракции предложили многочисленные поправки к проекту бюджета, но они не были учтены правительством, которое настаивало на продолжении прежнего социально-экономического курса. 24 июня правительству удалось провести бюджет через Думу[1], надолго затянув этот процесс и использовав неурегулированную процедуру его принятия. Левые депутаты голосовали за бюджет только потому, что дальнейшее затягивание его принятия позволяло правительству продолжать бесконтрольно расходовать государственные средства[2].

Осознав слабость своего первого бюджетного опыта, Дума в июле 1994 г. приняла закон, который строго регламентировал процедуру прохождения бюджета на будущий 1995 год[3]. Президент отклонил этот закон, но Дума и Совет Федерации дружно преодолели его «вето». Депутаты верхней палаты также понимали, что без такого закона правительство будет умело манипулировать процедурой принятия бюджета. Это был определенный успех. Впоследствии Дума ежегодно вплоть до принятия Бюджетного кодекса в 1998 г. принимала аналогичные законы, заставляя правительство им следовать. Однако существенных изменений в политику правительства бюджетные поправки не вносили. К тому же многие принятые статьи бюджета реально не выполнялись.

Серьезным препятствием на пути к согласию между Думой, с одной стороны, и президентом и правительством — с другой, стал вопрос о приватизации государственной собственности. Летом 1994 г. заканчивался так называемый этап ваучерной приватизации и начинался этап денежной приватизации. Правительство фактически не предоставило депутатам возможности проанализировать итоги ваучерной приватизации

[1] Государственная Дума: Стенограммы заседаний. Весенняя сессия. М., 1995. Т. 6. С. 632.

[2] Там же. С. 634.

[3] Федеральный закон от 05.11.1994 № 36-ФЗ «О порядке рассмотрения и утверждения федерального бюджета на 1995 год» // Собрание законодательства РФ. 1994. 7 ноября. № 28. Ст. 2929.

и принять план денежной. Как на первом этапе, так и на втором приватизация осуществлялась на основе указов президента, что вело к большим финансовым потерям, раздаче государственной собственности за бесценок лицам, близким к президенту и правительству. Явно негативные итоги приватизации серьезно ослабляли тот позитивный импульс к конструктивному сотрудничеству, который присутствовал в Думе в первой половине 1994 г.

Осенью 1994 года на фоне углубляющегося экономического кризиса Дума была вынуждена пойти на острый конфликт с правительством. 11 октября произошло падение курса рубля на 30 % по отношению к доллару, вызвавшее резкое повышение цен. Это событие получило название «черного вторника» и стало причиной, по которой левые фракции потребовали отставки кабинета министров.

27 октября на пленарном заседании Думы был поставлен вопрос о недоверии Правительству РФ. В голосовании приняли участие 302 депутата. Из них «за» проголосовали 194 чел., «против» — 54 чел., воздержались 55 чел. Остальные депутаты уклонились от голосования, и предложение не прошло[1]. Итоги голосования красноречиво говорили о том, что лишь около 200 депутатов, т.е. менее половины, были готовы открыто выразить недоверие правительству. С другой стороны, итоги голосования говорили и о том, что лишь небольшая часть депутатов прямо поддержала правительство. Первая попытка Думы выразить недоверие правительству не увенчалась успехом. Многие депутаты учитывали, что выражение Думой недоверия правительству не обязывает президента отправить его в отставку. Ч. 3 ст. 117 Конституции гласит: «После выражения Государственной Думой недоверия Правительству Российской Федерации Президент Российской Федерации вправе объявить об отставке Правительства Российской Федерации либо не согласиться с решением Государственной Думы». Если же Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству РФ, то «Президент объявляет об отставке Правительства либо распускает Государственную Думу». Эта конституционная норма, позволявшая президенту распустить Думу, и в дальнейшем постоянно ограничивала возможности депутатов влиять на политику правительства.

В конце 1994 г. отношения в Думе и в обществе в целом обострились в связи с началом войны в Чечне. Накануне и после начала военного конфликта большинство думских депутатов призывали президента остановить войну, считая, что не все возможности мирного урегулирования исчерпаны. В то же время депутаты не хотели создавать правительственный кризис в ходе войны и не выступали за отставку правительства. Этот вопрос встал только в июне 1995 г. после трагических событий в Буденновске, когда от рук чеченских боевиков погибли десятки мирных жителей. События в Буденновске остро обнажили общую ситуацию в стране,

[1] Государственная Дума: Стенограммы заседаний. Осенняя сессия. 1994 г. М., 1995. Т. 9. С. 433.

когда органы государственной власти действовали крайне неэффективно и часто были подвержены коррупции. Однако новая попытка отправить в отставку Правительство также не имела успеха и по той же причине: она могла завершиться роспуском Думы. Не имели успеха и попытки левых фракций внести поправки в Конституцию и поставить вопрос об импичменте президента. Состав Думы не давал возможности оппозиционным депутатам провести такие решения.

В целом деятельность Думы первого созыва показала весьма ограниченные возможности парламента влиять на экономическую, социальную и политическую ситуацию. Реальная государственная власть находилась в руках президента. И президент Ельцин это прекрасно понимал, всегда стремился демонстрировать силу своих полномочий и разговаривать с Думой с позиции силы. Сравнение поведения Думы с поведением Президента и его команды позволяет сделать вывод о том, что линия поведения президентской стороны всегда была более конфронтационной. Это затрудняло возможности реального и искреннего согласия между президентом и большинством депутатов Думы.

Отдавая отчет в слабости своих возможностей, депутаты в 1995 г., особенно во второй половине года, активно занимались законодательной деятельностью, готовя правовую базу для предстоящих выборов депутатов Государственной Думы и Президента РФ.

Поскольку Дума первого созыва была избрана на усеченный срок (на два года), постольку уже в 1995 г. все политические силы готовились к декабрьским парламентским выборам. А думские выборы были генеральной репетицией президентских выборов, назначенных на лето 1996 г. Именно с результатами последних оппозиционные партии (как левые, так и центристские) связывали возможность изменить тот курс, который проводили президент Ельцин и его правительство.

Политика поисков компромиссов и согласия, проводимая большинством депутатов парламента в 1994–1995 гг., имела два противоречивых следствия. С одной стороны, такая роль Думы обеспечивала социально-политическую стабильность в стране в ситуации самого глубокого экономического и политического (военного) кризиса. С другой — такая позиция Думы позволяла правительству проводить прежний социально-экономический курс, в рамках которого осуществлялась передача государственной собственности в руки немногих, углублялось социальное расслоение и т.п. В итоге, несмотря на остроту социально-экономической ситуации и войну в Чечне, политическое противостояние в 1994–1995 гг. не принимало столь жесткие формы, как в 1993 г.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ НА МОЛОДЕЖЬ НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В 2016 г.

СТЕРЛИКОВА АРИНА АНАТОЛЬЕВНА,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: arinast@mail.ru

ГАЛАЙ КРИСТИНА ПАВЛОВНА,
преподаватель кафедры рекламы
и современных коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: diushessss@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу степени воздействия политической рекламы на современную молодежь на примере восприятия образцов наружной рекламы партий, участвовавших в выборах в Государственную Думу и Законодательное Собрание в 2016 г. в Санкт-Петербурге. В статье представлен анализ результатов опроса студентов вузов Санкт-Петербурга об их реакции и степени восприятия политической рекламы.

Ключевые слова: Политическая реклама, политические партии, выборы, Государственная Дума, молодежь, студенты, цветопсихология, баннеры, плакат, листовка, лозунг, социологический опрос «Единая Россия», КПРФ, «Яблоко», ЛДПР, «Справедливая Россия».

Современный политический процесс в России уже почти два десятилетия представляется достаточно очевидным и предсказуемым. Результат выборов, с некоторыми поправками, известен заранее. Однако в последние годы ситуация изменилась: вернулись многопартийность, губернаторские выборы. Политическим силам, которые хотят участвовать в выборном процессе, необходимо чутко реагировать на изменение позиции избирателей, быть готовыми соответствовать политическому настроению и чаяниям населения. Политическая реклама является неотъемлемой частью любой избирательной кампании и политического процесса в целом, но очевидно и то, что ее развитие в современной России еще не достигло должного уровня.

С другой стороны, социологи и политики озабочены аполитичностью современной молодежи, а власть разумно опасается радикализации даже небольшой ее части. Поэтому вопрос о привлечении молодого поколения к политике стоит достаточно остро в России. В рамках данной проблемы представляется интересным проанализировать последнюю думскую из-

бирательную кампанию (лето–осень 2016 г.) и выяснить, какое влияние оказывает политическая реклама на молодежь.

По мнению большинства аналитиков, предвыборные кампании 2016 г. всех партий были достаточно слабы, лозунги размыты, абстрактны, порою невозможно определить основной посыл той или иной партии, выяснить, чем же они отличаются, к чему призывают. Отмечали специалисты, что думские выборы были лишены общефедеральной повестки, кампания носила вынужденно инерционный характер, что было связано с ее временем, которое пришлось на летний дачный сезон[1]. По мнению политтехнолога Е. Сучкова, кампания демонстрировала, что практически ни одна российская партия так и не овладела в полной мере современными политическими технологиями[2].

В настоящее время очень мало работ, которые исследуют влияние современной политической рекламы в России на избирателей. Поэтому представляется интересным провести анализ наружной рекламы политических партий на примере региона Санкт-Петербург. Эмпирическую базу исследования составили образцы наружной рекламы партий, участвовавших в выборах в 2016 г. в Санкт-Петербурге. По мнению большинства исследователей, именно наружная реклама оказывает наибольшее влияние, так как от нее никуда не деться, в то время как рекламный ролик можно переключить[3].

Социологи отмечают низкую степень вовлеченности молодежи в политические процессы и отсутствие политических установок[4]. По результатам исследований Института социологии РАН, в младшей возрастной группе молодежи (17–20 лет) интерес к политике в различной степени проявляется у 41 %, в средней (21–23 года) — у 48 %, в старшей (24–26 лет) — у 57 %[5]. Среди голосующей молодежи лишь небольшая ее часть уверена, что путем голосования можно повлиять на результаты

[1] *Корня А.* Политтехнологи признали выборы в Госдуму скучными [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.advertology.ru/article138323.htm

[2] Экспертная оценка кампании по выборам в Госдуму. Исследование комитета по политтехнологиям РАСО [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.politteh.ru/news/news_78.html

[3] *Смыкова О.А.* Психология восприятия визуальной политической рекламы [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://doc.knigi-x.ru/22psihologiya/581621-1-psihologiya-vospriyatiya-vizualnoy-politicheskoy-reklami-vibori-deputatov-18-sentyabrya-2016-smikova-olga-aleksand.php

[4] *Дзялошинский И.М., Мастерова Ю.* Медиа и социальная активность молодежи // Медиа. Информация. Коммуникация. 2012. № 3 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://mic.org.ru/2012g/3-nomer-2012/134-media-i-sotsialnaya-aktivnost-molodezhi

[5] Молодежь и политика. Репрезентативное общероссийское социологическое исследование Института социологии РАН [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.myshared.ru/slide/614523/

выборов[1]. В свете этих данных интересно проанализировать результаты конкретной избирательной кампании в Санкт-Петербурге.

Для начала был проведен анализ наружной рекламы политических партий в Санкт-Петербурге во время избирательной кампании лета–осени 2016 г. с использованием приемов цветопсихологии. Следует отметить, что прослеживается определенная связь между количеством и качеством наружной рекламы и результатами выборов в Государственную Думу и Законодательное Собрание по Санкт-Петербургу у партий «Единой России», КПРФ, ЛДПР, «Яблока», «Партии роста» и «Справедливой России». Именно эти политические силы наиболее часто прибегали к политическим плакатам и листовкам. Наиболее успешной в плане психологического воздействия можно назвать наружную рекламу «Единой России».

Наружная политическая реклама «Единой России» была одной из наиболее распространенных и представляла собой три «линейки». Во-первых, это баннеры с премьером Д.А. Медведевым, которых было достаточно много. Вторая линейка — это цитаты В.В. Путина на XV съезде партии. И еще одна «линейка» — это плакаты с местными кандидатами в депутаты от партии. Мы видим, что одни плакаты обращались к россиянам в целом, а другие — непосредственно к петербуржцам. В первом случае основной посыл был таков: «перед избирателями — партия власти, партия Путина». Сообщение усиливалось с помощью цветового решения.

Акцент в оформлении наружной рекламы «Единой России» традиционно сделан на темно-синий цвет: располагаясь на левой стороне плаката, он составлял фон для эмблемы партии, которая выходила на первый план в восприятии. Темно-синий с точки зрения психологии ассоциируется с непрерывностью традиций, верностью, безупречностью. Физиологически вызывает покой, считается деловым, подобный плакат как будто убеждает: «будьте спокойны: страна в руках профессионалов». Таким образом, лексическое содержание сообщения усиливалось психологическими приемами, составляя единое целое[2].

Часть плакатов с лозунгом «Слышим людей, сможем сделать!» подкреплялась иллюстрациями: Д.А. Медведев с девушками — смеется вместе с ними, Д.А. Медведев с врачами: серьезен, с пенсионерами — слушает их. «Слышать голос — наша обязанность», т.е. даже то, что не сказано напрямую, будет услышано. В целом ярко прослеживается манипулятивный прием «отождествление»: на плакатах такие же люди, как мы. Хотя, конечно, выбор Д.А. Медведева ключевой фигурой рекламы достаточно спорный, его рейтинг не велик.

---

[1] *Дзялошинский И.М., Мастерова Ю.* Указ. соч. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://mic.org.ru/2012g/3-nomer-2012/134-media-i-sotsialnaya-aktivnost-molodezhi

[2] *Смыкова О.А.* Психология восприятия визуальной политической рекламы [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://doc.knigi-x.ru/22psihologiya/581621-1-psihologiya-vospriyatiya-vizualnoy-politicheskoy-reklami-vibori-deputatov-18-sentyabrya-2016-smikova-olga-aleksand.php

Многие специалисты по рекламе видят ее успех, в первую очередь, в удачном лозунге[1]. Тут, надо сказать, «Единая Россия», действительно, оказалась лидером. «Голосуй за партию президента, голосуй за „Единую Россию!“»: здесь ссылка на В.В. Путина, чей высокий рейтинг стал «козырем» «Единой России» (психологический прием — ссылка на авторитет). Часто можно было встретить такие лозунги: «Вместе мы сила», «Успех каждого — успех России», «Действовать в интересах людей», которые говорили о некоем единстве, давали почувствовать, что человек не одинок.

В «региональном» типе плаката акцент сделан на фотографиях кандидатов и лозунгах: «За наш Санкт-Петербург» и «За наш район». В Санкт-Петербурге активно использовалась реклама в метро для региональных политиков. Например, плакат в поддержку скандально известного депутата В. Милонова гласил, что он выступает за традиционные ценности.

Наружная реклама КПРФ была достаточно распространена и креативна. На многих плакатах использовали сочетание красного цвета, который является традиционным для коммунистической партии. Красный цвет вызывает активность, возбуждение; физиологическая реакция со стороны человека — учащение сердцебиения и стимулирование мозговой деятельности. Лозунги, активно используемые в наружной рекламе: «За КПРФ!», «Мы правы! Мы сможем!», «Выход из кризиса — социализм» — выглядели достаточно динамично, но не несли конкретики, а последний представляется слишком абстрактным.

Активно использовалась в предвыборных плакатах КПРФ и тема Великой Отечественной войны, которая является популярной. Подобные билборды появились в Санкт-Петербурге одними из первых.

КПРФ — единственная парламентская партия, которая не воспользовалась «лицом лидера» — Г.А. Зюгановым — в рекламе, ограничившись местными политиками, что в данном случае было выигрышным решением. КПРФ сделала и несколько оригинальных ходов в политической рекламе. Например, ребрендинг главного символа партии — В.И. Ленина, сделав из него более подходящий образ для современного поколения: накаченного молодого человека в сопровождении привлекательной девушки. Этот образ часто встречался в наружной рекламе партии, особенно в предвыборных газетах и листовках.

Политический плакат у ЛДПР не был распространен. Мы встречали традиционные билборды: голубой фон и желтая надпись ЛДПР. Желтый цвет стимулирует мозг, его человек замечает первым и сохраняет его в памяти. Эмоционально — он изменчив, подвижен, ярок (ассоциация с В.В. Жириновским). Синий и желтый совместно вызывают сильное психологическое воздействие.

Вторым видом плаката стали стенды с фотографией В.В. Жириновского, где он за трибуной призывает: «Приходи и проголосуй! Не дай себя обворовать!». Голова и взгляд Жириновского повернуты вправо,

[1] *Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В.* Политическая реклама. М., 1999. С. 78.

мы не встречаемся с ним глазами, в результате призыв остается недейственным: он кого-то другого, не нас, призывает к действию.

Встречались у ЛДПР интересные листовки. Например, с изображением Жириновского за трибуной и текстом «Мы строим „Русский дом“. Присоединяйся!». Здесь традиционные для ЛДПР националистические идеи, эмоционально очень сильные по воздействию. Встречаются агрессивные листовки, где Жириновский смотрит прямо в глаза избирателя, выставляя вперед плечо и кулак. Ниже текст: «ЛДПР более 25 лет отстаивает ваши интересы». Кажется, что партия действительно борется, вступается за избирателя. Далее идет телефон для консультации, что повышает доверие к рекламе. Несмотря на более яркую наружную рекламу, КПРФ потеряла голоса — ЛДПР увеличила по сравнению с 2011 г.

Очевидно провальным оказалась наружная реклама «Справедливой России» из-за весьма странных лозунгов, несмотря на ее массовость. Политический плакат СР чаще предстает желто-бордовым полотном с различными иллюстрациями. Бордовый цвет символизирует консерватизм, что предпочтительнее для людей более зрелого возраста, но в больших количествах он угнетает. Несмотря на наличие желтого цвета, в целом, возникало подавленное состояние.

Было много плакатов с рекламой кандидатов от партии. Многие из них были неудачными, воспринималась неоднозначно, не все граждане понимали сарказм баннеров, например, таких как «Остаться честным не получилось» и предложение голосовать за кандидата от СР. Или надпись на билборде: «Расскажем правду Путину», «Справедливость не за горами», «Давайте вернем власть людям!». Партия раздавала огромное количество календарей, брошюр. В них она пыталась нанести сатирический удар по «Единой России», КПРФ, в меньшей степени ЛДПР. Однако критика, сарказм были не продуманы.

Большие баннеры «Яблока», одной из старейших партий России, практически не встречались. Партия сделала акцент на рациональности в рекламе, вследствие чего она прибегала в основном к использованию брошюр и буклетов. Перед выборами 2016 года практически у каждой станции метро г. Санкт-Петербурга стояли палатки с промоутерами, раздающими листовки партии «Яблоко». Один из главных лозунгов «Свобода. Уважение. Ответственность» очень абстрактный, а сама наружная реклама была рассчитана на думающих людей. Лозунги «Россия требует перемен», «Мы вернем надежду!» пытались затронуть эмоции избирателей. Зеленый цвет в цветопсихологии считается позитивным, дающим надежду, цвет обновления, воспринимается спокойно, но его оттенок на рекламных плакатах «Яблока» был слишком ярким.

В Петербурге была распространена реклама «Партии роста», которая смогла получить три места в Законодательном собрании. Главный лозунг «За новый экономический рост!» был, очевидно, адресован среднему классу, переживающему нелегкие времена в кризис. Самый заметный плакат — с Оксаной Дмитриевой, основной лозунг «Мы

за Петербург», который должен был привлечь избирателей. Цвета партии: темно-синий и белый, как и у «Единой России», фон для большинства билбордов — синий, что символизирует безупречность и считается деловым, как было отмечено выше. Встречался плакат с символикой партии и надписью «Молодежное крыло», что было рассчитано на привлечение молодежи.

Политический плакат партии «Родины» в Санкт-Петербурге встречался не часто. На наружной рекламе бросается в глаза российский триколор: белый фон с темно-сине-голубым и красным сочетанием, а также красная звезда. Психологическое воздействие на избирателя оказывали сочетания этих цветов. Композиция синего и красного вызывает чувство гармонии, сотрудничества. Голубой цвет есть небо. Белые облака — символ мира. В целом — это начало нового, чистого. Красный как готовность к борьбе, к власти; но сочетание с синим приводит чувства в равновесие: партия готова бороться, но не готова разрушать. В целом, цветовое сочетание располагало к партии, вызывало к ней теплые чувства. Второй важный момент в плакате — это эмблема: красная звезда. Пятиконечная звезда воспринимается как символ защиты (звездочки на погонах, символ Советской армии и пр.). Однако, неудачно звучит главный лозунг партии «Родина — это мы», подобный посыл скорее может вызвать раздражение и оттолкнуть избирателей (Родина все-таки у всех общая).

Можно отметить и активность партии ПАРНАС в Санкт-Петербурге, их листовки встречались довольно часто. Главный лозунг «Перезагрузи систему!» был явно рассчитан и на молодежь. В рекламе партия использовала агрессивный темно-бордовый цвет.

Партия «Коммунисты России», играя, собственно, на одном поле с КПРФ, и даже с «Единой Россией» по теме советского наследия, ничего другого предлагать, видимо, в агитационной борьбе и не собиралась. Основные слоганы партии: «Вернем все советское» и «Другие только обещают, мы — боремся!». Последний девиз с точки зрения психологии не совсем удачный: электорат хочет результата, ему не особо интересен процесс, тем более такой разрушительный, как борьба или, скорее, ее имитация. Цвет листовок, как и у КПРФ, — красный. В свои ряды «Коммунисты России» записали, помимо Ленина и Сталина, Уго Чавеса и Че Гевару, поместив их на предвыборные плакаты. Таким образом, они тоже использовали обращение к авторитетам, только в исторической ретроспективе.

Реклама остальных партий не имела широкого распространения. «Гражданская платформа» в наружной рекламе пользовалась лозунгами: «Меньше банков — больше заводов», «Село кормит страну. А кого кормит брошенная земля?». Не откликнулись избиратели и на популистскую рекламу «Гражданской платформы» (лозунги: «Нет Ельцинизму!», «Россия без олигархов!» и т.д.) с вызывающим ощущение нестабильности и напряженности цветовым сочетанием (переход от голубого

через сине-фиолетовый в красный). Отмечают специалисты по рекламе и узость лозунга «Мы — честные правые!»[1].

Плакаты других политических сил не были распространены: лозунги «Гражданской силы», например, «Сила России — в гражданской силе!» выглядят странными и абстрактными, как и лозунги «Патриотов России»: «Время делать все для людей!», «Патриотизм выше политики». Не самое удачное и цветовое решение плакатов «Патриотов России»: красное с желтым.

Для выяснения степени воздействия политической рекламы на молодежь было проведено анкетирование среди студентов (60 человек) Санкт-Петербурга по вопросу восприятия политической рекламы во время выборов 2016 г. На вопрос об участии в выборах осенью 2016 г. утвердительно ответили 60 % опрошенных, из них только 8 % затруднились ответить, повлияла ли на них политическая реклама, 92 % ответили, что повлияла. 42 % отметили, что им понравились лозунги и идеи, 25 % — что их убедили известные люди, участвовавшие в рекламной кампании, еще 25 % привлекла наружная реклама.

В целом, больше всего респондентам запомнилась рекламная кампания «Единой России» (50 %) и «ЛДПР» (30 %). Это представляется вполне закономерным: у партии власти была масштабная избирательная кампания с использованием больших ресурсов, а ЛДПР популярна благодаря своему «фирменному стилю» и лозунгами на грани фола. «Единая Россия» лидировала по таким показателям, как интернет-реклама, наружная реклама, бумажная реклама. ЛДПР (35 %) набрала больше всего процентов в вопросе про видеорекламу, обогнав даже «Единую Россию» (20 %). Также ЛДПР оказалась в лидерах (20 %) в вопросе об информативности избирательной кампании, а «Единая Россия» — только 15 %. Вероятно, популистские лозунги притягивают молодежь. Интересно, что КПРФ, которая на Думских выборах заняла второе место (набрав чуть больше, чем ЛДПР), в ответах анкеты все время оказывалась третьей в рейтинге, уступая то ЛДПР, то даже главному неудачнику выборов — «Справедливой России». Видимо, это свидетельствует о том, что лозунги КПРФ в меньшей степени ориентированы на молодежь и ее привлекают. Небольшие проценты «Справедливой России» подтверждают, что, несмотря на количество рекламы этой партии, она была не совсем удачной и не повлияла на мнение избирателей.

На вопрос о том, чего же не хватает политической рекламе разных партий, чтобы привлечь молодежь, ответы распределились следующим образом: новых оригинальных идей — 30 %, лозунгов ориентированных на молодежь, — 18 %, реалистичности программ — 28 %, креативного оформления рекламы — 24 %. Вызывает удивление, что никто не предложил свой вариант. Таким образом, проценты распределились равно-

[1] Что думают авторы «Сникерсни!» и «Путинки» о лозунгах российских партий [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: /https://republic.ru/posts/73071

мерно между четырьмя вариантами ответов, что говорит о многих недостатках предвыборных кампаний всех партий. Интересно отметить и то, что меньше всего процентов набрал ответ об отсутствии лозунгов, ориентированных на молодежь. Таким образом, молодые избиратели Санкт-Петербурга все же чувствовали, что политическая реклама была обращена и к ним.

В целом, результат данного анкетирования показал, что молодежь в Санкт-Петербурге стала воспринимать политическую рекламу скорее положительно, чем это было несколько лет назад. Например, в 2012 г. был проведен опрос[1], в ходе которого респонденты выразили согласие с тремя отрицательными утверждениями о рекламе, больше половины опрошенных высказали мнение, что «реклама — обман» (59 %). Практически равную степень согласия граждане высказали с утверждением о создаваемом рекламой неравенстве возможностей для политических сил (56 %) и бесполезной трате средств и времени (62 %). Только 13 % ответили, что реклама помогает в принятии осознанного электорального решения[2].

Стоит отметить и тот факт, что респонденты указывали в ответах несколько партий, не только те, которые «на слуху» («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»). Привлекли молодежь в Санкт-Петербурге избирательные кампании таких партий, как «Яблоко», «Гражданская сила», ПАРНАС, «Партия роста». Но вот остальные 6 партий не фигурировали в ответах респондентов. Это говорит об их низкой популярности и слабой рекламной кампании в Санкт-Петербурге.

Однако, по мнению респондентов, политической рекламе всех партий не хватает и оригинальных идей, и креативности, и лозунгов, ориентированных на молодежь, а также есть претензии и к программе. Таким образом, мнение респондентов перекликается с мнением экспертов.

[1] *Быльева Д.С.* Особенности содержания современной политической рекламы // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2014. № 33 (73). Ч. 1: (Общественные и гуманитарные науки). С. 85–89.

[2] Там же.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

ПАРЛАМЕНТСКИЙ КРИЗИС 1830 ГОДА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

ЖОЛУДОВ МИХАИЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
и международных отношений
Рязанского государственного университета
им. С.А. Есенина,
Рязань, Россия;
e-mail: mikhailzhol@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются причины возникновения и особенности протекания политического кризиса в Великобритании в 1830 г. В этот период в стране резко обострилась экономическая ситуация, ухудшилось социальное положение населения. По мнению автора, в этих условиях в Великобритании возникает мощное либерально-демократическое движение за проведение умеренной парламентской реформы. Во главе движения встала аристократическая партия вигов, благодаря усилиям которой была принята парламентская реформа 1832 г., открывшая начало глубоких конституционных преобразований и предотвратившая революционные потрясения в стране.

Ключевые слова: Великобритания, XIX век, парламент, виги, тори, радикалы, парламентская реформа 1832 г.

Парламентская система Великобритании в начале XIX в. была весьма запутанна и хаотична. Она во многом зависела от традиций и прецедентов. Порядок выборов в высший представительный орган страны существовал в почти неизменном виде с начала XVII в. Правящие круги Великобритании не были заинтересованы даже в незначительном его изменении. Земельная и финансовая аристократия с помощью устаревшей избирательной системы успешно осуществляла свою власть.

Наиболее одиозной была система так называемых «карманных» или «гнилых местечек». Почти половина депутатов палаты общин избиралась от таких местечек, которые давно уже потеряли свое былое значение, но продолжали обладать правом посылать в парламент одного или даже двух депутатов. Притчей во языцех стало местечко

Олд-Сарум, в котором не было ни домов, ни жителей, а лишь развалины старого замка. Но Олд-Сарум имел в парламенте двух депутатов, в то время как крупные промышленные города Манчестер (в 1831 г. — 182 000 жителей), Бирмингем (144 000 жителей), Лидс (123 000 жителей), Шеффилд (92 000 жителей) — ни одного. Процветали патронаж, подкуп депутатов, продажа депутатских мест. Так, цена парламентского места к 20-м гг. XIX в. возросла до 7 тыс. ф. ст. Подобное состояние избирательной системы соответствовало интересам крупной землевладельческой аристократии, продолжавшей удерживать в своих руках всю полноту государственного управления, но явно не удовлетворяло политических устремлений средних классов.

Политическая борьба буржуазии против аристократии сконцентрировалась в движении за принятие новой парламентской реформы. Во главе движения встала партия вигов. Виги в течение долгого времени находились в оппозиции (с 1807 г.). Ранее они уже пытались выдвинуть лозунг о парламентской реформе в качестве политического оружия в своей борьбе за власть против торийской аристократии. Будучи очень популярным среди широких слоев британской общественности, этот лозунг впервые использован ими в середине XVIII в.

В годы Великой французской революции и наполеоновских войн вопрос о реформе отошел на второй план. Страх перед якобинством, перед неизбежным вовлечением в политическую борьбу широких народных масс Великобритании, а также войны против революционной, а затем наполеоновской Франции заставили вигов на время отвернуться от этого лозунга.

Виги отказались от своих старых обязательств и перестали поддерживать даже самые умеренные проекты парламентской реформы. Интерес вигов к проведению парламентской реформы усилился на рубеже 20–30-х гг. XIX в. Главными причинами такого поворота были начало экономического кризиса, усиление в связи с этим общественного недовольства и активизация демократического движения в стране. Е.Б. Черняк справедливо утверждает: «Вигская партия была чутким барометром оппозиции в среде господствующих классов; ее отдельные группировки выражали различную степень этого общественного недовольства. Ее левый фланг, центр и правый фланг служили нередко рупором настроений разных слоев „средних классов“, от мелкой буржуазии до финансовой аристократии. На протяжении всего полуторавекового существования партия выработала свою идеологию; долголетнее пребывание в оппозиции к тори, отражавших реакционные тенденции блока господствующих классов, наложило отпечаток буржуазного либерализма на взгляды и убеждения»[1].

Летом 1830 г. в Англии произошли события, которые в значительной степени обострили борьбу за парламентскую реформу. В июне умер ко-

[1] *Черняк Е.Б.* Демократическое движение в Англии. 1816–1820. М., 1957. С. 103.

роль Георг IV, ревностный сторонник тори и покровитель кабинета герцога Веллингтона. С именем нового короля Вильгельма IV защитники реформы связывали определенные надежды. Вильгельм слыл человеком более либеральных взглядов, чем его покойный отец.

Смерть короля Георга IV и предстоящие в связи с этим парламентские выборы заставили вигов взять в свои руки реформаторскую инициативу и более четко определить свою политическую позицию. Они понимали, что не смогут взять власть, не добиваясь реформы избирательной системы. Дольше медлить было невозможно. Обстоятельства складывались таким образом, что виги окончательно перешли в лагерь защитников реформы и взяли руководство движением в свои руки.

На предвыборном митинге в Йоркшире 26 июля выступил с программной речью Генри Брум. Он, в частности, заявил: «Мы эмансипировали католиков и умиротворили Ирландию, эмансипируем же все средние промышленные и низшие классы наших сограждан и водворим в Англии мир, спокойствие и довольство... Я не сомневаюсь, что предстоящие выборы значительно продвинут вперед вопрос о парламентской реформе»[1]. Так, учтя направление общественного мнения, вигская оппозиция устами «самого радикального из вигов» объявила о поддержке реформы.

Парламентские выборы, прошедшие в конце июля — начале августа 1830 г., значительно изменили политическую ситуацию в Англии. Они серьезно ослабили правительство герцога Веллингтона, так как в результате выборов тори потеряли пятьдесят мест в парламенте. Герцог Веллингтон и его сторонники все с большим трудом сдерживали политические атаки оппозиции. Несмотря на то, что торийской кабинет удержался у власти, выборы стали ощутимым успехом оппозиции, сплотившейся вокруг требования проведения парламентской реформы и состоявшей из вигов, каннингитов, ультратори и радикалов. Этот успех убедил немногих еще колеблющихся вигов в том, что поддержка реформы является лучшим способом прийти к власти. Потерявший доверие народа торийской кабинет герцога Веллингтона сумел продержаться лишь до ноября 1830 г.

Подъем аграрного движения в южных графствах заставил оппозицию более активно бороться за проведение парламентской реформы. Принятие билля о реформе рассматривалось как единственный путь успокоить народ и предотвратить революцию. Один из лидеров оппозиции, будущий член либерального правительства лорд Холленд записывал в своем дневнике в августе 1830 г.: «Народ находится в высшей степени возбуждения — и новые члены парламента выбраны для того, чтобы не допустить революцию»[2].

Развязка правительственного кризиса наступила довольно неожиданно. В день открытия сессии парламента, 2 ноября 1830 г., герцог

[1] *Джефсон Г.* Платформа. Ее возникновение и развитие (История публичных митингов в Англии) / пер. с англ. СПб., 1901. Т. 2. С. 57.

[2] *Milton-Smith J.* Earl Grey`s Cabinet and the Object of Parliamentary Reform // Historical Journal. 1972. Vol. 15. № 1. P. 60.

Веллингтон выступил в палате лордов с печально знаменитым ответом на речь лорда Грея, в которой последний настаивал на необходимости проведения умеренной избирательной реформы. Веллингтон прямо определил позицию тори по этому вопросу, отвергающую любые реформы парламентской системы Великобритании. Речь торийского премьера, по существу, стала актом политического самоубийства для него и для его кабинета. Вигский журнал «Эдинборо ревью» так описывал выступление Веллингтона: «Он стоял прямой, убежденный, сорвавший маску как общепризнанный, выставленный напоказ, добровольный противник реформы»[1]. Он вызывающе заявил: «Я прямо и без всяких колебаний выскажу свой взгляд на этот вопрос. Я глубоко убежден: страна имеет в настоящее время такой законодательный орган, который отвечает всем необходимым требованиям хорошего управления в большей степени, чем законодательный орган какой-либо другой страны. Я скажу больше: наша форма правления и система представительства пользуются, и заслуженно пользуются, полным доверием страны, а дебаты в парламенте имеют очень большое влияние на общественное мнение»[2].

Выступление премьера показало, что он принимает вызов сторонников реформы и готов вести борьбу до конца. Это было крупной политической ошибкой Веллингтона, который вновь не учел общественного мнения страны. Он хотел прибавить решимости своим сторонникам, а дал прекрасный политический козырь сторонникам реформы. Высокомерное заявление Веллингтона вызвало бурю возмущения среди оппозиции. Либеральная пресса, почуяв добычу, буквально бросилась на «растерзание» противника. Газета «Таймс» писала: «Заявление герцога, направленное против всякой реформы, уже само по себе не предвещало ничего хорошего, но к этому еще присоединилось опасение, что оно станет удобной ширмой для всякого рода злоупотреблений и хищений и подкрепит обломки той системы, которая была причиной столь тяжких бедствий»[3]. Высказывание «Эдинборо ревью» было весьма категоричным: «Такое поразительное мнение, возможно, никогда не произносилось в представительном собрании разумных людей. Ничего более отличающегося от мнения страны, более оскорбительного для ее чувств... конечно же, никогда не было сказано»[4]. Во многих крупных городах Англии прошли массовые антиправительственные митинги и демонстрации. В столице носились слухи о якобы готовящемся убийстве Веллингтона, о каком-то походе на Лондон и т.п. В парламент посыпались петиции, протестующие против заявления премьера и требующие избирательной реформы. На улицах британских городов распространялись многочисленные нелегальные памфлеты и листовки. В одной из таких листовок говорилось: «Свобода или смерть. Англичане! Британцы! И все честные люди! Время, наконец,

[1] Edinburgh Review. Vol. 52. № 103. P. 532.
[2] The Hansard`s Parliamentary Debates. 3rd ser. Vol. 1. P. 52–53.
[3] Times. 1830. 6 November.
[4] *Butler J.R.M.* The Passing of the Great Reform Bill. L., 1914. P. 101.

пришло — весь Лондон соберется во вторник, приходите вооруженными, мы уверяем вас, что 6000 кортиков взято из Тауэра для кровожадной банды Пиля — помните проклятую тронную речь! Хотят вооружить эту дьявольскую полицию (имеются в виду отряды лондонской полиции, созданные министром внутренних дел Робертом Пилем в 1829 г. — М.Ж.). Англичане, неужели вы не покончите с этим?»[1].

Таким образом, герцог Веллингтон своим выступлением в палате лордов значительно упростил оппозиции захват политической власти в стране. Освещая продолжающийся правительственный кризис в Англии, А. Матушевич в донесении на имя вице-канцлера Российской империи К.В. Нессельроде от 12 ноября 1830 г. отмечал, что герцог Веллингтон решил дать бой оппозиции по вопросу о реформе, и что по предложению Генри Брума вопрос о реформе будет предложен на рассмотрение палаты общин уже 16 ноября. Ссылаясь на чрезвычайно сложную ситуацию, российский посланник не решился предсказать исход борьбы, заметив, что соотношение голосов может измениться уже в ходе парламентских дебатов. Однако он взял на себя смелость утверждать, что если герцог Веллингтон потерпит неудачу, то ему наверняка придется уйти в отставку. А новый британский кабинет, по мнению Матушевича, вероятнее всего, составят «лорд Грей, комбинация старых сторонников Каннинга, либералов по своей сути, и те тори, которые выступают против герцога Веллингтона со времени принятия Акта об эмансипации католиков»[2]. Как потом оказалось, этот прогноз российского дипломата полностью подтвердился.

Накануне предполагаемого внесения в палату общин запроса о правительственной реформе, то есть 15 ноября 1830 г., правительство потерпело поражение по довольно мелкому вопросу — о цивильном листе. Веллингтон был рад воспользоваться предлогом для отставки, чтобы с еще большим треском не провалиться по вопросу о реформе.

На следующий день А. Матушевич сообщил в Петербург о том, что кабинет герцога Веллингтона оказался в меньшинстве по вопросу о королевском цивильном листе и больше не в состоянии вести борьбу против реформы в парламенте. «Виги и тори (ультратори. — М.Ж.) объединились в борьбе против правительства, — доносил Матушевич, — вопрос о реформе в настоящий момент отложен. По всей вероятности, главным претендентом на пост главы правительства станет лорд Грей, которого поддерживают бывшие сторонники Каннинга и оппозиционные тори»[3].

20 ноября лорд Грей сформировал новое правительство. После двадцати трех лет оппозиции виги вновь пришли к власти. В правительственной декларации, изложенной 22 ноября палате лордов, они объявили своими главными принципами избирательную реформу, поддержание порядка в стране, сокращение государственных расходов и мир с соседними

[1] Edinburgh Review. Vol. 52. № 103. P. 532.
[2] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 138б. Л. 571.
[3] Там же. Д. 139. Л. 342.

государствами. Но во главе программы нового кабинета Великобритании безусловно стоял вопрос о парламентской реформе. «Виги являются естественными, причем с давних пор, — писала „Таймс“, — сторонниками реформы, за исключением, пожалуй, крупных землевладельцев; поддержка реформы сейчас сильнее в палате общин, чем за ее пределами ... Главной заботой новых министров должно стать то, что, придя к власти с помощью народа, они должны уменьшить наши страдания (подчеркнуто в газете. — М.Ж.) или навсегда канут в Лету»[1].

По своему составу кабинет лорда Грея был почти целиком аристократическим. Считают, что это был один из самых аристократических кабинетов Великобритании на протяжении всего XIX в. Его членами были выходцы из самых знатных семейных кланов страны лорды Грей, Дарем, Холленд, Рассел, Олторп, Стэнли, Пальмерстон. Во время личной беседы лорд Грей рассказал жене русского посла в Лондоне княгине Ливен о тех главных принципах, которыми он руководствовался при подборе министров: «Во-первых, я хотел показать, что в теперешнее демократическое и якобинское время есть возможность найти людей способных и среди высшей аристократии, но это не значит, что я желаю закрыть доступ (в кабинет) людям истинно достойным, если бы я встретил таковых среди членов палаты общин; но при одинаковых достоинствах я отдам предпочтение аристократу, ибо этот класс служит гарантией безопасности государства и престола. Во-вторых, я не хочу, подобно моему предшественнику, блистать за счет своих коллег. Наоборот, мой кабинет составлен из людей, показавших выдающиеся парламентские способности. При выборе каждого из них я принимал в соображение его личные способности к занимаемому им посту, и я предоставляю каждому полную свободу действий в его части. Таким образом, совещания кабинета будут настоящими совещаниями, и деспотизм будет уничтожен»[2]. Новое правительство представляло из себя собрание весьма одаренных аристократов-реформаторов. По словам британского историка Дж.М. Тревельяна, «старая аристократия продолжала выдвигать очень способных людей, а большинство из способных аристократов были сторонниками реформы»[3].

Для успокоения общественного мнения в правительство был введен слывший радикалом «великий агитатор» Генри Брум, который в своих многочисленных выступлениях в 1830 г. обещал английской общественности «скорого проведения парламентской реформы, а также выполнения в широком масштабе плана реконструкции системы юриспруденции империи»[4]. Назначение Г. Брума вызвало большую сенсацию и в самом Лондоне, и в европейских столицах, так как он не без оснований счи-

[1] Times. 1830. 27 November.

[2] Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. СПб., 1903. Т. 114. № 6. С. 695.

[3] *Trevelyan G.M.* British History in the Nineteenth Century and After. Harmondsworth, 1968. P. 232.

[4] Там же.

тался «главой английской демократии, успехам которой он содействовал своими необыкновенными талантами и своим красноречием»[1]. Однако Чарльз Грей, старый и умудренный многолетним государственным опытом политик, знал что делал. Более того, он назначил Г. Брума на одну из главных должностей государства, сделав его лордом-канцлером королевства. Таким образом, с одной стороны, среди радикалов и общественного мнения были посеяны определенные иллюзии о возможности ведения правительством более радикальной политики. С другой — «всемогущий и даже опасный» Брум был приручен высокой должностью и титулом лорда. С тех пор его политическая деятельность потеряла свой былой радикализм и смелость. А. Матушевич, который посвятил характеристике этого человека гораздо больше места в своем донесении, чем другим членам британского кабинета, справедливо указывал, что, «принимая должность, функции которой главным образом консервативны, он (Г. Брум. — М.Ж.) сам нанес смертельный удар своей популярности» и «предал партию, в которой черпал свою силу»[2]. Итак, радикальная опасность была устранена, и новый кабинет взял прямой курс на проведение умеренной реформы парламента. Массовые социальные протесты в английских городах на время стихли. Народ, казалось, был удовлетворен действиями нового правительства. Политический кризис был разрешен. Билль об избирательной реформе был внесен правительством на рассмотрение палаты общин в марте 1831 г. В результате длительной борьбы билль о реформе был подписан королем 7 июня 1832 г.

Парламентская реформа 1832 г. имела для Великобритании огромное значение. Перераспределение парламентских мест и расширение избирательного права были осуществлены в интересах средних классов. Вместо аристократическо-олигархического государственного строя, приспособленного к интересам узкого круга земельной аристократии и финансистов, в стране активно устанавливался буржуазно-демократический порядок. Великий акт о реформе открыл целую серию парламентских преобразований в Великобритании в XIX — начале XX в. (избирательные реформы 1867, 1884–1885, 1911 гг.).

[1] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 139. Л. 369.
[2] Там же.

ЧАРЛЬЗ СТЮАРТ ПАРНЕЛЛ — «НЕКОРОНОВАННЫЙ КОРОЛЬ» ИРЛАНДИИ, СОЗДАТЕЛЬ ИРЛАНДСКОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПАРТИИ

БУГАШЕВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор кафедры гуманитарных наук
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: aaa555580@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена Чарльзу Стюарту Парнеллу, одному из наиболее популярных лидеров ирландского национального движения в последней четверти XIX века. Современники называли его «некоронованным королем» Ирландии. В 1882 году он на базе Ирландской национальной земельной лиги создал Ирландскую парламентскую партию, которая стала первой современной политической партией Великобритании. В статье автор анализирует следующие вопросы: во-первых, политические и экономические взгляды Чарльза Стюарта Парнелла, во-вторых, парламентскую деятельность Парнелла и его сторонников, а также особенности тактики обструкционизма в британском парламенте, в-третьих, историческую роль Ирландской парламентской партии в решении национального ирландского вопроса.

Ключевые слова: Великобритания, Чарльз Стюарт Парнелл, гомруль, Ирландская парламентская партия.

Несколько поколений публицистов и историков пробуют разрешить «загадку Парнелла»[1]. Также нескончаем поток сочинений о перипетиях личной жизни ирландского лидера. Чарльз Стюарт Парнелл родился в 1846 году в Авондейле, в ирландском графстве Уиклоу, в семье богатого англо-ирландского землевладельца. Преклонение перед героическим прошлым ирландского народа передавалось в роду Парнеллов из поколения в поколение. Воспитание, полученное Чарльзом в семье, сделало его решительным противником британского колониального гнета. Отец Парнелла Джон Генри, несмотря на то, что был убежденным либералом, не проявлял большого интереса к политический деятельности. Напротив, мать Чарльза Делиа Стюарт, по мнению многих биографов, больше всех повлияла на характер и политические воззрения сына. Ее отец, адмирал Чарльз Стюарт, сражался против британцев во время Англо-американской войны 1812 года, а ее дед во время войны за независимость. Именно Делиа Стюарт, придерживаясь республиканских воззрений, привила своему сыну ирландский патриотизм и нелюбовь к британцам.

[1] *Виноградов К.Б., Кушнир С.А.* Чарльз Парнелл. Страницы политической биографии // Новое и новейшее время. 1982. № 5. С. 139.

Окончив один из частных пансионов, Чарльз в 1865 г. поступил в Кембридж. Особым прилежанием он здесь не отличался и через три года без ученой степени вернулся на родину. Круг увлечений молодого Парнелла ограничивался первоначально охотой, рыбной ловлей, скачками. Подлинную страсть питал он к крикету. Но постепенно все большее место в его жизни начинает занимать политика! Все ирландцы неотрывно следили тогда за мужественной борьбой фениев — членов созданного в 1858 году общества «Фенианское братство», добивавшегося независимости страны и установления республики вооруженным путем. В 1867 г. молодой Парнелл, как и все жители «Изумрудного острова», был потрясен казнью трех фениев, ложно обвиненных в убийстве полицейского в Манчестере. Не разделяя тактики фениев, Чарльз ценил их патриотизм и самоотверженность. Впоследствии он говорил, что именно деятельность фениев впервые вызвала у него интерес к политике. Другим фактором, открывшим перед Парнеллом новые горизонты, явилось образование в 1870 г. Лиги гомруля (самоуправления). Ее сторонники, руководимые адвокатом Исааком Баттом, надеялись достичь самоуправления для Ирландии с помощью соответствующего изменения британского законодательства. В 1874 г. к лиге примкнул и Чарлз Парнелл[1]. В 1875 году впервые Парнелл был избран в парламент в возрасте 29 лет в графстве Мит. Это стало началом его политической карьеры.

Оказавшись в эпицентре политических баталий, Парнелл довольно быстро обнаружил, что ирландскую фракцию разъедали постоянные ссоры и личные обиды, а отсутствие строго централизованного руководства подрывало дисциплину. Убедившись в бесплодности установок и тактики лидера, Парнелл занял место среди критиков Исаака Батта. Некоторые биографы приписывали Парнеллу изобретение метода обструкции в палате общин. С этим едва ли можно согласиться. Искусственное затягивание прений при обсуждении биллей применялось в Вестминстере и до Парнелла. Однако именно он мастерски использовал метод обструкции, превратив его в весьма эффективное оружие[2]. Тактика обструкционистов заключалась в произнесении длинных нудных речей, не относящихся к теме заседания. Особенность парламентской процедуры заключалась в том, что выступления парламентариев не были регламентированы, и оратора не могли прерывать. Скандал, вызванный подобным поведением, возымел желаемый эффект, и вскоре парламент обратил внимание на ирландский вопрос. В связи с этим обструкционисты были чрезвычайно популярны в Ирландии. На фоне ослабления позиций бездеятельного Исаака Батта политический авторитет Чарлза Парнелла возрастал день ото дня[3]. Многие видели в Парнелле преемника Батта. И они не ошиблись. Парнелл был посредственным оратором, но его организаторские и тактические способности побудили членов Партии гомруля избрать его

[1] *Parnell J.H.* Charles Stuwart Parnell. A Memoir. London, 1921. P. 119.
[2] *Hammond J.I.* Gladstone and the Irish Nation. London, 1935. P. 150.
[3] *Castigan G.* A History of Modern Ireland. New York, 1970. P. 232.

председателем на место Айзека Батта, умершего в мае 1879 г. Под руководством Парнелла партия гомруля в 1882 г. была преобразована в Ирландскую Парламентскую партию, ставшую первой профессиональной политической организацией Великобритании и Ирландии.

Столь быстрое превращение безвестного депутата в лидера гомрулеров объяснялось не только избранной им наступательной тактикой, но и конкретными условиями социально-экономического развития страны в конце 70-х — начале 80-х годов. Парнелл принимает предложение бывшего фения Майкла Девитта объединить ирландцев под знаменами аграрных лозунгов[1]. Между ним, Девиттом и вождем фениев Дж. Девоем состоялись переговоры, закончившиеся 1 июля 1879 г. выработкой соглашения, нередко именуемого в исторической литературе «новым курсом». Осенью того же года в Дублине было провозглашено создание общеирландской Земельной лиги, призванной осуществлять этот «новый курс»[2]. Несмотря на свои националистские взгляды, Парнелл придерживался достаточно консервативных взглядов на право частной собственности. Он старался примирить либеральное и радикальное крыло партии. Хотя Парнелл и был убежден, что решение земельного вопроса должно быть первым шагом на пути к ирландской автономии, он не стремился к радикальному решению этого вопроса.

С целью сбора средств для голодавших ирландцев Парнелл в 1879 г. посетил Северную Америку. Его тепло встречали эмигранты из Ирландии и демократическая общественность США. Многолюдные митинги с участием Парнелла приходили с большим успехом; на первых полосах ведущих американских газет публиковались его высказывания; мэры ряда городов устраивали в его честь банкеты. В штате Огайо при свете факелов его восторженно приветствовала 50-тысячная толпа[3]. Американские власти, несмотря на резкий протест посла Великобритании, предоставили Парнеллу возможность произнести речь в конгрессе. Миссия Парнелла завершилась с блеском — ему не только удалось собрать значительные средства, но и упрочить свой авторитет и позиции лидера освободительного движения. Именно после поездки в Америку Парнелла все чаще стали называть «некоронованным королем Ирландии».

К началу 80-х годов Ирландия напоминала пороховой погреб. Английская пресса разных направлений еще с конца 70-х годов XIX века била тревогу — ведь охватившее Ирландию движение превращалось «в своего рода восточный вопрос для британского правительства»[4]. В обстановке глубокого аграрного кризиса росло оживление вокруг земельного вопроса. Рост социальной напряженности выразился в движениях бойкотирования, названных по имени капитана Бойкота, управляющего

[1] *Кунина В.Э.* Майкл Девитт — сын ирландского народа. М., 1973. С. 19.
[2] Irish Historical Documents. London, 1943. P. 256.
[3] Новое время. 1880. 3 ноября.
[4] Санкт-Петербургские ведомости. 1879. 9 октября; *Lynd H.M.* England in the Eighteen-eighties. London, 1945. P. 140.

лендлорда графства Майо. Парнелл сформулировал этот принцип в своей речи в сентябре 1880 года: «Когда кто-либо захватывает чужую землю … Вы должны показать ему свое отвращение за то преступление, которое он совершил…»[1].

Как же относились к этой угрозе лидеры либеральной партии, пришедшей к власти после парламентских выборов 1880 г.? Утихомирить бунтовщиков — вот важнейшая задача, которую правящие круги поставили перед лидером либералов Уильямом Гладстоном. Либеральное правительство провело через парламент закон о введении осадного положения в Ирландии и направило туда новые воинские части[2]. Однако Уильям Гладстон вскоре пришел к заключению о необходимости определенных перемен и уступок. Британский премьер полагал особенно насущным расколоть единый фронт, сложившийся в Ирландии.

Чарлз Парнелл был обеспокоен размахом движения, участившимися случаями вооруженных столкновений и взаимного насилия; он предпочел бы более мирные и законные формы борьбы. В феврале 1881 года либеральный премьер-министр Уильям Гладстон выдвигает в Парламенте проект нового закона, направленного против Земельной Лиги. Несмотря на оппозицию Парнелла и других ирландских депутатов, которые вели тактику обструкционизма, но были выдворены из Палаты Общин после непрерываемой 46-часовой речи, закон был одобрен. Весной и летом 1881 г. Парнелл продолжал придерживаться патриотической позиции, решительно осуждая новые репрессивные меры Дублинского замка (английской администрации при вице-короле Ирландии). Парнелла и его единомышленников — членов парламента — лишили депутатской неприкосновенности, а 13 октября 1881 года все они оказались в Килмейнхеймской тюрьме в Дублине.

Парнелл переносил заключение тяжело[3]. Проникавшие с воли вести не радовали его. Тысячи ирландцев без суда и следствия оказывались за решеткой. Существовала важная причина личного порядка, побуждавшая Парнелла возможно скорее выбраться на свободу. Еще летом 1880 г. он познакомился с женой парламентария, отставного капитана Уильяма О'Ши — Кэтрин. С 1881 г. Чарльз и Кэт состояли в фактическом браке. В начале 1882 года после длительных и мучительных раздумий Парнелл приходит к выводу о желательности диалога с правительством. Во многом это определялось переменами, наметившимися в решении аграрного вопроса в Ирландии, а также негативным отношением Парнелла к тайным крестьянским обществам. Борьба за права ирландских крестьян никогда не являлась самоцелью вождя националистов. В 1882 году

[1] *O'Brien B.* The Life of Charles Stuwart Parnell. London, 1905. P. 185.

[2] См. подробно о колониальной политике Англии в отношении Ирландии: *Керженцев П.М.* Ирландия в борьбе за независимость. М., 1963; *Колпаков А.Д.* Ирландия — остров мятежный. М., 1965; *Ерофеев Н.А.* Английский империализм и стереотип ирландца в XIX веке // Новое и новейшее время. 1980. № 5. С. 60–73; История Ирландии. М., 1980; *Полякова Е.Ю.* Ольстер: истоки трагедии. М., 1982.

[3] *Norman L.A.* A History of Modern Ireland. London, 1971. P. 205.

Гладстону удалось примириться с Парнеллом путем Килмэйнхеймского соглашения, названного по имени тюрьмы, где находился Парнелл[1]. Заключенные были освобождены. С освобождения Парнелла начинался новый период реформ, лорд Кавендиш был назначен решать ирландский вопрос. Но в день его прибытия в Ирландию он вместе со своим секретарем был застрелен в парке Феникс членами организации «Непобедимые». Парнелл, Девитт и их единомышленники гневно осудили это преступление, использованное британскими властями в качестве предлога для сохранения осадного положения на «Зеленом острове» и развертывания новых репрессий. Килмейнхеймское соглашение лишь частично вошло в силу. Тем не менее, оно вписало важную страницу в историю англо-ирландских отношений и в политическую биографию Чарльза Парнелла. Современники, публицисты, политики, историки последующих поколений резко расходились в оценке этого договора[2]. Фракция Парнелла, в основном представлявшая имущие круги ирландского населения, нацелилась теперь на завоевание автономии с помощью лавирования в рамках британской парламентской системы и соперничества двух главных английских партий. Соглашение с Гладстоном и Чемборленом стало известным переломом и в политической судьбе самого Парнелла. «До этого он был революционером-реформатором, сейчас стал политиком-оппортунистом»[3], — отмечал Девитт. Пожалуй, это слишком суровый приговор, ибо и после 1882 г. Парнелл не растерял связи с народом своей родины, остался честным и преданным ей гражданином. Однако поворот в жизни ирландского лидера бесспорно произошел — все реже будет он посещать города и села Ирландии. Для понимания следующего этапа политической биографии Парнелла необходимо еще учесть постоянное и довольно быстрое ухудшение состояния его здоровья. Видимо, именно этим в первую очередь объясняются все более частые периоды относительной пассивности и вялости, а также помыслы о полном отходе от «большой политики».

В июне 1882 г. новый чрезвычайный «Билль о предотвращении преступлений» стал законом, предоставив министру по делам Ирландии неограниченные права. К концу года британские власти укрепили свои позиции в Ирландии. Ирландские лидеры попытались противопоставить властям новую организацию — Национальную лигу (решение о ее создании было принято в имении Парнелла Эвонсдейле в октябре 1882 г.). Аграрные лозунги отошли на второй план; основные задачи сводились к борьбе за отмену осадного положения и за гомруль. Кроме того, лига была намерена добиваться расширения избирательных прав и развития национальной промышленности.

Парнелиты оставались ведущей политической силой Великобритании в середине 1880-х гг. Многие левые и рабочие организации Англии

[1] *Lyons F.S.L.* Charles Stuwart Parnell. London, 1978. P. 197.
[2] См.: *Виноградов К.Б., Кушнир С.А.* Указ. соч. С. 147–148.
[3] *Lord Everslay.* Gladstone and Ireland. London, 1912. P. 196.

выступали тогда за широкие уступки ирландцам. Лучше других буржуазных политиков понимал целесообразность реформ Уильям Гладстон. Хотя премьер знал, что даже среди лидеров его собственной партии есть противники такого курса, он решил возобновить переговоры с Парнеллом и подготовить проект билля о гомруле. В конце 1885 года позиция Парнелла была сформулирована. Гомрулеры считали выдвигавшееся тогда Д. Чемберленом предложение о местном самоуправлении совершенно недостаточным. Ирландский народ мечтал о национальном правительстве, в функции которого входили бы вопросы о земле, образовании, юстиции, таможнях, полиции и пр. Парнелл особенно настаивал на протекционистских мерах в защиту ирландской промышленности, стремился вырвать из рук британцев полицейские силы. С другой стороны, он был готов пока оставить им «имперские дела», включая внешнюю политику и вопрос о мире и войне.

В апреле 1886 г. Гладстон внес в парламент билль о гомруле для Ирландии, разработанный им совместно с министром по делам Ирландии Джоном Морли. Уже при первом чтении билль о гомруле подвергся резкой критике со стороны оппозиции. Непримиримую позицию заняли Чемберлен и его группа (их вскоре стали называть «либерал-юнионисты»). Они олицетворяли тех бизнесменов и финансистов, которые тогда активно лоббировали новые колониальные захваты и разочаровались в «пассивности» Гладстона в имперских и военно-морских делах. В канун решающего голосования билля о гомруле премьеру не удалось обеспечить согласие и некоторых других своих давних приверженцев. В итоге гомруль был отвергнут в нижней палате. Парнелл был удручен провалом билля. Он предвидел новые бедствия для своей родины. В этом же году Гладстон потерпел поражение на парламентских выборах.

Кабинет лорда Солсбери (1886–1892) при рассмотрении аграрной проблемы в Ирландии продолжал курс предшествовавших правительств: никаких политических поблажек ирландцам токийские деятели предоставлять не собирались. Если в середине 1880-х годов обстановка на «Изумрудном острове» несколько нормализовалась, то с начала 1887 г. токийские власти вновь обратились к массовым репрессиям. Еще раз в Ирландии было провозглашено чрезвычайное положение, причем на неопределенный срок! Руководить проведением такого курса в жизнь Солсбери поручил М. Хикс-Бичу и А. Бальфуру[1].

В марте 1887 года ряд писем, опубликованных в «Таймс» под заголовком «Парнеллизм и преступление», обвинял Парнелла в участии в подготовке убийства лорда Кавендиша и его секретаря[2]. «Таймс» публиковал несколько факсимиле писем, написанных рукой Парнелла, которые доказывали его причастность к убийству. Сам Парнелл немедленно заявил, что письма подложные. Правительство создало комиссию по расследованию, которая занималась этим вопросом на протяжении двух лет. Лишь в 1889 году один

[1] *Horgan J.I.* Parnell to Pearce. Some Recollections and Reflexions. Dublin, 1948. P. 39.
[2] The Tames. 1887. 18 IV.

из свидетелей Ричард Пиготт признался в том, что он подделывал письма. Вскоре он бежал в Мадрид, где покончил жизнь самоубийством. Парнелл был реабилитирован, «Таймс» выплатил ему значительную компенсацию. Противники ирландского лидера потерпели сокрушительное поражение. Стремясь дискредитировать Парнелла, они достигли обратного результата — их оппонент стал героем дня. В Англии даже появилась шутка: «Теперь у нас не парламент, а парнельмент»[1]. Популярность Парнелла летом–осенью 1889 года достигает апогея. Победа Парнелла не только упрочила его позиции национального лидера, но и укрепила альянс с Гладстоном, который заверял его в поддержке либералами требования законодательной независимости Ирландии. Блестящий триумф Парнелла, его укреплявшийся союз с Гладстоном, патриотический подъем ирландского народа — все, казалось, предвещало близость ирландской автономии. На фоне этих успехов последующий мгновенный политический закат и ранняя смерть ирландского лидера выглядят весьма драматично.

Английская реакция бросила Парнеллу новый вызов. На сей раз враги попытались опорочить его моральный облик. Уильям О'Ши решил оформить развод со своей женой, которая уже давно являлась гражданской женой Парнелла. Об этой близости, продолжавшейся около 10 лет, хорошо знали не только наиболее осведомленные политики, но даже провинциальные журналисты. Возникал закономерный вопрос: почему О'Ши затеял процесс так поздно? Более того, его поведение многим казалось странным, поскольку ранее он как будто поощрял встречи жены с Парнеллом. Позднее У. О'Ши признал, что роман Кэтрин и Парнелла отвечал его интересам, так как сулил политические и моральные выгоды — благодаря давлению на Парнелла и путем шантажа Кэтрин, наследницы значительного состояния.

Британское общественное мнение до поры до времени оставалось безучастным к любым событиям из личной жизни знаменитостей. И вот всего лишь месяц спустя после завершения дела «Таймс» отставной капитан О'Ши подал в суд иск о разводе. Большинство исследователей полагают, что истец играл роль «подсадной утки». О'Ши был тесно связан с противниками гомрулеров, либерал-юнионистами, и их лидером Чемберленом. Хорошо зная беспринципность капитана, Чемберлен с его помощью рассчитывал добиться того, что английской юстиции не удалось достичь с помощью дела «Таймс». Адвокат О'Ши Э. Кларк, политический оппонент Парнелла, воспользовавшись показаниями весьма сомнительных свидетелей, представил суду ирландского лидера как интригана и безнравственную личность. Действия Кларка облегчались тем, что и Чарльз и Кэтрин отказались от защиты. Такая позиция Парнелла вызывалась, главным образом, его традиционным равнодушием к британскому общественному мнению. Волновало его лишь одно: всегда быть рядом с Кэтрин. Но враги Парнелла рассуждали иначе. Как только суд в ноябре 1890 г. удовлетворил иск О'Ши, они решили, что такой вердикт, препод-

[1] См.: *Виноградов К.Б., Кушнир С.А.* Указ. соч. С. 153.

несенный «солидной» британской прессой с пространными, насквозь лицемерными комментариями, можно использовать, чтобы нанести смертельный удар Парнеллу. Многое зависело от позиции руководства либеральной партии. Гладстон под давлением религиозных членов своей партии был вынужден сообщить от отказе поддерживать Ирландскую Парламентскую Партию, пока ее главой является Парнелл. Подобный шаг Гладстона, еще недавно делавшего в адрес Парнелла лестные комплименты, был не чем иным, как политическим лицемерием: буржуазные деятели руководствовались не нравственными мотивами, а нежеланием ослаблять свои шансы на будущих выборах. Отказ Парнелла покинуть пост спровоцировал раскол внутри партии. 44 члена партии, возглавляемые Джастином Маккарти, вице-президентом, примкнули к партии Гладстона, и лишь 27 подержали Парнелла. Таким образом, бракоразводный процесс О'Ши стал не только своеобразным реваншем врагов Парнелла, но и знаменовал собой закат его политической карьеры.

В итоге Парнелл был смещен, и после трех неудачных попыток вновь баллотироваться на пост главы партии был вынужден признать свое поражение. В июне 1891 года он взял в жены Кэтрин О'Ши, но через полгода скончался. Его поражение на политической арене дискредитировало конституционалистское движение как эффективный способ национальной борьбы в Ирландии. Более века после смерти фигура Парнелла вызывает всеобщий интерес. Чарльз Парнелл прожил недолго, немногим более 15 лет длилась его политически деятельность. На формирование его общественно-политических взглядов оказали воздействие различные факторы: гнет метрополии, расовый и религиозный антагонизм, острейшие социальные противоречия, экономическая отсталость Ирландии. Объективно Парнелл и его единомышленники выражали интересы крепнувшей ирландской буржуазии, добивавшейся политической эмансипации и развития национальной промышленности. Умеренность большинства гомрулеров объяснялась мощным демократическим движением, выходившим из-под их контроля и вызывавшим опасения. При Парнелле рабочее движение в Ирландии делало только первые шаги; лидер националистов почти не интересовался им, однако в нескольких случаях он все же высказал свое негативное отношение к социалистической пропаганде и профсоюзам. Стремясь добиться законодательной независимости Ирландии, Парнелл от конфронтации с английскими партиями и лидерами к концу жизни все чаще прибегал к попыткам соглашения с ними.

При всей своей непоследовательности и умеренности Чарлз Парнелл бесспорно занимает видное место в галерее национальных героев «Мятежного острова». Незаурядные организаторские способности, стойкость, исключительная честность, искреннее сочувствие к лишениям соотечественников, непоколебимая вера в победу над иноземными притеснителями — все это снискало ему любовь и уважение граждан его родины.

ПЕРЕОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ЗАКОНА О КОРРУПЦИИ 1883 г. В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

НАУМЕНКОВА ЕКАТЕРИНА ОЛЕГОВНА,
кандидат исторических наук,
доцент Петербургского государственного
университета путей сообщения
императора Александра I,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: enaumenkova@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема коррупции на британских выборах конца XIX — начала XX в. Среди британских исследователей превалирует точка зрения, что коррупционная практика была уничтожена к 1911 г. В данной публикации ставится цель переоценки влияния закона о коррупции 1883 г. и его влияния на совершенствование избирательной системы. Рассматриваются следующие вопросы: почему ходатайства не являются надежным показателем коррупции или ее отсутствия на выборах, какие факторы сдерживали подачу петиций. Уделяется внимание лазейкам в законе, которыми пользовались депутаты, и завуалированным способам подкупа населения. В итоге делается вывод, что коррупция так и не была ликвидирована биллем 1883 г.

Ключевые слова: парламентаризм, коррупция, Великобритания, либеральная партия, консервативная партия, избирательная система, франшиза, предвыборная кампания, демократия.

В 1883 г. в Великобритании был принят билль о коррупционной практике. В одном из первых исследований избирательной системы, опубликованном в 1915 г., Сеймур описывал закон 1883 г. о коррупционной практике как «важную веху в развитии демократии в Англии»[1]. В своем труде «Искоренение коррупционной практики на выборах в Британии 1868–1911 гг.» О. Лири разделяет взгляды Сеймура. О. Лири смело утверждает: «Парламенту удалось за одно поколение смести вековые традиции»[2]. Хотя другие историки оказались более осторожными[3], мнение О. Лири не подвергалось серьезной критике и продолжало превалировать среди исследователей[4]. Мнение О. Лири об эффективности закона почти полностью основано на петициях о выборах. Используя

[1] *Seymour C.* Electoral Reform in England and Wales. New Haven, 1915. P. 455.

[2] *O'Leary C.* The Elimination of Corrupt Practices in British Election 1868–1911. Oxford, 1962. P. 233.

[3] См. подробн.: *Hanham H. J.* Election and Party Management. L., 1959. P. 281.

[4] *Shannon R.* The Age of Salisbury, 1881–1902. L., 1996. P. 78; *Self R.* The Evolution of the British Party System 1885–1940. Harlow. 2000. P. 13; *Evans E.J.* Parliamentary Reform, 1770–1918. Harlow, 2000. P. 68; *Garrard J.* Democratization in Britain. Basingstoke, 2002. P. 260; *Feuchtwanger E.J.* Democracy and Empire. Britain 1865–1914. L., 1985. P. 167.

данные об уменьшении количества поданных петиций[1], он делает вывод об уничтожении коррупционной практики к 1911 г.[2]. Однако изучая материалы прессы, протоколы парторганизаций, переписку кандидатов и членов парламента и их мемуары, возникает иная оценка закона о коррупционной практике, нежели утверждение О. Лири.

Но, прежде всего, отметим, что с принятием билля 1883 г. была сделана серьезная попытка решить проблему коррупции на выборах. Билль увеличивал наказание за взяточничество, договоренности, давление на избирателей и выдачу себя за другое лицо. Помимо этого, была введена новая категория незаконной коррупционной практики — незаконный найм работников и незаконные выплаты. Самым большим нововведением стало ограничение суммы, которую кандидаты могут потратить на предвыборную кампанию. Снизилось число членов палаты общин, лишенных мандатов за коррупцию и нелегальную практику. Выборы 1880 г. закончились лишением мандатов 18 членов палаты общин, а в декабре 1910 г. их было всего 5. Расходы кандидатов на выборы значительно уменьшились: с 18,9 шиллингов за отданный голос в 1880 г. до 3,8 шиллингов в декабре 1910 г.

В то же время закон не стоит переоценивать. Уже современники описывали его как «не применяющийся на практике, но и не отмененный»[3]. В самом билле существовали лазейки для кандидатов, например, «право справедливости». Судьи могли сохранить мандат кандидату, если коррупционный акт со стороны доверенного лица не повлиял на исход выборов. По-прежнему существовала практика подделки отчетов и подача фальшивых деклараций о расходах[4].

Нельзя судить о ликвидации коррупции лишь на основе уменьшения количества поданных петиций, поскольку «в самых вопиющих коррупционных случаях петиций избегали»[5]. Закон оставил нетронутым средства разоблачения коррупции. Ответственность лежала на кандидате, потерпевшем поражение, или на избирателе, не подавшем ходатайство[6]. Закон оставил без изменения многочисленные требования для подачи ходатайств. Таким образом, современники продолжали озвучивать опасения, что коррупция все еще распространена на выборах[7].

Основным фактором, сдерживающим подачу петиций, являлись большие затраты на судебные издержки. После 1883 г. стоимость не толь-

[1] В противовес пятнадцати ходатайствам в 1880 г. в 1885 г. только три ходатайства были поданы на основании коррупции или незаконной практики. Последующие выборы дали такие же низкие показатели. См. подробн.: *Graig F.W.S.* British Parliamentary Election Results, 1885–1918. L., 1974.

[2] O'Leary. Elimination of Corrupt Practices. P. 231.

[3] Great Britain. HPD. 4-d series. Vol. 89. Col. 884.

[4] Great Britain. Parliamentary Papers, 1897. № 13; The Liberal Agent. 1907. Vol. 42. P. 140.

[5] HPD. 3-d series. Vol. 156. Col. 986.

[6] The Times. 1901. Jan. 7.

[7] The Pall Mall Gazette. 1892. Jul. 21.

ко не снизилась[1], но и увеличилась из-за возросшего числа обвинений, которые теперь можно было предъявить. В среднем стоимость подачи ходатайств оценивается в 5000 ф. Этот фактор, по мнению Острогорского, был основной причиной, почему «коррупционные деяния резко видят свет»[2]. Таким образом, петиции являлись тяжелым финансовым бременем для потерпевшей поражение партии.

Еще одним сдерживающим фактором являлась неуверенность в результате подачи ходатайств. О. Лири утверждал, что судьи создали «нерушимую традицию строгости», которая помогла успеху закона[3]. Однако на деле бывали довольно нелепые случаи. Таймс описывала, как в одном округе члена парламента лишили мандата из-за расходов на кокардные ленты на шляпы, которые судьи посчитали «знаком различия» и поэтому незаконными. В то же время в другом округе, несмотря на расходы на транспаранты, которые определенно были запрещены, депутат сохранил свой мандат[4]. Поэтому парламентарии не раз задавались вопросом, «будут ли оправданы огромные денежные расходы, которые влекут за собой подачи петиций ввиду двоякой трактовки закона»[5].

Не осталась в стороне и пресса. «Дейли Ньюз» напечатала разгромную статью после того, как на основе петиции судья не лишил консервативного парламентария мандата, хотя отчеты избирателей «промокли от виски». Издание подводило итог: «мы можем вычеркнуть билль о коррупционной практике из свода законов, поскольку это просто бесполезная ерунда»[6].

Существовали и другие факторы, препятствующие подаче петиций. Так петиции попросту не пользовались популярностью. Англичане «не испытывали сочувствия к жалкому, ничтожному типу, который не может по-мужски принять поражение, а пытается лишить своего противника победы путем обращения к сомнительным сложностям закона»[7]. Доходило до того, что в 1892 г. в Вустере сожгли чучело солиситора, занимавшегося петицией, а в Рочестере разбили окно одному из подателей петиции[8].

Кроме того, недостаточно было подать ходатайство, выиграть дело и лишить мандата коррумпированного депутата. После того, как депутата лишали мандата, следовали дополнительные выборы, и важно было на них одержать победу. Из 19 мест, освободившихся после подачи петиций в период с 1883–1910 гг., только 6 были получены стороной, подавшей петиции. Таким образом, подача петиции не обеспечивала победу, а могла лишь навредить выборам.

[1] HPD. 3-d series. Vol. 281. Col. 636–638.

[2] *Острогорский М.* Демократия и политические партии. М., 1997. С. 221; The Tory. 1896. Vol. 44–45. P. 1284.

[3] O'Leary C. Elimination of Corrupt Practices. P. 231.

[4] The Times. 1892. Dec. 27.

[5] National Liberal Federation with the Annual Reports. 1896. P. 30; The Tory. 1896. Vol. 36–37. P. 1072; The Times. 1910. May. 12.

[6] The Daily News. 1906. May. 5.

[7] *Knarchbull-Hegessen E.H.* Election Petitions // Blackwood's Edinburg Magazine. 1893. Vol. 43. P. 316.

[8] The Times. 1892. Dec. 5; The Daily News. 1892. Dec. 12.

Кроме того, партия, решившая подавать петицию, должна была быть уверенной, что сама не использовала запрещенные приемы и была чиста от коррупции. В противном случае следовали встречные обвинения[1]. Кандидаты также опасались, что коррумпированный округ могут вообще лишить франшизы. В ситуации, если оба кандидата были замешаны в коррупции, они предпочитали тайно сговариваться, дабы предотвратить разоблачения. Например, в Шрусбери молчаливое согласие не подавать петиции действовало между 1870 и 1902 гг.[2].

Бывали случаи, когда обвинениям нельзя было придать конкретную форму при помощи свидетелей. Примером служит петиция против Балфура в 1892 г. «Таймс» описывала свидетеля Джона Грина как «убогое создание», который придумал свои показания за взятку[3]. Бывали случаи, когда сторонники партии нарушали закон. Доверенному лицу одного из либералов некий мужчина предлагал 20 голосов за взятку в 20 ф.[4].

После билля 1883 г. коррупция продолжала процветать в приморских и прибрежных избирательных округах, в основном на юге Англии[5]. К примеру, округ Танет (представлял консерватора Харри Маркса) был описан современником как «избирательный округ, где политический курс значит мало, а принципы — еще меньше». Современники называли Маркса не иначе как «жуликом и негодяем», фальсифицирующим отчеты[6]. Несмотря на наличие явных доказательств, петиция в Танете не была подана. Основными препятствиями служили расходы на петицию и поиск надежных свидетелей, которых не удалось бы подкупить[7].

Про другой избирательный округ Г. Гладстон сказал так: «Кажется, что все в этом местечке были куплены»[8]. Некоторые депутаты открыто признавались, что тратили тысячи фунтов сверх установленной нормы во время выборов[9], а петиции так и не были поданы. Это еще раз доказывает, что лишь подача петиций была недостаточным способом для искоренения коррупции.

Также нельзя считать, что коррупция была «ограничена малым числом небольших городов, которые не избавились от традиций коррупционного

---

[1] The Liberal Year Book for 1905. L., 1905. P. 101.

[2] *Hanham H.J.* Elections and Party Management. P. 262.

[3] The Times. 1892. Nov. 18.

[4] *Tweedie G.R.* Yesterday: Retrospect and Rumination. L., 1932. P. 122.

[5] The Liberal Agent. 1897. Vol. 8. P. 24; The Times. 1892. Dec. 12; *Buxton C.R.* Electioneering Up-To-date, with Some Suggestions for Amending the Corrupt Practices Act. L., 1906. P. 27; *Pelling H.* Social Geography of British Election 1885–1910. L., 1967. P. 429; *Hanham H.J.* Election and Party Management. P. 281–283; *Lowell A.L.* The Government of England. Vol. I. L., 1908. P. 238.

[6] *Craig F.W.S.* British Parliamentary Election Results 1885–1918. L., 1974. P. 305; *Johnson P.* Civilizing Mammon: Laws, Morals and the City in the nineteenth-century in Burke, Harrison B, Slack P. Civil Histories. England. Oxford. 2000. P. 314–316.

[7] The Times. 1896. Mar. 14; Buxton C.R., Haig J.C. Op. cit. P. 89–90.

[8] *Dawson M.* Money and the Real impact of the Fourth Reform Act // The Historical Journal. 1992. № 2. P. 372.

[9] *Tweedie G.R.* Op. cit. P. 192–194.

прошлого»[1]. По мнению современника, посетившего 50 округов за время кампании, выборы 1892 г. были «самыми коррумпированными за 30 лет». Главный посредник либералов, Шнадхорст, считал подкуп и договоренности проблемой «во многих местах» на выборах 1892 г., из-за которых либералы потерпели поражение в нескольких округах. Беспокойство по поводу договоренностей выражал Ллойд Джордж, который заявлял, что в Уэльсе «пиво текло рекой»[2]. Более того, озабоченность высказывали не только либералы: перед выборами Миддлтон, главный поверенный консерваторов, предупреждал доверенных лиц «быть настороже по поводу использования соперниками старомодных методов подкупа»[3].

После выборов 1906 г. Бакстон, потерпевший поражение кандидат от либералов, опубликовал подробный разоблачительный материал о нарушениях во время выборов. Он дотошно описал случаи, в которых был нарушен закон. Бакстон приводил много примеров договоренностей, запугивания со стороны работодателей и землевладельцев, выселение жильцов и бойкотирования торговцев[4]. Немало свидетельств коррупции приводит исследователь Рассел. Однако ни в одном из них петиции не подавались[5].

По-прежнему практиковались запугивание и подкуп избирателей[6]. По словам современника, в Южной Англии избирателей «загоняли как скот на выборы», и «пиво раздавалось открыто или исподтишка»[7]. Озабоченность либералов по поводу запугивания населения привела к образованию Лиги для решения этой проблемы. Ее первый ежегодный отчет в 1911 г. показал, что за прошедший год произошло 454 случая запугивания. Либеральная организация Мидленда потребовала от премьер-министра решить эту проблему ужесточением положения закона о запугивании[8].

Это предложение было лишь одним из многих призывов реформировать законодательство о коррупции в данный период. О. Лири утверждал, что после реформы 1883 г. фактически прекратились призывы к реформированию законодательства о коррупционной практике: «В палату общин было внесено лишь несколько предложений по поводу изменения закона»[9]. Действительно, это проблема поднималась не часто, но она не была закрыта в 1883 г.

Хотя консерваторы проявляли некоторый интерес к реформе, большая активность исходила от либералов. Регулярно поднимая проблему

[1] The Times. 1901. Feb. 14.
[2] NLF with the Annual Reports. 1893. P. 68.
[3] The Tory. 1892. Vol. 4. P. 81.
[4] *Buxton C.R., Haig J.C.* Electioneering Up-to-date. L., 1906. P. 7–8.
[5] *Russel A.K.* Liberal Landslide. The General Election of 1906. Newton Abbot., 1973. P. 133–134.
[6] *Blewett N.* The Peers, the parties and the people. The General Election of 1910. L., 1972. P. 374–376; National Liberal Federation with the Annual Reports. 1910. P. 20–21.
[7] The Times. 1910. May. 5, 11, 12; North Essex Liberal Monthly. 1910. Vol. 15. 3.
[8] The Times. 1911. May.13; National Liberal Federation Minute Book. 1910. Feb. 10.
[9] *O'Leary C.* Elimination of Corrupt Practices. P. 179.

пересмотра закона с 1893 г., либералы стали убеждать правительство реформировать законодательство. Помимо коммонеров с призывом к изменениям стали выступать общество дипломированных и объединенных либеральных посредников (SCALA), Национальный союз по реформам и лейбористская выборная ассоциация[1].

Особое беспокойство сторонников реформ вызывали следующие вопросы: роль вспомогательных организаций, расходы на социальную деятельность и «обхаживание» избирательных округов. О. Лири не воспринимал подобную практику как проявление коррупции. Однако не следует сбрасывать со счетов озабоченность современников, поскольку они пролили свет не только на эффективность закона, но и на то, по какому пути развивались ход предвыборной программы и моральные нормы во время выборов после 1883 г.[2].

После 1883 г. увеличилась роль групп воздействий. Их расходы на выборах не могли быть включенными в расходы кандидатов и поэтому не ограничивались биллем о коррупции. Либералы жаловались, что консервативные организации «свободно тратили деньги, проводили собрания, открывали помещения для комиссий, расклеивали афиши, распространяли литературу в свое удовольствие». Посредник от либералов в отчете с горечью заявил, что «закон (о коррупции — Е.Н.) превратился в пустое место»[3].

Беспокойство либералов вызывали траты 100 000 ф. на продажу напитков в поддержку кандидатов от консерваторов в 1892 г. Хотя у либералов имелись собственные вспомогательные органы, в целом чувствовалось, что более богатые консерваторы превзошли их. Поэтому неудивительно, что либералы стали призывать бороться за чистоту выборной кампании. Вопреки утверждению О. Лири о недостаточной заинтересованности парламента реформированием коррупционной практики, этот вопрос не раз поднимался в палате общин[4].

Опасения либералов во многом были оправданными, особенно в случаях с дополнительными выборами, где влияние, которое оказывали группы воздействия на избирателей, было значительным[5]. Поэтому тревоги по поводу увиливания от закона подобным образом были хорошо обоснованы.

Еще одним нарушением «в духе коррупции» были социальные и увеселительные мероприятия, организованные местными партийными организациями. То, что могло считаться договоренностью, если бы это происходило от имени кандидата во время выборов, свободно предпринималось

[1] NLF. Annual reports. 1893. P. 21; 1911. P. 26–27; Nation Reform Union. Registration and Election Law reform; Reports of Fifth Annual Laboure Congress. 1892. P. 32.

[2] *O'Leary C.* Elimination of Corrupt Practices. P. 232–233.

[3] The Liberal Agent. 1908. Vol. 52. P. 127.

[4] *Coetzee E.* Pressure Ground, Tory Business and the Aura of Political Corruption Before the First World War // Historical Journal. 1986. № 4. P. 833; The Times. 1892. Jun. 9.

[5] HPD. 4-d series. Vol. 184. Col. 923.

между выборами[1]. Устраивать социальные мероприятия было не в новинку для партийных организаций. С ростом организации после принятия закона о коррупционной практике и билля о правах 1884 г. такие мероприятия стали быстро набирать темп. Подготовка и проведение социальных мероприятий партийными организациями часто считали необходимым дополнением их усилий по политическому воспитанию избирателей: «люди поют, танцуют, едят, пьют... и немного партийной болтовни случайно просачивается между действиями и заставляет их стихать»[2].

Например, в Ланкастере, несмотря на программу местной партии «политика и удовольствие», включающую концерты, где разрешалось курить, ужины с пирожками с картошкой и танцы, член парламента от консерваторов сохранил свой мандат. Хотя судья считал, что подобные мероприятия имеют «коррупционную тенденцию», указанный член парламента их не субсидировал[3]. Либералы назвали это решение «огромным ударом по чистоте выборов»[4].

Хотя либералы сами устраивали подобные празднества, многие из них высказывали разочарование по поводу тех избирателей, которые «отказываются от своих естественных прав, данных при рождении, ради бесплатного чаепития, фокусников, канатоходцев, фейерверков и актеров-комиков», предоставленных консерваторами[5].

Влияние богатства во время выборов также проявилось в «обхаживании» избирательных округов. Предполагалось, что кандидаты будут делать благотворительные взносы. «Ожидается, что кандидат должен помогать в строительстве или ремонте каждой церкви и часовни..., жертвовать деньги на крикетный или футбольный клуб, общества взаимопомощи, сельскохозяйственные выставки и различные благотворительные организации». Многие депутаты ежегодно тратили сотни и тысячи фунтов[6].

Современники выражали тревогу, что подобные расходы были альтернативной формой подкупа. Как сказал один коммонер, «мы больше не подкупаем, а делаем пожертвования»[7]. Задабривание также осуждалось в периодической печати. «Прогрессив Ревю» писала: «вместо того, чтобы жаловаться о деморализации избирательных участков богатыми кандидатами и о недостаточном количестве коммонеров из числа трудящихся, избирателям из рабочего класса следует перестать считать кандидатов „источником денежных средств“»[8].

---

[1] The Times. 1887. Oct. 10.

[2] См. подробнее: Острогорский. Указ. соч.

[3] The Tory. 1896. Vol. 36–37. P. 1126–1127.

[4] NLF. Annual Reports. 1896. P. 29.

[5] *Lawrence J.* Speaking for the People party, language, and popular politics in England, 1867–1914. Cambridge. 1998. P. 201.

[6] Primrose League Gazette. 1897. Dec. 1; Lawrence Lowell A. Government of England. Vol. I. N-Y., 1908. P. 234; The Times. 1911. May. 30.

[7] *Russell G. W.E.* Social Silhouettes. N-Y., 1908. P. 127.

[8] Editorial. «Payment of Constituents» // Progressive Review. 1897. Vol. 2. P. 482.

Финансовое задабривание вызывало много нареканий со стороны членов парламента. Надежды, что билль 1883 г. защитит карманы кандидатов, не сбылись. Либерал Альфред Пис жаловался, что на «благотворительных распродажах мы вынуждены покупать дорогие и отвратительные предметы, на которые нет моды»[1]. Хотя судьи также выражали беспокойство по поводу задабривания как «современной формы подкупа», на практике они предпочитали приписывать акциям кандидатов скорее благотворительные, нежели коррупционные, мотивы[2]. Неудачей оканчивались подачи ходатайств о расследовании против депутатов, которые тратили приличные суммы на благотворительные цели перед выборами. Эти события побудили либералов выступить с предложением о «необходимости принятия нового закона о борьбе с коррупцией»[3].

В то же время нашлось несколько смельчаков, отказавшихся делать пожертвования. Один из них с гордостью говорил, что «в течение 20 лет я постоянно отказывался делать пожертвования (религиозные, филантропические, связанные со спортом, самые, самые разнообразные), за исключением 10–12 случаев, каждый из которых носил совершенно уникальный характер». Однако большинство кандидатов были уверены, что отказ от подобной практики приведет к поражению на выборах.

Подводя итог, нужно сказать, что оценка О. Лири закона о коррупции 1883 г. нуждается в существенной переоценке. Свидетельства из других источников доказывают, что коррупция не была ликвидирована в этот период. Опыт проведения предвыборных кампаний после 1883 г. показал, что в законе сохранилось достаточно лазеек и изъянов. Наблюдалось увеличение расходов между выборами и расходов политических организаций как на местном, так и на национальном уровне.

[1] *Pease A.E.* Election and Recollection. London, 1932. P. 82.
[2] Parliamentary Papers, 1897. № 27.
[3] The Liberal Agent. 1911. Vol. 65. P. 18; NLF. Annual Reports. 1911. P. 26–27.

ПРОБЛЕМА НЕЗАВИСИМОСТИ ИНДИИ В ПОЛИТИКЕ ЛЕЙБОРИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К. ЭТТЛИ В 1945–1947 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА И ДЕБАТОВ В ПАЛАТЕ ОБЩИН БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА)

ПОРТНЯГИН ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры европейских исследований
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: d.portnyagin@spbu.ru

Аннотация: В статье рассматривается один из ключевых эпизодов в процессе деколонизации после Второй мировой войны. Получение независимости Индии дало мощный импульс национальным движениям в других колониях, а также способствовало ускорению распада британской империи. На основе материалов Британского национального архива и стенограмм дебатов в Палате общин автор пришел к выводу о складывании к лету 1947 г. консенсуса в британской политической элите по проблеме индийской независимости.

Ключевые слова: Внешняя политика Великобритании, независимость Индии, правительство К. Эттли.

Вторая мировая война дала мощный импульс росту национальных движений в колониях. От судьбы Британской Индии во многом зависело не только будущее крупнейшей колониальной империи, но и в целом темпы процесса деколонизации в мире. Изучение проблемы обретения независимости бывшей «жемчужины британской короны» важно не только потому, что эти события затронули сотни миллионов человек, проживавших на огромных территориях, на которых в итоге образовалось несколько государств. Британская Индия являла собой пример для стремящихся к самостоятельности народов, но, одновременно, ее путь к свободе стал одним из наиболее кровавых не только в истории распада британской колониальной системы, но и в деколонизации в целом. В ходе раздела «British Raj» погибло не менее одного миллиона человек. В связи с этим возникает ряд вопросов: насколько продумана и адекватна была политика лейбористского правительства К. Эттли, возможны ли были другие варианты действий? Наконец, чем действительно был обусловлен стремительный уход британцев из Индии? Не претендуя на полноценные ответы на все вопросы в рамках небольшой статьи,

рассмотрим основные положения программы правительства К. Эттли в отношении Британской Индии и реакцию на нее других политических партий Великобритании, прежде всего консервативной. Источниковую базу исследования составили документы двух типов. Во-первых, это материалы заседаний кабинета министров, без анализа которых невозможно понять логику действий правительства, поскольку лейбористы были против чрезмерной гласности в этом вопросе. Вторую группу составляют стенограммы дебатов в Палате общин британского парламента, которые позволяют выяснить, как публично представляло свои действия в Индии лейбористское правительство и реакцию на них представителей других партий. В итоге это позволит ответить на вопрос о наличии или отсутствии консенсуса в политических кругах Великобритании по вопросу независимости Индии.

Премьер-министр К. Эттли имел большой опыт участия в решении индийской проблемы. Он был членом комиссии Саймона, которая посетила Индию дважды в период 1927–1930 гг., и председателем Индийского комитета кабинета министров в коалиционном правительстве У. Черчилля. В 1943 г. К. Эттли сыграл решающую роль в замене на посту вице-короля Индии лорда Линлитгоу на Арчибальда Уэйвелла. В начале 1942 г. Эттли написал крайне важный меморандум, осуждавший «неприкрытый империализм» Линлитгоу, который «смертельно близорук и самоубийственен» и ведет к потере Индии. К. Эттли был единственным членом кабинета У. Черчилля, который считал необходимым искать общий язык с индийскими националистами, и по его инициативе в 1942 г. в Индию была направлена миссия С. Криппса, которая, правда, провалилась[1].

С момента прихода к власти лейбористское правительство было весьма решительно настроено на решение индийской проблемы. Уже 20 августа 1945 г. на заседании кабинета рассматривался меморандум министра по делам Индии и Бирмы Фредерика Петик-Лоуренса, в котором предлагалось в кратчайшие сроки провести выборы в провинциальные ассамблеи, затем центральную ассамблею и, в итоге, сформировать орган по подготовке индийской конституции[2]. Кабинет одобрил эти предложения, за исключением сюжета с формированием конституционного органа, и решил вызвать в Лондон вице-короля А. Уэйвелла для проведения консультаций о дальнейших действиях. При этом подчеркивалась необходимость всячески избегать публичного обсуждения вопроса, включая парламентские дебаты[3]. В ходе консультаций К. Эттли с А. Уэйвеллом было решено после выборов в провинциальные и центральную ассамблеи провести широкую дискуссию с индийскими политиками о буду-

[1] *Hyam R.* Britain's Decline Empire. The Road to Decolonisation 1918–1968. Cambridge, 2006. P. 105.

[2] The Indian Constitutional Question. Memorandum by the Secretary of State for India, 18 August 1945 // UK NA. CAB 129/1. C.P. (45) 121. P. 3–4.

[3] Conclusions of a Meeting of the Cabinet. Monday, 20th August, 1945 // UK NA. CAB 128/1. C.M. (45). 24th Conclusions. P. 49–51.

щем конституционном органе[1]. Очевидно, что на данном этапе у правительства отсутствовало четкое представление о возможном дальнейшем развитии ситуации и вариантах действий в Индии.

Серьезное влияние на позицию К. Эттли оказали доклады А. Уэйвелла и главнокомандующего британскими войсками в Индии Клода Окинлека, которые предупреждали о возможности крупномасштабных антибританских выступлений в Индии в 1946 г. А. Уэйвелл полагал, что ИНК, вероятно, готовил крупнейшее антибританское выступление, которое Британия, возможно, сможет подавить, но это будет сродни новой кампании по завоеванию Индии[2]. Было решено отправить в Индию миссию кабинета с целью попытаться достичь согласия, прежде всего между ИНК и Мусульманской лигой, относительно выработки конституционного механизма обретения независимости и создания временного правительства[3]. В состав миссии входили три человека: Стаффорд Криппс, которого иногда называли «английским Ганди», лорд Петик-Лоуренс и министр обороны Альберт Александер[4].

В течение 3-х месяцев, периодически борясь с приступами диареи, миссионеры героически побеседовали с почти полутысячей индийских политических деятелей, но не достигли почти ничего, кроме, как заметил А. Уэйвелл, заверений в доброй воле, сладких слов и обещания золотых гор[5]. Действительно, примирить ИНК и Мусульманскую лигу оказалось невозможно. Ни планы по созданию коалиционного правительства, ни проекты решения конституционной проблемы одобрения у обеих сторон не нашли. Такой исход миссии можно было предвидеть заранее, учитывая нежелание лидеров противостоящих сторон идти на какие-либо уступки. Еще до прибытия миссии в феврале 1946 г. Мухаммед Али Джинна писал С. Криппсу о том, что нет никаких оснований вести переговоры о временном урегулировании. Единственно возможным решением вопроса он считал раздел Британской Индии и образование государства Пакистан[6]. Переговоры зашли в тупик, что был вынужден признать С. Криппс, выступая в Палате общин 18 июля 1946 г.: «Мы потерпели неудачу, поскольку не сумели предложить такой состав правительства, который был бы приемлем для обеих партий»[7].

Отношение консервативной партии к политике правительства по вопросу Индии наиболее полно отражено в выступлениях ее лидера.

---

[1] Report by the Prime Minister, Chairman of the India and Burma Committee, 9th September, 1945 // UK NA. CAB 129/2. C.P. (45) 155. P. 1–2.

[2] Telegram from the Viceroy № 2058-S. of 25th November, 1945 // UK NA. CAB 129/5. C.P. (45) 303. P. 1–2.

[3] Conclusions of a Meeting of the Cabinet. Tuesday, 22nd January, 1946 // UK NA. CAB 128/5. C.M. (46). 7th Conclusions. P. 47–49.

[4] *Hyam R.* Op. cit. P. 107.

[5] *Moon P.,* ed. Wavell: The Viceroy's Journal. 18 April 1946. London, 1973. P. 249.

[6] Letter from Muhammad Jinnah to Sir Stafford Cripps, 9th February 1946 // UK NA. CAB 127/137.

[7] HCD. 1946. 18 July. Vol. 425. Col. 1394–1415.

Хорошо известна фраза У. Черчилля, сказанная им 10 ноября 1942 г. на приеме лорда-мэра лондонского Сити по случаю победы у Эль-Аламейна: «Я не для того стал премьер-министром его величества, чтобы председательствовать на развале британской империи»[1]. Применительно к ситуации 1946–1947 гг. его критика действий кабинета К. Эттли строилась на обвинении лейбористов в чрезмерной поспешности предоставлении независимости Индии, что больше походило на бегство. Выступая в парламенте 18 июля 1946 г. сразу после С. Криппса, он обвинил миссию кабинета в том, что она значительно вышла за рамки обещаний, данных в 1942 г., которые сводились к предоставлению Индии статуса доминиона, включая, как последнее средство, и возможность ее выхода из Британского содружества. Получение полного статуса доминиона и возможность достижения согласия между конфликтующими сторонами, по мнению У. Черчилля, помогли бы избежать бедствий гражданской войны[2]. Заметим, что лидер либеральной партии Клемент Дэвис ограничился очень кратким замечанием, избегая критики правительства и призвав его к скорейшему решению индийской проблемы[3].

Во время следующей большой дискуссии в парламенте по Индии 6 марта 1947 г. У. Черчилль обвинил правительство в том, что оно отказалось от трех важнейших положений декларации миссии С. Криппса 1942 г.: 1) предоставления Индии статуса доминиона как первого шага к полной независимости; 2) обещаний, данных меньшинствам и так называемым «зарегистрированным кастам»[4]; 3) попытки примирить две крупнейшие общины — индуистов и мусульман. К этому лидер консервативной оппозиции добавил перечисление целого ряда ошибок, допущенных, с его точки зрения, за год после миссии кабинета 1946 г. правительством и вице-королем Индии. Одной из серьезнейших ошибок У. Черчилль назвал роспуск совета при вице-короле и передачу власти правительству Джавахарлала Неру, что стало настоящим бедствием, поскольку привело к полной деградации и деморализации уже ослабленного механизма управления в Индии. Следствием этого стали межрелигиозные столкновения и рост коррупции. Одна из главных причин нападок на Дж. Неру видится нам в следующей фразе У. Черчилля: «Коммунизм растет так быстро, что необходимо предпринять меры по подавлению коммунистических центров, что мы, в силу британской толерантности, не делаем у себя дома и в Индии». У. Черчилль полагал, что у Дж. Неру были серьезные личные основания действовать против сохранения связей между Индией и Британским Содружеством. Помимо Дж. Неру, У. Черчиллю не нравилась завеса секретности над действиями правительства. Например, почему был отозван А. Уэйвелл и назначен новый вице-

[1] *Churchill W.S.* The End of the Beginning. London, Cassell, 1943. P. 265–266.
[2] HCD. 1946. 18 July. Vol. 425. Col. 1417–1425.
[3] Ibid. Col. 1426.
[4] В отечественной традиции их называют «неприкасаемые», в британской — «угнетенные классы», Ганди ввел термин «хариджаны».

король Луис Маунтбеттена, а также 14-месячный срок перехода Индии к независимости. Вывод, к которому пришел лидер оппозиции, сводился к тому, что план правительства скорее похож на операцию по спешной эвакуации, которую можно назвать преступлением против мира и которая оставит пятно на добром имени Британии. Главной причиной британского ухода из Индии У. Черчилль назвал отсутствие силы воли и морального духа у правительства, а результатом его станут руины и несчастья на Востоке[1].

Следует отметить, что среди министров правительства также не было единства относительно действий в Индии. Основные дискуссии в кабинете развернулись в июне и декабре 1946 г. На заседании 31 декабря 1946 г. обсуждался меморандум К. Эттли о политике в отношении Индии и предполагаемый проект публичного заявления о прекращении британского правления к 31 марта 1948 г.[2], что вызвало наибольшую тревогу министров. Министр иностранных дел Эрнст Бевин полагал, что подобные действия правительства будут иметь большой резонанс на Среднем Востоке. Он напомнил, что на шедших параллельно переговорах с Египтом представители Великобритании заявляли о практической невозможности вывода оттуда британских войск до начала 1949 г. Как с этим могло соотноситься намерение эвакуировать всю Индию до марта 1948 г.?[3] Еще раньше Э. Бевин выражал уверенность, что если Индия падет, туда может войти Россия, тем самым будут взращены семена мирового конфликта[4]. Многие министры кабинета, как и У. Черчилль, опасались, что столь стремительное отступление может привести к началу вооруженных столкновений между противоборствующими общинами. Коллективное мнение министров кабинета сводилось к тому, что уход британцев из Индии никак не должен был выглядеть как вынужденная мера и начало ликвидации британской империи. Все должно было быть представлено как логичный результат последовательной политики британских правительств по передаче управленческих функций местному населению, проводившейся на протяжении многих лет. Поскольку было уже поздно пересматривать политику в отношении Индии, главная задача сводилась к тому, чтобы не допустить хаоса и начала гражданской войны и, по возможности, примирить общины[5].

Крайне отрицательно относилось большинство членов кабинета к идее раздела Индии и создания Пакистана. Эпитеты, которые чаще

[1] HCD. 1947. 6 March. Vol. 434. Col. 663–678.

[2] Indian Policy. Memorandum by the Prime Minister, 24th December, 1946 // UK NA. CAB 129/15. C.P. (46) 456. P. 1–6.

[3] 108th Conclusions. Confidential Annex, 31th December, 1946 // UK NA. CAB 128/8. C.M. (46). P. 2.

[4] Situation in India and its Possible Effect upon Foreign Relations. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs, 14th June, 1946 // UK NA. CAB 129/10. C.P.(46) 222. P. 1–3.

[5] 108th Conclusions. Confidential Annex, 31th December, 1946 // UK NA. CAB 128/8. C.M. (46). P. 2–3.

всего использовали для характеристики потенциального мусульманского государства, звучали следующим образом: нелогичный монстр, стратегическое и геополитическое бедствие, смертельный удар по безопасности всего региона, поскольку Пакистан плохо подготовлен для противодействия СССР[1]. Однако противопоставить желанию Мусульманской лиги создать собственное государство было нечего. Реальной альтернативой была гражданская война, а лейбористское правительство не могло допустить конфликта с мусульманами по нескольким соображениям. Возможный будущий Пакистан лежал вдоль главных имперских воздушных коммуникаций. Британия не могла вызвать недовольство мусульман Среднего Востока, поскольку это также грозило непредсказуемыми последствиями для империи. При этом М. Джинна сразу заявил о намерении Пакистана остаться в Британском Содружестве.

Заметим, что и среди военных не было единства. Комитет начальников штабов полагал, что надежность индийских войск под большим сомнением и полагаться на них нельзя[2]. В то же время министр обороны Альберт Александер говорил о возможности удержаться в Индии еще 15 лет[3]. Следует признать, что решающее слово в сложившейся ситуации осталось за К. Эттли. Он полагал, что у Великобритании нет необходимых ресурсов вести борьбу с партизанским движением в Индии или вновь ее покорять. Кроме того, подобные действия не поддержало бы общественное мнение в стране, и особенно в самой лейбористской партии. От премьер-министра шла инициатива смены вице-короля, хотя саму кандидатуру Маунтбеттена предложил С. Криппс. Он согласился с предложением последнего вице-короля перенести дату предоставления независимости Индии и Пакистану с июня 1948 г. на август 1947 г. Это свидетельствует о том, что Маунтбеттен также сыграл весьма активную роль в процессе. Заметим, что последний вице-король весьма высоко оценивал значимость происходивших тогда событий и свою роль в них. В одном из своих многочисленных публичных выступлений он заявил, что по своему влиянию на последующую историю обретение независимости Индии и образование Пакистана сопоставимы с революцией в России в 1917 г., приходом к власти нацистов в Германии и победой коммунистов в гражданской войне в Китае. При этом он полагал, что Россия, Германия и Китай дали примеры создания насильственным путем тоталитарных государств, а независимость Индии стала результатом мирного демократического процесса[4], что являлось очевидным преувеличением.

---

[1] *Hyam R.* Op. cit. P. 111.

[2] India — Organisation for Intelligence. Report by the Joint Intelligence Sub-Committee, 4th January, 1947 // UK NA. CAB 158/1. J.I.C. (47) 2 (0) (Final). P. 1–4.

[3] *Hyam R.* Op. cit. P. 108.

[4] Reflections on the Transfer of Power and Jawaharlal Nehru. Admiral of the Fleet The Earl Mountbatten of Burma. Trinity College, University of Cambridge — 14th November 1968 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.cambridgetrust.org/assets/documents/Lecture_2.pdf

Таким образом, следует признать, что британскому правлению в Индии подходил конец. Несмотря на критику действий правительства, консерваторы не стали препятствовать прохождению билля о независимости Индии через парламент, что свидетельствовало о сложившемся к лету 1947 г. консенсусе по этому вопросу. Билль стремительно прошел все стадии чтения. С момента его внесения в парламент 4 июля[1] и до получения королевского согласия 18 июля прошло всего две недели. Можно было спорить относительно темпов передачи власти. Однако целый ряд тревожных событий, таких как восстания 18–23 февраля 1946 г. на королевском флоте в Бомбее и Карачи, коммунальные беспорядки с августа 1946 г. по март 1947 г. в Калькутте, Восточной Бенгалии, Бихаре, Пенджабе, крайне воинственные выступления крестьян, требовали незамедлительной реакции. Очевидно, что К. Эттли хотел добиться в этой ситуации установления сильного центрального правительства после ухода британцев, что было крайне важно геополитически. Вакуума власти следовало избежать любой ценой, поскольку и политики, и военные полагали, что СССР, по крайней мере, попытается воздействовать на независимую Индию, а в случае гипотетической войны Великобритании с Советским Союзом Индия может быть легко завоевана последним. Это имело бы катастрофические последствия для Британии, поскольку Индия рассматривалась как краеугольный камень воздушных коммуникаций Содружества и стратегическая защита Персидского залива со всеми его нефтеразработками.

С другой стороны, для К. Эттли было крайне важно сохранить дружеские отношения с Индией после обретения ею независимости. Многие британские политики хотели, чтобы Индия осталась в Содружестве в свете крайне вероятного проникновения СССР в Юго-Восточную Азию. Однако только благодаря К. Эттли удалось решить проблему, как сохранить Республику Индию в составе Содружества в 1949 г. Ни Форин офис, ни министр иностранных дел Э. Бевин не проявляли особого усердия в этом. Многие в Великобритании полагали, что республика в составе Содружества — это нонсенс. Только с точки зрения К. Эттли в этом не было ничего невозможного. Несмотря на все недостатки, передача власти в Индии должна оцениваться как геополитически разумная реакция на реалии упадка британского могущества, хотя, если бы не К. Эттли, процесс мог занять больше времени.

[1] HCD. 1947. 4 July. Vol. 439. Col. 1673.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИДЕЙ Э. ЛАБУЛЭ НА ФОРМИРОВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ 1872 г.)

БОЧКАРЕВ СЕРГЕЙ ВАДИМОВИЧ,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: pkb-spb@yandex.ru

Аннотация: Проблематика парламентаризма предполагает изучение как содержательной части конституционных актов, так и тех теоретических концепций, которые повлияли на функционирование конституционно-правовых институтов. Актуальность темы исследования определяется вкладом французской политико-правовой мысли в формирование современной концепции парламентаризма. На создание во Франции устойчивого парламентского правления в последней четверти XIX в. существенное влияние оказали политико-правовые идеи Э. Лабулэ, изложенные им в проекте Конституции, представленном в 1872 г., в частности, принципы народного суверенитета, разделения властей, национального представительства и др. Эти постулаты были восприняты законодателем 1875 г. и нашли свое опосредованное отражение в Конституционных законах Третьей республики.

Ключевые слова: конституция, народный суверенитет, парламентаризм, национальное представительство.

В середине XIX в. формируется французская либеральная школа, одним из наиболее видных представителей которой являлся Эдуард Рене Лефевр де Лабулэ (Édouard René Lefebvre de Laboulaye) (1811–1883)[1].

Э. Лабулэ был видным политиком, мыслителем, автором резонансных законопроектов того времени во Франции.

В 70-е гг. XIX в. после провозглашения Третьей республики Э. Лабулэ в 1871 г. избирается депутатом Национального собрания, где он был одним из руководителей левого центра, возглавлял комиссию по реорганизации высшего образования.

В эти годы Э. Лабулэ получил возможность воплотить свои идеи в жизнь. В 1872 г. он публикует «Политические письма» (Lettres politiques), где представляет проект республиканской Конституции (далее — проект) и комментарии к ней.

[1] Э. Боссир называл Э. Лабулэ выдающимся либеральным мыслителем (Beaussire É. Les principes du droit. Paris, 1888. P. I).

Э. Лабулэ считал, что в Конституции важно не только содержание, но и форма, поэтому в представлении французов Конституция — это свод правил и законов, который должен охватывать всю общественную жизнь страны. Однако нельзя следовать идеям, которые чужды нации. В этом, по мнению Э. Лабулэ, была ошибка авторов Конституции 1848 г., которые заложили в нее догматические гибельные химеры 1791 и 1793 гг.

Конституция, в отличие от иных нормативных актов, имеет другую природу, особый характер. Конституционные нормы должны иметь обязывающий характер для парламента и правительства, что является гарантией того, что «она оградит нацию против узурпации власти тех, кому она вверяет законодательную, исполнительную и судебную власть»[1]. Поэтому необходимо предусмотреть особый механизм принятия изменений в Конституции. Э. Лабулэ в своем конституционном законопроекте посвятил данному вопросу две главы (VII и VIII), согласно которым принятие Конституции и внесение в нее изменений предоставлялось нации, а право законодательной инициативы по изменению конституционных норм — Законодательному корпусу или специальному собранию, созванному по требованию двух третей генеральных советов[2].

При формулировании данной процедуры Э. Лабулэ исходил из принципа народного суверенитета. Основной тезис: если суверенитет принадлежит нации (ст. 2, 3 проекта), то «народ делегирует, на определенных условиях, законодательную, исполнительную и судебную власть; но границу этих мандатов он фиксирует; он один суверен»[3]. Согласно проекту, все полномочия, которые Конституция явно не делегировала Законодательному корпусу, Президенту или судам, должны предоставляться нации (ст. 67 проекта). Э. Лабулэ особо подчеркивал, что «если мы хотим организовать демократию во Франции, надо принять условия и признать искренне народный суверенитет… Нельзя отрицать, что эта популярная санкция является абсолютной необходимостью, если мы хотим жить при Конституции, поставив ее над капризами и всемогуществом Собраний. Это возвращение к принципам»[4].

Однако данные положения не нашли отражение в Конституционных законах 1875 г., несмотря на то, что Э. Лабулэ в своем докладе при представлении законопроекта «О взаимоотношениях государственных властей» в Национальном собрании отмечал: «Большинство статей, которые мы предлагаем вам вотировать, взято из наших прежних конституций. Это — правила, которые вам давно известны и которые, до известной степени, составляют общее право всех свободных народов»[5].

---

[1] *Laboulaye E.* Lettres politiques. Paris, 1872. P. 35.

[2] См.: Ст. 68–74 Проекта Конституции 1872 г. (*Бочкарев С.В.* Проект Конституции 1872 г. (перевод с французского и комментарий) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: юридические науки. 2017. № 3 (27). С. 111).

[3] *Laboulaye E.* Lettres politiques. P. 49.

[4] Ibid. P. 41.

[5] Цит по: *Deslandres M.* Histoire constitutionelle de la France. L'avènement de la Troisième république la constitution de 1875. Paris, 1937. T. III. P. 394. По Конституции 1875 г. пересматривать ее статьи могли палаты парламента на совместном заседании.

С точки зрения Э. Лабулэ, именно «нация — абсолютная хозяйка своего правительства», а поэтому народный суверенитет — это основной принцип наших политических институтов[1]. Принцип народного суверенитета позволяет также ограничить государственные прерогативы. Э. Лабулэ как приверженец либеральных идей, противопоставляя государство и человека, приоритет отдавал второму, считая, что «не человек создан для государства, государство создано для человека», и, следовательно, «государство, независимо от его полезности и необходимости, не самоцель; оно средство и гарантия (прав человека — С.Б.)»[2].

Как следствие, считая, что «свободу необходимо было бы хорошо конституционно защитить от законодательных страстей»[3], Э. Лабулэ в свой проект включил главу IV, озаглавленную «Декларация прав», которую составляли 20 статей.

Необходимо отметить, что в Конституционных законах 1875 г. ничего не сказано о правах и свободах. Однако это не означает, что Национальное собрание отвергало основные положения Декларации прав человека и гражданина 1789 г. На заседании парламента 1 февраля 1875 г. депутат Ш. Лепер заявил: «Мы (Национальное собрание — С.Б.) установили ряд конституционных положений, не задаваясь мыслью о формулировании философских деклараций. Наши принципы известны. Это — принципы 1789 г.»[4]. Здесь можно отметить определенную тенденцию, прослеживающуюся на протяжении XIX в.: все меньшее декларирование прав и свобод (за исключением Конституции 1848 г.). Данный вопрос широко обсуждался во французской юридической литературе. Л. Дюги отмечал, что «всякий закон, противоречащий Декларации прав 1789 г., был бы неконституционным законом»[5]. На это же обстоятельство указывал А. Эсмен, приводя еще один аргумент: «Для того чтобы граждане могли осуществлять какое-либо право или пользоваться какой-нибудь свободой, недостаточно, чтобы эти осуществления были гарантированы Конституцией. В самом деле, как бы ни были законны индивидуальные права, они не имеют неограниченной силы. Напротив, они встречают два необходимых ограничения: уважение к подобным же правам других и поддержание общественного порядка. Их осуществление предполагает, поэтому, предварительную регламентацию ее, которую должен установить законодатель, и пока эта регламентация не сделана, внесенное в Конституцию и ею гарантированное право не может быть осуществлено; оно является как бы простым обещанием»[6]. Такая предварительная регламентация была сделана французским законодателем. В конце XIX — на-

[1] *Laboulaye E.* Lettres politiques. P. 45.

[2] Ibid. P. 46.

[3] Ibid. P. 81.

[4] Цит. по: *Эсмен А.* Общие основания конституционного права. СПб., 1898. С. 323.

[5] *Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 313.

[6] *Эсмен А.* Общие основания конституционного права. С. 323–324.

чале XX в. во Франции был принят ряд законов, содержавших нормы о правах и свободах (например, Закон о свободе собраний 1881 г., Закон «О свободе печати» 1881 г., Закон «О свободе ассоциаций и религиозных конгрегациях»1901 г. и т.д.). Эти и ряд других законов признаются Конституционным советом Пятой республики в качестве конституционных и в настоящее время.

Условием существования свободы Э. Лабулэ считал разделение властей[1], несмотря на то, что в проекте Конституции 1872 г. данный принцип текстуально не закреплялся. Он указывал, что для того «чтобы получить полную безопасность, необходимо поддерживать все три главные ветви власти государства во взаимной независимости, т.е. в некотором равенстве»[2].

Важной проблемой для французского парламентаризма, которая требовала разрешения, была структура парламента. Для Э. Лабулэ решение вопроса о бикамеральном парламенте было очевидно: «В интересах народного суверенитета… необходимо иметь две палаты»[3]. Вторая палата в парламенте обеспечит двойной контроль законов, будет препятствовать безрассудству первой и попыткам узурпации власти, поскольку «эту охраняющую роль может исполнить только вторая палата. Есть только власть, ограничивающая власть»[4].

Подобные идеи нашли отражение в главе I проекта Конституции 1872 г., которая предусматривала наделение законодательными полномочиями Законодательного корпуса, состоявшего из Сената и Палаты представителей. Палата представителей избирается на три года прямым и тайным голосованием населения. Сенат избирается на девять лет и обновляется на треть каждые три года. Выборы сенаторов непрямые, а их регламентацию должен был определить Органический закон. Право законодательной инициативы принадлежит каждой из двух Палат. Все законы о поступлениях в государственную казну сначала должны быть рассмотрены в Палате представителей, но Сенат может предлагать поправки к ним.

Данные положения нашли почти дословное отражение в Конституционных законах 1875 г., за исключением срока полномочий нижней палаты.

Еще один принцип, который обосновывал Э. Лабулэ, и который нашел закрепление в Конституции Третьей республики, — принцип национального представительства. Именно на основе выборов народ передает власть своим представителям и уполномочивает представительные органы осуществлять государственную власть. В этом смысле парламент, как в проекте Конституции, так и в Третьей республике являлся представительным органом власти по нескольким основополагающим признакам.

---

[1] См.: *Laboulaye E.* Lettres politiques. P. 53.
[2] Ibid. P. 54.
[3] Ibid. P. 57.
[4] Ibid. P. 58.

Во-первых, избранные депутаты и сенаторы были независимы от избирателей. Согласно ст. 13 Органического закона от 30 ноября 1875 г.: «Всякий императивный мандат ничтожен и недействителен»[1] (статья 15 проекта Э. Лабулэ: «Члены Законодательного корпуса не могут быть связаны императивным мандатом»)[2]. Таким образом, на основании данной статьи можно говорить о национальном представительстве как конституционно-правовом принципе, поскольку у депутатов отсутствовала юридическая обязанность выполнять наказы своих избирателей. Избиратели не оказывали никакого реального влияния на положение депутатов и сенаторов. Статус членов французского парламента всецело определялся Конституцией, законодательными актами и регламентами палат.

Во-вторых, парламентарии избирались на определенный срок и не могли быть отозваны избирателями.

В-третьих, члены Национального собрания (у Э. Лабулэ — Законодательного корпуса) представляли всю страну в целом.

В-четвертых, согласно ст. 1 Конституционного закона от 25 февраля 1875 г.: «Законодательная власть осуществляется двумя собраниями: Палатой депутатов и Сенатом»[3]. Таким образом, только избранные представители могли принимать окончательное решение по вопросам законодательства. Следовательно, процедура референдума не была конституционно закреплена.

Что касается главы исполнительной власти — президента, то законодатель 1875 г. не воспринял конституционные идеи Э. Лабулэ, за исключением полномочий, непосредственно связанных с исполнением законов (обнародование законов), права отлагательного вето и формирования правительства.

Таким образом, политико-правовые идеи Э. Лабулэ, изложенные в его проекте Конституции 1872 г., оказали существенное влияние на французские Конституционные законы 1875 г., главным образом, в абсорбции ими основополагающих принципов построения парламентарной модели в период существования Третьей республики.

---

[1] Loi organique sur l'élection des Députés // Bulletin des lois de la République française. Paris, 1875. T. 11. № 275. P. 1020.

[2] *Бочкарев С.В.* Проект Конституции 1872 г. С. 108.

[3] Loi du 25 février 1875 relative à l'organisation des pouvoirs publics [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/constitution-de-1875-iiie-republique

ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД ЗАРУБЕЖНЫМИ МИССИЯМИ БУНДЕСВЕРА

ВЛАСОВ НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: n.vlasov@spbu.ru

Аннотация: Целью исследования является определение возможностей парламентского контроля над использованием вооруженных сил ФРГ за рубежом в соответствии с действующим законодательством и сложившейся практикой. Для достижения этой цели прослеживается эволюция механизмов парламентского контроля с момента начала активного участия бундесвера в зарубежных миссиях и по настоящий момент. Кроме того, анализируются перспективы дальнейшего развития в указанной области. В результате исследования делается вывод о том, что, несмотря на политическую риторику о «парламентской армии», возможности влияния законодательной власти на зарубежные миссии бундесвера остаются достаточно ограниченными, хотя в то же время их нельзя назвать совершенно незначительными. Дальнейшее развитие механизмов парламентского контроля будет зависеть во многом от прогресса европейской интеграции в сфере безопасности и обороны.

Ключевые слова: Бундесвер, бундестаг, зарубежные миссии, парламентский контроль, ФРГ.

С момента создания вооруженные силы Федеративной Республики Германия были включены в систему гражданского, в том числе парламентского, контроля. Федеральное министерство обороны возглавлял не офицер высокого ранга, как это было принято ранее, а партийный политик. При бундестаге была создана должность уполномоченного по вопросам вооруженных сил («Wehrbeauftragte»), который должен наблюдать за соблюдением прав военнослужащих и представлять парламенту ежегодный отчет. В бундесвере внедрялась концепция «внутреннего руководства» («Innere Führung»), в соответствии с которой военнослужащий должен был действовать, в первую очередь, как гражданин, и только во вторую — как солдат. Весь этот комплекс мер был призван не допустить превращения армии в «государство в государстве», отделенное от общества и неподконтрольное политическому руководству, как это было, к примеру, в годы Веймарской республики.

В период «холодной войны» парламентский контроль касался, в первую очередь, внутренних процессов в вооруженных силах. Задачи последних трактовались просто и однозначно: бундесвер существует исключительно для обороны западногерманской территории. Хотя использование вооруженных сил за пределами страны напрямую не воспрещалось Основным

законом ФРГ, в политическом руководстве существовал консенсус по данному поводу, подтвержденный в 1982 г. решением федерального совета безопасности[1].

Однако после объединения Германии и окончания «холодной войны» вопрос о спектре задач бундесвера вновь встал на повестку дня. Партнеры по Североатлантическому альянсу требовали от ФРГ участия в миротворческих операциях наравне с другими европейскими странами НАТО. Федеральное правительство, в свою очередь, считало необходимым проводить политику, направленную на усиление германского влияния в международных делах, что было практически невозможно без активного участия в урегулировании кризисов и конфликтов. «Глобальная ответственность», на которую претендовали в Берлине, подразумевала готовность использовать вооруженные силы за рубежом. В то же время руководство ФРГ вынуждено было принимать во внимание позицию общественности, весьма скептически относившейся к перспективе участия солдат бундесвера в «зарубежных миссиях»[2].

В этой ситуации правительство Г. Коля избрало в первой половине 1990-х гг. стратегию постепенного расширения спектра задач вооруженных сил. Начав с гуманитарных миссий под эгидой ООН, германские военные некоторое время спустя приняли участие в полномасштабных миротворческих операциях в Африке и на Балканах. Хотя контингенты бундесвера играли в этих случаях вспомогательную роль и не участвовали непосредственно в боевых столкновениях, вопрос о допустимости зарубежных миссий был передан оппозицией на рассмотрение федерального конституционного суда. 12 июля 1994 г. последний принял решение, согласно которому использование германских вооруженных сил для участия в многосторонних миссиях не противоречит Основному закону[3].

Расширяя спектр задач бундесвера, конституционные судьи в то же время позаботились о соответствующем усилении парламентского контроля над вооруженными силами. В решении конституционного суда, в частности, говорилось: «Касающиеся вооруженных сил положения Основного закона <…> направлены на то, чтобы не передавать в исключительное ведение исполнительной власти силовой потенциал бундесвера, а включить последний в качестве „парламентской армии“ в демократически-правовую систему, предоставив парламенту значительное влияние на строительство и применение вооруженных сил»[4]. На зарубежную миссию должно было быть в обязательном порядке получено предвари-

[1] *Bald D.* Die Bundeswehr. Eine kritische Geschichte 1955–2005. München, 2005. S. 143.

[2] *Biehl H., Jacobs J.* Öffentliche Meinung und Sicherheitspolitik / Böckenförde S., Gareis S.B. (Hrsg.) Deutsche Sicherheitspolitik. Opladen, 2014. S. 275.

[3] *Frank H.* Nur von Freunden umgeben. Die veränderte Sicherheit nach Vereinigung und Überwindung des Kalten Krieges / Nägler F. (Hrsg.) Die Bundeswehr 1955 bis 2005. München, 2007. S. 443.

[4] Цит. по: *Krause U.* v. Die Bundeswehr als Instrument deutscher Außenpolitik. Wiesbaden, 2013. S. 195.

тельное согласие бундестага. Для принятия решения достаточно было простого большинства. Детали этого процесса предстояло определить самим законодателям[1].

Выработка соответствующего законопроекта, однако, заняла целое десятилетие. Только 18 марта 2005 г. был принят «Закон об участии парламента в принятии решений о действиях вооруженных сил за рубежом» (сокращенно «Закон об участии парламента», «Parlamentsbeteiligungsgesetz»). Столь длительный период объясняется, в первую очередь, необходимостью получить определенный практический опыт участия парламента в принятии решений о зарубежных миссиях бундесвера. В течение этого десятилетия в бундестаге были согласованы десятки зарубежных миссий, в том числе столь значимые, как отправка немецких контингентов для участия в кампании против Югославии в 1999 г. и в Афганистан в 2001 г.

Принятый в 2005 г. закон закреплял, таким образом, уже сложившуюся практику. В соответствии с ним, согласие парламента не требуется в случае проведения чисто гуманитарных операций, не предусматривавших участия в боевых действиях. В остальных случаях федеральное правительство должно направить в бундестаг заявку, в которой оговаривались детали предстоящей миссии, в том числе цель и задачи, продолжительность, численность контингента и объем финансирования. Парламент, в свою очередь, может принять или отвергнуть предложение правительства, но не вносить в него изменения. Согласие бундестага должно быть получено предварительно, кроме чрезвычайных ситуаций, когда промедление грозит катастрофическими последствиями; в этом случае парламент рассматривает уже начавшуюся миссию при первой возможности и имеет право незамедлительно прекратить ее. Правительство обязано информировать бундестаг о ходе операции, а парламент имеет право в любой момент отозвать свое согласие на нее[2].

Упрощенная процедура предусмотрена в том случае, если речь идет о небольших, относительно безопасных и не слишком значительных миссиях — к примеру, об отправке нескольких наблюдателей в кризисный регион. В количественном отношении миссии именно такого рода составляют большинство. Правительство должно в таком случае проинформировать депутатов о предстоящей миссии и разъяснить, почему оно считает в данном случае возможным применить упрощенную процедуру. Если со стороны парламентариев в течение недели не последует возражений, миссия считается одобренной[3].

---

[1] Verlautbarung der Pressestelle des Bundesverfassungsgerichts. Pressemitteilung Nr. 29/1994 vom 12. Juli 1994 // Bundesverfassungsgericht [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/1994/bvg94-029.html

[2] Gesetz über die parlamentarische Beteiligung bei der Entscheidung über den Einsatz bewaffneter Streitkräfte im Ausland // Deutscher Bundestag [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.bundestag.de/blob/195096/324b17baf5ce50c3149b3c2e7a51c879/parlbet_gesetz-data.pdf

[3] Ibid.

В соответствии со сложившейся практикой, бундестаг устанавливает продолжительность миссии в один год, при необходимости продлевая ее. С 1994 г. по сегодняшний день было принято более ста положительных и ни одного отрицательного решения по заявкам федерального правительства[1].

В руках парламента находятся и другие механизмы, позволяющие контролировать ход зарубежных миссий бундесвера. К их числу относится, к примеру, уже упомянутый выше институт уполномоченного по вопросам вооруженных сил. Парламентарии также имеют право адресовать правительству т.н. «малые» и «большие» запросы, ответы на которые затем становятся предметом дискуссии в палате[2]. При необходимости бундестаг может провести парламентское расследование — так, в конце 2009 г. комитет по обороне начал расследование инцидента с участием бундесвера, произошедшего в афганском регионе Кундуз; заключительный отчет объемом около 500 страниц был предоставлен палате в 2011 г.[3]. Кроме того, как отдельные депутаты, так и парламентские делегации могут посещать контингенты бундесвера в районе проведения операции; к примеру, в конце января 2019 г. в Афганистан отправились представители комитета по обороне[4].

Однако эффективность существующего механизма парламентского контроля начала вызывать серьезные нарекания как у политиков, так и у экспертов уже в конце 2000-х гг. При этом одновременно существуют два практически противоположных друг другу направления критики.

С одной стороны, говорится о том, что в сфере использования вооруженных сил реальные возможности бундестага крайне ограничены, и налицо явное «доминирование исполнительной власти»[5]. Последнее объясняется значительным числом факторов — от возможности регулировать информацию, поступающую парламентариям (как это произошло в случае с упомянутым выше Кундузским инцидентом), до тесной связи между решением парламентского большинства и судьбой правительства (отзыв контингента бундестагом всерьез подрывает кабинет, сформиро-

[1] *Krause U.* v. Das Parlament und die Bundeswehr. Zur Diskussion über die Zustimmung des Deutschen Bundestages zu Auslandseinsätzen. Wiesbaden, 2015. S. 4.

[2] См., напр.: *Große Anfrage*. Bundeswehr — Einsatzarmee im Wandel // Deutscher Bundestag. Dokumentations- und Informationssystem [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://dipbt.bundestag.de/extrakt/ba/WP17/448/44803.html

[3] Beschlussempfehlung und Bericht des Verteidigungsausschusses als 1. Untersuchungsausschuss gemäß Artikel 45a Absatz 2 des Grundgesetzes // Deutscher Bundestag [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/074/1707400.pdf

[4] Verteidigungsausschuss reist nach Afghanistan // Deutscher Bundestag. 23.01.2019 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.bundestag.de/presse/pressemitteilungen/2019/-/589190

[5] *Gareis S.B.* Die Organisation deutscher Sicherheitspolitik. Akteure, Kompetenzen, Verfahren und Perspektiven / Böckenförde S., Gareis S.B. (Hrsg.) Deutsche Sicherheitspolitik. Opladen, 2014. S. 100.

ванный этим же самым большинством). В «серой зоне» оказывается также деятельность спецподразделений (в первую очередь KSK), которая окружена завесой секретности, не позволяющей парламентариям и общественности получить достаточную информацию.

Второе направление критики основано на том, что обязательное участие парламента в принятии решений о зарубежных миссиях подрывает способность ФРГ полноценно участвовать в военных альянсах. Эта проблема становится все более острой в контексте развития Общей политики безопасности и обороны ЕС и планов создания в том или ином виде «европейской армии». В какой степени Федеративная Республика может брать на себя союзнические обязательства, если в каждом конкретном случае их выполнение может быть блокировано парламентом? — вопрос, который играет в данном контексте ключевую роль[1].

В связи с вышеизложенным Христианско-Демократический Союз с 2008 г. выступал за дальнейшее развитие законодательной базы, касающейся участия парламента в принятии решений по «зарубежным миссиям». Однако только в конце 2013 г., после формирования «большой коалиции», христианским демократам и социал-демократам удалось договориться о конкретных шагах в этом направлении. В 2014 г. в бундестаге была создана «Комиссия по анализу и обеспечению прав парламента при выдаче мандатов на зарубежные миссии бундесвера» (сокращенно «Комиссия по зарубежным миссиям»). Свой заключительный отчет комиссия представила в июне 2015 г. В соответствии с ним было рекомендовано внести в текст «Закона об участии парламента» целый ряд поправок. Их общая суть сводилась к тому, чтобы отменить необходимость парламентского одобрения для всех миссий, которые не подразумевают активных боевых действий, а также для работы германских представителей в многосторонних штабах и главных квартирах. Федеральное правительство, в свою очередь, обязывалось регулярно информировать бундестаг о существующих международных обязательствах страны в сфере безопасности и обороны и их возможных последствиях. Правительство также должно информировать руководителей профильных комитетов и парламентских фракций о действиях спецподразделений[2].

В начале 2016 г. социал-демократы и христианские демократы совместно внесли в бундестаг законопроект, предусматривавший рекомендованные комиссией изменения[3]. Законопроект прошел первое чте-

[1] *Krause U.* v. Das Parlament und die Bundeswehr. S. 11.

[2] Unterrichtung durch die Kommission zur Überprüfung und Sicherung der Parlamentsrechte bei der Mandatierung von Auslandseinsätzen der Bundeswehr. Abschlussbericht der Kommission // Deutscher Bundestag [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.bundestag.de/blob/379046/ec2f468a9323c99f9bff783edb611c9b/bericht-data.pdf

[3] Entwurf eines Gesetzes zur Fortentwicklung der parlamentarischen Beteiligung bei der Entscheidung über den Einsatz bewaffneter Streitkräfte im Ausland im Zuge fortschreitender Bündnisintegration // Deutscher Bundestag. Drucksache 18/7360 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/073/1807360.pdf

ние, однако затем процесс застопорился. Проблема заключалась в том, что предложенный вариант вызвал споры среди самих христианских демократов. Некоторые представители ХДС полагали, что он не решает существующие проблемы, и необходимо предоставить правительству еще большую свободу действий. В частности, предлагалось оставить процедуру предварительного одобрения мандата парламентом только для миссий, подразумевающих активные боевые действия, а также ввести практику менее конкретных «заблаговременных мандатов» («Vorratsbeschlüsse»), в рамках которых правительство в зависимости от развития ситуации могло бы принимать самостоятельные решения. Без этого, по мнению многих христианских демократов, новый законопроект скорее ограничивает, чем расширяет возможности бундесвера. В феврале 2017 г. председатель фракции ХДС в бундестаге Фолькер Каудер сообщил своему социал-демократическому коллеге Томасу Опперману о том, что христианские демократы больше не поддерживают законопроект[1]. «Закон об участии парламента» остался в своей изначальной редакции.

Подводя итог, необходимо отметить, что, несмотря на риторику о «парламентской армии», возможность бундестага влиять на зарубежные миссии бундесвера остается достаточно ограниченной. Фактически законодательная власть может лишь реагировать на действия исполнительной, не обладая в данном вопросе значимой инициативой. В то же время нужно учитывать, что глава правительства избирается бундестагом и должен опираться на парламентское большинство. Это создает в отношениях между исполнительной и законодательной властью ситуацию взаимной зависимости, которая несколько уравновешивает их возможности в рассматриваемой сфере. У депутатов, в том числе у парламентской оппозиции, имеются рычаги, позволяющие им оказывать воздействие на процессы, связанные с деятельностью германских вооруженных сил за рубежом.

Дальнейшее развитие механизмов влияния парламента на зарубежные миссии бундесвера во многом зависит от процесса европейской интеграции, в первую очередь, в сфере безопасности и обороны. Любые дальнейшие шаги в указанном направлении потребуют ограничения суверенных прав отдельных государств, а, следовательно, и прямого влияния парламента на принимаемые решения. В то же время ни одна из политических сил современной ФРГ не выступает за радикальное ограничение полномочий бундестага в сфере политики безопасности, поддерживая, по крайней мере, на словах, концепцию «парламентской армии».

[1] Neuregelung für Auslandseinsätze gescheitert // Zeit Online. 15.02.2017 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-02/bundeswehr-auslandseinsaetze-union-spd-gesetz

АНГЕЛА МЕРКЕЛЬ: ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

ПЕТЕЛИН БОРИС ВАЛЕНТИНОВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и философии
Череповецкого государственного университета,
Череповец, Россия;
e-mail: pbwtscherepowez@mail.ru

СТЕПАНОВ ГРИГОРИЙ ВИКТОРОВИЧ,
независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: g-stepanov.84@mail.ru

Аннотация: Почему Ангела Меркель, выросшая в ГДР, спустя пятнадцать лет после объединения Германии становится Федеральным канцлером, оставляя за собой это место на политическом Олимпе до настоящего времени? Какие факторы помогают ей сохранить политическое долголетие? Авторы статьи, анализируя различные источники, убедительно доказывают, что в политической карьере Меркель мало случайного. Трезвый расчет и политическое чутье, осторожность, гибкость, прагматизм и незаурядный интеллект — вот составляющие ее успеха. Рядовым немцам импонируют ее скромность, педантичность, предсказуемость и трудолюбие. Кризис с беженцами в 2015 г. негативно отразился на рейтинге Ангелы Меркель, но это, скорее всего, издержки общей ситуации в ЕС. Тем не менее, политик должен знать время своего ухода.

Ключевые слова: ФРГ, германская политика, ХДС, Федеральный канцлер, политическая борьба, миграционный кризис.

В истории Германии Ангела Доротея Меркель (Angela Dorothea Merkel) — первая женщина-канцлер, что само по себе должно говорить о ее сильном характере, политических амбициях и способностях. Придя в большую политику, на волне демократических преобразований в ГДР в конце 1989 г., Ангела Меркель — дипломированный физик по образованию и член Академии наук ГДР — сделала головокружительную карьеру, превратившись из просто «девочки Коля» в «последнего защитника либерального Запада»[1]. Вот уже семь лет подряд по версии журнала Forbes она возглавляет рейтинг самых влиятельных женщин года. Ее политическое долголетие не может быть объяснено только везением, хотя оно и способствовало карьере. У этого феномена есть более основательные причины[2].

[1] Smale A., Erlanger S. As Obama Exits World Stage, Angela Merkel May Be the Liberal West's Last Defender // The New York Times [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2016/11/13/world/europe/germany-merkel-trump-election.html

[2] Деревянченко А.А. Три жизни Ангелы Меркель: обычная, пропедевтическая, триумфальная: Политическая и личная биография первой женщины — федерального канцлера. М., 2017.

Ангела Меркель (урожденная Каснер) родилась 17 мая 1954 г. в Гамбурге. Ее отец Хорст Каснер был евангелическим священником, и, получив в том же году церковный приход на востоке, семья переехала в ГДР. Хорст Каснер политикой не интересовался, критиком социализма не был, а следовал церковной установке, сформулированной Союзом евангелических церквей ГДР: «Мы хотим быть церковью в социализме, а не рядом с ним и не против него»[1]. Детство Ангелы прошло в небольшом городке Темплин. В школе была отличницей, тихой и спокойной ученицей. Несмотря на то, что Ангела была дочерью священника, она вместе со всеми вступала в пионеры, была членом Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ). Ангела охотно участвовала в школьных мероприятиях, изучала, и не без успеха, русский язык, за что получила возможность съездить в Москву. Советская столица ей понравилась, о чем позже она не раз говорила. После школы Ангела изучала физику в Лейпцигском университете, что стало основой в ее профессиональной деятельности. С 1978 г. она работает научным сотрудником в академическим институте. В 23 года вышла замуж, но брак распался, хотя фамилию мужа Ангела сохранила. Второй брак с Йохимом Зауэром был официально оформлен в 1998 г. Супруги до этого жили вместе без официальной регистрации. Детей у Ангелы Меркель нет.

Исследователи ее биографии пишут, что Меркель принадлежала ко «второму поколению» ГДР. То есть, как личность она сформировалась в гэдээровской реальности, не проявляя заметного интереса к западному обществу. Так оно и было в действительности. Но как только в ГДР началось брожение в преддверии «мирной революции», как Ангела Меркель оказалась втянутой в политическую жизнь. Она не сразу пришла в ХДС. Вначале Меркель «приглянулось» новое партийное образование «Демократический прорыв», где она почти год выполняла секретарскую работу. Кстати, 9 ноября 1989 г. — падение Берлинской стены, Ангела с подругой не были у Бранденбургских ворот: они предпочли сходить в сауну. Как видим, Ангелу Меркель вряд ли можно назвать «активисткой первого часа». Но все изменилось в 1990 г.

Запущенный процесс объединения ФРГ и ГДР развивался стремительно. Немало из тех новоиспеченных восточногерманских политиков остались ни с чем. Но не Меркель. В марте 1990 г. после выборов в Народную палату ГДР Ангела Меркель оказалась заместителем спикера в правительстве христианского демократа из Ост-ХДС Лотара де Мезьера. После слияния восточногерманской ХДС с ХДС ФРГ Меркель автоматически стала членом единой христианско-демократической партии — ХДС. На первых общегерманских выборах Меркель прошла в бундестаг. А в январе 1991 года она уже министр по делам женщин и молодежи в общегерманском правительстве канцлера Гель-

[1] *Погорельская С.В.* Ангела Меркель: Политический портрет: Аналитический обзор. М., 2008. С. 10.

мута Коля. Да, повезло. Но разве она сама этого не хотела? В ушедшей в историю ГДР Меркель достигла потолка. Но как оказалось, в ней, кроме тяги к науке, была заложена незаурядная политическая страсть. Именно в политике раскрылся ее потенциал. 1990-е гг. она прошла рядом с Гельмутом Колем, набираясь опыта, усваивая тактику закулисной борьбы. Когда после поражения на выборах в бундестаг 1998 г. на Коля обрушились, как «торнадо»[1], обвинения в незаконном финансировании ХДС, Меркель, став незадолго до этого генеральным секретарем партии, призвала однопартийцев отмежеваться от бывшего канцлера. Ее статья во влиятельной газете «Франкфуртер Альгемайне», не согласованная с председателем ХДС Вольфгангом Шойбле, произвела эффект разорвавшейся мины[2]. Не устоял и Шойбле. Ему пришлось освободить место председателя ХДС и навсегда расстаться с надеждой стать федеральным канцлером. Отныне лидер в партии был один — Ангела Меркель.

Избирательная кампания по выборам в бундестаг 2005 г. стала первой для председателя ХДС Ангелы Меркель. Было бы преувеличением считать ее ярким харизматичным политиком и выдающимся оратором, но по своему характеру Меркель была близка национальному типу и обладала теми качествами, которые традиционно высоко ценятся в Германи. Это импонировало простым немцам. Свою роль сыграла новизна избирательной кампании 2005 г. Символом предвыборной борьбы Меркель стал оранжевый цвет (не «черный», что является цветом ХДС). Броское шоу, устраиваемое организаторами в немецких городах, возымело действие. Общему настрою соответствовало и данное Меркель прозвище — «Энджи» (так называлась популярная песня английской группы «Роллинг Стоунс»). Правда, на этих выборах ХДС/ХСС получили низкий результат, но и социал-демократы выступили не лучше. Но Меркель могла считать себя победителем. После закулисных переговоров удалось возродить вновь «большую коалицию» ХДС/ХСС-СДПГ, а Ангела Меркель возглавила правительство, став самым молодым по возрасту канцлером в истории Германии.

Правительство «большой коалиции» оказалось вполне работоспособным. Канцлерин, как иногда именуют Меркель, предстала не «железной леди», как в свое время Маргарет Тэтчер. Меркель была достаточно гибкой, терпеливой, предпочитала оставаться в тени, пока расстановка сил не становилась ясной и очевидной. С немецким обществом у нее сложилось взаимопонимание[3]. Социальное государство никуда не исчезло. При этом Меркель не переходила на позиции социал-демократов. Собственная партия для нее на тот момент была выше, чем обязанности канцлера. Поэтому Меркель не скрывала радости, когда после выборов

[1] *Schwarz H.-P.* Helmut Kohl. Eine politische Biographie. München, 2012. S. 876.

[2] Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1999. 22. Dezember. S. 2.

[3] См.: *Bollmann R.* Die Deutsche: Angela Merkel und Wir. Stuttgart, 2013.

в бундестаг 27 сентябрь 2009 г. можно было сформировать «традиционное буржуазное правительство»[1].

В своей партии Ангела Меркель не стала «революционеркой»[2]. Да, бывшему председателю ХДС и канцлеру Колю пришлось уйти с обидой на Меркель, о чем он рассказал в своих «протоколах»[3]. Но она не отказалась от Вольфганга Шойбле, пригласив его в 2005 г. в правительство на должность министра внутренних дел. В следующем кабинете Шойбле занял ключевое место министра финансов. К тому времени в Европе и мире разразился тяжелый финансовый кризис, так что Шойбле пришлось нелегко. По его настоянию была введена жесткая финансовая политика, сокращены социальные расходы, возросли требования к остальным членам еврозоны. Тяжелая финансовая ситуация сложилась в Греции, Португалии, Ирландии. Единая валюта ЕС — евро — оказалась под угрозой.

«Кризисный менеджер Европы», как стали называть Шойбле, понимал, что стоит выйти из еврозоны одной стране, как за ней могут потянуться и другие. Положение стабилизировалось. Германия при этом не проиграла, наоборот, она основательно закрепилась в экономике кризисных стран. Меркель была довольна действиями своего министра, которого за глаза называли «запасным канцлером». Шойбле сохранил за собой министерство финансов и в третьем правительстве Меркель. Разумеется, Шойбле не стремился подменять Меркель в ее партийных делах. Но в европейской политике канцлер и министр финансов занимали сходные позиции, являясь твердыми приверженцами единой Европы[4].

Долгое время казалось, что ничто не может пошатнуть позиции Меркель. На протяжении несколько лет она оставалась самым популярным политиком Германии, а ее партия добивалась блестящих результатов как на федеральном, там и региональном уровне. Тогда успех христианских демократов объясняли именно популярностью их лидера. Не случайно в 2013 г., выступая на предвыборных теледебатах, Меркель обратилась к зрителям со словами: «Вы же знаете меня». Именно доверие немцев своему трудолюбивому и скромному канцлеру стало залогом уверенной победы консерваторов. Сказав эту фразу, Меркель подчеркнула свою предсказуемость. И это отвечало представлениям немцев о «правильном» канцлере — последовательном и прогнозируемом. Под руководством Меркель Германия с успехом выбралась из финансово-экономического кризиса, избавилась от бюджетного дефицита, в стране установился рекордно низкий с момента объединения уровень безработицы, последние годы наблюдается стабильный рост ВВП и оплаты труда, более доступной для граждан стала ипотека.

---

[1] *Resing V.* Die Kanzler-Maschine. Wie die CDU funktioniert. Freiburg, 2013. S. 9.
[2] Ангела Меркель //STORY. 2018. № 10. С. 51.
[3] *Schwan H., Jens T.* Vermächtnis. Die Kohl Protokolle. München, 2014. S. 22.
[4] *Blome N.* Angela Merkel — die Zauderkünstlerin. München, 2013. S. 149.

Однако все изменил разразившийся в 2015 г. кризис с беженцами. Именно он стал началом заката политической карьеры Меркель. Произнеся свою знаменитую фразу «мы справимся» и, по сути, единолично, пусть даже из гуманистических соображений, решив открыть границы для беженцев, до этого прагматичная и осторожная Меркель спровоцировала раскол как внутри своей партии, так и в самом немецком обществе. Напоминаний о низком уровне безработицы в ФРГ, экономическом росте и устойчивом финансовом положении было недостаточно, чтобы успокоить наиболее консервативную часть немецкой общественности. С тех пор рейтинг Меркель, самой ХДС и ее партнеров начал неуклонно снижаться.

Миграционная волна в Европу не была следствием политики канцлера ФРГ. Истоки и причины следует искать в мультикультурной политике, что стала активно проводиться с 90-х гг. прошлого века[1]. Предоставление широких возможностей этническим и культурным общинам в сочетании с социальными мерами поддержки привело к тому, что даже канцлеру Ангеле Меркель пришлось признать провал попыток построить мультикультурное общество в Германии[2]. Однако отказа от «мульти-культи» не последовало. В ХДС решили снять напряженность в отношениях с мусульманами избранием в руководящие органы партии представителей от исламских кругов. Расширение политических возможностей для мусульман (а среди них есть и депутаты бундестага) — явление в целом положительное. Но, например, в партийных организациях большинство членов выступили против того, чтобы из названия ХДС убрать «христианскую идентификацию». Дискуссия была инициирована председателем союза Ангелой Меркель, полагая, что название партии «устарело», так как оно отталкивает на выборах избирателей[3]. Крайне негативно отозвалась Меркель о книге немецкого автора Тило Сарацина «Германия: самоликвидация», в которой, быть может, достаточно резко, но убедительно было показано ущемление прав немцев перед прибывающими в ФРГ мигрантами[4]. Канцлер сказала, что эта книга никому и ничем не поможет, но «ранит очень многих людей в этой стране, которых она оклеветала»[5].

Демонстрируемый Меркель «либерализм» далеко не всеми поддерживался в партии. В вопросах отказа от атомной энергетики, отмены призыва в армию, законодательном закреплении МРОТ, легализации однополых браков Меркель легко отказывалась от консервативных ценностей партии в пользу реформ, пользовавшихся поддержкой населения. С годами она все больше отдалялась от рядовых членов ХДС,

[1] *Петелин Б.В., Кожевников В.В.* Особенности миграционной политики ФРГ // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4. С. 74.

[2] Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / Под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. М., 2003. С. 13.

[3] *Resing, V.* Die Kanzler-Maschine. Wie die CDU funktioniert. Freiburg, 2013. S. 173.

[4] См.: *Саррацин Т.* Германия: самоликвидация. М., 2013.

[5] *Blome, N.* Angela Merkel die Zauder-Künstlerin. München, 2013. S. 36.

большинство из которых не желали отказываться от традиционных ценностей. Именно это со всей очевидностью проявилось в избирательной кампании 2017 г.

Состоявшиеся 24 сентября 2017 г. выборы в бундестаг не принесли главной сенсации: Ангела Меркель осталась Федеральным канцлером. В четвертый раз подряд. До нее подобное удавалось только Конраду Аденауэру и Гельмуту Колю. Однако победа была «пирровой»: ХДС и ХСС показали худшие результаты в своей истории. Впрочем, у социал-демократов результат был еще хуже: всего лишь 20,5 % голосов избирателей. Формирование нового правительства во главе с Меркель длилось рекордные 172 дня! После всех вариантов вновь остановились на «большой коалиции». Во время переговоров с социал-демократами, которые после исторического поражения на выборах грозились уйти в оппозицию, Меркель проявила незаурядную политическую гибкость и вопреки внутренним разногласиям с однопартийцами сумела сформировать правительство, став одним из главных политических долгожителей в новейшей истории Европы.

Тем не менее, после выборов Меркель сразу же пришлось решать весьма нетривиальные проблемы и реагировать на постоянные нападки как из стана оппозиции, так и своей партии. Осень 2018 г. добавила канцлеру сразу несколько неприятных сюрпризов. Сначала разразился скандал с главой Федеральной службы защиты конституции ФРГ, затем последовало поражение ее ближайшего соратника Фолькера Каудера на выборах председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге; ультраправая «Альтернатива для Германии» превратилась в серьезного конкурента для демохристиан[1]. На земельных выборах в Баварии и Гессене консерваторы понесли существенные потери. В конце октября 2018 г. рейтинг ХДС/ХСС упал до исторического минимума — 24 %[2].

Еще никогда, согласно социологическим опросам, рейтинги Ангелы Меркель не были такими низкими. Отчасти это было связано с усталостью избирателей от старых политиков, но главными причинами столь внушительного падения популярности канцлера были миграционная политика и непрекращающиеся разногласия внутри коалиционного правительства. По всем признакам время Меркель заканчивалось.

Коалиция ХДС/ХСС и СДПГ изначально была вынужденным союзом, который больше был нужен самим лидерам партий, чем рядовым партийцам и тем более избирателям. Последних очень раздражала борьба за власть, которая велась беспринципно. Особенно показательна в связи

[1] Umfrage: AfD erstmals zweitstärkste Partei nach der Union // ZEIT ONLINE [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2018-09/deutschlandtrend-wahl-afd-spd-union-grosse-koalition-umfrage-horst-seehofer

[2] Sonntagstrend: Union mit 24 Prozent nur noch vier Punkte vor den Grünen // WELT [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.welt.de/politik/deutschland/article182856674/Sonntagstrend-Union-mit-24-Prozent-nur-noch-vier-Punkte-vor-den-Gruenen.html

с этим история противоборства Мартина Шульца и Зигмара Габриэля, которые во время коалиционных переговоров кулуарно выторговывали себе посты после наихудшего в послевоенной истории Германии результата СДПГ на выборах в парламент.

В сложившей ситуации Меркель решилась на смелый шаг. 29 октября 2018 г., на следующий день после выборов в Гессене, Меркель созвала пресс-конференцию, на которой заявила, что на ближайшем общегерманском съезде ХДС она не будет выдвигать свою кандидатуру на пост председателя ХДС, а после окончания текущего избирательного срока вообще уйдет из большой политики.

Меркель понимала, что утрачивает поддержку даже в рядах собственной партии, но на закате политической карьеры она не теряла своего инстинкта выживания. Она сама отказалась выдвигать свою кандидатуру на пост председателя ХДС, понимая, что ей не гарантирован успех на выборах во время партийного съезда в Гамбурге 7–8 декабря. В тот непростой момент она снова действовала как прагматичный игрок и при этом сумела показать себя в лучшем свете. При этом Меркель не стала перекладывать вину на других и упрекать своих соратников или оппонентов: «Я обо всем подумала и сделала выводы. Я несу ответственность за все: за все, что получилось и что не получилось»[1].

В какой-то степени Меркель можно считать заложником ситуации. В последние годы в самой ХДС не появилось сильных политиков, способных достойно конкурировать с Меркель, а те немногие, которые могли, по различным причинам теряли политический вес и популярность. Отчасти в этом виноваты и сами христианские демократы, сделавшие своего лидера главным «брендом» партии. С другой стороны, сама Меркель затянула с поиском достойного преемника. Но Меркель вряд ли удостоилась того, чтобы писать о ней как о некой «крестной матери», которая якобы удерживается у власти «мафиозными способами»[2].

Тем более интересно будет наблюдать за трансформацией ХДС после перемен в руководстве, сделанных на 31 федеральном съезде партии 7-8 декабря 2018 г. в Гамбурге. Меркель предложила избрать председателем ХДС Аннегрет Крамп-Карренбауэр, которая с весны этого года являлась генеральным секретарем союза. Соперником ее стал известный политик и бизнесмен Фридрих Мерц, критиковавший Меркель за ее партийную политику. Однако его кандидатура не прошла. Новым генеральным секретарем был избран Пауль Цимяк, возглавлявший до этого

[1] Angela Merkel: «Dieses Vorgehen ist in der Geschichte der Bundesrepublik ohne Beispiel» // WELT [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: view-source:https://www.welt.de/politik/deutschland/article182916824/Angela-Merkel-Dieses-Vorgehen-ist-in-der-Geschichte-der-Bundesrepublik-ohne-Beispiel.html

[2] Еще в августе 2012 г. в Германии вышла книга Гертруды Хелер «Крестная мать», которая обвиняет Меркель в «свертывании демократии». См.: [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2012/08/24/V_Germanii_vishla_kniga_o

«Молодежный союз» ХДС. В своем выступлении на съезде Меркель несколько раз заявляла, что намерена оставаться канцлером до конца нынешнего созыва бундестага, то есть до осени 2021 года. Однако многое будет зависеть уже не от самой Ангелы Меркель.

Как видим, в современной политике долговременных факторов не бывает. Меркель в одном из интервью как-то сказала, что надеется почувствовать тот момент, когда надо уходить из политики, и что ей не хотелось завершить свою карьеру в статусе политического банкрота[1]. Ее предшественник Гельмут Коль вспоминал, что он долго думал над тем, чтобы сдать дела в 1996 г., то есть до поражения ХДС на выборах в 1998 г. и скандала с незаконным финансированием, что обрушило авторитет «канцлера германского единства». Однако тогда ему показалось, что в рядах партии ему просто нет достойной замены. Мол, без него Вольфганг Шойбле не удержит коалицию с либералами, а в Европе будут сорваны сроки введения единой валюты евро[2]. Возможно, и Ангеле Меркель, оказавшись в статусе политического долгожителя, в какой то момент показалось, что никто кроме нее не сможет решать лучше вопросы внутренней и внешней политики и удерживать лидирующие позиции ХДС. Теперь это уже не так. Но ситуация в Германии вовсе не кризисная, как представляется отдельным комментаторам. К тому же у Меркель есть еще время, чтобы достойно завершить свою политическую карьеру.

[1] Herbst der Macht // Der Spiegel. 2016. Nr. 37. S. 15.

[2] *Петелин Б.В.* Гельмут Коль: канцлер германского единства // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 158.

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ПАРЛАМЕНТСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

КАТКОВА ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА,
ассистент Гуманитарного факультета
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова-Ленина,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: ekaterinak.17@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблеме современной парламентской системы Боснии и Герцеговины (БиГ). Тема государственного устройства БиГ достаточно слабо разработана в отечественной науке, несмотря на то, что в 1990-е гг. российская дипломатия принимала деятельное участие в послевоенном политическом регулировании в этой стране; в отечественных СМИ и научном сообществе широко обсуждались ход встречи в Дейтоне и условия Дейтонских соглашений, а сегодня Республика Сербская в составе БиГ считается одним из главных партнеров и союзников России на Балканах. Между тем, если предположить, что события в Украине разворачиваются по югославскому сценарию, а ДНР и ЛНР в будущем ждет судьба Республики Сербской, изучение боснийского опыта может иметь особую актуальность и ценность для нашей страны. Вместе с тем, от благополучия БиГ зависят мир и стабильность в Европе в целом.

Ключевые слова: парламентаризм, Федерация Боснии и Герцеговины, Республика Сербская, Дейтонские соглашения, Боснийская война, Парламентская ассамблея Боснии и Герцеговины.

Система органов власти в Боснии и Герцеговине, сформированная по итогам Дейтонских соглашений, имеет уникальный характер. Помимо беспрецедентных в Европе институтов Верховного представителя и коллегиального Президентства, довольно примечательной является и парламентская система этой страны. После окончания Боснийской войны страна была официально трансформирована в федерацию, состоящую из трех полусамостоятельных компонентов — двух так называемых энтитетов: Федерации БиГ (ФБиГ) и Республики Сербской и небольшого отдельного района Брчко, выведенного из-под управления местных властей. ФБиГ, со своей стороны, разделена на 10 кантонов, которые имеют собственные парламенты, организованные по территориальному принципу. Таким образом, перед нами непростая асимметричная составная структура, включающая в себя 3 или 4 уровня управления, 13 парламентов, 13 правительств и более 150 министерств и министров.

Наравне с внешней непохожестью боснийских органов государственной власти на институты власти других европейских стран большое внимание современных политологов привлекают их малая эффективность и несоответствие задачам мирного времени. Сегодня перед БиГ откры-

ется перспектива интеграции в европейское пространство, в которое она мало вписывается не столько по причине экономической несостоятельности, сколько по причине сложной, громоздкой и несамостоятельной системы правления.

Наглядно в этой сложности, рассредоточенности и многоступенчатости можно убедиться на примере парламентской системы. Согласно Конституции 1995 г. Боснии и Герцеговины, принятой в качестве приложения к Дейтонским мирным соглашениям, ее высшим законодательным органом является Парламентская ассамблея (*серб.* Парламентарна Скупштина Босне и Херцеговине), состоящая из двух палат — верхней Палаты народов (*серб.* Дом народа) и нижней Палаты представителей (*серб.* Представнички дом)[1].

В состав Палаты народов входят 15 депутатов. Одну третью часть от их числа составляют представители Республики Сербской, как правило, этнические сербы; две трети представлены депутатами от Мусульмано-Хорватской Федерации, т.е. этническими хорватами и этническими босняками.

Верхняя палата формируется путем косвенных выборов: хорватские и босняцкие депутаты избираются соответственно хорватскими и босняцкими депутатами Палаты народов парламента Федерации Боснии и Герцеговины, а депутаты от Республики Сербской — Национальной скупщиной Республики Сербской.

Нижняя Палата представителей, в свою очередь, состоит из 42 депутатов. Из них 28 избираются жителями Федерации БиГ, 14 — избирателями Республики Сербской. Срок полномочий избранных депутатов составляет четыре года[2].

Каждая палата большинством голосов принимает свой внутренний распорядок, а также из числа своих членов избирает одного серба, одного босняка и одного хорвата для исполнения полномочий ее председателя и заместителя председателя. При этом каждое из избранных лиц, представляющих основные этносы страны, занимает должность председателя на ротационной основе, поочередно.

Принцип пропорциональности означает, что Парламент должен отражать национальный состав населения исходя из сведений последней переписи.

Выборы всегда проводятся в первое воскресенье октября при условии, что эта дата не совпадает с проведением религиозного праздника одного из народов Боснии и Герцеговины (в этом случае они проводятся в следующее воскресенье). Последние выборы в Парламент состоялись 7 октября 2018 г.

---

[1] См.: Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Боснии и Герцеговины [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.parlament.ba/

[2] *Gavrić Saša, Banović Damir.* Parlamentarizam u Bosni I Hercegovini. Sarajevo, 2012. S. 55.

Право избирать или быть избранным имеют все граждане страны, достигшие совершеннолетия и идентифицирующие себя исключительно как босняки, хорваты или сербы. Граждане, осужденные Международным трибуналом по бывшей Югославии, отбывающие наказание за военные преступления или сбежавшие от исполнения в их отношении подобного судебного приговора, лишены избирательных прав. Для регистрации участия в выборах политические партии или независимые кандидаты обязаны представить в ЦИК Боснии и Герцеговины заявление об участии в выборах, содержащее не менее пяти тысячи подписей избирателей. Списки кандидатов в обязательном порядке содержат сведения о заявленной принадлежности к одному из трех «государствообразующих» народов. Кандидат имеет гипотетическое право не заявлять о своей принадлежности к «государствообразующему» народу, однако это расценивается как отказ от права занимать должность, для которой эти сведения являются обязательным условием.

К распределению мандатов допускаются партии и коалиции, которым удалось преодолеть 3%-й барьер в избирательной гонке. Сегодня в парламент БиГ входят представители от следующих политических партий и движений: от Партии демократического действия, Союза независимых социал-демократов, Сербской демократической партии, Демократического фронта, Хорватского демократического содружества и пр.

В компетенцию Парламентской ассамблеи входят «принятие законов, утверждение годового бюджета, источников и размера доходов для финансирования государственных учреждений страны, ее международных обязательствах; подтверждение назначения Председателя и членов Совета министров; ратификация международных договоров и принятие решений по любым другим вопросам, имеющим государственную важность и значение»[1].

Помимо общего парламента БиГ одновременно функционирует Национальный парламент Мусульманско-Хорватской Федерации Боснии и Герцеговины — двухпалатная парламентская ассамблея ФБиГ. Верхняя палата представлена Палатой народов из 60 депутатов. 30 депутатов выдвигаются босняками и 30 — хорватами, соответственно. Нижней палатой парламента ФБиГ является Палата представителей, имеющая 98 депутатских кресел. Национальный парламент Республики Сербской, в отличие от парламента ФБиГ, представляет из себя однопалатное национальное собрание, состоящие из 83 депутатов. В его рамках также действует Вече народа, которое созывается только в исключительных и экстренных случаях[2].

В парламенты «национальных» энтитетов должны входить не менее 4 представителей от каждого из «конституционных народов» (сербов,

[1] См.: Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Боснии и Герцеговины [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.parlament.ba/

[2] *Gavrić Saša, Banović Damir.* Uvod u politički sistem Bosne i Hercegovine — izabrani aspekti. Sarajevo, 2009. S. 393.

босняков и хорватов). Срок полномочий депутатов национальных парламентов — 4 года. В каждом из 10 кантонов Федерации, а также в округе Брчко действуют свои местные парламенты — скупщины.

Таким образом, законодательные компетенции в стране поделены между федеральным уровнем, энтитетами и кантонами. Сами власти БиГ такой государственный режим называют «консоциональной» демократией (по аналогии с Австрией, Бельгией, Швейцарией, Нидерландами). Хотя БиГ как в политическом, так и во всех прочих отношениях очень далека от этих стран. Ее пример, видимо, напоминает случай Ливана.

Подобная парламентская система выявляет немалое число явных недостатков, которые мешают развитию Боснии, препятствуют вхождению страны в европейское сообщество и международные организации на равноправной основе. Во-первых, современная парламентская система наравне с институтом коллегиального Президентства закрепляет политическую фрагментацию и раздел Боснии на Федерацию Боснии и Герцеговины и Республику Сербскую. Все это способствует дальнейшему разобщению страны. Российские опасения относительно реализации унитарного проекта в БиГ, в целом, безосновательны. В результате, формирование федеративной государственности при наличии этноконфессиональных расколов может привести к созданию новых государств, а не к сохранению общего.

Во-вторых, она закрепляет ставшие естественными последствиями гражданской войны этнический и религиозные расколы, национализм. Дейтонское соглашение и приложения к нему рассматривают граждан как представителей одного из трех формирующих государство народов, оставляя без внимания, например, цыганское и еврейское меньшинства. Поэтому большинство партий апеллируют к конкретной национальной и этнической группе, играя на былых обидах, нетерпимости, недоверии простых граждан по отношению друг к другу, что приносит им ощутимые дивиденды на выборах. Кандидаты от националистических партий также обладают «этническим правом вето», на помощь им приходят закрепленные в Конституции требование консенсуса в принятии решений и правило параллельного большинства, требующее одобрения закона представителями всех трех этнических общин. Все вышеуказанное позволяет депутатам периодически парализовывать работу федерального правительства и других органов власти, объявляя рассматриваемые и принимаемые в парламенте решения неприемлемыми для своей этнической группы. Сербские и хорватские депутаты часто злоупотребляют этими правами и блокируют решения боснийской Скупщины. Вследствие этого механизм принятия решений замедляется настолько, что международные наблюдатели говорят об абсолютной неспособности национальных органов власти взять на себя самостоятельное управление страной. В октябре 2007 года международное сообщество в лице своего Высокого представителя предприняло неудачную попытку отменить принцип консенсуса и правило параллельного большинства для уско-

рения работы органов власти, но это вызвало острое недовольство национальных групп и массовые протестные акции.

Сепаратистские, ксенофобские и националистические лозунги и политические программы в условиях продолжающего нарастать этноконфессионального противостояния продолжают приносить выгоды партиям и лидерам, что обостряет течение каждой избирательной кампании, наносит удар по авторитету государственной власти в БиГ, бросает вызов единству страны.

По мнению ряда сербских аналитиков, «ЕС и НАТО абсолютно не заботят внутренние раздоры в этой стране»[1]. Наоборот, конфликты партий, народов и энтитетов приносят выгоду Западному миру, создавая повод для присутствия НАТО на этой территории.

В-третьих, описываемая парламентская система узаконивает неравноправие граждан по национальному и этническому принципу на общегосударственном уровне, поскольку избираться и быть избранными в федеральный парламент могут только представители «титульных» наций. Фактор достаточно многочисленных еврейской и цыганской общин на данный этап остается не замеченным властями страны. Однако в парламенты энтитетов и кантонов представители национальных меньшинств все-таки могут избираться.

Ставшая привычной для политической системы БиГ несменяемость политических лидеров и политической повестки приводит к неприкрытому популизму, отсутствию транспарентности механизма принятия властных решений, злоупотреблению властью, манипуляции общественным мнением и чиновниками на местах при бездействии и равнодушии самоустранившегося в последние годы Верховного Представителя.

Закрепленное международными договорами право Верховного Представителя единолично и беспрепятственно принимать законы Боснии и Герцеговины, не консультируясь с местными органами власти и не дожидаясь решения парламента, делает страну международным протекторатом. Отсутствие самостоятельности у национальных властей, постоянная угроза потери чиновничьего поста создают благотворные условия для коррупции, управленческой чехарды и безответственности. Отсутствие законодательного контроля над всей территорией порождает развитие теневой экономики, контрабанду, торговлю наркотиками и другие криминальные явления. Сегодня именно в Боснии концентрируются в большом количестве базы по подготовке террористов, страна становится европейским пристанищем джихадистов со всего мира.

Распространенным явлением становится фальсификации результатов парламентских выборов. Так, только к 11 октября 2018 г. (спустя 4 дня после единого голосования) ЦИК Боснии уже аннулировала свыше 452000 бюллетеней на всех уровнях (государственном и местных). Это

[1] *Соколова Е.* Босния и Герцеговина: опыт несуверенной демократии // Неприкосновенный запас. 2007. № 6 (56).

примерно 6-8 % голосов на каждом голосовании[1] (на уровне федерации, энтитетов, кантонов и Брчко).

Большая проблема заключается и в том, что некоторые механизмы парламентаризма несостоятельны в принципе, поэтому на практике преобладает исполнительная власть, а инструменты контроля над ней не применяются. В этой непростой ситуации правительство бездействуют, ожидая того, что мировая общественность когда-нибудь предложит что-то более рациональное.

Тем не менее, благодаря, в том числе, подобной парламентской системе Босния удерживается от раскола. Страна все еще остается крайне разобщенной и последовательно отвергает попытки США и Евросоюза инициировать прозападные реформы. Американцы, например, недовольны тем, что боснийские сербы (по их мнению, разжегшие гражданский конфликт в Боснии) имеют свой голос, который должен быть учтен при принятии важных решений, в том числе касающихся вступления в международные организации и наднациональные структуры. Пересмотр этой системы грозит тем, что у боснийских мусульман возникнет стремление ликвидировать Республику Сербскую и превратить БиГ в унитарное государство, что с большой долей вероятности приведет к очередному военному конфликту в регионе.

Несправедливость системы приводит к борьбе народа за честную и достойную власть, о чем говорят регулярные противоправительственные митинги в Баня-Луке, Тузле, Сараево и других городах. Развитие гражданского самосознания позволяет не только сместить акцент в политике с националистических установок к общим социальным ценностям, но и повысить доверие наций по отношению друг к другу, что приводит к формированию более умеренного политического класса, появлению молодых лидеров, не помнящих ужасов гражданской войны и ориентированных на диалог и компромиссное решение противоречий.

[1] Выборы в Боснии: все то же самое, но есть один нюанс [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://ru.tsn.ua/blogi/themes/world/vybory-v-bosnii-vse-to-zhe-samoe-no-est-odin-nyuans-1231698.html

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акульшин Петр Владимирович — доктор исторических наук, профессор Института истории Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, Рязань, Россия;

Аронов Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории правовых учений Юридического института Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, Орел, Россия;

Афанасьев Григорий Юрьевич — кандидат исторических наук, ведущий специалист РГИА, Санкт-Петербург, Россия;

Бахтурина Александра Юрьевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия;

Беседина Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Бокарева Людмила Сергеевна — кандидат исторических наук, директор по сервису ООО «Север телеком», Санкт-Петербург, Россия;

Бочкарев Сергей Вадимович — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Бугашев Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия;

Буркова Татьяна Вадимовна — кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Власов Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Гавроева Екатерина Сергеевна — ассистент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Гайда Федор Александрович — доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Галай Кристина Павловна — старший преподаватель кафедры рекламы и современных коммуникаций Санкт-Петербургского государ-

ственного университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия;

Дёмин Вадим Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Краснознаменск**,** Россия;

Дмитриева Наталья Валерьевна — младший научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук; старший преподаватель Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия;

Евдокимов Артем Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета, Нижний Новгород, Россия;

Егоров Андрей Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия;

Жолудов Михаил Валентинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, Рязань, Россия;

Златина Мария Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Калашников Владимир Валерьянович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, Санкт-Петербург, Россия;

Карпенко Константин Викторович — кандидат юридических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России, Москва, Россия;

Каткова Екатерина Петровна — ассистент Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова-Ленина, Санкт-Петербург, Россия;

Кирьянов Игорь Константинович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия;

Козодой Виктор Иванович — доктор исторических наук, временно исполняющий обязанности директора Института истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия;

Корниенко Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия;

Куликов Сергей Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН, член НМС при Центре истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия;

Лавринович Дмитрий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, первый проректор УО «МГУ им. А.А. Кулешова», Могилев, Республика Беларусь;

Лукоянов Игорь Владимирович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, член НМС при Центре истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия;

Малхозова Фатима Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН, заведующая кафедрой истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия;

Малышева Ольга Геральдовна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия;

Мамаев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, Россия; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Маньков Андрей Васильевич — старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Санкт-Петербург, Россия;

Маров Михаил Николаевич — кандидат технических наук, старший научный сотрудник, ведущий руководитель проектов АО «РАМЭК-ВС», Санкт-Петербург, Россия;

Мичурин Алексей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Моторова Надежда Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь;

Науменкова Екатерина Олеговна — кандидат исторических наук, доцент Петербургского государственного университета путей сообщения императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия;

Николаев Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, член НМС при Центре истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия;

Новосельский Сергей Сергеевич — преподаватель кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия;

Омельянчук Игорь Владимирович — доктор исторических наук, профессор Владимирского государственного университета, Владимир, Россия;

Орчакова Лариса Геннадьевна — доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия;

Патрикеева Ольга Алексеевна — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, член НМС при Центре истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия;

Петелин Борис Валентинович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия;

Портнягин Дмитрий Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Портнягина Наталья Александровна — кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Раскин Давид Иосифович — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Ратьковский Илья Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Рябухин Иван Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия;

Седова Яна Анатольевна — кандидат технических наук, доцент кафедры Автоматизированные системы обработки информации и управления Астраханского государственного технического университета, Астрахань, Россия;

Селезнев Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Сенин Александр Сергеевич — доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия;

Сенина Анна Васильевна — студентка I курса магистратуры историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия;

Скокова Татьяна Владимировна — аспирант кафедры литературной критики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия;

Смирнова Екатерина Александровна — аспирантка кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, библиотекарь Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Россия;

Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, профессор кафедры Истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета, Рязань, Россия;

Соловьев Кирилл Андреевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, Россия;

Сорокин Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, ассистент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Степанов Григорий Викторович — независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия;

Стерликова Арина Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия;

Стогов Дмитрий Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Тарасова Екатерина Александровна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Тимохина Дарья Аркадьевна — кандидат исторических наук, специалист по связям с общественностью Некоммерческого партнерства «Издательское, исследовательское и просветительское содружество „Посев»», Москва, Россия;

Узлова Ирина Витальевна — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, Санкт-Петербург, Россия;

Холяев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Ярославского государственного технического университета, Ярославль, Россия;

Циунчук Рустем Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета, Казань; член НМС при Центре истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия;

Чемакин Антон Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Юрковский Роман Янович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Восточной Европы Института истории и международных отношений Варминско-Мазурского университета в Ольштыне, Ольштын, Польша.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи;
АПР — Аграрная партия России;
бар. — барон;
БЗНС — Болгарский земледельческий народный союз;
ВБРИ — внепартийный блок русских избирателей;
в.к. — великий князь; великая княгиня;
ВК — Военная комиссия;
ВКГД — Временный комитет Государственной думы;
ВМРО — Внутренняя Македонская революционная организация;
ВС — Верховный совет;
ВСЮР — Вооруженные силы Юга России;
ВУС — Всероссийское Учредительное собрание;
ГАНО — Государственный архив Новгородской области;
ГАРО — Государственный архив Рязанской области;
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации;
гр. — граф;
ГАУО — Государственный архив Ульяновской области;
ГДР — Германская демократическая республика;
ГЖУ — губернское жандармское управление;
ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР;
ГУЗиЗ — Главное управление землеустройства и земледелия;
ДНР — Донецкая народная республика;
ЕС — Европейский союз;
кн. — князь;
ИАИ РГГУ — Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета;
ИНК — Индийский национальный конгресс;
ИРИ РАН — Институт российской истории Российской академии наук;
КГБ — Комитет государственной безопасности;
ККПРН — Киевский клуб прогрессивных русских националистов;
КПРФ — Коммунистическая партия Российской Федерации;
ЛДПР — Либерально-демократическая партия России;
ЛНР — Луганская народная республика;
МВД — Министерство внутренних дел;
МПА СНГ — Межпарламентская Ассамблея Государств — участников Содружества Независимых Государств;

НАТО — Организация Североатлантического договора (англ. North Atlantic Treaty Organization);

НБУ — Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского;

НГ — Независимая газета;

НМС — Научно-методический совет;

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик;

ООН — Организация Объединенных Наций;

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея;

ОПС — Отечественный патриотический союз;

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки;

ПГНИУ — Пермский государственный национальный исследовательский университет;

пред. — председатель;

ПСЗ-3 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье.

ПСС — Полное собрание сочинений;

ПСР — партия социалистов-революционеров;

РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации;

РГАДА — Российский государственный архив древних актов;

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства;

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории;

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив;

РГИА — Российский государственный исторический архив;

РГПУ — Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена;

РИНЦ — Российский индекс научного цитирования;

РНСМА — Русский народный союз имени Михаила Архангела;

РОА — Русская освободительная армия;

РОВС — Русский общевоинский союз;

РО ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук;

РО РГБ — Рукописный отдел Российской государственной библиотеки;

РСДРП (б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)

РСДРП (о) — Российская социал-демократическая рабочая партия (объединенная)

СПб ИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук;

СПб ИИ СПбГУ — Санкт-Петербургский институт истории Санкт-Петербургского государственного университета;

ССНМ — Союз свободной немецкой молодежи;

СРН — Союз русского народа;

ст. — статья;

ФБиГ — Федерация Боснии и Герцеговины;

ФРГ — Федеративная республика Германия;

ФС РФ — Федеральное Собрание Российской Федерации;

ХДС — Христианско-демократический союз;

ЦВПК — Центральный военно-промышленный комитет;

ЦГАВОУ — Центральный государственный архив высших органов власти Украины;

ЦГА КФФД СПб — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга;

ЦГАООУ — Центральный государственный архив общественных объединений Украины;

ЦК — Центральный комитет;

ЦДИАУ — Центральный державный исторический архив Украины в Киеве (укр.);

HCD — House of Commons Debates (англ.);

HPD — Hansard's Parliamentary Debates (англ.);

KSK — Kommando Spezialkräfte (нем.);

NLF — National Liberal Federation (англ.);

UK NA — United Kingdom National Archives (англ.);

vs — versus (лат.) — против.

Таврические чтения 2018

Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность

Международная научная конференция

Часть вторая

Дизайн обложки и иллюстраций *Метеличенко Г.В.*
Компьютерная верстка *ЦНИТ «Астерион»*
Корректор *Е.С. Русанова*

ЦНИТ «Астерион».
Подписано к печати 04.12.19. Формат $70\times100^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 26,74. Тираж 200 экз. Заказ № 184.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,
тел. /факс (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70
e-mail: asterion@asterion.ru http://www.asterion.ru
https://vk.com/asterion_izdatelstvo